

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Монархия и социализм. Г. Александров

1

Что такое победа и что такое поражение? Каковы критерии как одного, так и другого? Каким образом победа оборачивается поражением, а поражение – победой? Как так выходит, что сплошь да рядом человек, живущий в стране-победительнице считает, что его государство войну проиграло, а человек, живущий в государстве, понёсшем поражение, всерьёз убеждён в том, что он живёт в процветающем государстве победителя?

Возьмём в качестве примера Вторую Мировую. Вот вам Потсдам, как принято считать (когда я слышу это не умирающее «принято считать», у меня даже скулы сводит, как лимона куснул), так вот, как принято считать, в Потсдаме три победителя, большая тройка – США, СССР и Великобритания делили мир. Опять же, как «принято считать», США да, те войну выиграла, а вот, скажем, СССР войну вовсе не выиграл, так как «забрасывал трупами», «голодал» и вообще его победа это победа «пиррова». Спорить я не буду, пиррова, так пиррова. Я хочу о другом поговорить, ведь кроме США и СССР у нас имеется в наличии и третий фигурант, Великобритания, давайте-ка мы повнимательнее посмотрим на этого «победителя».

На дворе у нас – послевоенная, вторая половина сороковых, пыль от бомбёжек оседает, картинка проясняется, посмотрим, что у нас там проступает. Итак, Великобритания сразу после войны:

Разрушены заводы, фабрики, железнодорожные узлы, доки и портовые сооружения. В городах с лица земли стёрты целые районы. Потери жилого фонда составляют более четырёх миллионов домов. Каждый третий дом в Великобритании либо разрушен, либо приведён в состояние, непригодное для проживания. Примерно четверть населения нуждается в крыше над головой. Население голодает в самом прямом смысле. Дошло до того, что власти бесплатно раздают патроны желающим пострелять расплодившихся за годы войны белок. С целью пропитания. А кушать да, кушать англичанам хочется. Всё познаётся в сравнении, а сравнивать нам есть что с чем. В январе 1940-го года в Англии были введены продуктовые карточки, карточки означают rationирование и каким же оно было? В 1943 году на каждую английскую душу по карточкам еженедельно отпускалось следующее:

Мясо примерно 6 унций

яйца (куриное или утиное) – 1

Жир (масло, маргарин или смалец) – 4 унции

Сыр – 4 унции

Бекон – 4 унции

Сахар – 8 унций

Позволю себе напомнить, что вышеперечисленное выдавалось на неделю.

Унция это 28.4 грамма, каждый желающий может прикинуть, что имел на столе англичанин во время войны. Ещё раз – во время войны. Дело только в том, что после войны rationирование было снижено. Меньше унций стал товарить по карточкам англичанин, поэтому и понадобилось отстреливать белок, чтобы потом с аппетитом их есть в сыром или вареном виде.

А вот какой была картина в более благополучные в смысле пропитания военные годы:

В отличие от мяса, жиров и сахара овощи rationированы не были, была даже развёрнута пропагандистская кампания под названием «Victory gardens» призывающая население выращивать вместо цветов картошку или свёклу. Самые ушлые принялись разводить цыплят, однако делали это в тайне, остерегаясь соседей, так как о наличии «альтернативного источника питания» следовало сообщать властям с тем, чтобы власти могли снизить счастливым поглотителям «левой» курятины отпуск причитающего им по карточкам.

Карточки коснулись не только хлеба насущного, rationирование распространилось и на бензин (что понятно), в неделю можно было купить три галлона бензина, это немедленно привело к тому, что население перешло на конную тягу.

Была сформирована так называемая Женская Земельная Армия (The Women's Land Army), куда призывались молодые женщины. Служащие этой армии экипировались в униформу и приписывались к фермам, работники с которых ушли в действующую армию. Фермеры использовали призванных в WLA женщин на сельскохозяйственных работах и использовали точно так же, как командир использует в бою

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
подчинённых ему солдат.

Были введены карточки на одежду. Англичанин мог купить одну смену одежды в год, причём правительственным указом регулировалось количество карманов и пуговиц – мужские пиджаки не могли иметь более двух карманов и трёх пуговиц. С целью экономии ткани были запрещены манжеты на брюках.

Законодательно ограничивалась высота каблуков на женских туфлях, не могущая превышать двух дюймов, то есть пяти сантиметров. По понятным причинам исчезли изделия из шёлка и нейлона. Модницам в те годы приходилось туго. Девушки красили голые ноги смесью акварельных красок и чайной заварки и карандашом для подведения бровей рисовали на икрах швы, таким образом создавалась иллюзия чулок.

Учителя в школах, помимо своих прямых обязанностей занимались ещё и следующим – они организовывали производство школьниками вязаных изделий для армии. Власти завозили в каждую школу тюки шерсти и вязальные спицы и часть учебного процесса отводилась под то, что школьники (как девочки, так и мальчики) вязали перчатки, носки, шарфы и «балаклавы» для военнослужащих.

Вся страна, до самых до окраин, собирала металлолом. Окружавшие парки и правительственные здания металлические ограды были сняты, то же самое произошло и с оградами вокруг частных домов. В ход пошли даже некоторые памятники, так в переплавку попали привезённые в качестве трофеев Крымской войны русские пушки.

По карточкам отпускался и такой предмет роскоши, как мыло.

Напомню, что всё вышесказанное касается военных лет. После войны стало хуже. Скажем, кроме снижения по сравнению с военными годами норм отпуска, были дополнительно введены карточки на хлеб.

Великобритания на протяжении последних лет трёхсот могла жить благодаря только и только экспорту. Суть выражена в знаменитой английской сентенции «Export or Die». Именно так, в самом, что ни на есть, буквальном смысле – «экспортируй или умри». Дело, однако, было в том, что по окончании Второй Мировой Войны Англия не могла ничего экспортировать. В силу нескольких причин сразу. В первую очередь потому, что экспортировать было не на чем. За годы войны Великобритания потеряла более половины флота. Когда вы читаете о потерях той или иной страной некоего «тоннажа», то для вас речь идёт о некоей абстракции, это тот случай, когда лучше один раз увидеть, что сто раз услышать. Вот вам наглядная картинка горьких утрат, это суда, потерянные Англией всего лишь за первый (и не самый в этом смысле страшный) год войны, всего лишь за один (!) год:

А как вывозить, так и ввозить ох, как нужно было. Великобритания ввозила более половины потребляемого продовольствия и почти всё сырьё за исключением угля.

2

После ознакомления с комментариями вроде этого: «Советская карточная система – ЕДИНСТВЕННЫЙ способ получить продовольствие (остальное – втридорога и нелегально). Английская карточная система – способ обеспечения гарантированного минимального уровня потребления», попробую-ка я немножко углубить затронутую в предыдущем посте тему карточек в воюющей стране, и сделаю я это с тем большим удовольствием, что картина от этого станет более красочной, более, так сказать, «выпуклой». По недоступной мне причине многие отделяют некие ужасные карточки, существовавшие в военные годы в СССР, от чрезвычайно гуманных продуктовых карточек в Англии в те же годы.

Итак, повседневная жизнь британцев во время войны:

Для начала нам нужна точка отсчёта, то есть мы должны хотя бы приблизительно представлять себе масштаб тогдашних цен и величину заработной платы в Англии.

Зарплаты были следующими – квалифицированный рабочий получал до 7 фунтов в неделю. Это было очень неплохо, дело только в том, что население тогдашней

Англии состояло отнюдь не из одних лишь квалифицированных рабочих. В годы войны проблема усугубилась тем, что работать пришлось практически всем и в народном хозяйстве оказались миллионы и миллионы людей, подпадавших под категорию «неквалифицированной рабочей силы». Эти миллионы получали гораздо меньше, неквалифицированный работник получал до 3 фунтов в неделю, а неквалифицированная работница целый 1 фунт и 18 шиллингов, как видим, женщины в тогдашней Англии явным образом дискриминировались, ну да война это штука такая, она обнажает многие неприглядные вещи.

Миллионы англичан были призваны в армию, им, как и военнослужащим любого государства, полагалось денежное довольствие. Выражалось оно в следующих цифрах – солдат получал 2 шиллинга в день. Не густо. Однако среди их собратьев по оружию находились и завистники чужому счастью, дело в том, что если у солдата «на воле» оставалась работающая жена, то он получал вдвое меньше холостого, то есть 1 шиллинг в день.

Что можно было купить на эти деньги? Что такое фунт и что такое шиллинг? Англия страна с древними традициями, о десятичной системе в обсуждаемые нами годы там и слыхом не слыхивали, по этой причине фунт состоял не из 10, а из 20 шиллингов.

Что такое 3 фунта в неделю? Много это или мало? Возьмём такой интернациональный критерий, как цена бутылки спиртного. Как только началась война, спиртное по понятным причинам практически исчезло, но в самый канун войны, в 1939 году бутылка виски стоила 13 шиллингов 8 пенсов. Неквалифицированная работница, которой вздумалось бы залить горе водкой, могла на свой недельный заработок купить аж две бутылки виски и ей ещё осталось бы на буханку хлеба и немного маргарина или смальца, хватило бы ей этих денег ещё на что-то я не знаю. Не уверен.

Квартплата в Англии в сороковые годы была в районе 2 фунтов в месяц. Уголь для отопления и газ для готовки пищи обходились примерно в полфунта в месяц. Ну и так далее. Автобусный билет от Глазго до Лондона (расстояние примерно то же, что от Москвы до Ленинграда) стоил 2 фунта 10 шиллингов. Когда началась война, мужской костюм на чёрном рынке можно было купить всё за те же сакраментальные 2 фунта стерлингов.

В январе 40-го года были введены продуктовые карточки. Назывались они «ration books» и представляли из себя книжечки с купонами. В дальнейшем я буду их называть просто «карточками». Карточки выдавались на каждого члена семьи отдельно. Каждая семья прикреплялась к ОДНОМУ конкретному (слово «конкретный» в данном случае наполняется очень и очень русским смыслом) продуктовому магазину и карточки можно было товарить только и только в нём. Вырванные из книжечки купоны не принимались, они должны были быть выстрижены из книжечки владельцем магазина в момент покупки. Рынок всегда остаётся рынком и за продукты, получаемые по карточкам, естественно, приходилось платить. То есть англичанин, раз в неделю получая свои 112 грамм маргарина, протягивал продавцу купоны и прилагал к ним деньги. Без купонов купить что-либо было нельзя. Как пишут сегодня сами англичане – «It was a disaster to lose your ration book» («потерять свои карточки было катастрофой»).

Насколько серьёзно обстояло дело показывает следующий случай – в 1939 году был осуждён глава военной полиции Великобритании генерал сэра Перси Лаури, изобличённый в том, что он ухитрился получить для себя вторую продуктовую карточку. Обладавший хорошим аппетитом генерал пошёл под трибунал.

Для желающих разнообразить свой рацион в городах была оставлена сеть ресторанов. Однако выставляемое на стол блюдо (meal), то есть то, что вам приносили на тарелке, не должно было стоить более 5 шиллингов, кроме того нельзя было комбинировать рыбу с мясом. С ресторанами власти мирились по двум причинам – в них могли «оттянуться» пошедшие в увольнение военнослужащие, а кроме того при каждом ресторане был оборудован зал, в котором собирали и кормили тех, кто в результате бомбёжек потерял дом и имущество, перед тем, как отправить их к родственникам или в общежития, а таких несчастных было много.

Кроме того, чтобы кушать, человеку нужно ещё и одеваться. Такие же книжечки с купонами появились и для одежды. Только в отношении одежды была введена система «пойнтов», каждый предмет одежды получал определённое число пойнтов, например женское платье – 5 пойнтов, мужские брюки – 6, мужская

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
рубашка – 4, плащ с подстёжкой – 10, носки – 1. Сумма пойнтов в начале войны была 48 на год, было подсчитано, что суммирование одной смены одежды должно дать именно это число. В 1943 году цифра 48 была снижена до 36, таким образом с возможностью одеться стало значительно хуже. Женщины шили себе лифчики из носовых платков, а высшим шиком было женское нижнее бельё и мужские рубашки, пошитые из ворованного парашютного шёлка.

После того, как были введены карточки, начался разгул рынка. Чёрного.

Карточная система немедленно породила то, чего Англия до того не знала – чёрный рынок. Наше застойное «из под прилавка» было всего лишь калькой появившегося в 40-м году в Англии выражения «under the counter». Введённые в начале войны меры (100 фунтов штрафа и до трёх месяцев тюрьмы) оказались явно недостаточными. Масштаб воровства тоже впечатляет – в Ромфорде, где на месте довоенного открытого рынка стихийно возникла гигантская толкучка, из офиса местного отделения Министерства продовольствия было украдено 100 тысяч продуктовых карточек на сумму в 500 тысяч фунтов стерлингов, 80 тысяч карточек было украдено в брайтонском отделении того же министерства. Внедрённые туда под легендированным прикрытием полицейские вскрыли целую банду «вредителей», возглавлявшуюся женщиной-офицером, которая за пару месяцев до того и заявила о краже продуктовых карточек. Будь дело в СССР, да ещё в войну, товарищ Сталин её, конечно же, расстрелял бы, ну да на то он и был кровавым диктатором, а всегда отличавшиеся гуманизмом англичане учли чистосердечное раскаяние многодетной мамы и посадили её всего лишь на три года.

Между прочим, либеральная печать в Англии была возмущена использованием полицией провокаций при совершении «контрольных закупок», но государство на это шипение не обращало ни малейшего внимания. Всего лишь за один месяц, март 1941 года, к суду было привлечено 2140 «работников прилавка», а уже в следующем месяце – 2300.

Когда стало ясно, что «чёрный рынок» превращается в проблему в национальном масштабе и начинает подрывать мораль сражающегося государства, меры были ужесточены. Начиная с 1942 года штраф за спекуляцию вырос до 500 фунтов, а срок заключения до трёх лет. Кроме этого изымался «товар», что вкуче со штрафом фактически превратилось в «конфискацию имущества».

3

Теперь, когда нам стал немножко более понятен тогдашний английский внутривнутриполитический контекст, посмотрим на ситуацию извне, попробуем понять, в каком положении оказалось к концу войны государственное образование, по привычке продолжавшееся называться как миром, так и самими англичанами, Британской Империей.

Без импорта продовольствия и сырья государство ожидал коллапс. Даже и в мирное время Британия ввозила более половины продовольствия, потребляемого тогдашними 48 миллионами жителей метрополии, а уж сырьё ввозилось практически всё. С начала индустриального века и вплоть до начала Второй Мировой Войны Англия жила импортом, а импорт оплачивался из трёх источников и трёх же составных частей. Первое – доходы английских компаний, расположенных за пределами Британии, второе – доход, получаемый за счёт морских перевозок (мировой торговый флот в определённом смысле являлся британским торговым флотом) и третье – за счёт экспорта промышленной продукции. К 1945 году Британия осталась у разбитого корыта.

Практически все принадлежавшие англичанам компании были проданы (главным образом американцам и в основном по бросовым ценам), вырученная сумма составила примерно 5 миллиардов долларов, кроме этого англичане были вынуждены влезть в долги «на местах», к 45-му году английское государство впервые в своей истории превратилось в должника. За счёт всего вышеперечисленного были оплачены (не полностью) поставки по ленд-лизу.

От английского торгового флота остались рожки да ножки. За годы войны немцы потопили более половины английских судов и образовавшаяся ниша была немедленно занята всё теми же шустрыми американцами. До войны доход от зарубежных компаний и морских перевозок назывался «invisible income», то есть «невидимым доходом», и теперь этот «невидимый» доход стал ещё и «несуществующим», его просто корова языком слизнула.

Но кроме «невидимого» у Англии был и доход не только видимый, но и в высшей степени осязаемый – доход от экспорта. И вот тут вышло совсем нехорошо – после войны экспортировать стало нечего. В этом была главная проблема, английский экспорт умер. Причины уходили своими корнями в 30-е. Довоенное десятилетие даже и сегодня известно в Англии как *devil's decade*, «десятилетие дьявола», и для полного английского счастья закончились эти десять лет войной, войной, которую Англия проиграла. И проиграла именно в эти десять, предшествующие войне, лет. Причины, почему вышло именно так, требуют отдельного рассмотрения, суть, однако, в том, что для того, чтобы обеспечить только необходимые для элементарного выживания нации поставки продовольствия и сырья, Англии было необходимо увеличить экспорт с уровня, на котором он оказался в 1945 году, в три с половиной раза (!). Причём увеличить немедленно. Британская же индустрия оказалась совершенно неадекватна вызову времени и обстоятельств.

Всё оборудование во ВСЕХ отраслях народного хозяйства Англии (немаловажно, что и в таких, как транспорт) было безнадежно устаревшим, время до войны было упущено, а уж во время войны было и вовсе не до модернизации. И я уж не говорю о множестве заводов и фабрик, в лучшем случае пострадавших, а в худшем попросту уничтоженных в результате немецких бомбёжек.

Для модернизации нужно было время, которого не было, ну да время это дело такое – его обычно никому не хватает, но, кроме времени, было нужно ещё и то, чего обычно кому не хватает, а кому хватает очень даже, я говорю о средствах, о «тугриках», о пошлых денежных знаках. Англии нужны были деньги. Деньги же в 1945 году могла дать только Америка.

Деньги мог дать только победитель. Но в мире, где есть победитель, всегда есть и побеждённый. Только сейчас, спустя более полувека со времени описываемых нами событий, стали очень осторожно, вполголоса говорить о сути произошедшего во время Второй мировой войны, стали приоткрывать занавес, стали намекать на то, между кем и кем велась тогда война. Выражаются, например, так: «The British had to make a choice: either to lose the military war to Germany as France did, or to lose the financial war to the US. Churchill chose losing to the US, based on the time-honored strategic theory of keeping distant allies to oppose nearby enemies.» («Британцы должны были сделать выбор – проиграть войну Германии, точно так же, как проиграла ей Франция, или проиграть финансовую войну Америке. Черчилль сделал выбор – он решил проиграть Америке, основываясь на испытанной стратегии – опираться на дальнего союзника, чтобы противостоять ближнему врагу.»)

Русский язык велик, в мире нет, наверное, языка более богатого на оттенки, но в нём есть один кажущийся маленьким изъян, одно крошечное упущение, но упущение это является тем самым гвоздём, которого не оказалось в кузнице в самый нужный момент, это тот гвоздь, из-за которого проигрываются сражения. Дело в том, что в русском языке война называется войною, под войной понимается война. Боевые действия и всё, что с этим связано. Больше ничего. Извилистый, осторожный, много-многозначительный русский язык в данном случае даёт сбой, он слишком однозначен и однозначен именно там, где однозначность подобна смерти.

Не то в английском, и может быть так, что именно благодаря этому англо-говорящие так успешны в стратегии, у них войны конкретны, все войны имеют приставочку – *financial war*, *trade war*, *cod war*, *cold war*, *mind war*, *guerilla war* и т. п. и т. д., имя этим войнам – легион, до этого уровня всё как в русском языке, всё как у нас. Однако дальше не так, все эти войны – лишь грани кристалла, детали, составные части главного, и лишь вот это главное называется одним словом – *the war*. Войной. И вот только в эту Войну в качестве одной из деталей, наряду с какой-нибудь «тресковой войной» входит и то, что называют войной русские – *military war*. По русски выходит глупо – «военная война», а между тем в высшей степени мудро разделять войну, понимаемую метафизически, как некое не выговариваемое состояние жизни народов, и один из ликов войны, одну из форм, отделять часть от целого, явление от среды. В таком случае становится возможным выстроить иерархию, всю, без упущений, создать систему приоритетов, вычленив, что главнее, решить, какую из войн мы можем себе позволить проиграть, и какую войну мы проиграть не можем ни при каких обстоятельствах.

Судя по тому, что Россия выжила в столетиях и выиграла множество войн, если и не с проговариванием, то с пониманием сути Войны у людей, возглавлявших

Россию, всё было хорошо, но вот на низовом уровне, в «толще народной», в общественном сознании с этим «проницанием в суть» очень плохо, тот же английский и тот же американский народы в этом смысле «видят» гораздо глубже и тем помогают своей «элите», той не приходится тратить усилий на объяснения очевидного. Между прочим, отчасти именно этим объясняется успешность западной пропаганды в России. И не отчасти, а целиком в этой области лежат причины проигрыша Холодной Войны, которую русские попросту не воспринимали как войну.

Так вот, в приведённой мною выше цитате, автор, сказав «а», не говорит «б», он лукавит, недоговаривает – Англия проиграла вовсе не только financial war, по результатам Второй Мировой Англия проиграла всё, она проиграла the war. Англия опиралась не на дальнего союзника, чтобы противостоять ближнему врагу, она предпочла проиграть дальнему врагу с тем, чтобы не проигрывать врагу ближнему.

Когда мы с недоумением вопрошаем друг-друга каким таким образом среди победителей во Второй Мировой оказалась Франция, то тем самым мы демонстрируем успешность уловки, Франция прикрывает собою главного потерпевшего, за нею прячется побеждённый. По зрелому размышлению мы должны задаться куда более интересным вопросом – каким таким образом в Потсдаме в числе победителей оказалась Великобритания? Что она там делала?

4

Три года после окончания войны во многих отношениях были для Англии как государства и для англичан как людей, его населяющих, тяжелее, чем военные годы. Наши поступки диктуются нашими возможностями, однако после 45-го года Британская Империя обнаружила, что её претензии на место в мире входят в противоречие с реальностью.

То, что обнаружили англичане, касалось только их, но в только что закончившейся войне были ещё и победители. Победители это те, кто строит реальность, в которой нам приходится жить, и с их точки зрения положение выглядело следующим образом – в разных частях земного шара 457 миллионов человек всё ещё продолжали жить под формальным британским управлением. Это безобразие следовало как-то исправить.

Одним из победителей во Второй Мировой Войне оказалась Россия, она не только получила прямой контроль над Восточной Европой, но и попыталась заполнить собою образовавшийся политический вакуум в Греции и Турции. Кроме того был фактически оккупирован северный Иран. Как заявил в докладе кабинету Секретарь по иностранным делам Эрнст Бевин, Москва рассматривает падение Британской Империи как предоставившуюся возможность заменить Англию в тех частях Империи, откуда Англия будет вынуждена уйти. В первую очередь Лондон оказался перед необходимостью сдерживать экспансию России в Европе, а сделать это он мог опираясь не на себя (силы оставались только на более или менее упорядоченный уход из Империи, на скукоживание её), а на другой центр силы, на второго победителя во Второй Мировой Войне – на США. Однако англичане были поставлены перед очень неприятным фактом – американцы не проявили ни малейшего желания им помочь. Англия же не могла предложить США никаких коврижек, американцы сами брали то, что хотели и точно так же что хотели, то и отдавали.

В складывавшемся новом мировом порядке благожелательное сотрудничество со стороны Америки было для Англии жизненно важным, но первые же месяцы после завершения войны в Европе оказались для англичан холодным душем. Америка даже не пыталась скрывать, что её приоритеты и цели в послевоенном мире не имеют ничего общего с английскими. Ещё на Ялтинской конференции Рузвельт заявил, что конгресс вряд ли поддержит более чем двухлетнее пребывание американских войск в Европе, кроме того американцы возлагали большие надежды на ООН, очевидно полагая, что они смогут манипулировать этим новым международным органом в своих интересах и, деля с СССР будущее влияние в ООН, они даже легко согласились дать ему три места, категорическими противниками чего были англичане.

Сменивший Рузвельта на посту президента Трумэн на первых порах придерживался той же политики. В июне 45-го года он отклонил предложение Черчилля, заключавшееся в том, чтобы англо-американские войска, оказавшиеся в советской зоне оккупации (в некоторых местах они вклинились в территорию будущей ГДР на сто миль), оставались там в качестве средства нажима на

Сталина с тем, чтобы добиться от него тех или иных уступок в Восточной Европе. Расчёт англичан на возможную (и с их точки зрения в высшей степени желательную) американско-советскую конфронтацию был уж слишком бесхитростен. Трумэн очень хорошо понимал опасность непосредственного соприкосновения двух отобюрокразированных армий и того, к каким последствиям это может привести. Никаких военных осложнений американцы не хотели. Хотели они совсем другого, США стремились развязать себе руки в Европе. Они полагали свои цели на европейском театре достигнутыми и хотели уйти оттуда как можно быстрее.

С американской точки зрения Европа была побеждена, расчленена, фактически поделена на две зоны оккупации, всемерно ослаблена и положение в западной зоне оккупации зависело исключительно от них, делать в Европе американцам было больше нечего, они стремились на другую сторону глобуса, их манил Тихий океан. Они были похожи на Смока Белью, героя романов Джека Лондона, скорее, скорее туда, гнать упряжку изо всех сил на Восток, там лежали золотые россыпи, там находились большие куски ушедшего в небытие *Rax Britannica*, там находились валуны, без которых невозможно было заложить фундамент мира нового, мира по-американски, *Rax Americana*.

Ещё до окончания войны, уже видя, к чему она приведёт, американцы рассматривали Тихий океан как своё внутреннее море, а бывшую английскую «сферу влияния» в этой части мира они уже рассматривали как свою и в сферу эту входили послевоенные Китай, Япония и Корея. «Было ваше – стало наше.» Ну, а кроме сфер были ещё и лакомые в своей конкретности кусочки, непосредственно входившие до того в Империю. За годы войны самым болезненным поражением для англичан стала сдача Сингапура, теряя Сингапур, они теряли возможность контролировать Австралию и Новую Зеландию и эти «белые» (их тогда так и называли) части Британской Империи тут же (и винить их в этом трудно) ещё при живом хозяине кинулись искать себе нового покровителя, достаточно сильного для того, чтобы защитить их от «жёлтой угрозы». Ну и американцы с готовностью откликнулись, теперь же, по окончании войны, следовало за столбить за собою кроме «жёлтых» россыпей ещё и «белые».

Из вышесказанного следует, что если англичане были заинтересованы придержать американцев в Европе, то тем никакого резона оставаться там не было. При этом, спеша побыстрее уладить европейские дела, американцы полагали, что чем большие «уступки» они сделают Сталину в Восточной Европе, тем с большим количеством проблем он столкнётся и тем меньше сил и возможностей у него останется для того, чтобы противодействовать американской экспансии в районе Тихого океана. Те или иные «территориальные уступки» в Восточной Европе не рассматривались американцами как нечто угрожающее их национальной безопасности. Англичане же смотрели на это с диаметрально противоположных позиций. Такова была суть событий.

Вот краткий перечень того, что делали американцы – Трумэн, даже не проконсультировавшись с Лондоном, информировал Москву, что США не имеют никаких территориальных амбиций в Восточной Европе, в Прибалтике и на Балканах, и, как будто этого было недостаточно, дал знать Москве, что у него нет и никаких скрытых мотивов к действиям на указанном политическом пространстве. Чуть погодя американцы дали Сталину зелёный свет на действия в Польше в обмен на такую с точки зрения Сталина мелочь как система голосования в Совете Безопасности будущей ООН. Трумэн из донесений разведки (хотя об этом можно было бы догадаться и без этого) знал, что Кремль боится единой англо-американской позиции в «русском вопросе» и всемерно старался развеять эти опасения Сталина. В качестве доказательств своей доброжелательности Вашингтон распустил SNAEF – объединённое командование экспедиционными силами союзников, во главе которого стоял Эйзенхауэр и заменил его USFET (*US Forces, European Theater*), а Трумэн демонстративно отклонил приглашение Черчилля совершить официальный визит в Англию на пути на Потсдамскую конференцию. На дипломатическом языке это было чем-то вроде презрительного плевка, но пару лет после окончания войны американцы с англичанами считались очень мало. Америка традиционно понимает только один язык, а именно – язык силы, а Англия была слаба. Кроме этого, американцы не скрывали своего покровительственного отношения к англичанам и всячески пытались не допустить прямого диалога между ними и русскими, ставя себя в положение посредника. А сил, чтобы поставить себя в любое им удобное положение у американцев хватало.

Англичане мужественно претерпевали всё. В их положении это было очень

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
нелегко и то, как они себя вели, оказавшись низведёнными с позиций вчерашних владык мира, не может не вызывать уважения. Но тут американцы нанесли последний удар, они так двинули Лондон под ложечку, что тот потерял дыхание, побагровел, выпучил глаза и «поплыл». 21-го августа 1945 года Трумэн, без предварительных консультаций и даже заранее не уведомив о том Англию, заявил, что США разрывают англо-американское соглашение о ленд-лизе. Договор утрачивает свою силу немедленно и поставки по ленд-лизу прекращаются. Для англичан, прекрасно сознававших своё положение и рассчитывавших на ещё минимум двух-трёхгодичные ленд-лизовские поставки, американское заявление прозвучало как труба Страшного суда. Для них это было уже не бедствием, но катастрофой. Англии для того, чтобы не умереть, нужны были деньги, много денег, а тут у неё отнимали и то малое, чем она если и не владела, но на что твёрдо в своих планах рассчитывала.

Вашингтон же причину своей позиции не только не скрывал, но даже и не находил нужным это делать. Америка не хотела, чтобы Англия встала на ноги. Как сообщал после встреч и разговоров в американских кулуарах власти Правительству Его Величества британский посол в Вашингтоне лорд Галифакс – «американцы заявили, что они не собираются финансировать построение в Англии социализма».

Почему социализма? Это станет понятным из дальнейшего.

5

Как считают поборники либерализма, свободный рынок и «частная инициатива» являются универсальной панацеей от всех государственных хворей. При этом они привычно ссылаются на «опыт цивилизованных стран» и не в последнюю очередь на опыт Великобритании. Давайте посмотрим, как выходила из положения (назовём вещи своими именами – катастрофического положения) Великобритания, которую принято считать оплотом либерализма.

В 1945 году в Англии прошли первые послевоенные выборы. На них победили лейбористы. Победили – сказано слабо, победа социалистов современниками описывалась как landslide, то есть оползень, обвал. Под этим желанием нации, хотевшей перемен, было попросту погребено правительство консерваторов. Помню, как я, будучи гораздо моложе и гораздо неискушённое, недоумевал, размышляя о причинах поражения консерваторов. Ведь это же 45-й! Ведь они только что победили! Ведь не только тогдашней, но и современной пропагандой Черчилль преподносился и преподносится как величайший триумфатор, и вдруг такая незадача!

Недоумение это легко рассеивается, тридцатые были годами для англичан несладкими, а шесть военных лет и попросту горькими, повыше я приподнял только краешек занавеса и мы смогли одним глазком увидеть как жилось британцам во время войны, и следует признать, что жилось им плохо, но жажда перемен появилась у англичан не только по причине тягот и лишений военных лет. Это только одна из причин, была ещё и другая и к ней мы вернёмся попозже. Сейчас попробуем представить себе ландшафт, в котором предстояло действовать получившим исполнительную власть в стране социалистам.

Англию во Второй Мировой можно уподобить попавшему в бурю фрегату, ураганным ветром сломало грот-мачту, в ключья порвало паруса, смыло за борт часть команды, ниже ватерлинии – пробоина, беспомощный корабль течением несёт на рифы, уцелевшие иступленно рубят спутанный такелаж, сбрасывают за борт пушки, груз, всё, что под руки попадёт, словом – атас! ПОЛУНДРА! и вот капитан посылает в трюм самых опытных и физически сильных матросов, ставит их к помпе, от них теперь зависит всё. И они полуголые, с блестящими от пота телами, выхаркивая из сжигаемых лёгких воздух из последних сил откачивают воду, они борются не за свою жизнь, а за жизнь команды, за жизнь корабля. И они не подвели, капитану удалось проскользнуть между рифами и посадить фрегат на мель. Нет мачты, утоплен груз, осталась только половина пушек, уцелевшие члены команды, валясь от усталости с ног, делят подмоченные морской водой сухари и выбивают дно у последнего бочонка с ромом. Их корабль, вчера ещё гордый, теперь, как туша гигантского животного, беспомощно лежит в отлив на отмели боком, показывает страшную дыру в брюхе, но всё это чепуха, главное – они живы. Они поставят мачту, они заделают пробоину, они снимут с мели фрегат и опять выйдут в океан. Ещё не вечер.

Вот люди, спасавшие Англию, люди, стоявшие в годы войны у помпы:

Война высвечивает очень многое в жизни государств, то, что обычно государством прячется, маскируется, затушёвывается. На этой фотографии Военный Кабинет Великобритании во время войны и в глаза бросается следующее обстоятельство – с началом войны куда-то делось разделение политиков на партии. Политические различия появились вновь только с окончанием войны. Но интерес не только в этом, власть, настоящая Власть, та, что делится кусочком самой себя с «властью» законодательной и с «властью» исполнительной, создаёт тем самым между собой и народом цепочку посредников, и чем ближе стоит этот посредник к народу, тем меньшей властью он обладает, и это касается и правительства тоже, далеко не всегда тот, кто является «самым главным» согласно какой-нибудь «конституции», является главным на деле. Зачастую он просто прикрывает собою того, кто главнее его. Того, кто «властнее».

На фотографии Военного Кабинета главный не Черчилль, он просто назывался главным, «премьер-министром», главным был человек, сидящий рядом с ним, главным был социалист Эттли. Как только началась война, все властные (уточню, что видимые нам) функции государства были сосредоточены в трёх органах управления воюющей страной. Назывались они так – War Cabinet, Defence Committee и Lord President's Committee. Первые два занимались вопросами «фронта», а в компетенцию третьего входило то, что русские понимают под «тылом». Поскольку мы знаем, что войны вообще-то выигрывает или проигрывает именно «тыл», то Lord President's Committee должен был бы упоминаться первым, но он традиционно (и по понятным причинам) уходит в тень двух других. Так вот в военных органах заместителем Черчилля, ведущим заседания кабинета в его отсутствие (а отсутствовал Черчилль часто), был Эттли, и он же был главой «тыла», возглавляя Lord President's Committee. Кроме этого Эттли занимал пост заместителя премьер-министра, то есть был заместителем Черчилля в решении политических вопросов в самом широком смысле, он же представлял Правительство в переговорах с парламентом, ну, и как будто этого было мало он ещё был и Государственным секретарём по делам доминионов.

Хиллари Клинтон, ведущая предвыборную кампанию, во время дебатов с другим претендентом на президентский пост очень к месту вспомнила старую сентенцию насчёт doer and talker, призвав «электорат» не путать одного с другим, то есть разделить болтовню и дело. Так вот в правительстве Англии во время войны обязанности были чётко разделены и разделены они были не только в том смысле, что министр иностранных дел занимался своим делом, а министр внутренних дел своим, но обязанности эти были разделены ещё и между умевшим очень красиво говорить (он был великим оратором!) Черчиллем и умевшим очень хорошо работать Эттли. Черчилль своим языком позволял Эттли сосредоточиться на делах, на «помпе», Черчилль был talker'ом, doer'ом же был Эттли.

И именно он, показав себя во всей красе, убедительнейшим образом продемонстрировав на деле свои качества управленца в кризисных условиях, и был призван в 1945 году заделывать пробоину и снимать государственный корабль Великобритании с мели. Эттли снял маску «заместителя» и вышел на первый план. «Прошу любить и жаловать». Будет уместно заметить, что Англия любит его и жалуется даже и сегодня, спустя почти шестьдесят лет.

6

Итак, в результате проведённых в Англии после десятилетнего перерыва выборов у руля оказалась партия лейбористов. Социалистическая партия. По-нашему, по-русски, партия «трудовиков». О настроениях в тогдашнем английском обществе говорит и такой штришок – по результатам выборов в английский парламент попали и два коммуниста, но это так, к слову.

Положение, в котором находилась страна, требовало чрезвычайных мер. Настоящий кризис начался только теперь, с окончанием войны. Нужны были срочные реформы, но денег для их проведения у государства не было. А чтобы эти деньги появились, требовались срочные реформы. Необходимо было во что бы то ни стало увеличивать экспорт, а с экспортом было не просто плохо, английский экспорт лежал в гробу и добрый дядюшка, которого звали вовсе не Джо, сдвинув на затылок цилиндр и сжимая в одной руке молоток, а в другой гвозди, уже готовился приколачивать крышку.

К концу 1946 года импорт (состоявший из самого-самого необходимого, англичанам в те годы пришлось забыть о баловстве) стоил на 1 миллиард 800 миллионов долларов больше, чем произведённый в Англии для оплаты этого «не до жиру» экспорт. К тому, чего Англии удалось избежать в военные годы, пришлось прибегнуть после войны – в 1946 году были введены карточки на хлеб. Кроме этого было снижено rationирование по уже существовавшим продовольственным карточкам, которые с окончанием войны никуда не делись. Положение было ещё усугублено небывало холодной зимой 1946–1947, что, кроме неурожая (от которого пострадала не только вся тогдашняя Европа, но и Россия) имело своим следствием начавшиеся перебои в снабжении населения углем. В стране началась общенациональная кампания по экономии электроэнергии, кампания велась всерьёз, так, например, были остановлены лифты в Treasury, то-есть министерстве финансов. Люди регистрировали новорожденных детей как вегетарианцев, так как по карточкам для вегетарианцев вместо мяса полагались лишние яйца.

Пытливым и любознательным не мешает знать, что, находясь в положении, которое трудно назвать иначе, чем отчаянным, англичане, сами сидя на карточках, вывозили драгоценное (во всех смыслах) продовольствие в Германию, кормя немцев, оказавшихся после войны в английской зоне оккупации. И это в высшей степени понятно, если вы строите забор, то совершенно естественно желание сделать этот забор покрепче, а не похлипче. Задыхаясь под грузом обрушившихся на страну проблем, англичане пытались просить американцев о завозе продовольствия в английскую оккупационную зону, но американцы тянули резину, стараясь не помочь англичанам разрешить их проблемы, а напротив – усугубить их.

Все эти несчастья не были для англичан неожиданностью. В 1945 году, когда во главе исполнительной власти был поставлен Эттли, картина уже была яснее ясного, уже были видны все рифы, которые требовалось обойти. Англии необходима была отсрочка, Англия была готова на всё, чтобы купить себе передышку. Но давать ей передышку никто не собирался, Англия должна была быть ослаблена до того уровня, который не позволил бы ей стопорить начавшийся развал Британской Империи.

Загнанной в угол Англии нужны были деньги, нужны так, как нужен воздух, нужны «позарез». На этом фоне в декабре 1945 года начались переговоры Лондона с Вашингтоном о предоставлении заёма и Англия вожденный заём получила. Была ли она этому рада? Судите сами. В наши дни, когда все учат препарированную до неузнаваемости историю, тогдашние события преподносятся не в искажённом даже виде, а в виде неузнаваемого, доходит до того, что заём называют «льготным». По-моему, это всё равно, что называть «льготным» прикованное к ноге каторжника ядро, притом, что его за удовольствие это ядро таскать, ещё и заставляют давать повышенную выработку в каменоломнях.

Какое значение придавала Англия переговорам видно хотя бы из того, что Эттли отправил в Вашингтон делегацию, возглавлявшуюся знаменитым экономистом Кейнсом (да-да, тем самым Кейнсом). Целью англичан был заём в 5 миллиардов долларов. Беспроцентный. В результате долгих и упорных переговоров англичане получили 3.75 миллиарда долларов под два процента годовых, деньги эти должны были быть выплачены в рассрочку в течение пятидесяти лет. Каждый может посчитать, какую сумму должна была выплатить Англия к 1995 году. Но это было не самое неприятное, гораздо хуже было то, что за право уцепиться за соломинку тонувшая Англия была вынуждена пойти на упразднение таможенных тарифов в некоторых частях всё ещё формально сохранявшейся Империи, на фактический роспуск так называемой «стерлинговой зоны» и на взаимную конвертацию фунта и доллара. Когда подошёл момент и в 1947 году конвертация вступила в силу, Лондон выдержал только шесть недель. Каждую неделю Англия теряла до 180 миллионов долларов. Через полтора месяца Англия прикрыла лавочку, хотя это было прямым нарушением договорённостей. Но и это было не самым страшным. Вот что писал двадцать лет назад английский историк Бриггс о заёме, который сегодня из пропагандистских соображений называется «льготным»: «Условия заёма, включавшие в себя конвертацию фунта начиная с июля 1947 года, изначально были невыполнимыми. Однако невыполнимое стало попросту абсурдным, когда через год после заключения договора внутриамериканские цены поднялись на 40 %.» То-есть к тому моменту, когда договор вступил в силу, размер заёма фактически снизился почти вдвое, кроме того Англия потеряла примерно миллиард долларов на конвертации, а отдавать-то ей следовало 3.75 миллиарда золотом, да ещё и с процентами.

Внешне это выглядит так, что простодушные ковбои запросто объедали хитрых англичан, но это, конечно же, не так. Англичане всё прекрасно понимали, но обстоятельства были против них, они пошли на всё, чтобы получить деньги. Деньги были нужны Англии НА ЛЮБЫХ УСЛОВИЯХ. Для того, чтобы выжить, Англии необходимо было претворить в жизнь План. Для того, чтобы запустить План в жизнь, нужны были деньги, нужен был капитал. Теперь, когда деньги появились, План был извлечён на свет.

План этот, хотя его творцом сегодня считается Эттли, был разработан в самом начале войны и война лишь убедила правящую верхушку Англии в верности и своевременности Плана. С тем, чтобы массовое сознание успело свыкнуться и поиграться с мыслями, изложенными в Плате, была устроена «утечка». Некоторые пункты плана были в общих чертах изложены в появившейся в январе 1941 года статье, опубликованной в газете Picture Post издателем Томом Хопкинсоном. Статья называлась «План для Британии». В декабре 1943 года «План для Британии» был немного раскрашен, к нему добавили деталей и он обрёл вид документа. Документ этот стал известен как The Beveridge Report.

В 1945 году Англия дала Плану ход. «Отчёт Бевериджа» был планом по построению в Англии социализма.

7

План это план. Само слово подразумевает некую последовательность действий, должествующую привести нас к поставленной цели. Вот что сразу же сделало правительство Эттли – оно создало Центральную Плановую Комиссию (Central Planning Commission), призванную определить, что подлежит национализации, а также установить очерёдность.

Были оставлены на местах все появившиеся во время войны организации, занимавшиеся контролем и ограничениями, война для государства продолжалась, и даже и более того, с целью всемерно уменьшить импорт, были введены новые ограничения, а также было заявлено, что многие «временные» меры становятся постоянными. Эттли перешёл от слов к делу очень быстро, уже в октябре 1945 года в Парламент был представлен законопроект о национализации Банка Англии. Законопроект стал законом 14 февраля 1946 года. С этого момента пункты Плана начали неумолимо претворяться в жизнь. Давайте ознакомимся с Планом вчерне, а потом остановимся на некоторых его деталях и рассмотрим их поподробнее.

1. Первым делом был национализирован Банк Англии. Лейбористы (даже и простые члены партии, не говоря уж об Эттли, который одно время преподавал экономику в Лондонской школе экономики) очень хорошо понимали, что они не могут проводить реформ, не получив в свои руки монополию на кредитование. В Англии должен был остаться только один источник денег и решать, чьё поле и в каком объёме получит влагу должно было только и только государство. Ну и понятно, что не государство вообще, а государство своё, родное.

2. Угледобывающая промышленность.

3. Радиовещание (речь шла о БиБиси).

4. Социальное страхование (социальную страховку получал каждый член общества, «entire nation»).

5. Гражданская авиация (сюда входили и гражданские аэродромы со всеми сооружениями и сопутствующими службами).

6. Телекоммуникации.

7. Горнорудная и сталелитейная промышленность.

8. Здравоохранение.

9. Атомная энергетика (под этим скрывалось стремление правительства контролировать всё в области «атома», начиная с информации и заканчивая лицензированием и патентами).

10. Предприятия лёгкой промышленности не подлежали национализации, однако была сделана оговорка, что они остаются в частном владении до тех пор, пока их деятельность признаётся «эффективной», эффективность же определялась

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
комиссиями, куда входили представители профсоюзов, менеджмента и правительства, рекомендации по исправлению ситуации отправлялись в Министерство Торговли.

11. Электроэнергия.

12. Газ.

13. Транспорт. Сюда входили железные и автомобильные дороги, каналы, доки и портовые сооружения. В последнем случае не национализировались суда. Железнодорожные компании в ответ развернули газетную кампанию, призванную дискредитировать национализацию, провозгласив даже *fight to finish*, то есть «борьбу до конца», но государством эта антиправительственная пропаганда была тут же задушена на корню.

14. Нефтедобывающая промышленность. Поскольку нефть тогда не была тем, чем она является сегодня, то приоритетность национализации этой отрасли была признана второстепенной и к этому вопросу было решено вернуться в 1950 году.

15. Сельское хозяйство. Фермы не обобществлялись и не национализировались, однако правительство уделило «деревенщикам» самое пристальное внимание. На пять лет было продлено положение, существовавшее в войну. Министерство сельского хозяйства по-прежнему определяло, что именно и в каких объёмах должен производить фермер (во время войны многие животноводческие хозяйства были переведены на производство зерна), на четыре года вперёд были установлены фиксированные закупочные цены на мясо-молочную продукцию. Образованные правительством комиссии определяли «эффективность» ферм на местах, фермы, признанные «неэффективными», «ставились на контроль» и им давался срок на «устранение недостатков», если это не помогало, то нерадивые лишались права на собственность. Было заявлено, что в долгосрочном плане целью является национализация земли.

Как меланхолично писал по горячим следам Роберт Эрганг – «*The Nationalization Plan was definitely socialistic*», да Англия этого и не скрывала, она лишь из пропагандистских соображений декларировала, что этот социализм, социализм по-английски, «*is not Moscow-inspired*», то есть что он «не инспирирован Москвой».

Англия собирала, централизовывала себя. И замечу, что делала она это, невзирая ни на что. Всего лишь за полгода до описываемых нами событий, в Потсдаме, завершая Вторую мировую, собрались Сталин, Трумэн и тот же Эттли. Там они ошетинились, растопырились, расставили пошире локти и начали устанавливать послевоенный мировой порядок. Друг дружке они не верили ни на грош, подозревая (и совершенно правильно) противную сторону во всех смертных грехах, добиться согласия по обсуждавшимся проблемам им было необыкновенно трудно, но был один вопрос, который был решён с лёгкостью необыкновенной, «высокие договаривающиеся стороны» мгновенно сошлись в том, как им следует поступить с экономикой побеждённой Германии. С целью ослабить Германию её народное хозяйство было децентрализовано, выражаясь современным языком Германия была «приватизирована». Однако для самой себя Англия избрала путь прямо противоположный, хотя находилась она в положении, от немецкого мало отличавшемся.

Из перечисленных пунктов Плана видна степень их важности для государства, пункты выстроены в некую иерархию, по порядковому номеру видно, чему перед чем отдавался приоритет. Пунктом вторым в Плана стоит национализация угледобывающей промышленности. Дело в том, что не национализировав «уголёк», Англия не могла идти по «пути реформ», да что там «идти», Англия не могла даже встать на ноги. Угледобывающая промышленность была самым тяжело больным человеком в той больничной палате, которую представляла из себя послевоенная Англия.

Поговорим об угле.

8

Поставим себя на место государства. А что? Даже интересно, что у нас получится. Вот есть у нас некое государство, абстрактное, назовём его «Англией», нам не жалко. Государство это только что проиграло войну, пропаганда трубит о победе, людишки непонятно чему радуются, флажками

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
машут, на площадях танцуют, а потом, потанцевав, опять пойдут продуктовые карточки товарить. Ну, а пока они веселятся, «Англия» наша сидит на бережке у разбитого корыта и думу думает, что-то вроде «Англия», Которую Мы Потеряли» и «Дальше Так Жить Нельзя». В такой ситуации кто только не перебивал, суета сует. Правда, из суеты этой кое-кто выходил с честью, а кое-кто так и продолжает суетиться. Хотя под клиентом суетиться не положено.

Ну и вот, как пел незабвенный феджин из замечательного фильма «Оливер!» – «I reviewing the situation.» Можно дальше сидеть, горюниться, себя жалеть, можно головкой вниз, в прибой, оставив другим не только корытце, но и пляж с солнышком, а можно и не сдаваться, можно чего-нибудь надумать. Можно трезво оценить ситуацию и можно (да-да, не смейтесь, можно, можно!) найти выход. Тут в первую очередь следует решить сдаёшься ты или нет. А решив не умирать, а помучиться, важно докопаться до низа, до донышка, важно понять, с чего следует начинать.

Вот в такой же ситуации, на месте «Англии», сразу по окончании Второй Мировой оказалась Англия. С думалкой у англичан всегда было хорошо, любят они игратья со словами и смыслами, любят они думать. Хотя с виду дураки дураками:

Это болельщики футбольного клуба «Вест Хэм» бегут на стадион поболеть за родную команду. Опять же ничего нового, тут уж скорее старое, фото это сделано в 1923 году.

Развлекаться хорошо и радоваться тоже неплохо, как победе любимой команды, так и «победе» государства в проигранной войне, но кроме радующихся в государстве есть ещё и думающие. Те, кто делает это не только по зову сердца, но и по должности. Английскими смотрящими и думающими была выстроена такая логическая цепочка – народное хозяйство разрушено, жратвы нет, чтобы что-нибудь купить, надо что-то заложить, а закладывать, кроме рваных сетей, нечего. Ну, разве что ещё дырявое корытце кому понадобится. На растопку. Можно ещё себя продать, но тут Англия наша скептически себя оглядела и подумала что-то вроде: «да кто ж на такое польстится?» Словом, кранты.

Положение было следующим – Англии, кровь из носу, нужно было что-то экспортировать, вывозить, продавать, что – неважно, всё равно что. Важно было это «что-то» сделать и загнать на толкучке под названием «Международный рынок». Но для того, чтобы это «что-то» у англичан купили, это «что-то» должно было быть хотя бы (ХОТЯ БЫ!) не дороже точно такого же «чего-то», только произведённого в других местах другими старушками. Только у тех корыта были целыми и сети были новенькими. Самое уязвимое место у самой себя Англия нашла очень быстро – товары, производимые ею, все, все подряд, были неконкурентноспособны. И происходило это по причине их высокой себестоимости, а высокая себестоимость была обусловлена высокой ценой на энергию, а энергия так дорого обходилась старой доброй Англии потому, что очень дорого стоил английский уголь.

Уголь лежал в основе всего. Пошлый уголь.

Уголь это тогдашняя нефть. Хотя нет, не так, тут я хватил через край. Какая уж там нефть... Уголь тогда это нечто гораздо большее, чем нефть сегодня. Я не знаю какой процент от потребляемой сегодня мировой экономикой энергии составляет энергия, получаемая от нефти, но я точно знаю, что процент этот куда ниже 90 %. А вот в 1946 году 90 % энергии, потреблявшейся миром, составляла энергия, получаемая от сжигания угля. Для тогдашней Англии этот процент был даже выше – 92 %.

Для более ясной картины совершим маленькую экскурсию во вчера, в мир, где правит антрацит, делясь властью с углем бурым и углем коксующимся. Возьмём сто лет перед началом Второй Мировой Войны. В середине XIX века Англия добывала более 50 млн. тонн угля. Для сравнения: США – 8 млн. тонн, Германия – 6 и Франция – 5.

На переломе веков, в 1900 году, весь тогдашний мир добывал в год 740 млн. тонн. На дворе был машинный век, и мир рвался в будущее – в 1912-м, в предверии Первой Мировой, на первое место по добыче угля вышли США – 485

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
млн. тонн, Англия оказалась на втором – 264 млн. тонн, далее Германия – 172 млн. тонн, Франция – 39, Бельгия – 26, Россия – 26 и Япония – 17 млн. тонн. Однако же позицию главного экспортёра угля сохраняла Англия – на мировом рынке Англия продавала в год 68 млн. тонн, в то время как все остальные страны вместе взятые – 28 млн. тонн.

Ещё перед Второй мировой экспорт угля был одной из основных статей британского экспорта. Перед. Но не после. После получилось нехорошо. Несмотря на военное положение, продолжавшее существовать в отрасли после 45-го года, выйти на предвоенный (хотя бы!) уровень добычи не удавалось, и не удавалось не только по причине выработанности угольных пластов и не потому, что средняя глубина английских шахт была 1170 футов при средней глубине, скажем, американских в 190 футов. Именно об этом рассказывают сегодня студентам, объясняя, как так вышло, что выработка на одного английского шахтёра, составлявшая до войны 1/4 от выработки шахтёра американского, после войны упала ещё ниже. А ещё рассказывают про то, что даже при том, что заработок английского шахтёра был вдвое ниже американского, себестоимость одной тонны английского угля была неспоставимо выше.

Дело было не только в истощении угольных пластов и глубине шахт. Дело было совсем в другом. Удивительно не то, что производительность английского шахтёра составляла четверть от производительности американца, удивительно как англичанину удавалось выдавать на гора так много уголька, так невообразимо, так неправдоподобно много – ЦЕЛЮЮ ЧЕТВЕРТЬ от американского уровня.

Повыше я писал, что Англия по различным причинам упустила время перед войной и не успела модернизировать своё хозяйство, теперь же положение выглядело следующим образом – если оборудование во всех отраслях промышленности было устаревшим и изношенным, то в угледобыче положение было попросту катастрофическим. Я ничуть не преувеличиваю. Судите сами.

В период между войнами только 31.1 % производимого в Англии угля добывалось механическим способом, почти 70 % вырубалось вручную. Для сравнения механическим способом в Германии добывалось 93.8 % угля, в Бельгии – 91.4 %, во Франции – 72 %. В польской Силезии – 32.1 %. И опять главная причина была не в этом, как бы жестоко это ни звучало, но на шахтах, расположенных в Уэльсе, условия были таковы, что рубка угля вручную была экономически более оправдана.

Главная проблема была в самих шахтах.

Из 1870 угольных шахт, имевшихся на территории Британии, только в 16 имелись подземные локомотивы, приводимые в движение сжатым воздухом или аккумуляторами. Из 1870 – в 16! И это при том, что на тогдашних не только американских, но и континентальных шахтах механизация всего процесса добычи и доставки угля на поверхность была стандартом. При существовавшем в Англии положении вещей механизировать шахты было НЕВОЗМОЖНО. В середине XX века Англии был выставлен счёт. Она должна была заплатить за своё лидерство в предшествующие двести лет, Англия вырвалась вперёд в начавшейся в начале XIX века индустриальной гонке и теперь именно её лидерство в прошлом и грозило самому существованию Англии в настоящем. (Если начать думать в эту сторону, то можно придти к очень интересным не только аллюзиям и параллелям, но и выводам).

Только 26.9 % английских шахт были открыты с 1895 года, более же 50 % появились на свет до 1875 года. Английские шахты строились тогда, когда никому и в голову не приходило, что процесс можно механизировать, что можно под землёй пускать локомотивы, тянущие за собой целые составы вагонов, что уголь можно будет рубить не кайлом, а комбайнами. Английский «эффективный собственник» не механизировал процесс добычи угля не по причине глупости или традиционной английской безжалостности, а потому, что он просто не располагал необходимыми для этого средствами. Английская шахта представляла собою запутанный лабиринт с извилистыми ходами. Спрявление шахтных выработок и увеличение их диаметра требовало таких затрат, что проще было построить новую шахту. Дело только в том, что речь шла не об одной шахте, а о двух тысячах.

Англии, если она хотела жить (а она жить хотела), нужно было резко поднять добычу угля и при этом ещё и снизить его себестоимость. Без этого первого

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
шага теряла смысл модернизация всего народного хозяйства. Модернизировать же угледобывающую промышленность Англии могло только государство.
Государство, которое могло заставить платить за модернизацию все 48 миллионов англичан. Государство, которое думает не о выражаемой в денежных знаках сиюминутной «выгодности» того или иного своего шага, а о выживаемости нации в целом. «Партия сказала «надо!», комсомол ответил – «есть!»»

Именно потому, что Англия решила не сдаваться на милость победителя, ей потребовалась национализация. Для того, чтобы проводить национализацию, ей потребовался Эттли. Эттли же, для того, чтобы развязать себе руки, потребовался социализм.

9

В январе 1947 года государство взяло в свои руки контроль над угледобывающей промышленностью. Выглядело это следующим образом – государственной собственностью стали не только все шахты Британии, но и всё, что имело хоть какое-то отношение к угледобыче и в это «всё» попали 1 миллион акров земли с расположенными там фермами, больницами, электростанциями и населёнными пунктами. Государство убрало прослойку «эффективных менеджеров» между собой и отраслью и полностью переподчинило её себе. 800 тысяч человек, работавших в тот период в английской угледобывающей промышленности, фактически превратились в госслужащих. Угледобыча была превращена в так называемую public corporation, то есть «народную корпорацию» с годовым оборотом в 400 миллионов фунтов стерлингов и начала работать по единому плану, спускавшемуся ей из Министерства Топлива и Энергетики.

Это был самый важный, но первый шаг. Первый шаг по «дороге длиною в десять тысяч ли». За первым шагом немедленно последовал и второй. Был национализирован транспорт. В том же 1947 году согласно The Transport Act были национализированы железные дороги страны. Была национализирована вся транспортная система Большого Лондона, куда входили 18 каналов, 100 пароходов, 20 тысяч единиц транспорта и 50 тысяч строений, тем или иным образом связанных с транспортом. Согласно Акта четыре существовавших до того железнодорожных компании были объединены в единую госкомпанию под названием British Railways. Точно так же как и в угледобывающей промышленности 635 тысяч работников транспорта стали госслужащими. Государство стало прямым собственником железнодорожных путей, имевших протяжённость в 52 тысячи миль, 1 миллиона 252 тысяч товарных, 45 тысяч пассажирских вагонов и 20 тысяч локомотивов.

Были национализированы и поставлены под контроль Министерства воздушных путей сообщения все гражданские аэродромы страны. На свет появилась госкорпорация под всем нам известным названием British Airways.

Были национализированы все телефонные компании, в том числе английские компании, расположенные за рубежом.

Компании, занимавшиеся производством и распределением электроэнергии и до этого были большей частью объединены в так называемую Central Electricity Board, теперь же была создана госкомпания The British Electricity Authority, призванная контролировать и координировать производство электроэнергии в масштабах страны.

Были национализированы более 1000 мелких газовых компаний, в том числе примерно 300 принадлежавших муниципалитетам.

В 1948 году правительство представило в парламент законопроект о национализации 107 сталелитейных заводов. Они были национализированы в 1949 году. Поскольку политическое устройство так называемых «демократических» государств внешне выглядит как борьба «политических» партий, являющихся по отношению друг к другу антагонистами и придерживающихся специфической политической риторики, понимаемой «электоратом» буквально, то было понятно, что когда к исполнительной власти вернутся консерваторы, им нужно будет совершить некий (в значительной мере символический) акт, показавший бы избирателю, что консерваторы «рвут с проклятым прошлым». В качестве такой символики и была избрана сталелитейная промышленность, которую (не полностью) денационализировали в 1951 году.

Вообще, если присмотреться к процессу «английской перестройки» (а было создано совершенно новое общество), то поражает продуманность и логичность процесса. Причём продуманность не только в «техническом» смысле, но и в смысле «психологии». Казалось бы, начать Эттли следовало с коврижек, порадовать уставших англичан, но нет! было сделано ровно наоборот, начали с того, что снизили карточный рацион. Как пообещал Черчилль в 1939 году «кровь, пот и слёзы», так всё и шло долгих шесть лет, а потом Эттли сделал пот солонее, а слёзки – горше. В 1946 году министр его правительства сэра Стаффорд Криппс, известный как «mr. Austerity», заявил – «мы должны производить больше товаров и больше продавать, мы должны строить больше новых фабрик, нужды населения будут удовлетворяться в последнюю очередь.» Когда в том же 1946 году английская пропаганда, стремясь отвлечь население Британии от переживаемых трудностей, всячески раздувала степень страданий голодающих немцев в английской зоне оккупации и призывала к посылке продуктовых посылок в Германию, то сам Эттли заявил – «я прекрасно понимаю чувства людей, но вы можете помочь не только немцам, но и Британии, если будете поменьше есть.» И только когда была достигнут некий лимит, когда правительство посчитало, что почти переяден болевой порог нации, в ход были пущены социальные меры – была проведена национализация здравоохранения.

В июле 1948 года силу закона обрёл National Health Service Act, любая медицинская помощь стала бесплатной, при этом не устанавливалось никаких лимитов (в смысле стоимости медицинских услуг). Бесплатным и доступным для каждого гражданина стало всё – от зубных коронок и до самой сложной хирургической операции. Восемьдесят тысяч английских докторов были поставлены перед выбором – остаться частниками или пойти на госслужбу. Государство предлагало немного, но зато это немногое гарантировалось, госврачи переходили от гонораров на зарплату – 300 фунтов стерлингов в год. Доктора бухтели страшно, но против государства не попрёшь. Правительство подсластило горькое лекарство, которое врачам пришлось, морщась, принимать – было объявлено, что будут платиться премиальные, находившиеся в прямой зависимости от числа пациентов. Если ты хороший доктор и к тебе очередь из пациентов, получай, Айболит, тринадцатую зарплату.

Восторгу трудящихся не было предела. Бесплатная медицина перекрыла всё, все переживаемые трудности «переходного периода». Эттли провёл в жизнь знаменитую сентенцию лорда Кейнса: «what we can do we can afford.» То, что Эттли мог сделать, он мог себе позволить. Но это только одна сторона, а была ведь ещё и другая, Англия могла себе позволить то, что она могла делать.

10

У товарища Сталина было, как то всем известно, десять сталинских ударов. Один другого крепче. Но свои удары бывают не только у «диктаторов, каких не видел свет». Вот так же и Америка в 1945 году ударила по Англии не десять, а всего лишь три раза. Америка, не говоря худого слова, прекратила поставки по ленд-лизу, Америка, уже приговаривая всякое нехорошее, не дала англичанам требовавшихся им как воздух денег и, наконец, Америка нанесла последний удар, прекратив сотрудничество в области не только мирного, но и, что было куда важнее, военного атома.

Здесь нам придётся уйти немного в сторону, но, поскольку история атомного оружия это в некотором смысле история англо-американских отношений, то без того, чтобы хотя бы тонким лучиком не осветить вопрос, нам не обойтись. Итак:

В феврале 1939 года группа учёных из парижского Коллеж де Франс куда входили Фредерик Жолио-Кюри, Ганс фон Гальбан, Лев Коварски и Франсис Перрен пришла к выводу о теоретической возможности создания атомной бомбы. Речь шла именно что о теории, считалось, что в практику теорию воплотить удастся вряд ли, ибо весить такая «бомба» должна была от пятидесяти тонн и выше.

В начале 1940 года Парижская Группа решила, что идеальной моделью для экспериментов будет так называемая «тяжёлая вода» и обратилась во французское Министерство Вооружений с просьбой о закупке тяжёлой воды в Норвегии. Однако стоило французам заняться проблемой вплотную, как они обнаружили, что немцы уже ведут с норвежцами переговоры о закупке всей тяжёлой воды оптом. Означало это то, что означало, а именно то, что немцы тоже, независимо от французоз, пришли к выводу о возможности создания

атомного оружия и даже решили начать эксперименты. Французы сразу же вышли на уровень межправительственных переговоров с норвежцами и те передали имевшийся у них на тот момент запас тяжёлой воды французским спецслужбистам, успевшим перед самым вторжением немцев в Норвегию в апреле 1940 года вывезти водичку во Францию, причём в качестве перевалочного пункта в этой секретной операции послужила Англия.

Дело только в том, что уже в следующем месяце, в мае 1940 года, немцы оказались в пределах Франции и было решено убрать тяжёлую воду от греха подальше и примерно 150 литров её были переправлены вместе с членами Парижской Группы в Англию, в Кембридж. Во Франции остался только Жолио-Кюри. Тем, что показалось интересным французам, в свою очередь заинтересовались и англичане. Они вообще люди любопытные. Ну, и я уж не говорю о том, что природное любопытство англичан подогревалось тем обстоятельством, что через две недели после вторжения в Польшу Гитлер в своём обращении к нации заявил, что он сокрушит Англию при помощи оружия, «против которого нет защиты».

Поскольку Англия уже находилась в состоянии войны с «континентом» и все, включая и учёных, были приписаны к государственному «тяглу», то ответ на вопрос насколько реальны ожидания французов и немцев, призваны были дать два по счастливой случайности оказавшихся в Англии беженца из Германии – физики Отто Фриш и Рудольф Пейерлс. Они, будучи соответствующим образом мотивированными, пришли к выводу, что для создания атомной бомбы может быть использован уран-235 и что его для «взрыва» потребуется всего несколько килограммов. Несколько килограммов это вам не пятьдесят тонн и Бомба из некоей абстракции превратилась в нечто если ещё и не реальное, то вполне представимое средним человеческим умом.

Фриш и Пейерлс написали отчёт (он был назван Frisch-Peierls Memorandum) и отдали его своему начальнику профессору Марку Олифанту, который, в свою очередь, передал его Генри Тизарду, возглавлявшему «Комитет по исследованиям в области авиации». «Комитет» занимался не так воздухоплаванием как борьбой с ним – Тизард вёл английские разработки в области, собирательно именуемой «радаром». Тизард чутьём учёного угадал всю важность изложенного в переданном ему «Меморандуме» и немедленно создал так называемый «The Maud Committee», куда в числе прочих вошли несколько нобелевских лауреатов. Вновь созданный комитет был тут же засекречен. Случилось это в апреле 1940 года. Хотя комитетом были начаты исследования, но на государственном уровне проект получил низкую приоритетность, что понятно, государство изо всех сил воевало и ему было не до теорий.

В сентябре 1940 года Англия в рамках «Миссии Тизарда» послала группу учёных в Северную Америку с целью «обмена опытом» с канадцами и американцами в области радарной техники и реактивных двигателей. Попали туда и несколько человек, ведших атомные исследования. Истинной целью Тизарда была оценка «на местах» возможности перевода важных английских разработок, связанных с обороной, в Канаду. По возвращении домой Тизард доложил, что после консультаций между англичанами с одной стороны и канадцами (Джордж Лоуренс) и американцами (Энрико Ферми) с другой было признано, что форсирование атомных разработок на этом этапе войны несвоевременно.

Однако неожиданное упрямство проявил упомянутый выше Олифант. Когда ему стало известно, что атомным разработкам присвоена низкая степень приоритетности, он передал некоторые отчёты в США, группе Бриггса, возглавлявшего «The Uranium Committee». «Урановый комитет» был американским аналогом английского «The Maud Committee» и был он создан Рузвельтом в качестве реакции на знаменитое «письмо Эйнштейна». Не дождавшись от американцев ответа на сигналы The Maud Committee, Олифант добился служебной командировки в США и в августе 1941 года на борту английского бомбардировщика отправился через Атлантику. По прибытии на место выяснилось, что Бриггс даже не вынимал английские отчёты из сейфа. Настойчивый Олифант, послав мысленное проклятие бессмертной бюрократии, вошёл в контакт с Энрико Ферми и Артуром Комптоном и попытался убедить их («как интеллигент интеллигента») в необходимости «ускорения и углубления» атомных исследований.

Результаты, полученные англичанами, произвели на Ферми и Комптона такое впечатление, что американцы немедленно изменили своё мнение о приоритетности разработок ядерного оружия. Гарольд Ури и Джордж Пеграм в ноябре 1941 года были отправлены в Лондон с официальным предложением

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
объединить английские и американские разработки под крышей одной программы. Однако в Лондоне их ждал холодный приём, на политическом уровне англичане предложение о сотрудничестве отвергли.

Хотя обмен информацией (в том объёме, какой признавался необходимым) продолжался, каждая из сторон вела свою собственную программу. В начале 1942 года несколько английских учёных были отправлены в США с целью «обмена опытом» и англичане обнаружили, что американцы вырвались вперёд. Теперь уже английское правительство изъявило желание перевести Кембриджскую группу в Чикаго, однако американцы, ссылаясь на соображения государственной безопасности, дали англичанам от ворот поворот. Дело было в том, что из шести членов Кембриджской группы англичанином был только один. Поскольку никто не знал как близко к созданию Бомбы подошли немцы, то англичане, в высшей степени разумно предполагая самое худшее, твёрдо решили отправить своих атомщиков как можно дальше от Лондона, который справедливо рассматривался ими самими как цель номер один для немецкой атомной бомбы. Северная Америка была хороша не только тем, что была далеко, но и тем, что там, кроме Чикаго были и другие города. В 1942 году Английский атомный проект переехал в Монреаль.

В июне 1942 года американцы переподчинили всё, что только имело отношение к созданию Бомбы, армии. Армию хлебом не корми, а дай посекретничать и результатом дальновидного американского шага стало то, что обмен какой бы то ни было информацией был прекращён. Кроме информации англичане и канадцы были лишены тяжёлой воды и, как следствие, были вынуждены прекратить эксперименты. Американцы заявили, что они возобновят поставки тяжёлой воды лишь в том случае, если англичане согласятся принять участие в американском проекте, причём направление экспериментов будет задаваться американской стороной. В случае согласия англичанам обещали даже кое-какой доступ, правда, не ко всей программе, а лишь к тем её фрагментам, которые не позволяли воссоздать всю картину в целом. Англичане колебались. Однако время поджимало – к июню 1943 года английский атомный проект встал. Канадское правительство даже предложило англичанам свернуть работы и переключиться на что-нибудь другое.

На этом этапе английское правительство заявило, что в таком случае оно рассмотрит возможность строительства атомного реактора и завода по производству тяжёлой воды где-нибудь в Великобритании. Этого американцы хотели меньше всего, к середине 1943 года обстоятельства сложились в их пользу, они вырвались вперёд и им никак не улыбалась перспектива начинать во время войны ядерную гонку с Англией. В результате друзья-соперники достигли компромисса, в значительной мере определившего лицо послевоенного мира, на свет появилось так называемое «Quebec Agreement» (Квебекское Соглашение). Оно было заключено после нескольких месяцев напряжённых переговоров и подписано Рузвельтом и Черчиллем 19 августа 1943 года. Согласно достигнутой договорённости стороны обменивались документацией, после чего 24 ведущих английских и канадских учёных становились частью «Manhattan Project». Это было хорошо, но это были вопросы технические, а техника для политиков всегда была и будет лишь инструментом. Квебекское же Соглашение преследовало цели политические и в этом смысле англичане, как им тогда казалось, преуспели. Вот к чему сводилось Соглашение: «1. Мы никогда не используем это средство друг против друга. 2. Мы не используем его против третьей стороны без согласия друг с другом. 3. Мы не передадим никакой информации о Tube Alloys (таково было кодовое название ядерного оружия вообще, позже так стал называться плутоний, само существование которого было государственной тайной) третьей стороне без взаимного согласия.»

Суть соглашения, если кто ещё не понял, в следующем – Англия получила право вето на применение ядерного оружия Соединёнными Штатами. Очень мало кто знает, что для того, чтобы провести первое ядерное испытание в Аламогордо, американцам было необходимо согласие англичан и англичане его дали. Напомню, что первый ядерный взрыв был произведён 16 июля 1945 года, «добро» же Лондона Вашингтон получил за двенадцать дней до этого, в День Независимости, 4 июля 1945 года. Поскольку взаимоотношения между Англией и Америкой полны не только бросающейся в глаза, но и скрытой символики, то английская отмашка именно в этот день должна была означать что-то очень понятное заклётым друзьям, вынужденным проживать общую историю, говоря при этом на одном языке.

Из сказанного выше следует и ещё одна любопытная деталька – дело в том, что

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
применение ядерного оружия в Хиросиме и Нагасаки тоже требовало снятия
английского вето. Так что моральные претензии, обычно предъявляемые
американцам, с ничуть не меньшими основаниями могут быть адресованы и
англичанам.

Когда я написал, что англичанам лишь казалось, что они преуспели, то имел я
в виду следующее – американцы выиграли от «Quebec Agreement» гораздо
больше. Заключив в 1943 году соглашение, они придержали англичан позади
себя, а чего стоит бумага, на которой соглашения пишутся, они тут же не
преминули продемонстрировать на деле. В 1945 году Черчилль согласовал с
Трумэном присутствие англичан на исследовательском самолёте, который должен
был сопровождать «Энолу Гей» в её миссии первого в истории боевого
применения ядерного оружия. Английская делегация в составе группы капитана
Леонарда Чешира, куда входил Уильям Пенни, о котором чуть ниже, с санкции
не больше и не меньше, как президента Соединённых Штатов, вылетела на
Тиниан. Ну, и как прилетели, то, как водится, сразу же и сели. И так сидеть
и остались. Генерал Гровс своей властью не пустил англичан на борт
исследовательского самолёта и он улетел без них. Результаты первой атомной
бомбардировки видели только американцы, и, понятное дело, не только видели,
но ещё и кино снимали, в пробирки пробы брали, смотрели в очки обычные и
сквозь стёклышко закопчённое, и на язык пробовали и топтать пытались,
словом, исследовали, англичан же, равноправных участников «проекта», к
месту событий просто не подпустили. Не подпустили не на пушечный выстрел
даже, а на четыре тысячи километров.

Потребовались протесты государства на самом высоком уровне и новый
«переговорный процесс», чтобы англичанам дали несколько мест в
исследовательском самолёте под названием Big Stink, что означает «Большая
Вонючка» (символика, символика, всё она, проклятая!) и повезли их к месту
уже второго взрыва, в Нагасаки, и там дали поглядеть в щёлочку, дали
убедиться воочию, как Оно бывает. А бывает Оно страшно.

О, как страшно Оно бывает.

11

Победа социалистов на июльских, 1945 года, выборах в Великобритании была
для американцев полной неожиданностью. На чём бы они ни строили свои
расчёты, но для них это было как гром среди ясного неба.

То, что произошедшее не было случайностью, американцы сознавали тем
отчётливее, что ничуть не хуже англичан были знакомы с существующей в
обществах того типа, что Гитлер метко называл «плутократическим», системы
выборов, при которой всегда побеждает именно тот, кто должен победить.
Победа социалистов означала, что так хочет государство, так хочет власть.
Социализм и национализация означали, что низведённая с чемпионского
пьедестала Англия не только не собирается сдаваться, но наоборот, она
демонстративно вкалывает себе допинг и вновь выходит на беговую дорожку.
Именно этим объясняется доходившая до неприличия реакция американцев на
внутриполитические события в Англии.

Англии же жизненно (именно ЖИЗНЕННО) необходимо было создать ситуацию,
когда бы «сила вещей» заставила американцев не только вновь начать
считаться с Англией, но и усиливать её. Собственными, американскими,
руками.

Расклад был следующим – Англии нужно было заставить американцев начать
процесс усиления Европы, чего Америка поначалу вовсе не хотела, Америка
хотела как можно быстрее из Европы уйти, интерес же Англии лежал на ладони
и все, включая Америку, его видели и понимали. Возрождение Европы
автоматически означало усиление Англии, победители во Второй Мировой,
хотели они того или нет, просто вынуждены бы были создавать противовес
«континенту». Причём оба победителя, и США, и СССР.

Усиление Европы находилось в прямой зависимости от усиления СССР, чем
сильнее становился СССР, тем сильнее должна была быть Европа и тем сильнее
должна была становиться Англия. По итогам войны Англия проиграла, она не
могла, как в совсем недавнем прошлом, усиливать себя сама, но она всё ещё
могла воздействовать на ситуацию, пусть и не напрямую. Дело в том, что у
Англии всё ещё была её Империя. Империя эта ползла на глазах, разваливалась
и именно в этом, как бы парадоксально это ни звучало, Англия и увидела свой

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
шанс. Уходя упорядоченно, контролируя процесс ухода, управляя им, торгуя кусками бывшего геополитического влияния, Англия могла приказать самой себе выжить.

Казалось бы, что в интересах Англии было взорвать ситуацию, уйти отовсюду разом, обрубив концы и отцепив абордажные крючья. «Гори оно всё огнём.» Мир запылал бы со всех концов и миру этому было бы дело до чего угодно, только не до Англии. И Англия, находишься она не там, где она находится, может быть, так бы и поступила, но всё дело было в самой Англии, в том, что она – остров, причём остров, который не мог дать англичанам не только всего необходимого для проживания, но даже и основы основ – хлеба насущного, Англия не могла прокормить себя.

Так выглядела доска, на которой началась большая Игра.

Ещё не было никаких блоков, ещё все были сами по себе и сами за себя и неясно было даже за всех ли Бог или только за кого-то одного. Америка прекрасно понимала, что, начни она из каких-то соображений усиливать Европу, это тут же вызовет реакцию в виде усиления России, кроме этого, Америка считала, что, отдав Сталину Восточную Европу, она набила ему полон рот хлопотами и интерес к чему-то другому у него появится ещё не скоро. Первые два года после войны Америка уделяла Европе самый необходимый минимум внимания, всё своё внимание она сосредоточила на Дальнем Востоке. Америка полагала, что пока Россия будет строить между собою и Европой «санитарный кордон», она успеет оттяпать Китай.

Америка просчиталась, Китай она проиграла, и в процессе проигрыша, всё ещё продолжая гнаться за двумя зайцами, Америка вновь перенесла тяжесть своего «присутствия» в Европу с тем, чтобы отвлечь Россию от Китая. Момент «второго пришествия» американцев в Европу был декларацией, объявлением того, что принято называть Холодной Войной. Произошло это в 1947 году.

Сегодня принято (от проклятого «принято» нам никуда не деться, никуда не спрятаться) считать началом Холодной Войны выступление Черчилля 5 марта 1946 года в Фултоне, что в штате Миссури, куда Черчилль приехал по приглашению местного Вестминстерского Колледжа и где он распинался о «железном занавесе» и прочем театральном реквизите. Дело только в том, что Черчилль в момент произнесения речи никого не представлял и находился он в Америке в качестве частного лица. Говорить он мог всё, что угодно и окружающих это говоримое трогало точно так же, как речь любой из вчерашних политических знаменитостей трогает сегодняшних студентов в каком-нибудь заштатном городишке. Черчилль, привыкший при помощи пламенных речей «зажигать» массы, был вообще не очень сдержан на язык, скажем, в те же годы он публично называл Премьер-министра Его Величества Климента Эттли «английским Сталиным». Между прочим, в этом что-то было, по своим психофизическим данным Эттли действительно напоминал Сталина, он старался держаться в тени, был скромнен, немногословен и вообще был человеком, гораздо больше любившим думать, чем говорить. В отличие от всё того же Черчилля, который, выступая по английскому радио, заявил, что в случае если реформы Эттли будут проведены в жизнь, то вместе с ними в старую добрую Англию «придёт Гестапо». Англичане посмеялись и тут же эту забавность забыли, но точно такие же по весу слова Черчилля насчёт «железного занавеса» задним (задним!) числом превратили в «официальное начало Холодной Войны».

Холодная Война же началась не так. Поначалу англичане американцев попросту раздражали. Когда в конце 1945 года госсекретарь США Бирнс выступил с инициативой о созыве Совета Министров Иностранных Дел (Council of Foreign Ministers) и предложил Москву в качестве места первой встречи, то он всё обсудил с Молотовым и только потом поставил перед фактом Бевина, министра иностранных дел Великобритании, когда Бевин запротестовал, то Бирнс заявил ему, что Бевин волен делать всё, что ему заблагорассудится, а он, Бирнс, едет в Москву, где большие дяди усядутся за большой стол и будут обсуждать друг с другом большие дела.

Первая кошка пробежала между Москвой и Вашингтоном весной 1946 года во время иранских событий. Момент этот интересен прежде всего тем, что Америка тогда впервые после войны прибегла к помощи Англии, хотя сперва пыталась обойтись без неё. Переломный же момент это 6 сентября 1946 года, когда Бирнс заявил, что американские войска останутся в Европе на тот же срок, какой советские войска будут находиться в Восточной Европе. И вот тут

Англия бросила на весы свой камешек – 21 февраля 1947 года Госдепартамент США получил из британского посольства в Вашингтоне две ноты правительства Его Величества, в которых Великобритания официально заявляла правительству США, что в силу переживаемых экономических трудностей она не может больше сохранять своё политическое влияние в Греции и Турции и что Англия оттуда «уходит». Это означало создание политического «вакуума», который неизбежно должен был быть кем-то заполнен. Бесхозных стран на свете нет и никогда не будет, и по всему выходило, что место уходящих англичан поневоле займут русские, которые в тот момент уже получили всё, что хотели и желали лишь одного – сохранения статус-кво.

Для американцев это выглядело, как расширение советского военного присутствия на южный фланг Европы («а мы так не договаривались!») каковую попытку следовало каким-то образом пресечь, а пресечь в сложившейся ситуации можно было только личным присутствием, ибо в мире других сил, кроме России и США, тогда попросту не было. Конгресс без звука выделил американскому правительству 400 миллионов долларов для военной и экономической «помощи» грекам и туркам, а также легко согласился на посылку по указанному адресу американских военных и гражданских специалистов. Возникшую пустоту следовало заполнить. 12 марта 1947 года Трумэн, выступая перед обеими палатами Конгресса, представил то, что получило имя «доктрины Трумэна». Так началась Холодная Война.

Следует понимать, что не начаться она не могла и фактически началась она задолго до 12 марта 1947 года и шла она к тому моменту ни шатко, ни валко вот уже пару лет, но доктрина Трумэна – это официальное объявление войны, пусть, если кому-то от этого легче, Холодной, но война это всегда война. Начало 1947 года это переломный момент не только в американо-советских отношениях, но и в отношениях англо-американских. Момент англичанами был выбран с гроссмейстерской точностью, сказался колоссальный дипломатический опыт и чутьё извечных интриганов. Дело было в том, американцам спешно потребовалось перенести тяжесть всего тела на ту ногу, что стояла на европейском континенте. У них из под носа уходил Китай.

Ещё в декабре 1945 года Трумэн отправил Джорджа Маршалла в Китай с тем, чтобы тот по-быстрому примирил коммунистов и националистов, Мао Цзе-дуна и Чан Кай-ши. Американцам казалось, что Маршалл с проблемой справится без труда и Китай упадёт им в руки как спелое яблочко, американцы думали, что проблема решится без привлечения особых сил, достаточно будет лишь авторитета Маршалла, его грозного взгляда и суровых слов. Маршалл именно так и пытался действовать, он грозил. Особых рычагов воздействия на коммунистов у него не было и он давил на Чан Кай-ши, заставляя того идти на уступки. Чан упрямылся и упирался и тогда американцы прибегли к последнему, по их мнению, средству – они пригрозили, что прекратят «помощь». Тут они дали непростительную промашку, им следовало бы знать, что лишением «помощи» они могут напугать каких-нибудь поляков, но в случае с китайцами эта угроза выглядела просто смешной. Китайцы тянулись не к «помощи», а к власти и, наплевав на американские угрозы, они сцепились в гражданской войне. Когда она достигла своего пика, американцы махнули рукой, цена Китая на тот момент оказывалась слишком высокой, влезать в войну Америка не захотела. Миссия Маршалла провалилась. В январе 1947 года, за пару месяцев до английского хода (хода вроде бы пешкой, какой-то Грецией и какой-то Турцией) он вернулся в Вашингтон.

Китай можно было получить только ценой крови, Европу же можно было использовать в своих интересах, пустив в ход «помощь». Если кто ещё не понял, речь идёт о том самом Джордже Маршалле, что «План Маршалла».

12

Сделаем шаг назад, когда говоришь о прошлом, это нетрудно. Можно, не боясь порвать штаны, шагнуть широко, на столетие, можно коротко, маленьким шажком – на недельку, да и тут же назад. Мы с вами уже сделали, пяťясь, несколько шагов, последняя остановка была в середине 40-х прошлого столетия, не будем спешить, побудем там ещё немного, потопчемся туда сюда, отшагнём ещё на десять лет.

20 января 1936 года умер Георг V.

Умер человек, воспринимавшийся тогдашним миром чуть ли не как полубог, умер человек, выигравший Первую мировую, человек, правивший Британией на протяжении двадцати шести лет, человек, на чье царствование пришёлся не только пик могущества, но и начало упадка Империи.

Уже в начале 30-х стало ясно, что страна должна быть реформирована. Замечу, что сомнению подвергалась не система власти, а государственное устройство. Великая Депрессия со всем доступной очевидностью показала, что традиционный «капитализм» в виде, сложившемся в первой четверти XX века, в гонке за будущее проигрывает. Перед английским истеблишментом встал вопрос из вопросов – какой тип государства избрать и каким образом адаптировать его к монархии. Англии следовало сделать выбор. У неё на глазах были осуществлены два проекта – немецкий и русский, теперь их принято называть «фашистский» и «социалистический», названы они так могут быть с известной долей условности, дело в том, что социалистическими были оба проекта, более того, в значительной мере социалистическим был и третий, американский проект, при помощи которого США вытащили себя за волосы из болота, но заокеанский опыт изначально отпадал в силу специфики устройства американского государства, практически невозпроизводимого в Европе. Англия колебалась.

Колебалась Англия слишком долго.

Дело было в английской элите, если общественное сознание оставалось пассивным даже и после 1933 года (в тридцатые Англия переживала не лучший период в своей истории и «простецам» было не до политических изысков), то английская «элита» (неудачное слово, но другого, к сожалению не придумано) оказалась расколотой. Левые, где были особенно сильны профсоюзы, оказались заражены пацифизмом, правые, несмотря на воинственную риторику, тоже не испытывали желаний к «авантюрным действиям» ни во внутренней, ни во внешней политике. Волюнтаризм никогда и нигде не был в чести, а особенно он не пользовался успехом в Англии 30-х, когда по всем прикидкам выходило, что особо напрягаться не следует, даже при виде заклубившейся на горизонте чёрной тучи. Всё равно против армады самолётов нет защиты и сколько денег не истратить и какую систему ПВО не создай, всё равно всё пойдёт прахом (когда началась война, то выяснилось, что предвоенные оценки масштабов разрушений от бомбардировок были сильно преувеличены), уж лучше договориться миром, а пока присмотреться, приняться. С принятием англичане затянули. Когда умер Георг V и грянул гром холостого пушечного залпа, английская «элита» будто очнулась и обнаружила, что она так и не пришла к единому мнению, она не договорилась «внутри себя», не выяснила, куда следует двигаться.

Элита оказалась расколотой не только в политическом смысле, раскол пошёл глубже, всё смешалось в королевстве англичан. Левое крыло лейбористов, возглавлявшееся видным социалистом сэром Стаффордом Криппсом (будущим послом в СССР и будущим же министром в правительстве Эттли) ратовало за создание Народного фронта и всемерное сближение с СССР, на другой стороне политического спектра возникло течение, открыто декларировавшее сотрудничество с Германией, обосновывая это не только общими тевтонскими корнями, но и антикоммунизмом. Не так между двумя этими крайностями, как рядом с ними (на отшибе), появилось и такое интереснейшее явление, как «Кливлендская кучка» (The Cliveden Set), группа влиятельнейших людей, куда входили не только представители «интеллектуальной элиты» и «деловых кругов», но и ряд действующих политиков, в том числе и фигуры такого масштаба как Чемберлен и Галифакс. Ядром «кучки» первоначально были члены так называемого «Мильнеровского детсада» (Milner's Kindergarten), названного так по имени лорда Мильнера, создавшего с целью отстроить заново разрушенную южноафриканскую экономику и вновь объединить людей после Бурской войны, этот, выражаясь современным языком, «мозговой центр» из входивших в администрацию Южной Африки молодых и амбициозных людей. Нескольких детсадовцев, повзрослев, превратились в очень известных людей, таких, например, как лорд Лотиан, лорд Галифакс, лорд Хиченс, лорд Брэнд и Лайонел Кёртис.

Поскольку сам Мильнер был членом «Тайного Общества», созданного в 1891 году самым, пожалуй, известным не столько теоретиком, сколько практиком британского империализма Сесилем Родсом, то понятно, что и все «детсадовцы» разделяли те же империалистические взгляды и будущее Британии они видели только и только в виде Империи. Между прочим, конечной, идеальной, так сказать, целью деятельности как своей личной, так и созданного ими «Тайного Общества», Родс и Мильнер считали создание некоей всемирной федерации,

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
центром которой должна была стать Великобритания.

В 1910 году, когда результаты работы «Мильнеровского детсада» нашли своё воплощение в виде Южно-Африканского Союза, воспитатель с детишками переместились в Лондон, где они стали называться просто и без затей – «Группа Мильнера». Постепенно группа увеличилась количественно, в неё влились ещё несколько жаждавших увеличить своё влияние влиятельных людей и среди них оказался лорд Астор, ну, а где муж, там и жена, и группа пополнилась женщиной, Нэнси Астор. Очень, между прочим, интересный персонаж – чрезвычайно богатая, властная и честолюбивая американка, переехавшая в Англию и оказавшаяся первой женщиной, избранной в английский Парламент, в качестве остролова ничуть не уступавшая Черчиллю, с которым они часто пикировались на потеху публике. Вы не ошиблись, речь о той самой леди Астор из часто цитируемого:

– Если бы я была вашей женой, Винстон, я бы подсыпала мышьяку в ваш утренний кофе.

– Если бы я был вашим мужем, мадам, я бы этот кофе выпил.

Вот ещё парочка политических анекдотов той предгрозовой эпохи – как-то леди Астор устраивала костюмированный бал и Черчилль, случайно столкнувшийся с ней «в кулуарах», спросил:

– Что бы вы посоветовали мне надеть, леди Астор?

– Придите на бал трезвым, премьер-министр.

Языкатой Нэнси, ни во что не ставившей «условности общества», как-то попеняли на то, что она публично радуется смерти кого-то из политических врагов, на что она, фыркнув, ответила:

– Я родом из Вирджинии, а мы там, когда стреляем, делаем это с намерением убить.

Ну и напоследок – когда её сын от первого брака был арестован за гомосексуализм (да-да, в тогдашней либеральнейшей и добрейшей Англии за «это» не только арестовывали, но даже и сажали) то Бернард Шоу в качестве лекарства от семейных неприятностей предложил леди Астор присоединиться к нему, отправлявшемуся с визитом в СССР. Она согласилась и на аудиенции, данной товарищем Сталиным заезжим знаменитостям, перебивая великого драматурга, спросила: «Зачем вы убили столько людей, господин Сталин?» Ответа Иосифа Виссарионовича история до нас не донесла. А жаль, товарищ Сталин тоже любил пошутить.

Название своё «кучка» получила по имени принадлежавшего лорду и леди Асторам поместья Кливден, расположенного на берегу Темзы близ Марлоу. Кливден стал штаб-квартирой людей, которые в отличие от Черчилля, чуть позже провозгласившего, что если Гитлер вторгнется в ад, то он тут же даст наилучшие рекомендации дьяволу, демонстрировали не только на словах, но и на деле, что в своём стремлении остановить «распространение коммунизма» они готовы на союз с Гитлером. Созданием «могучей кучки» Англия начала очень тонкую политическую игру, закончившуюся Второй Мировой войной.

Не только тогдашним немцам, позволившим втянуть себя в эту игру, но и нашим современникам, придающим чересчур большое значение такой чепухе как текущая политическая риторика, не мешает знать, что в реальной политике всячески выпячиваемые напоказ партийные разногласия значат очень, очень мало. Это видно хотя бы из того, что ближайшей подругой привечавшей английских «германофилов» леди Астор и её единомышленницей в вопросе женского равноправия была коммунистка Эллен Вилкинсон, по прозвищу «Красная Эллен». Уже после войны Вилкинсон, так же как и Криппс, получила министерский пост в английском правительстве и занималась реформированием английской системы образования.

Но вернёмся к нашим овечкам. 1936 год это, пожалуй, самый важный год из рассматриваемых нами. Это год борьбы за власть, а от того, кто в этой борьбе выигрывал, зависело куда пойдёт Англия, какую она выберет дорожку. Как там говорится-приговаривается? «Король умер, да здравствует Король»? Всё в мире смертно, вечна только Власть. Свято место пусто не бывает и освобождённое Георгом V тёплое местечко на троне было тут же занято его

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
старшим сыном. На протяжении почти одиннадцати месяцев долгого 36-го года
Королём Великобритании, Ирландии, Британских Заморских Доминионов и
Императором Индии был Эдвард VIII.

Почему одиннадцать месяцев? Почему так недолго? Ответить на это легко. Дело
в том, что и на королей бывает управа. И на старуху бывает проруха. Проруху
короля Эдварда звали Уоллис Симпсон.

13

Сегодня принято считать (да-да, мы всё так же ходим и ходим по кругу и
считаем именно так, как считать принято), что если в истории и существует
человек, которому не удалось «реализовать себя», то это именно он, король
английский Эдвард VIII. Давайте присмотримся к нему, попробуем разглядеть
его скрытые достоинства, взглянем на него чуть пристальнее, чем то
дозволяют приличия, думаю, что он нам это простит, при жизни он не только
не бежал внимания толпы, но наоборот, купался в нём.

В детстве старший сын Георга V, чьё полное имя звучало как Эдвард Альберт
Кристиан Джордж Эндрю Патрик Дэвид, ничем особенным не выделялся, разве что
пригожим внешним видом, что вполне соответствовало принятому по отношению к
наследнику именованию «Prince Charming». Повзрослев, он вполне стал
отдавать себе отчёт в том, что он именно charming и именно в этом качестве
он сам себе очень нравился. Он уделял слишком большое внимание своему
внешнему виду, слишком следил за модой и не только следил, но и был в этой
области «законодателем». Иногда любовь к fancy clothing заводила его чуть
дальше, чем следовало и пару раз он даже вызывал своим экстравагантным
видом неудовольствие своего монаршего отца. В двадцатые годы двадцатого
столетия, будучи двадцати с чем-то лет от роду, принц превратился в то, что
сегодня называют celebrity. Не знаю, можно ли этим гордиться, но принц,
будучи принцем, а отнюдь не принцессой, был самым часто фотографируемым
человеком тогдашнего мира. Будь он женщиной, принц был бы не только
аналогией, но и в определённом смысле предтечей принцессы Дайаны.

Он сделался (во многом по собственному желанию) лицом британской монархии,
по каким-то причинам решившей предстать перед миром «монархией с
человеческим лицом». Принц Эдвард, подозреваю, что к большому облегчению
остальных членов правящего дома, взвалил на себя «представительские
функции» – он стремительно перемещался по миру, невидимыми стежками сшивая
воедино отдельные части государства. «Он мог танцевать до четырёх утра, тут
же сесть на поезд или самолёт, прибыть куда-то до завтрака, устроить смотр
войскам, пожать пару тысяч рук, сыграть два раунда в гольф,
поприсутствовать на официальном ланче, переодеться и вновь начать танцевать
до четырёх утра следующего дня.» Незаметно для себя он превратился в
коммивояжёра, продающего миру товар под названием «Британская Империя».
Метаморфоза в какой-то мере загадочная, если учесть, что в возрасте 18 лет,
будучи отправлен в Европу, он записал в своём дневнике – «какой позорнейшей
тратой времени, денег и энергии являются эти государственные визиты.»

Но принц любил не только танцевать и разглядывать обложки журналов с
собственным изображением, как никак он был мужчиной, а мужчинам свойственно
любить женщин, ну и Эдварду пришлось их любить тоже. В любви к женщинам нет
и никогда не было ничего плохого, даже и наоборот, дело было только в том,
что чем дальше, тем больше стало выясняться, что принцу нравятся не женщины
вообще, а женщины вполне определённого склада, причём склада отнюдь не в
одном только смысле этого слова. Эдвардовы чаровницы были все, как одна,
замужними женщинами, то-есть обладали тем, что называется «опытом», что
тоже не всегда плохо. Кроме опыта, однако, избранниц наследника престола
объединяло и кое-что ещё. У них у всех напрочь отсутствовало то, что даже
при беглом взгляде позволяет безошибочно отличить женщину от мужчины. Ну
да, именно оно, то, что на тогдашнем языке жеманно называлось «формами».
Заинтересованный глаз не мог не обратить внимания, а пытливый ум не мог не
задуматься над тем казусом, что любовницы принца кроме зрелости обладали
ещё и неказистыми мальчишескими фигурами, что нравится далеко не всем
мужчинам, а только некоторым.

По понятным причинам возможностей любить тех женщин, какие ему нравились, у
принца Уэльского было хоть отбавляй, но среди особ, приближенных особо,
выделялись («выделялись» тут слово немножко неуместное, выделяться им было
как раз нечем) три:

Винифред Дадли Ворд, дочка «короля кружев» из Ноттингемшира, чья дальняя родственница по имени Джейн Биркин через тридцать лет после описываемых событий снялась в очень хорошем фильме под названием «Искатели приключений». Миссис Ворд, предпочитавшая, чтобы друзья звали её просто Фредой, была сперва вполне официальной любовницей, а затем «сердечным другом» принца на протяжении почти семнадцати лет.

Милдред Харрис, которая в момент вхождения в «ближний круг» наследника, была замужем уже в третий раз и чьим первым мужем был небезызвестный комик Чарли Чаплин, женившийся на крошке Милдред когда той было целых шестнадцать лет.

И, наконец, леди Фёрнесс, урождённая Тельма Морган. Это та самая Тельма, у которой была крошечная очаровашка племянница по имени Глория Вандербильт, чья мама, тоже Глория, была не дочкой, но женой товарища Вандербильта, а по совместительству сестрой-близняшкой нашей вновь испечённой леди, успешно помогавшей «Вандербильтихе» проматывать доставшееся той кровью и потом наследство после того как сам Вандербильт умер, упившись водкой в самом что ни на есть буквальном смысле.

Тельма интересна нам вот почему, как-то вышло так, что двойняшка любившей жить не только «непрерывно хорошо», но и непрерывно весело Вандербильтихи познакомила своего принца (женское тщеславие страшная штука!) с приятельницей, которая тоже была не дура повеселиться. Имя приятельницы особой изысканностью не отличалось – некая Уоллис Симпсон, подумаешь, эка невидаль, наверное поэтому она и была представлена «принцу Шармингу», леди Фёрнесс не усматривала в ней конкурентки.

Миссис Симпсон и в самом деле особого впечатления на принца не произвела, и не иначе как по этой причине весёлая Тельма не препятствовала и их дальнейшим встречам. Её сомнение простиралось так далеко, что когда в 1934 году ей пришлось по делам отправиться в Нью-Йорк, она не нашла ничего лучшего, как поручить принца попечению невзрачной и с точки зрения леди нищей Уоллис. Когда через пару месяцев леди Фёрнесс вернулась в Лондон и попыталась дозвониться до милого Эдварда, ей по телефону было сухо сказано, что принц, ещё давеча такой галантный и обходительный, не желает её отныне не только видеть, но даже и разговаривать с ней по телефону. «0-0-0ps...»

14

Кем же была женщина, показавшаяся принцу Уэльскому столь неотразимой?

Смотреть на неё без слёз невозможно, трудно поверить, что Уоллис Симпсон прожила ту жизнь, которую она прожила.

Читая о ней, будто листаешь страницы увлекательнейшего авантюрного романа, даже не верится, что такое бывает. А ведь было, было. И среди прочего, кроме приключений и походов, кроме взлётов и падений в жизни миссис Симпсон было ещё и какое-то невообразимое количество мужчин. Вот фрагментарная компиляция её многочисленных биографий, очень краткий пересказ её жизни до того момента, как она была представлена будущему королю Эдварду VIII:

Удивительно, но, хотя к Уоллис Симпсон было приковано внимание не только международного «общества», но и нескольких государств, которые, в отличие от нас, имеют несколько большие возможности по удовлетворению своего любопытства, неизвестна даже точная дата её рождения. Согласно «источникам» Уоллис появилась на свет то ли в 1895, то ли в 1896 году в Пенсильвании, отцом её был некий Тикл Уоллис Ворфилд, а маму звали Элис Монтаг. Девочке не исполнилось ещё и года, когда её отец умер от туберкулёза и мать, прихватив дочурку, переехала в Балтимор, где они жили весьма скромно, в основном благодаря вспомоществованию богатенького дяди девочки, Соломона Ворфилда. Он же, когда подошёл срок, заплатил за очень дорогую частную школу для племянницы.

В школе она преуспевала, продемонстрировав неожиданное для человека в её положении честолюбие и недюжинную волю. В возрасте девятнадцати лет она решила выпорхнуть из гнезда и взмыть, первый опыт был не очень удачным, взмыла она невысоко. Её первым избранником оказался военный пилот, служащий

военно-морского флота США, Эрл Спенсер. Очень быстро выяснилось, что пилот любит не только полетать, но и выпить. Причём он не просто «выпивал», а, как выражаются в России – «бухал». Бухал по-чёрному. Бухал, даже поднимаясь в воздух, что однажды привело к тому, что его самолёт рухнул в море, откуда протрезвевшего лётчика выловили без единой царапины. Молодая супруга от жизни ожидала вовсе не подобного лихачества и они разъехались. Потом съехались. Потом опять разъехались. Во время одного из разъездов Уоллис оказалась в столице, Вашингтоне, где её подцепил аргентинский дипломат, Фелипе Эспил. Он был тем, что позже стали называть «плейбоем», причём плейбоем идейным. Во время их недолгого романа Уоллис, попав в тесный интернациональный мирок «посольских», пообтёрлась и, будучи от природы особой хваткой, обучилась кое-каким манерам. Фелипе же искал богатую американскую жену и когда оказалось, что Уоллис хоть и чужая жена и держится с апломбом, но денег у неё нет, он сделал ей ручкой, оставив бедняжку с разбитым сердцем. Она потом вспоминала своего *latin lover* всю жизнь. Но тут подвернулась возможность развеяться – её овдовевшая кузина, Коринна, решила после траура забыться, отправившись в Париж и предложила Уоллис присоединиться к ней. Всё тот же добрый дядюшка Соломон, хоть Парижа и не одобрял, но снабдил Уоллис кое какими деньжатами и кузины поехали к французам целоваться французским поцелуем.

Париж, даже и довоенный, был городом недешёвым и деньги закончились очень быстро. Уоллис села на мель и закручинилась. Решив, что печалиться лучше дома, она поплыла обратно и как только добралась до Америки, так тут же всем если и не печалаям, то уж скуке точно, пришёл конец – откуда ни возьмись, объявился муженёк. Где-то далеко-далеко, в штабе американских военно-морских сил кто-то решил, что раз наш пилот пьёт как моряк, то пусть уж он и будет моряком и лётчика Спенсера назначили командиром канонерки под великолепным названием «Пампанья». Канонерка курсировала в треугольничке между Макао, Кантоном и Гонконгом, постреливая время от времени в белый свет, как в копеечку и обозначая таким образом «присутствие» Соединённых Штатов в этом районе мира, а также «защищала интересы американских граждан в Китае», что бы под этим ни имелось в виду.

Бравому капитану «Пампанья» китайки и филиппинки надоели очень быстро и как-то раз он, протрезвев, вспомнил, что у него вообще-то есть жена. Написал туда, отправил телеграмму сюда и выяснил, что жена – в Париже. Ну и тут же настроил ей то, что непременно в таких случаях строчат – «помню, люблю, жду, жить без тебя не могу, за всё прости, последнюю бутылку вот только что выбросил в иллюминатор, больше никогда ни капли, ни-ни, мамой клянусь!» Письмо нашло Уоллис уже в Америке. Что было ей делать? Продолжать скучать? Да вы чего?! Она махнула рукой и решила ехать в Китай. Денег на проезд у неё не было, но когда капитан Спенсер узнал, что дело за такой малостью, он тут же отбил морзянкой слезную жалобу по инстанциям и правительство отправило миссис Спенсер в Китай бесплатно, на борту военного судна, в обществе весёлых, покрытых всякими забавными татуировками матросиков.

По приезде выяснилось, что капитан, написав сущую правду о том, что любит и ждёт, соврал в том, что касалось выпивки. Он не только не перестал газовать, но ещё и ускорился, хотя ускоряться, казалось бы, было уже и некуда. Она решила развестись и, выяснив, что самое дешёвое для развода место в Китае это Шанхай, отправилась туда. Развестись в Шанхае она не развелась, но зато из Шанхая её за каким-то чёртом понесло в Пекин. В Пекине ей понравилось до чрезвычайности. В дальнейшем, как только она начинала рассказывать об этом периоде своей жизни, у неё загорались глаза. «Вы только представьте себе место, где на одну женщину приходится десяток мужчин!» В Пекине она нашла друзей, американскую пару, у тех были деньги, был дом и был автомобиль и она прожила у них целый год. Хотя собственного автомобиля у неё не было, но зато у неё было кое-что получше – собственный рикша. В конце концов она решила, что для развода лучшего места, чем США нет и поехала домой.

Обогнув Земной Шар, она вернулась в Балтимор с другой стороны и снова села на шею дядюшке. Однако сидеть там было хоть и удобно, но после всех её приключений занятие это показалось ей пресным и Уоллис опять решила развлечь себя разводом, поехав с этой целью уже в Нью-Йорк. Там она остановилась у подруги и в первый же вечер за ужином познакомилась с приглашённой к подруге парой – мистером и миссис Эрнст Симпсон. Подруга сообщила ей, что он очень, очень хороший человек, но с одним недостатком – очень уж он скучен. Скучный мистер Симпсон имел маму американку, папу

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
англичанина, был выпускником Гарварда, а в Нью-Йорке он возглавлял отделение фирмы своего отца, занимавшегося скучными морскими перевозками. Познакомившись с Симпсонами и тут же об этом знакомстве забыв, Уоллис вновь отправилась в Париж, теперь уже с тётушкой, решившей потряхнуть стариной. В Париже, случайно развернув газету International Gerald Tribune, она узнала о смерти дядюшки Сола. После дядюшки оставалось миллионное наследство и весь Балтимор считал, что все эти деньжищи достанутся Уоллис. Так же посчитала и она, тут же спринтерски рванув через океан. Однако по прибытии её ждало разочарование – дядюшка, человек старой закалки, при жизни был категорически против её развода и очевидно по этой причине оставил ей денег чуть, так, чтобы совсем уж её не обижать, а остальное завещал на всякие благотворительные нужды родного Балтимора. Тут уж Уоллис не выдержала и, не иначе как назло дядюшке, довела дело с разводом до конца. Было это в 1927 году.

Она вновь, в который уже раз, оказалась на распутье. И было похоже, что жизнь, до сих пор бросавшая ей спасательный круг, в этот раз о ней забыла. И тогда Уоллис бросила себе спасательный круг сама. Она вспомнила о мистере Симпсоне.

А дальше всё как по писанному – Симпсон как по заказу оказался вдруг разведённым, он будто ждал возможности осчастливить браком нашу Уоллис, они отправились в Лондон, там было серо и тоскливо, там было гетто под названием «американское землячество», из развлечений была только «тусовка» из таких же как миссис Симпсон «американских жён», было совершенно неизбежное и выглядевшее естественнейшим знакомство с Тельмой Морган, ну, а там и наследник престола подоспел. «Выноси готовенького!»

Такова красиво расписанная ширма. Однако то, что она призвана скрыть, было далеко не так красиво, хотя и куда более авантюрно, так авантюрно, как не бывает даже и в кино.

15

В тридцатые годы двадцатого столетия жившим в Англии англичанам стала вдруг очевидной истина – государство должно быть реформировано. Англия владела большим куском тогдашнего мира, но вовсе не всем миром целиком и тот мир, что находился вне зоны английского влияния, изменился. Чтобы ответить на вызов, соответствовать ему, противостоять ему Англии следовало измениться тоже. Если мир становится сильнее, должны стать сильнее и мы, не так ли? А мир тогда да, стал силён. Силён, как никогда до того.

Выражаясь жаргонным словечком из сегодняшнего арго, Англия должна была быть «переформатирована». Георг V умер как нельзя более кстати, провидение предоставило англичанам возможность похоронить вместе с ним не больше и не меньше как эпоху. Похоронить себя вчерашних с тем, чтобы явить миру себя сегодняшних, «Англия умерла, да здравствует Англия!». Перестройка, ускорение и гласность были придуманы вовсе не в 80-е годы прошлого столетия, вопрос для Англии был совсем не в том, следует ли перестраиваться, вопрос звучал так – «если уж нам суждено перестраиваться, то перестраиваться во что?» Чтобы ответить на этот вопрос нужен был архитектор, нужен был автор «проекта». Ну, а после согласований и уточнений дело было за прорабом перестройки. За строителем.

Чтобы проводить реформы, нужен, понятное дело, реформатор. И в этом смысле всё, вроде бы, складывалось наилучшим образом – вместо умершего Георга, бывшего во всех смыслах традиционалистом, пришёл его сын, не только не скрывавший желаний ломать, но и видевший себя вошедшим в историю если не как Edward the Reformer (это было чуть-чуть чересчур, Англия, даже и реформируемая, продолжала оставаться всё той же приверженной традициям Англией), то уж совершенно точно как Edward the Innovator. Лыстецы называли его именно так.

Лучшей кандидатуры было не найти, Эдвард VIII был не просто королём, он был королём «против», королём «anti-». «Anti-establishment» и «anti-officialdom». Он был за «неформальность» и против «формальностей», его корёжило от «официальщины», ему хотелось «встреч без галстуков». Он был anti-League (что означало отрицание роли Лиги наций) и он был anti-war, что позднее нашло своё выражение в знаменитом «make love, not war». Одним словом, он был прекраснотупым идиотом.

Вот первое, что сделал король Эдвард VIII – он отдал приказ перевести часы в загородном доме английских монархов, в Сэндрингхэме. Сэндрингхэм был куплен в 1862 году королевой Викторией по просьбе принца Уэльского, будущего Эдварда VII, дедушки нашего Инноватора. Эдвард VII как-то велел перевести стрелки настенных часов в Сэндрингхэме на полчаса вперёд, причины этой экстравагантности называются разные, дело не в них, не в причинах, дело в том, как это воспринималось миром, а мир видел в этом отнюдь не «придурь», а желание Англии продемонстрировать своё место в этом самом мире, этим жестом Англия как бы показывала, что она повелевает даже и временем.

Переводу часов немедленно был придан вполне очевидный смысл. Эдвард VIII желал показать стране, что он рвёт с наследием отца и деда. Трудно было придумать что-нибудь более символическое. Английские короли, жившие на полчаса впереди всего остального человечества, возвращались в «лоно цивилизации», возвращались из будущего в настоящее. В настоящем же была политика, и, хотя монарх в Англии традиционно воздерживался от выражения своих политических пристрастий, Эдвард VIII ломал традиции и тут – он не упустил случая подчеркнуть своё в высшей степени неодобрительное отношение к левым идеям и левым политикам. И не только английским. Не забудем, что речь идёт о 1936 годе, когда в Европе много чего случилось, и в ответ на декларируемый Англией на самом высоком (выше не бывает!) уровне пацифизм немцы оккупировали Рейнскую область. Борясь с Лигой Наций Эдвард VIII отверг совет своих советников (тех, что он оставил на службе) ввести санкции против Италии, встроившейся в Эфиопию и отказался поддержать усилия Лиги Наций по укороту «агрессора».

Эдвард VIII был не только против «официальщины», но он был ещё и против того, что «официальщина» олицетворяла, он был «anti-State», то-есть «антигосударственником», он был против какого-то бы то ни было «вмешательства государства в жизнь граждан». Он был за «всё хорошее» вообще, и за «частную инициативу» в частности. Он публично заявил, что его всегдашней мечтой было стать «a King in a modern way».

Заявления следовало подкреплять делами и король, видевший себя «современным королём», резко сократил зарплату персоналу, занятому непосредственным обслуживанием многочисленной королевской семьи. Шаг не только в высшей степени недалёковидный, но и попросту глупый. Не менее сурово он обошёлся и со штатом королевских советников, немедленно убрав тех из них, кто казался ему слишком «замшелым» или «махровым». Зачем королю чужая голова, если есть своя? Да ещё такая умная? Был сломан весь распорядок того, что принято называть «системой по принятию решений», не в последнюю очередь потому, что молодой король всегда и всюду опаздывал. Государственные документы, пересылавшиеся ему, сперва королём читались, потом стали возвращаться с запозданием (иногда до нескольких недель!), потом некоторые бумаги стали возвращаться в министерства непрочитанными. «Скучно, господа...»

Зато королю было нескучно вновь и вновь показывать окружающим свою «современность». Он посещал государственные учреждения пешком (это было неслыханно), он сам нёс свой зонтик (нация выпучила глаза) и, как будто этого было недостаточно, он появлялся на людях в КОТЕЛКЕ. Англичане, потеряв дар речи, щипали сами себя, желая проснуться. В марте 1936 года Эдвард VIII обратился к народу с посланием, транслировавшемся по радио. Слушателей было два миллиона человек, что было тогдашним рекордом. Король сообщил англичанам, что он, даже став королём, остался тем не менее всё тем же Принцем Уэльским, которого они знают и любят.

Слова любви срывались с его языка легко, он любил и ему казалось, что и все вокруг любят, любят его и любят ту, кого любит он. Однако король, «распахнувший окно в монархию с тем, чтобы дать доступ свежему воздуху», ошибался. Далеко не все в Англии любили его избранницу. Причина была в том, что народ, и, как следствие, так называемое «общественное мнение» даже не подозревали о существовании миссис Симпсон.

16

Уоллис Симпсон из любовницы принца превратилась в любовницу короля, полный титул которого звучал в высшей степени впечатляюще – Liege Lord Edward the Eighth, by the Grace of God, King of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, and of the British Dominions Beyond the Seas, Defender of the Faith, Emperor of India. Она стала любовницей человека, возглавившего

Империю Над Которой Никогда Не Заходит Солнце. У мужчины, чьей женщиной она была, в подданных ходило 486 миллионов человек. Но при этом, о, какая досада, их отношения не были надлежащим образом оформлены. В глазах мира Эдвард VIII был холостяком, и легко представить себе недоумение, возникшее при виде короля, во время церемоний по передаче власти появившегося в окне дворца Сент-Джеймс в обществе некоей особы. «Кто эта женщина?!»

То, чего не знал народ, очень хорошо знали те, кому знать надлежит. Немедленно по смерти короля Георга V началась схватка за власть, «схватка бульдогов под ковром». Сцепились не «партия короля» и «партия кардинала», как может показаться на первый взгляд, сцепились совсем другие силы.

На стороне Эдварда выступали большей частью люди несерьёзные, его ближний круг, так называемый *inner circle*, но за несерьёзными людьми в тени прятались люди серьёзные очень даже. В происходящем они увидели возможность создания «третьей силы», на первых порах, в противовес «правым» и «левым», можно было создать «партию короля», а там – посмотрим, король, тем более такой оторванный от реальности фантазёр, каким был Эдвард VIII, не вечен, но вот созданная на волне шумихи партия могла начать жить. Недалёкий реформатор Эдвард с его не реформами, но «реформаторством», с его «монархией с человеческим лицом» и прочими либеральными благоглупостями использовался в качестве прикрытия. Сильненькие и умненькие расшатывали Эдвардом, как рычагом, существовавшую государственность, другие же выжидали. На поверхности, в среде политиков, «сильных и умных» представляли Бивербрук и Черчилль. За теми же, кто выжидал, (а их представляло правительство и возглавлявший его премьер-министр Болдуин) стояла сплотившаяся королевская семья. До поры дело выглядело так, что Эдварда и его потакателей ждёт триумф. Другая сторона выглядела растерянной и нерешительной. Этой кажущейся нерешительности была причина.

Дело было в том, что и сам Эдвард был вынужден ждать. Он опрометчиво согласился с годичным трауром по случаю смерти отца, Георга V, и по причине траура коронация была назначена на май 1937 года, эта опрометчивость в какой-то момент показалась ему самому очень удачной, так как Уоллис Симпсон затеяла развод (напомню, что муж её оставался жив и здоров и она всё это время продолжала оставаться миссис Эрнст Симпсон), свободу она должна была обрести в апреле 1937 года и расчёт Эдварда и его сторонников был на то, что, когда в мае он коронуется, сам чёрт ему будет не брат и он сможет делать всё, что ему заблагорассудится, да вот хотя бы и жениться на ком будет угодно Его Королевскому Величеству.

Ну, а пока он старался как можно больше времени отдавать не так государственным делам, как государственным «мероприятиям», а летом так и вообще отчалил от туманных английских берегов на борту королевской яхты «Налин» и отправился путешествовать в восточное Средиземноморье в обществе, понятно, своей возлюбленной, о какой-то скандальной пикантности «общественность» не подозревала. Вплоть до поздней осени 1936 года тогдашние английские *mass media*, то-есть газеты, во всём, что касалось личной жизни короля, будто воды в рот набрали. Поскольку никому не приходило в голову, что глава государства попросту тянет время и прячется, то в его поездке усматривали некие тайные замыслы, связанные с «интересами» Англии в «мягком подбрюшье Европы» и вся тамошняя лимитрофная мелкота взволновалась чрезвычайно.

На континенте, в отличие от чопорной Англии, в смысле нравов всегда было посвободнее и никто ничего такого уж особенного в присутствии на борту яхты чужой жены не видел. «Эка невидаль.» Да и вообще король он ведь на то и король, чтобы развлекаться по-всякому, по этой причине Эдварда с его милой всюду встречали толпы простого и не очень народа, оченно за него и за неё радовавшегося и приветствовавшего чету радостными кликами вроде «да здравствует любовь!» Не избалованные подобным вниманием дома, король английский Эдвард и Уоллис в этой атмосфере праздника прямо-таки купались.

В Англии об этом непотребстве никто опять же даже не подозревал. В оплоте либерализма и всех и всяческих свобод имя миссис Симпсон не упоминалось, а фотографии Эдварда VIII, попадавшие на первые полосы газет, тщательно отбирались, ретушировались и нежелательное лицо с них старательно выстригалось редакторскими ножницами. Англичане же, находившиеся по делам в Европе и в Америке и читавшие тамошнюю прессу и разглядывавшие публиковавшиеся в ней скандальные фотографии были шокированы до глубины души.

За несколько месяцев до этого жившие в старой доброй Англии англичане уже скривились при виде короля в котелке, что бы они сказали, увидев, что он, представляя Империю, присутствует на официальном мероприятии за границей С НЕПОКРЫТОЙ ГОЛОВОЙ? Господи помилуй, даже и представить себе страшно! Но нельзя было даже и вообразить реакцию великобританской публики на фотографии короля в рубашке с короткими рукавами. Боже! Это было за гранью добра и зла, это было попросту непредставимо! Дело было только в том, что король наш Эдвард в своём глумлении над традициями заходил куда дальше. Он появлялся в обществе миссис Симпсон на людях в шортах. В ШОРТАХ, ЧЁРТ ВОЗЬМИ, в ШОРТАХ! С ГОЛЫМ ТОРСОМ И С ГОЛЫМИ НОГАМИ! Мало? Нате вам ещё и кушайте с аппетитом – полуголый король Великобритании и Император Индии, демонстрируя свои физические кондиции, вставал на голову и болтал в воздухе босыми ногами, а гогочущие европейские и американские корреспонденты снимали его во всех и всяческих ракурсах и потом эти фотографии украшали собою обложки бульварных журналов. Вся эта красота тянулась до осени, когда истэблшмент решил, что момент настал. «Харэ!» Английская «элита» перешла в контрнаступление.

До того, как Эдвард стал королём, никого в Англии (не широкой публики, как обычно пребывавшей в блаженном неведении, а того, кого надо КОГО) нимало не заботили увлечения наследника. Все полагали, что всё будет как всегда, как, скажем, в царствование дедушки будущего Эдварда VIII, короля Эдварда VII, приглашавшего своих замужних любовниц во дворец с ночёвкой, где они оставались в качестве «гостей» королевы Александры. И всем было хорошо. Было хорошо королю, было хорошо любовницам и мужьям любовниц тоже было неплохо. Думаю, что некую приятность из происходящего излекала и королева Александра. До поры многие даже и при дворе не знали о существовании миссис Симпсон, а те, что знали, не придавали этому никакого значения, «у каждого свои недостатки». Всё вылезло наружу только в 1936 году и вылезло в масштабах, не переплюнутых и по сегодняшний день.

Англия «перестроечная» столкнулась с Англией «совковой», жажда «реформ» с желанием этим самым «реформам» противостоять. На поверхности было видно, что столкнулись король и премьер-министр. Дело было только в том, что за королём стояла «прогрессивная общественность», а за премьер-министром – монархия. Всё королевское семейство было против Эдварда.

Происходящее превратилось в национальный кризис, когда премьер-министр Стэнли Болдуин (что значило – Букингэмский дворец) выступая в Палате Общин, сделал достоянием общества намерение короля жениться на миссис Симпсон. Напомню, что планом Эдварда VIII являлось следующее – дождаться коронации, назначенной на май 1937 года и после этого делать то, что ему заблагорассудится, а благорассудилась ему тощенькая Уоллис. Нанося ответный удар, противники Эдварда сделали упор на личность миссис Симпсон.

Одним из именовании титула английских королей было – Defender of the Faith, что значило «Защитник Веры». Защитничек, однако, будучи главой церкви, изъявил желание жениться на дважды разведённой женщине. Проблема была ещё и в том, что официальная причина первого развода миссис Симсон, развода с весёлым лётчиком, на скучном судебном языке звучала как «эмоциональная несовместимость», что английским судом не могло быть рассмотрено в качестве повода, достаточного для развода и, ссылаясь на неё, она никогда не получила бы развод в Англии, поэтому с английской точки зрения её американский развод в определённом смысле был незаконен, в силу чего незаконным получался и её повторный брак. А ведь теперь ей предстоял брак третий. Королевский!

Мать короля Эдварда, вдовствующая королева, достаточно громко для того, чтобы быть услышанной, высказалась в том смысле, что, мол, её будущая невестка и будущая королева Англии имеет влияние на короля в силу присущего ему некоего пикантного расстройств организма, которое Королева Мать назвала «сексуальной дисфункцией», с каковой дисфункцией многоопытная Уоллис смогла справиться благодаря знаниям, почёрпнутым ею в китайском борделе. Каково? Королева, живущая во Дворце Из Марципанов и носящая Хрустальные Башмачки, знает, оказывается, что на свете есть такая штука, как «бордель». Да ещё и «китайский»!

Когда короли произносят что-то вслух, то к их словам принято прислушиваться. Королям обычно не свойственно забывать, что они короли, они помнят, что слово – серебро, что королевское слово – полновесно. Поэтому, прежде чем это слово произнести, король семь раз подумает, а потом один раз отмерит. Королевский двор это вам не двор обычный с его дворовой жизнью и королевская семья, прежде чем королева Мэри заговорила о китайском борделе, кое-какие шаги предприняла. Да это и понятно, если наследник трона, который, что немаловажно, приходится нам родным сыном, всерьёз кем-то увлётся, причём всерьёз настолько, что провёл свою избранницу во дворец контрабандно, тайком, а потом с таким видом, будто ничего особенного не происходит, подвёл свою «галантерейщицу Бонасье», подав ей руку крендельком, к маме и сказал: «Позволь представить тебе моего ОЧЕНЬ (тут он многозначительно поднял брови) хорошего друга.» Уоллис потупила глазки, сделала книксен (она, между прочим, до того, как пойти во дворец, долго тренировалась, приседая перед зеркалом), ей высочайше покивали, королева мама сделала вид, что ничего не понимает, вежливо поулыбалась, но не только о миссис Симпсон не забыла, но наоборот, загорелась желанием её «разъяснить».

Если государство захочет что-то узнать, то оно узнает всё-всё и узнает непременно, у него для этого есть не газеты и не телевизор, и даже не частный, прости Господи, сыщик, у государства есть такой микроскоп, который называется «спецслужбы» и государству достаточно к окуляру лишь глаз поднести и, наводя на резкость, повертеть колёсико. А там – гляди не хочу, только локтем перепихивайся, «дай, дай и мне посмотреть», ну и вот английское государство, которое, как всем известно, «государство это Я», взглянуло для начала на миссис Симпсон в лорнетку. Высокомерненько этак. «Это что ещё за чудо такое? В перьях?»

Сотрудникам Особого Отдела лондонской полиции было дано задание приглядеться к Уоллис попристальнее и они, установив за нею слежку, тут же обнаружили, что она помимо шур-мур с шарминг-принцем имеет «близкие отношения» с неким женатым автомехаником, а также с «инженером» и продавцом фордовских автомобилей по имени Гай Маркус Трандл, охарактеризованном в отчёте как «искатель приключений». «Нуте-ка, нуте-ка...»

Возник закономерный вопрос о прошлом столь любвеобильной особы. Нам с вами разобраться с прошлым Уоллис показалось бы затруднительным, она прыгала по миру, что твоя лягушка-путешественница, «нынче здесь, завтра – там», но то мы с вами, а государство не затруднилось ни минутки, речь ведь шла об особе, волею судьбы оказавшейся приближенной к наследнику трона не какой-нибудь там смехотворной Монтенегро, а Британской империи, а у Британской Империи Джеймсы Бонды на цифре «семь» отнюдь не заканчивались, Британская Империя тут же нажала на кнопку устройства под названием МІБ, есть такой секретный аппаратик, ну и он заработал, зажужжал. Зажужжишь тут, когда такие дела творятся.

В секретных службах работают люди очень даже серьёзные, несерьёзных там просто не бывает, и если уж они берутся за дело, то доводят его до конца, если они цепляются за кончик ниточки, то клубочку не жить.

Отчётник пошёл за отчётиком, донесение пошло за донесением, бюрократия, знаете ли. Листочек стал подшиваться к листочку, стала получаться папочка. А содержимое её оказалось столь интересным, что все просто ахнули. На свет стали выходить любопытнейшие вещи. Да вот хотя бы про публичный дом. Бывала Уоллис в борделях, бывала. Захаживала, так сказать. И именно что в китайские. Причём в очень дорогие бордели. Бывала она там, конечно же, не в качестве работницы, как то разносла услужливая молва, а в качестве любопытствующей посетительницы. Тут же возник и вопрос, а откуда у бедной девушки взялись деньги на удовлетворение пусть порочного, но всего лишь любопытства? Ниточку стали тянуть дальше. А потом ещё дальше. Не одной же Уоллис быть любопытной, любопытных на свете много.

И любопытных тем более, что в гламурной биографии (что тогдашней, что современной) миссис Симпсон как-то затушёвывался тот факт, что когда она поехала в Китай, используя в качестве предлога «воссоединение семьи», там ведь шла гражданская война, никак не способствовавшая столь понятному в других условиях желанию «попутешествовать и забыться». Забудешься тут... Когда Уоллис добралась до Пекина, то ей пришлось по выходе из вагона (в котором вместо туалета была просто круглая дырка в полу) переступить через

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
валявшиеся тут и там трупы умерших от тифа людей, а когда ей хотелось развлечься и действительно «забыться» и она навещала какой-нибудь гонконгский публичный дом, то в окна были слышны не только выстрелы, но и вопли убиваемых людей. Гражданская война, где бы она ни происходила, это дело такое. Ну, а если «полевых командиров» зовут не Нестором Ивановичем и не Василием Ивановичем, то дело от этого становится не лучше, а, пожалуй, даже и хуже. Куда хуже.

Пойдя по следу миссис Симпсон в обратную сторону, да ещё и с лупой в руках, следопыты докопались и до того, зачем она, собственно, в Китае понадобилась, причём понадобилась до такой степени, что дорогу ей оплатили за казённый счёт. Дело было в том, что Уоллис очень удачно числилась женой военнотружущего, офицера военно-морских сил США, пилота (напомню, что речь о начале 20-х годов XX столетия, а тогдашние пилоты были чем-то вроде сегодняшних астронавтов), то есть она один раз уже попадала в поле зрения государства, пока что собственного, и её уже один раз внимательно рассмотрели. А рассмотрев, запомнили. Когда в Китае началась гражданская война, то тут же, понятное дело, появились и доброжелатели, в том числе и американцы. Дело было, однако, в том, что пересылаемая по телеграфу из США в Китай информация расшифровывалась и читалась «заинтересованными лицами» и американцы старались для переправки секретных депеш использовать и другие, в том числе и менее (а скорее даже и более) традиционные методы. Как там в «Трёх мушкетёрах», помните? Золотые дублоны, зашитые в подкладку рваного плаща какого-то нищего, на поверку оказывающегося испанским грандом. То же и с нашей Уоллис.

Задолго до того, как отправиться в Китай, 9 июля 1923 года, она прошла собеседование у главы разведки тихоокеанского флота США, а перед тем, как попасть на такой уровень, она пожила некоторое время в доме у некоей подружки-художницы, у которой как нарочно, муж тоже работал в военно-морской разведке и где, пока она писала акварельные этюды, к ней ненавязчиво присматривались. Если вы ещё не забыли, она тогда же как-то покатила в Париж со своей кузиной развлекаться. Было это через месяц после её посещения штаб-квартиры тихоокеанского флота. Практичная Уоллис и в тогдашнем путешествии сочетала приятное с полезным, по приезде в Париж она попала в распоряжение легальных американских штирлицев, работавших под крышей американского посольства во Франции. Во время своего тогдашнего визита она успела не только пожить парижской жизнью, но и съездить в Лондон (ах!) и в Рим. Не иначе, как с целью сделать набросок с натуры в Колизее.

А вот уже только после всего этого она поплыла в Китай. А пока она плыла, её непутёвому мужу, большому любителю выпить и попать из пушки, кроме обременительных капитанских обязанностей было вменено взвалить на свои плечи ещё и функции разведчика и стал он офицером разведки Южно-Китайского флота. А жена его, добравшись до него и с ним воссоединившись, должна была отправиться на север, в Шанхай, хотела ли она при этом с мужем развестись или то было лишь прикрытием неважно, важно было другое, поскольку было уже известно, что Уоллис всегда (и иногда совсем некстати) не прочь повеселиться, то в опасном (опасном не то слово) путешествии на север её должна была сопровождать некая Мэри Сэдлер, очень удачно, в отличие от Уоллис, вышедшая замуж. Миссис Сэдлер была женою офицера разведки, причём офицера в чине адмирала военно-морских сил Соединённых Штатов.

18

Кое к каким из китайских походов миссис Симпсон, носившей в те былинно весёлые времена имя миссис Спенсер, мы ещё вернёмся, ну, а пока немного притормозим, нам уже ясно, что была она непроста, а тут эта непростота открылась ещё и английскому правительству.

На основе собранного МІБ «материала» был составлен документ, называвшийся в недавнем прошлом «докладной запиской», в нём было «выпукло» подано всё самое важное, документик этот лёг на стол премьер-министра Болдуина, тот почитал, покачал укоризненно головой, положил документик в папочку и покатил с папочкой в Букингэмский дворец. Слово «покатил» напомнило мне, что Стэнли Болдуин, Премьер-Министр Его Величества, в быту отличался невиданной в либеральных обществах скромностью и, даже возглавляя правительство, ездил по своим министерским делам на маленьком, дешёвом автомобиле, на таком, какой ныне принято называть *shitty car*, чем будущего короля Эдварда VIII, обожавшего не только Уоллис Симпсон, но ещё эффектность и «позу», раздражал необыкновенно. Ну и вот, скромняга Болдуин

доставил сведённые воедино королевские данные «оперативных разработок» во дворец, там с ними ознакомилась королевская чета и, поскольку её опасения и ожидания в отношении маленькой миссис Симпсон подтвердились, то сделано было вот что – распоряжением Георга V наследник трона стал получать свой red box неполным. Для непосвящённых – red box это краткая компиляция текущей информации государственного значения, подготавливавшаяся в Министерстве Иностранных Дел и содержащая дипломатические секреты о которых знали считанные люди в государстве. Отсюда следовало, что последний год жизни Георга V, то есть в 1935–36 годах наследник, даже о том не подозревая, был лишён информации во всей её полноте, самые секретные секреты от него утаивали, соответственно, даже став королём, он не знал того, что знали остальные члены королевской семьи. Уже один лишь этот факт означал, что срок жизни в качестве короля ему был отмерен недолгий, он не мог бороться за власть, не обладая всей полнотой информации. Возникает вопрос, а зачем ему вообще позволили побыть королём, не допустив, правда, под благовидным предлогом, рассчитанным не так на наследника, как на другие государства, коронации?

Попробуем разобраться.

Где-то повыше я говорил, что уже в предвоенное десятилетие как королю, то есть власти, так и английской «элите» стало ясно, что без реформирования государства не обойтись, однако все старались оттянуть начало реформ, все ждали конца эпохи, Георг V был стар, было старо его окружение, а реформы это удел молодых, этаких живчиков, мальчишек в возрасте лет пятьдесят, таких, у кого ещё есть силы и уже есть опыт. Есть сила желать и есть умение претворять свои желания в жизнь. Но вот направление реформ было выбрано ещё тогда, ещё Георгом V, выбор сделал он. Напомню, что выбирать приходилось не только из наличного, но и из апробированного, умные люди учатся не на своих, а на чужих ошибках и стараются извлекать пользу из опытов, которые проводят над собою другие.

В межвоенный период в мире как на дрожжах росли три силы – Германия, Америка и Россия. Вся троица лезла из квашни, пузырилась и пучилась. Дрожжами была тогдашняя новинка – социализм. Детали предстоявшей Англии перестройки следовало выбирать из конкретики, из вполне определённого политического контекста. Американский опыт отпадал уже при первом и поверхностном взгляде, американское государство в национальном смысле устроено диаметрально противоположно устройству государств Старого Света, оставался опыт немецкий и опыт русский, причём опыт немецкий по очевидным причинам выглядел для англичан предпочтительнее и если бы Англия в 1935 году знала, чем всё закончится в 1945, то очень может быть, что, делая выбор, она тоже решила бы строить социализм с приставкой «национал». Проблема проблем состояла, однако, в том, что англичане исходили из данности, а данностью был не «остров», а Британская Империя, попытка же построить национал-социализм в многонационалии выглядела попросту абсурдной.

Трудности, стоявшие перед делавшей выбор Англией, были ясны не только самим англичанам, но и другим заинтересованным лицам. И тут англичане сделали один из тех ходов, которыми они так сильны, они сделали ход, который и делает англичан «англичанами» – они сумели создать у тех самых «заинтересованных лиц» иллюзию, будто в зависимости от выбора будущей модели собственного госустройства они в предстоящей войне (неиллюзорность которой была всем очевидна) будут поддерживать того, кого выберут в качестве образца. Напомню, что тогдашняя Англия это не Англия сегодняшняя, это держава номер один тогдашнего мира, и иметь ли её в качестве врага или иметь её же хотя бы в качестве доброжелательного нейтрала имело с точки зрения той же Германии значение решающее.

Государство, решив перестроиться, должно обосновать будущий проект в смысле идеологическом, проговорить его словами, оно должно убедить людей, в государстве живущих, что перестройка не только в их интересах, но что перестройка осуществляется их желанием, что это они, а вовсе не государство, жаждут перемен, а государство нехотя идёт им навстречу. «Ну, если уж вы сами решили, что дальше Так жить нельзя, то так уж и быть, давайте гласно ускоримся и углубимся.» Любые идеи воплощены в человеке, так народу понятнее, государство, связывая некий пропагандистский набор политических штампов с определённым политиком, развязывает себе руки, ему отныне не приходится каждый раз многословно объяснять, чего оно хочет, оно просто позволяет выйти на сцену конкретному человеку и – всем всё сразу же понятно. Поднялся на трибуну академик Сахаров и усё ясно, реви от восторга,

а поднялся душитель свободы Лигачёв – свисти и топай ногами. А что они там говорят – неважно, можно за шумом их вообще не слышать, важно – видеть. Политик это живое знамя, вокруг которого собираются сторонники, политик это полюс, один политик – плюс, а другой – минус. Это чрезвычайно удобно, в первую голову государству удобно, вокруг плюса тут же собираются все, кто полагает себя плюсом, а вокруг минуса все отрицалы, причём делают они это сами, сами рисуют на себе мелом крест или чёрточку, никто дураков не заставляет. А государство смотрит со стороны и думает. Подсчитывает, взвешивает. Прикидывает. Ну, а потом делает то, что государство в таких случаях и делает. Иногда оно, током попользовавшись, выключателем – щёлк! и нет больше нашего магнита, а есть застой. И слава Богу если так, а то ведь бывает, что государство стрелять начинает. В тех, кто сдуру на себе плюстик нарисовал. Или наоборот – минусик. Когда как. Но мы отвлеклись.

В английской «элите» к середине тридцатых появился полюс, знака на нём не было, государство английское ещё не решило, каким он будет, оно дальновидно оставило за собой право определить в будущем значение полюса, от решения государства зависело будет этот полюс «+» или же «-», будет ли тем, кто к полюсу подтянется, холодно, или же станет им жарко. Назывался полюс просто – «германофилия». Германофилы стали собираться в скромной хижине лорда и леди Астор под названием Кливден. Что там себе на самом деле германофилы думали – неизвестно, чужая душа – потёмки, важно было, что думали по поводу английских германолобов в самой Германии, а там про них думали всякое хорошее, да и трудно было думать плохо про таких людей как Чемберлен и Галифакс, очень даже убедительно и в высшей степени красноречиво говоривших, что про немцев они думают хорошо. Но леди и лорды, Галифакс и Чемберлен это был ещё не тот уровень, это был английский «Центральный Комитет», а ведь в Британской Империи было ещё и «Политбюро», только называлось оно немножко не так, называлось оно «Королевская Семья» и если уж мы хотим, чтобы всё было всерьёз, если мы хотим, чтобы нам поверили, то нам следует и в Политбюро обозначить сторонников и противников реформ, а как же!

И что же должны были думать немцы, если они и так смотрели и этак, глаза протирали, глазам не верили, смотрели опять и опять, но видели при этом одно и то же – главным германофилом, «лучшим немцем» Англии был вовсе не какой-то там Освальд Мосли, а был им наследник престола Эдвард Альберт Кристиан Джордж Эндрю Патрик Дэвид, наследник, в 1936 году ставший королём, Эдвардом VIII.

19

Каким образом Уоллис Симпсон удалось очаровать будущего английского короля? Какие-то сексуальные перверсии там, конечно же, присутствовали, куда же нам без секса-то, секс это основа всего, основа основ. Фундамент мира. Дело только в том, что фундамент мира наследника английского престола был заложен задолго до появления в жизни шарминг-принса миссис Симпсон, он и без неё свои наклонности удовлетворял таким образом, какой ему благорассудился, к его услугам был целый гарем с любимой чужой женой леди Фёрнесс во главе.

Чем взяла Уоллис? Чем вообще берёт мужчину женщина? Понятно, что сексом, а секс связан с неким стереотипом «красавицы», существующим в нашей голове, причём у каждого в голове образ красавицы свой, родной, сугубо индивидуальный и какую видится красивая женщина будущему Эдварду VIII было известно, поэтому «подбросить» ему («нам тут подбрасывают!») девушку его мечты труда не составляло. «Хочешь бесполою, без сисек и без жопы, тощенькую, да ещё и страшенькую? Да пожалуйста!» Чего, чего, а такого добра в каждом государстве хватает. Выбирать есть из чего. Но кроме того, было известно, что та же леди Фёрнесс, удовлетворяя утончённые прихоти принца, тем не менее иногда «доставала» его своей простотой. Он был человеком не очень умным, но даже и для него её пустоголовость была малость чересчур. Поэтому задача по «подбрасыванию» на первый взгляд усложнялась, но это только на первый взгляд, с точки зрения тех, кто Симпсоншу к принцу «подводил», проблема, напротив, упрощалась. Страшненькие девочки, как правило, гораздо умнее красивых, тем особого ума не надо, симпатяшки берут другим, тем, что им от Бога досталось, а вот страшненьким тем да, тем, хочешь не хочешь, а приходится развивать в себе и ум, и сообразительность, и реакцию, и рефлексию. Они в себе такой инстинкт развивают, такой ум оттачивают, какой бедным мужикам и не снился. «Караул!»

Найти девочку страшенькую и умненькую для «заинтересованной стороны» представлялось куда легче, чем красивую умницу, не говоря уж о глупой уродине, вот уж это да, это действительно редкость.

Уоллис же в смысле ума отличалась ещё с раннего детства, но при этом, будучи некрасивой и умной, она обладала ещё и не по женски гипертрофированным честолюбием. Она хотела быть первой, всегда и непременно первой. Первой во всём. В нарядах, значит в нарядах. В учёбе, значит в учёбе. Быть первой среди девочек? Среди самых-самых? Среди красавиц? Да запросто.

Когда ей было шестнадцать лет, добрый дядюшка Сол, оплачивавший её пребывание в американском «институте благородных девиц», посчитал, что племянница по итогам года заслуживает хорошего отдыха и отправил её в очень дорогой и, выражаясь современным дурацким слэнгом, «эсклюзивный» летний лагерь Бёрлэнд, где проводили лето дети «элиты». Что такое шестнадцать лет мы все знаем, и что такое коллективный отдых подростков мы знаем тоже, ну и понятно, что подростки во всём мире одинаковы и подростки в Бёрлэнде ничем в этом смысле не отличались от нас с вами, когда нам было по шестнадцать лет. Все девочки лагеря были влюблены в одного мальчика и мальчик этот, с точки зрения шестнадцатилетних покорительниц вселенной, вполне того заслуживал. Стройный красавчик, наследник (не трона, правда, а всего лишь «состояния»), самоуверенный баловень судьбы. Бывают такие, мы все хоть одного такого мальчика, но знаем.

Ну и вот, маленькая Уоллис, не успев приехать в лагерь, всё мгновенно увидела, поняла, оценила и громко, во всеуслышание, заявила, что «мальчик будет мой». Реакцию каждый может легко представить себе сам. Кто-то из девочек прыснул, кто-то презрительно фыркнул, кто-то только молча смерил Уоллис взглядом. «Ох, уж эти мне нищенки...» Среди девчачьей половины «лагерников» тут же началось соревнование, чуть погодя укоротившееся до ревнования, перешедшего в недоумение, а недоумение не преминуло смениться пошлой завистью. Уоллис выиграла, «пацанка сказала, пацанка сделала.» Как ей это удалось? Оказалось, что нет ничего легче, пока остальные девочки очаровывали лагерного принца по имени Ллойд Табб своими свежими прелестями, наивными ужимками и трогательным шестнадцатилетним кокетством, Уоллис тщательно изучала не так его самого, как мир его увлечений. Очень быстро выяснилось, что гордый Ллойд играет в школьной футбольной команде и, будучи даже немножко в этом смысле оторванным от реальности, мнит себя настоящей звездой. Уоллис времени не теряла и, пока остальные девочки крутились перед зеркалом и расправляли оборочки, обложила спортивной периодикой, зазубрила несколько футбольных терминов, запомнила парочку имён, выпросила кое-кого из мальчиков о событиях прошедшего школьного года и подступила к первому в своей жизни принцу во всеоружии. Она нашла его слабое место, она знала когда и при каких обстоятельствах он принёс своей команде каждое очко. Через пару дней Ллойд Табб не обращал внимания ни на кого вообще, для него отныне существовала только и только Уоллис, с которой он мог с жаром, входя в тонкости, обсуждать перипетии какого-то матча, а она, закатывая глазки, отвечала ему в том смысле, что вот в такой-то игре такого-то числа прошлого года он, Ллойд Табб, выступая за свою школьную команду квотербеком, совершил пробежку, сравнимую разве что с одним из подвигов Геракла. О, это мягкое мужское сердце! Ну, а там, помимо футбола, нашлись и другие общие интересы и они, держась за ручки, вслух читали друг другу стихи Киплинга, выучить которые было, конечно же, куда легче, чем правила игры в футбол.

Понятно, что слухи о столь способной девочке не могли не дойти до ушей родителей детей, с которыми Уоллис училась и отдыхала, а родители там были всякие, в том числе и такие, что состояли на государственной службе. Никакое, даже и самое богатое и могущественное государство не может позволить себе разбрасываться талантами, тем более такими своеобразными. Так что вопрос о кандидатуре «не стоял», кандидатура сама просто напрашивалась и, когда понадобилось подвести к наследнику повзрослевшую, поумневшую (хотя казалось бы куда уж дальше), утратившую множество иллюзий и взамен обретшую в авантюрных похождениях незаменимый специфический опыт Уоллис, то проблема превратилась в чисто техническую. Когда же принца и Уоллис свели, то потребовалось результат закрепить, потребовалось найти общий интерес, животрепещущую для принца тему, что-то глубоко его трогательное, что-то вроде футбола, при том, что футболом он, как назло, не интересовался вовсе.

И тема такая нашлась. Принц Уэльский и Уоллис взахлёб говорили и говорили, у них было, о чём поговорить, причём поговорить с горящими глазами, у них кроме физической была и ещё одна страсть, они рассказывали друг другу о фашизме.

Насколько искренна в своём увлечении (в смысле мировоззрения) была Уоллис Симсон, сказать трудно, но вот то, что с первоисточниками она была знакома очень хорошо, сомнению не подлежит. Недаром принцу было с нею так интересно. Дело в том, что Уоллис знала о фашизме не понаслышке, сведения её были из первых рук. Вы помните местечко из её бульварной биографии, где рассказывается о романе Уоллис с аргентинским дипломатом? «Don't cry for me, Argentina...» Так вот, плакала ли Уоллис по своему ветреному Фелипе или нет, подозреваю, что плакала, она ему даже физиономию на прощанье расцарапала, но нам в этой истории должно быть интересно вовсе не это, главный интерес в том, что Фелипе Эспил был не первой её победой на дипломатическом поприще, первым в жизни будущей герцогини Виндзорской дипломатом, причём дипломатом, которого своей статной фигурой и должен был прикрывать аргентинец, был не больше и не меньше, как посол Италии в США князь Джелазо Каэтани, потомственный итальянский аристократ, в роду которого было двое пап и двое кардиналов. Он был фанатичным сторонником Муссолини и как любой фанатик старался обратить в свою веру окружающих. А кто может быть ближе любовницы? Причём пыл наставника подогревался тем обстоятельством, что ему было сорок пять лет, а благодарной слушательнице двадцать шесть.

Уже в Китае, в Пекине, куда она добралась с такими трудностями, Уоллис нашла себе другого итальянца, военно-морского атташе итальянского посольства Альберто да Зара и коротала время уже с ним. С да Зарой ей было полегче, он, кроме фашизма, увлекался лошадьми, так что у них была и ещё одна тема для разговоров. Между прочим, оба этих итальянца интересны тем, что их кое-что роднило, у князя Каэтани мама была американкой и он стал послом Италии в США, уже прожив в Америке много лет и будучи владельцем фирмы геологоразведки под названием Бурш, Каэтани и Хирсли, расположенной в Сан-Франциско, а любитель лошадей и скачек да Зара получил военное образование в Аннаполисе, в американской военно-морской академии.

Получив кое-какой опыт в общении с итальянцами, Уоллис пошла на повышение, вернувшись из Пекина в Шанхай, она вступила в «романтические отношения» с двадцатидвухлетним итальянским студентом, находившимся в Китае с «ознакомительными целями» и даже от него забеременела, вынуждена была сделать аборт, следствием чего стали преследовавшие её всю оставшуюся жизнь гинекологические осложнения. Звали студентика граф Галеаццо Чиано. Ему было суждено стать очень известным человеком. Это тот самый граф Чиано, что занимал пост министра иностранных дел в правительстве Муссолини.

20

Но интерес Уоллис к мужчинам, разделявшим идеи фашизма, отнюдь не сводился к одним только итальянцам. Итальянцы были интересны в смысле погружения в теорию, но вот для знакомства с практикой нужны были совсем другие люди. И они, как по волшебству, появились. Когда чего-нибудь хочешь, то непременно получаешь. Надо всего лишь захотеть. По-настоящему захотеть. Ну и понятно, что желание человека и желание государства несопоставимы, возможности у них немножко разные и хотят они, ясное дело, по-разному. Уж если чего государство захочет, так тут уж только держись.

Ещё когда миссис Симпсон широкой английской публике была совершенно неизвестна, она вдруг, неожиданно (но долгожданно для себя) получила официальное приглашение посетить лондонский салон миссис Кунард. Здесь нам придётся немножко задержаться и объясниться. При том, что Уоллис была неизвестна доброму английскому народу, она была уже очень даже известна наследнику престола, а перед тем как стать ему известной, ей пришлось познакомиться с первым секретарём американского посольства в Лондоне Тоу, в чьё распоряжение она поступила, добравшись, благодаря удачному замужеству, до берегов туманного Альбиона, а первый советник посольства по счастливейшему стечению обстоятельств оказался женат на сестре «подружки» наследника английского престола леди Фернесс, с которой нашу Уоллис немедленно и познакомили, а уж та, как будто этого момента с нетерпением ждала всю жизнь, свела новую знакомую с принцем, которого леди Фернесс к тому времени начала немножко утомлять. Между прочим, от внимания биографов Уоллис Симпсон как-то ускользает то обстоятельство, что ведь ей нужна была

хоть какая-то моральная поддержка, ей нужно было время от времени к кому-то приклониться, нужна была близкая душа. И эта душа тут же и появилась. Помните кузину Коринну, весёлую вдовушку, с которой Уоллис ездила то ли развлекаться, то ли ещё по какой надобности в Париж? Так вот наша Коринна тоже тут же выскочила в Америке замуж, а её муж тоже тут же получил назначение в Лондон и покатил туда в качестве помощника военно-морского атташе, прихватив с собою, понятное дело, и жёнушку. Так что Уоллис так уж одинока в Лондоне не была, ей было с кем хихикать и делиться девичьими секретами.

Ну и вот, ещё не имея особой популярности и известности, но зато имея крепкий тыл, Уоллис получила приглашение от миссис Кунард. Миссис Кунард по прозвищу «Изумрудик» была женой товарища Кунарда. Да-да, того самого Кунарда, что «линии Кунарда», трансатлантические гонки и океанские пассажиры и грузоперевозки. Она, точно так же, как и Уоллис, тоже была американской женой, а кроме того официальной (что вытекало из её социального статуса) хозяйкой очень известного и престижного политического салона, быть приглашённым в который почиталось за честь. Цель, с которой светская львица убивала время, общаясь с оловластной публикой, особо не обсуждалась, но заинтересованные лица не могли не знать, что внешне благополучнейшая и обожаемая изумруды жена миллионера была не так счастлива, как то могло бы показаться. На неё был крючок, на нашу миссис Кунард, бедняжка была наркоманкой.

Уоллис, конечно же, полетела в кунардский салон, как на крыльях, ещё бы! Это был её первый выход в свет, и сразу же – на такой уровень! Когда она, пообщавшись и показав себя, уходила, то провожавшая её миссис Кунард позволила себе дать любовнице наследника совет. «Милая, – сказала она, – никогда не говорите вслух о политике. Люди неизбежно будут думать, что это говорите не вы, а принц.» Уоллис, внимательно разглядывавшая украшения миссис Кунард, вежливо её поблагодарила и пообещала никогда этого не забывать. Через очень короткое время Уоллис вновь получила приглашение от Кунардши. Но теперь её звали не для того, чтобы «потусоваться», в этот раз всё было очень серьёзно, второе приглашение было приглашением на званый обед. Нам ли с вами не знать, что это такое! Званый обед это нечто торжественное и вместе с тем очень интимное, туда всякого-разного не позовут. Там рядом с собою чёрт знает кого не обнаружишь, хозяйева тщательнейшим образом продумывают кого рядом с кем усадить. Званый обед это искусство, людям, за столом сидящим, должно быть друг с другом интересно. Кому могло быть интересно сидеть рядом с Уоллис и с кем было бы интересно болтать за обедом ей? Она, наверное, с нетерпением ожидала сюрприза. Когда гостей пригласили к столу, то Уоллис обнаружила, что сидит рядом с дипломатом, послом без портфеля и политическим советником вождя немецкого народа Иоахимом фон Риббентропом.

Не прошло и недели, как Уоллис встретила в Риббентропом опять. Теперь уже на приёме в немецком посольстве, куда вполне официально была приглашена не только она, но и наследник английского престола. Трудно сказать, кто кого сопровождал. Так же трудно сказать, кто на кого произвёл большее впечатление. После этого Уоллис ещё несколько раз посещала немецкое посольство уже одна. Работавший на американцев агент доносил, что Риббентроп каждый день посылает миссис Симпсон букет из семнадцати красных роз, якобы по числу их интимных встреч. Не знаю правда ли это или нет, но Риббентроп и в самом деле посылал букет каждый день на протяжении года и добропорядочная миссис Симпсон ни разу, как того требовали приличия, букет назад не отослала.

Если кто не знает, как выглядел Риббентроп, то вот, пожалуйста:

Это министры иностранных дел Италии и Третьего Рейха граф Чиано и Риббентроп. Молочные, так сказать, братья. Роднит их и то, что оба закончили свой жизненный путь не очень хорошо. Но похожи они и тем, что перед лицом смерти оба держались неплохо. Может быть они были не очень умными людьми, но трусами они не были.

ФБР посчитало данные о контактах миссис Симпсон с Риббентропом новостью столь важной, что информация об этом была немедленно доведена до президента Рузвельта лично. До Франклина Делано.

А что до драгоценностей, то женщина не была бы женщиной, если бы о них не помнила. В тот краткий период в конце 1936 года, когда Уоллис наслаждалась публичностью и ей казалось, что Жар Птица – вот она – руку протяни, она не упустила своего. 8 ноября 1936 года она посетила лондонскую оперу, где сидела в королевской ложе, куда в качестве гостьи была уже ею приглашена миллионерша Кунард. Уоллис, по словам биографа, явилась в оперу «dripping with emeralds», то есть «осыпанная изумрудами». Женщины, они да, женщины – они такие.

21

Любовь принца была горяча, когда же принц обернулся королём, то его любовь к Уоллис и вовсе стала беспредельной, для окружающих это выглядело как слепое обожание, как то, что в англоговорящем мире называется *purpy love*, то-есть «щенячья любовь», наблюдать за нашей парочкой вблизи было неловко, но любовь оставалась любовью, пока она не оказалась замешанной в политику, пока не были затронуты интересы государства.

До тех пор, пока Уоллис, всё ещё остававшаяся миссис Эрнст Симпсон, пребывала в качестве любовницы, она могла окружающим нравиться или не очень, но никому особого дела ни до неё, ни до её отношений с королём не было. «Чем бы дитя не тешилось...» В высшем свете, правда, пошучивали, появился анекдот о том, что в новом сезоне на лондонские подмостки выйдет пьеса под названием «Неважность быть Эрнстом», главный герой которой в кульминационной сцене восклицает: «Какая жалость, что у меня есть только одна жена, которую я могу положить к ногам моего короля!», но шутки кончились, когда 27 октября 1936 года Уоллис подала документы на развод. Все (под всеми я имею в виду людей, входивших во власть и знавших не только о существовании Уоллис, но и о степени её влияния на короля) насторожились. Расчёт Эдварда был прозрачен – по английским законам развод вступал в силу через шесть месяцев после рассмотрения дела в суде и Уоллис обрела свободу 27 апреля 1937 года, а на 12 мая 1937 года была назначена коронация. Эдвард VIII хотел короноваться не холостяком, а человеком солидным, женатым, а женой этой должна была стать нынешняя миссис Симпсон.

До того как Уоллис возбудила дело о разводе, секретарь короля, Александр Хардинг, которому картина была ясна как никому другому, по своей личной инициативе уже пытался обратиться к премьер-министру Болдуину с тем, чтобы тот как-то повлиял на короля. Однако, пока Уоллис была замужем, у того не было легальных причин для такого разговора. Личная жизнь человека это его личная жизнь, а личная жизнь короля это, сами понимаете, личная жизнь короля. Однако теперь дело вышло на совершенно другой уровень. Премьер-министр решил, что нужно предпринять все усилия, чтобы заставить миссис Симпсон забрать назад своё заявление о разводе.

Встреча между королём и его первым министром состоялась утром в Форт Бельведере. Обычно флегматичный и невозмутимый Болдуин, чьим девизом было «If In Doubt, Don't», чувствовал себя не в своей тарелке, нервничал, не знал, с чего начать и, чтобы растопить лёд, попросил подать ему виски с содовой. Виски ему подали, однако Эдвард холодно сказал, что Болдуин может пить один, так как он, король, никогда не пьёт до семи вечера. «Ну не нравишься ты мне, не нравишься!» Разговора не получилось. Однако Болдуин понял, что решение короля твёрдо. С этого момента события понеслись вскачь. Теперь король и министр встречались почти каждый день, политическая жизнь государства была парализована, назревал ещё невиданный кризис. Обе стороны стояли на своём и не хотели уступать. Упрямство Эдварда было понятно, за ним стояла Уоллис, но понятна и твёрдость Болдуина – за ним стояла Семья, он знал то, чего не знал король. На одной из встреч Болдуин, прощаясь с Эдвардом, сказал: «Сэр, вы можете сделать её королевой, но она будет вашей королевой, а не королевой Англии.»

Король Эдвард VIII в своей борьбе не только за престол, но и за Уоллис, рассчитывал на свою популярность, а популярен он был, он был тогдашней принцессой Дайаной, правда, он носил брюки, но популярность его была точно такой же, то-есть популярностью не так государственного деятеля, как популярностью кинозвезды. Да ещё и с оттенком бунтарства. Когда начал разгораться костёр, Эдвард решил ещё немного раздуть огонёк, рассчитывая, что это добавит ему веса. Он совершил официальный двухдневный визит в Южный Уэльс, самый на тот момент депрессивный район Великобритании. То, что он там увидел, потрясло его и потрясло тем сильнее, что он, отправляясь с визитом, и рассчитывал быть потрясённым. Массы простого люда, на который

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
вдруг обратилось державное око, встречали короля с энтузиазмом, он же, выглядевший искренне и глубоко тронутым их бедственным положением, позволил себе казавшееся ему вполне нейтральным заявление – «Something ought to be done». Народ от счастья прямо-таки зашёлся и передававшиеся из уст в уста слова короля немедленно обрели чуть искажённый вид – «Something must be done», когда же эта фраза докатилась до Лондона, то под заголовками «Populist King» его слова цитировались газетами уже как «Something WILL be done». О-о-о... Люди «в столицах» переглянулись со значением. «Крутенюк берёт...»

Намерение Эдварда по укреплению своей популярности привело к прямо противоположному, он, как и любой реформатор по призванию, очень плохо ориентировался в политике, даром, что он был рождён в королевском дворце. Опрямительные слова короля немедленно сплотили истеблишмент и сплотили отнюдь не за спиной короля, «элите» король был нужен в качестве символа единения нации, а вовсе не как пустоголовый «troublemaker». С этого момента им начали манипулировать сразу с нескольких сторон, о чём он, как человек слабый, даже не подозревал.

На одной из встреч Болдуин закинул удочку и задал вроде бы безобидный вопрос – «а почему бы Вашему Величеству не рассмотреть возможность морганатического брака?» Эдвард, посоветовавшись с Уоллис, ответил согласием. Уоллис же этим ответом разоблачила себя. Ей казалось, что, соглашаясь на морганатический брак, она демонстрирует бескорыстную любовь к бедному королю, однако Семьёй и политиками её ответ был истолкован совсем не так, они решили (и небезосновательно, они все были людьми опытными), что лично ей нужен не так титул, как возможность ВЛИЯТЬ, она хотела управлять, стоя в тени, причём тень эта отбрасывалась Троном. «О-о-о» – опять сказали умные люди. «Ещё чего!» – сказали люди околловластные. «А ху-ху не хо-хо? – сказали люди, возглавлявшие тайные службы государства. – Стоять в тенёчке это хорошо, это мы, голубушка, и без тебя знаем.» Тут же было заявлено, что хоть на континенте морганатический брак дело обычное, но вот в процессуальной жизни Англии, базирующейся на прецедентах, подобного ещё не было, ну разве что уж совсем в старине глубокой, так что из этой затеи ничего не выйдет.

Болдуин решил поднять забрало. Он встретился с Климентом Эттли, возглавлявшим оппозицию, и спросил, что тот думает по поводу сердечных дел короля. Умный Эттли, усмехнувшись в усы, ответил, что он ничего не имеет против того, чтобы королевой была американка, но что он категорически против того, чтобы королевой была миссис Симпсон. Болдуин покивал, пожевал губами и, выйдя из штаб-квартиры лейбористов, для страховки поехал ещё и к лидеру либералов Арчибальду Синклеру. Тот, прекрасно понимая, чего от него ждут, заявил, что он всецело на стороне Болдуина и Эттли.

22

Но к схватке готовились не только Семья и Правительство, короля загоняла в угол и другая сторона.

12 ноября 1936 года личный секретарь Эдварда VIII Алек Хардинг, узнав, что на следующее утро назначено заседание кабинета, где должны были обсуждаться матримониальные дела короля, написал ему письмо. Помимо прочего там было сказано следующее – «Как секретаря Вашего Величества, я полагаю, что в мои обязанности входит довести до сведения ВВ следующие факты:

1. Появление в прессе информации по поводу отношений ВВ с миссис Симпсон является вопросом всего лишь нескольких дней. Соблюдать достигнутое соглашение по поводу неразглашения этой информации более предоставляется невозможным. Изучив письма британских граждан, живущих в других странах, я могу заранее предсказать, что эффект от появления в печати данных о личной жизни ВВ будет катастрофическим.

2. Правительство сегодня соберётся на заседание, где будут обсуждаться меры по выходу из кризиса. ВВ без сомнения знает, что одной из возможных мер будет уход правительства в отставку. Если это произойдёт, у ВВ нет кандидатуры на пост премьер-министра, которую поддержал бы нынешний состав Палаты Общин, следовательно, ВВ придётся распустить Парламент и назначить досрочные выборы, в центре которых будут находиться личные отношения ВВ с миссис Симпсон, что только увеличит вред, уже нанесённый монархии как краеугольному камню, на котором покоится Империя.

Если мне будет позволено дать совет, то вот он – миссис Симпсон должна немедленно выехать за границу. Я умоляю ВВ уделить проблемам, изложенным в этом письме, самое пристальное внимание и сделать это до того, как события выйдут из под контроля.»

Реакцией Эдварда VIII на это письмо стало следующее – он, заявив, что «чувствует себя преданным», занялся очень важными государственными делами – два последующих дня были посвящены приёму приехавшей в гости к племяннице тётушки Уоллис. И только после этого король соизволил заняться политикой. Первым делом он попытался уволить секретаря Хардинга, от чего его отговорил Монктон, один из немногих продолжавших пользоваться его расположением советников. Монктон заявил, что целиком согласен с письмом и что нужно немедленно что-то предпринять. Короля очевиднейшим образом подталкивали к неким действиям, причём было ясно, что что бы он ни предпринял, не только не разрядит, но напротив, углубит кризис.

Между прочим, до того, как письмо Хардинга прочёл король, с ним ознакомился Джеффри Доусон. Этот небезызвестный персонаж ходил в своё время в упомянутый мною «Мильнеровский детсад», был одним из членов «Кливлендского кружка», был не просто близок к лорду Галифаксу, а являлся его близким другом и, как следствие всего перечисленного, был германофилом, что позволяло ему пребывать в контакте не только с пронемецки настроенным сегментом английского истеблишмента, но и с тогдашней немецкой верхушкой. Насколько искренен в своём «прогерманстве» был Доусон является, вообще-то, загадкой (когда имеешь дело с государственными служащими любой страны никогда ни в чём нельзя быть уверенным, и уж тем более нельзя быть уверенным, когда имеешь дело не с «любой страной», а с Англией), но внешне это выглядело именно так – Доусон «играл» на стороне короля. Ну и вот, он был первым, кто прочёл письмо Хардинга и не только его одобрил, но и сказал, что он не изменит в этом письме ни одной буквы. Письмо было положено в red box, доставленный Эдварду VIII.

Письмо Хардинга скрывало за собою вот что – выглядевшие «друзьями» Эдварда VIII лорд Бивербрук, Черчилль и тот же Доусон преследовали свою цель. Сводя суть кризиса к личности «миссис Симпсон» они показывали королю, что они на его стороне и тот от великого своего ума и в самом деле считал их если не друзьями, то союзниками, однако же «союзники» держали за пазухой камень, валя правительство ненавистного Эдварду Болдуина, они делали это вовсе не для того, чтобы позволить соединиться двум любящим сердцам, они надеялись, что следствием кризиса будет уничтожение сложившегося в предвоенной Англии внутриполитического контекста вообще. Для них очевидная неразрешимость кризиса была в высшей степени желательна, ибо позволяла практически покончить как с консерваторами, так и с лейбористами и создать на обломках двух партий одну партию, как они сами её называли – «партию короля». Понятно, что название это было условным, но идея просматривалась очень чётко – «одна страна, один народ, одна партия, один...» Один кто? Об этом никто не говорил. Зато все взахлёб говорили о миссис Симпсон.

То, чего не понимал Эдвард VIII, очень хорошо понимали и Семья и Болдуин. До того как заручиться поддержкой Эттли, Болдуин вошёл в контакт с Королевой Матерью и только потом стал искать союзничества лейбористов. Все так же хорошо понимали, что добиться отречения Эдварда VIII после коронации будет практически невозможно. Следовало спешить. У Болдуина была репутация человека неторопливого и тяжёлого на подъём, он даже и внешне был олицетворением консерватизма, однако же все хорошо знали, что если уж он принял решение, то действовал он после этого на удивление сноровисто и остановить его было очень трудно.

Изначально позиция правительства (что означало позицию Семьи) выглядела куда уязвимее, чем позиция короля. Тому было достаточно тянуть время, а у Болдуина было только и только одно оружие – угроза отставки. Однако оружие это стало супероружием, когда Болдуину стало известно, что Эттли не попался на удочку «партии короля» и предпочтёт углубление политического кризиса возможности сформировать правительство социалистов и проложить тем самым дорожку к приходу к власти людей, стоявшим за Эдвардом VIII. Судя по дальнейшим событиям Эттли, заключившему неожиданный союз со своим традиционным врагом, удалось одновременно создать у «партии короля» иллюзию, будто он то ли готов к перехвату власти у консерваторов, то ли колеблется.

Началась игра в покер, ставки в которой всё повышались, а ходы убыстрялись. И тут Эдвард VIII совершил то, что хуже преступления, он совершил ошибку. Когда ему подбросили леца в виде «морганатического брака» и он ухватился за эту идею, то Болдуин стал вновь и вновь поднимать этот вопрос на встречах с королём. В один прекрасный момент демонстрировавший в некоторых политических тонкостях поразительную наивность Эдвард VIII попросил у Болдуина совета. «А что бы вы мне посоветовали?» Болдуин не поверил своим ушам. «Ваше Величество в самом деле желает услышать от меня совет?» – переспросил он. Король, которому, наверное, хотелось поскорее добраться до миссис Симпсон, нетерпеливо закивал. «Хорошо, – сказал Болдуин, всё ещё не веривший своему счастью, – я подумаю и дам Вашему Величеству совет.»

Дело было в том, что Эдвард VIII, очевидно, полагал, будто он просит совета у Болдуина как у частного лица, как младший по возрасту у старшего. Болдуин же предпочёл услышать в этой просьбе желание Короля услышать совет своего Правительства. Он заранее знал, какой совет он даст королю и заранее же знал, что совет этот будет отвергнут. Если же король отвергал то или иное решение кабинета, то это влекло за собой отставку правительства. Эдвард сообразил, что он в ловушке только когда ему объяснили, что он натворил.

23

На следующее утро королю позвонил лорд Бивербрук и в почтительнейших выражениях посоветовал ему отозвать свою просьбу. Бивербрук и стоявшие за ним люди хотели, чтобы Эдвард VIII удержался на троне во что бы то ни стало и не менее страстно они желали отставки Болдуина. Бивербрук предложил, чтобы подконтрольная ему пресса начала освещать дело с выгодных королю позиций (Бивербрук был масс-медийным «магнатом», владельцем Sunday Express и Daily Express и «достигнутое соглашение с прессой», о котором упоминал в своём письме королю Хардинг, было вообще-то соглашением с Бивербруком.)

Король колебался. Он хотел удержаться на троне, он хотел покончить с Болдуином, но его страшила мысль о кампании в печати, где будут перемываться кости миссис Симпсон. Кроме того, ему уже сообщили, что попросив премьер-министра о совете, он теперь обязан этот совет принять. Или отвергнуть. В другой ситуации, в другое время, в другом политическом контексте, словом, в другой реальности подобный смешной казус можно было бы легко уладить закулисно. Но не здесь и не сейчас. Слово – не воробей, но Болдуин вылетевшее королевское слово поймал в пятерню, что твоего воробья, и выпускать не собирался.

Тем же вечером Эдвард VIII переговорил с милой Уоллис и перезвонил Бивербруку, сообщив ему, что она тоже склоняется к идее морганатического брака. Уоллис и стоявшие уже за нею люди шли ва-банк. Морганатический брак предоставлял Уоллис гораздо больше возможностей, он делал её больше, чем королевой. Бивербрук понял, что «партия короля» проигрывает. «Миссис Симпсон хотела морганатического брака, а король хотел того, чего хотела миссис Симпсон.»

На этом этапе в игру вступила церковь. Архиепископ Кентерберийский по понятным мотивам был яростным противником идеи королевского брака в любом виде. Зная это, Болдуин несколько раз пытался настоять на его присутствии на переговорах премьер-министра с королём, но Эдвард VIII не менее упорно такой идее противился. И тут 1 декабря 1936 года с инициативой на местах выступил епископ Брэдфордский. Его проповедь под названием «Вспомним о религии» была опубликована в газете «Йоркшир Пост». В проповеди епископ критически отзывался о короле, высказавшись в том смысле, что тому, похоже, не известно, что такое «Божье благословление». Проповедь была тут же перепечатана другими газетами. Интересно тут то, что проповедь епископом была написана двумя неделями раньше, в момент написания он о существовании миссис Симпсон даже не подозревал и критиковал он короля совсем по другим причинам. Тем не менее в проповеди все увидели то, что захотели увидеть. «Дорого яичко ко Христову дню.» Молчаливо соблюдавшееся до этого дня молчание прессы (то самое «джентльменское соглашение») было нарушено. Ящик Пандоры был открыт.

Парадоксальным образом Эдвард VIII увидел лазейку в ситуации, казавшейся как его врагам, так и «попутчикам», безвыходной. Дело в том, что для одобрения королевского брака требовалось не только согласие кабинета, но и согласие доминионов. То-есть, фактически, согласие правительств провинций. Король, памятуя о своей популярности в среде провинциалов, к которым он так

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
часто навевался в бытность свою принцем, рассчитывал, что это сослужит ему службу в кризисной ситуации и что поддержка доминионов ему обеспечена. Он просчитался. Популярность «принцессы Дайаны» это одно, а институт монархии это совсем другое. Когда речь заходит о благополучии Империи, то провинциалы становятся куда большими империалистами, чем «титовская нация» (исходя из этих соображений и СССР дальновидно начинали валить в Москве, а отнюдь не в каком-нибудь Душанбе). Реакция доминионов оказалась для Эдварда VIII холодным душем. Застрельщиками выступили Австралия, Канада и Южная Африка. Они дружно отвергли не только морганатический брак, но и саму идею брака короля на Уоллис Симпсон. Грубые южноафриканцы первыми пустили в ход слово «отречение». «Отречение будет одномоментным шоком, морганатический же брак будет вечно открытой раной.» Было там и смешное – в Новой Зеландии умудрились вообще ничего не знать как о конституционном кризисе в метрополии, так и о страстях, бушующих в Лондоне и в ответ на запрос Кабинета Его Величества новозеландцы вытаращили глаза: «Какая такая миссис Симпсон?! Кто это?! Дорогие, вы чего? Are you alright?»

В полдень 2 декабря Бивербрук информировал королевское окружение о том, что действовавшее до сих пор «джентльменское соглашение» более недействительно и что подвластная ему пресса начинает публиковать данные обо всём, что связано с кризисом.

Вечером 2 декабря Болдуин явился к королю и выложил карты на стол. Премьер-министр, Кабинет и Доминионы были против короля. «Вот выбор, перед которым стоит Ваше Величество – вы можете отказаться от идеи женитьбы на миссис Симпсон, вы можете жениться на ней, невзирая на мнение ваших министров, и вы можете... отречься.»

Эдвард VIII ответил, что если ему того захочется, то он не задумается и отречься. Сказал он это сгоряча, он вообще за своим языком следил плохо. Так, услышав об отрицательной реакции австралийцев на его решение жениться, он во всеуслышание заявил, что «в Австралии живёт слишком мало людей, чтобы считаться с их мнением!», чем тут же нажил себе дополнительных врагов.

Не успел Болдуин выйти за дверь, как король побежал к Уоллис, а та, затопав ногами, заявила, чтобы он об отречении и думать не смел и что она, с тем, чтобы развязать ему руки, немедленно уезжает за границу. «Немедленно» в её устах означало немедленно, на следующий же день король попросил своего сторонника лорда Браунлоу доставить «W» (то-есть Wallis) к парому, уходящему в Дьепп. Тот тут же прилетел в своём Роллс-Ройсе и повёз Уоллис в порт, где их уже ждал королевский Бьюик с личным королевским шофёром и телохранителем из Скотланд-Ярда. На паром Браунлоу и Уоллис прошли как мистер и миссис Харрисон, что вряд ли могло кого обмануть, так как в их паспортах были указаны настоящие имена, утечку о чём французская сторона тут же дала «акулам пера». Из Дьеппа они, сопровождаемые кавалькадой тогдашних paparazzi, помчались на юг Франции, в Канн. Первую остановку они сделали в Нормандии, в Эвре. Из открытой телефонной кабинки, находившейся в помещении какого-то бара, Уоллис попыталась позвонить до Короля Великобритании и Императора Индии. Их соединили. Однако слышимость была столь плохой, что ей пришлось кричать в голос и вновь и вновь повторять одно и то же, кричала же она следующее – «поговори с Черчиллем, скажи, что ты не собираешься отречься, не поступай опрометчиво, не спеши, НЕ СПЕШИ!» Сопровождавшим её лорду Браунлоу и детективу Эвансу пришлось затеять притворную перепалку, чтобы заглушить Уоллис. События принимали вид откровенного фарса.

Позднее Уоллис не раз говорила, что самой большой ошибкой в её жизни было решение уехать из Англии и оставить короля Эдварда VIII одного. Король же, отправляя свою суженую за границу, очевиднейшим образом не понимал с кем в лице Уоллис он имеет дело. Он стремился уберечь её от грязной шумихи в газетах в то время как ей на подобную чепуху было плевать, а уж о газетах она думала в самую последнюю очередь. Подыгрывая королю, Уоллис, которая не могла выйти за рамки собственного образа, созданного ею в глазах Эдварда, проиграла игру с куда более высокими ставками. Как сама Уоллис, так и люди, стоявшие за ней, полагали, что дело ещё можно спасти, что если оружием в руках Болдуина была угроза отставки правительства, то теперь уже Эдвард VIII мог шантажировать семью и Парламент угрозой отречения. Она заклинала его быть твёрдым, перед расставанием, когда он заикнулся об отречении, она сказала ему, что он должен удержать трон любой ценой. «At all costs, at all sacrifices, keep the Throne.»

Браунлоу послал с дороги зашифрованную телеграмму Бивербруку, в телеграмме говорилось, что Бивербрук должен сказать Эдварду VIII, будто Уоллис хочет, чтобы король забыл о ней на год и сосредоточился на одном – на коронации. Но всё было тщетно, не успела Уоллис уехать, как король вновь совершил ошибку. И ошибку непоправимую. Он заявил Болдуину, что ему должна быть предоставлена возможность зачитать по радио «Обращение к нации», в котором он хочет изложить суть кризиса.

Это было последней соломинкой. От короля, как ошпаренные, опасливо отскочили все. Ошарашенный Болдуин только и смог, что промямлить что-то насчёт согласия остальных министров. Желание короля было чем-то столь неслыханным, что потребовалось срочное заседание Кабинета. До последнего короля поддерживал только Черчилль, он даже внёс какие-то поправки в текст предполагаемого обращения, хотя даже ему было ясно, что это конец. Все участники игры боролись за власть, вождели её, однако всех их объединяло одно – они хотели получить власть легально, в пределах сложившихся правил, им не нужен был «1905 год», им нужен был «парламентаризм», а обращение короля к нации напрямую, через голову Правительства и Парламента, выглядело какой-то «пугачёвщиной» с совершенно непредсказуемыми последствиями. Эдварду VIII удалось то, чего он хотел меньше всего, он перепугал «элиту» до смерти.

События между тем выходили из под контроля и без всяких «обращений». Перед Букингэмским дворцом собралась толпа из нескольких сотен человек, скандировавших «We want our king!», люди сбивались в кучки по всему Лондону, разъярённая толпа напала на автомобиль Архиепископа Кентерберийского и тому удалось проехать только после вмешательства полиции. 4 декабря, после того как лондонские газеты вышли под заголовками вроде «Grave Crisis», Болдуин выступил в Палате Общин. Он заявил, что Правительство Его Величества против мorganатического брака короля и что «Доминионы на стороне Правительства.» Его слова были встречены овацией депутатов. Вскочивший на ноги Черчилль, перекрывая шум, прокричал Болдуину: «Ты не успокойся, пока не добьёшь его!» Черчиллю уже нечего было терять, в глазах истеблишмента он настолько крепко связал себя с королём, что теперь шёл ко дну вместе с ним (сам Черчилль полагал так же и считал свою политическую карьеру подошедшей к концу).

На следующий день перед Букингэмским дворцом демонстрировали уже несколько тысяч человек и толпа увеличивалась на глазах. Участники демонстрации хотели защитить Poor Men's King. Плакаты, развёрнутые над толпой гласили – «We want Eddie and we want his missus!» Некоторые заходили в осмыслении событий даже и дальше, лондонцы несли рукописные плакатики с надписями «Hands off our King, abdication means revolution!»

Болдуин назначил очередное срочное заседание Кабинета на неурочное время – в воскресенье, а также настоял на немедленной встрече с Архиепископом Кентерберийским. Болдуин встретился также с Королевой Матерью. «Я вижу, что мир вокруг меня распадается на куски, а ведь какие усилия потребовались от меня, чтобы этот мир построить» – сказала она ему. Эдварду VIII Болдуин заявил, что Правительство не предоставит ему права выступить с обращением к нации. 7 декабря, в понедельник, Черчилль выступил в Палате Общин. «Правительство не может заставлять короля отречься, это в компетенции только и только Парламента!» – надсаживался он. Депутаты, вскочив с мест, топали ногами. «Заткнись!» – кричали они ему. «ЗАТКНИСЬ!» Газета «Таймс» написала, что «ничего подобного не было за всю историю Парламента.»

Эдвард VIII, оставшийся в одиночестве, не выдержал давления. Не ставя о том в известность Бивербрука и Черчилля, он решился на отречение. Бивербрук, тщетно пытавшийся войти с ним в контакт, понял это, устало сказав Черчиллю: «Our cock won't fight.»

10 декабря 1936 года в Форт Бельведере, в присутствии трёх своих братьев – герцога Йоркского, герцога Глoucestersкого и герцога Кентского, свидетельствовавших его подпись, Эдвард VIII подписал акт отречения.

24

Отрёкшись, он стал никем и ничем. Это с нашей точки зрения он был велик и могуч, а по мнению тех, кто властью обладает, Эдвард, от власти отрёкшийся, лишился и власти над собою, он стал такой же игрушкой чужих страстей, как и любой из нас, и теперь уже бывший король (по поводу «бывших» очень хорошо

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
писал великий пролетарский поэт Владимир Владимирович) выступил по радио с тем самым обращением к нации, где попытался объяснить мотивы своих действий. Теперь стало можно. «Пой, соловушка, пой.» Текст обращения был написан Черчиллем, тот был талантливым литератором и обращение, а одновременно объяснение, признание и прощание вышло на славу. Да и читал его «бывший» хорошо, с выражением и со слезой.

«I have found it impossible to carry a heavy burden of responsibility and to discharge my duties as King, as I wish to do, without the help and support of the woman I love».

Было зарегистрировано рекордное число радиослушателей, ещё бы! Далеко не каждый день случается этакий инфоповод. Позднее речь бывшего короля подпольно (официально это было строжайше запрещено госцензурой) выпускали на грампластинках и контрабандно, за хорошие деньги, продавали на континент и в США.

Пропев «прощание с англичанкой» бывший король, а отныне всего навсего герцог Виндзорский был доставлен на автомобиле в Портсмут, на борт эскадренного миноносца Fury. Эсминец яростно пересёк Ла-Манш и высадил герцога Виндзорского во Франции. Ну, а там он с комфортом уселся в «Восточный Экспресс» и домчался на нём до Вены. В Вене его встретил посол Великобритании и после протокольной встречи с австрийским президентом Миклашем доставил умалившегося до всего лишь Его Королевского Высочества Эдварда в принадлежавший (на бумаге) барону и баронессе Евгению Ротшильд замок Энцесфельд, где герцогу Виндзорскому предстояло прожить долгие пять месяцев до воссоединения с милой Уоллис. Вы ещё помните о ней?

С Уоллис мы расстались во Франции, на одной из дорог, которые мы выбираем. Её дорога вела на юг, в Канн, провинциальный французский городишко, где в те времена нельзя было себя развлечь даже и кинофестивалем, да и погода там зимой не ахти, дождит. Почему Уоллис ехала непременно в Канн? Что, не было в Европе других мест, где могла бы укрыться путешествующая и плывущая бедняжка, гонимая неблагоприятным английским народом? Места такие, конечно же, были, но не во всех местах живут резиденты. Да ещё и располагающие собственными особняками. А в Канне Уоллис ждал гостеприимный дом с хлебосольными хозяевами. Хозяева носили заурядную фамилию Роджерс и были они давними друзьями нашей Уоллис. Роджерсы были той самой семейной парой, которая приютила Уоллис лет за пятнадцать до того, и приютила не где-нибудь, а в Пекине, куда тогда ещё миссис Спенсер добиралась с фенимор-куперскими приключениями и где на загаженном перроне с пулёмётными гнёздами её встречал командир морских пехотинцев, охранявших американское посольство, и делал он это не только по той причине, что был джентльменом, но ещё и потому, что иностранкам въезд в Пекин был строжайше запрещён.

Роджерс-муж работал на американскую разведку и, наверное, именно эта сентиментальная причина и заставила его предоставить крышу и кров беззащитной бедняжке, занесённой судьбой злодейкой так далеко от отчего дома. В Пекине Уоллис прожила у Роджерсов год и вспоминала потом это время как «время золотое». После Китая Роджерсы перебрались во Францию, купили особняк (Роджерс был из очень богатой семьи), Уоллис несколько раз гостила у них и теперь сам Бог не нашёл бы для неё убежища лучше. А убежище ей требовалось, что да, то да. Вилла Лу Вье всё то время, что там находилась Уоллис подвергалась самой настоящей осаде. На окружающих особняк деревьях стояли сидели стервятники репортёры, за оградой цепью стояли французские жандармы, и, как будто этого было недостаточно, в округе шмыгали неприметные личности в штатском, являвшиеся сотрудниками секретных служб Франции и Англии.

Жить там Уоллис было нестерпимо скучно, пару раз она выбиралась за покупками, но кончалось это неизбежным бегством от толпы. Кроме скуки её мучило то, что Эдвард в Австрии пребывал в обществе не только Ротшильда, что было бы ладно, но ещё и его жены, а баронесса Китти Ротшильд зарекомендовала себя как чрезвычайно ловкая особа. Даже и сам Эдвард как-то со смехом заметил, что она была протестанткой при первом муже, католичкой при втором и еврейкой при третьем. Уоллис было скучно и она справедливо полагала, что и Эдварду должно быть скучно, а со скуки чего только в голову не взбредёт. Время тянулось очень медленно, развлечений не было никаких, не считать же за таковые телефонные разговоры с герцогом Виндзорским, случавшиеся по нескольку раз на дню. (За несколько месяцев Эдвард наговорил разговоров на четыре с половиной тысячи тогдашних долларов, это цена дюжины

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
тогдашних же автомобилей. Австрийский Ротшильд, Женья, хоть и был человеком небедным, обстоятельством этим, тем не менее, озабочивался и жаловался жене, а жена, Китти, жаловалась дальше в следующих выражениях – «Edward has no sense of money. You know, we are not among the rich Rothschilds, and these telephone calls appall us.» Но Эдварду было чуть повеселее, чем Уоллис, кроме звонков милой, он мог развлекать себя и по-другому. Так, будучи человеком, от реальности совершенно оторванным, он не мог даже разбирать собственную почту, а почта шла потоком. По этой причине он дал объявление о найме секретарши и на следующий же день к дверям Schloss Enzesfeld выстроилась очередь из 800 (!) простых австрийских женщин, желавших разбираться с герцогом его корреспонденцию.

Уоллис же, не зная чем себя занять, удалось отвлечься лишь раз. Перед Рождеством она получила неожиданное приглашение от Сомерсета Моэма. Тот тоже жил во Франции, недалеко от Роджерсов, и изъявил желание встретить Рождество вместе. Герман Роджерс и Уоллис откликнулись на приглашение. У Моэма, после обеда, они уселись играть в карты. Биограф отмечает забавную символичность этой сцены – за столом, держа в руках карты, сидели три разведчика (В годы Первой мировой Моэм работал на British Secret Service и даже посещал Россию с целью помочь Временному Правительству наладить пропагандистскую работу). В какой-то момент Моэм спросил Уоллис: «А где же ваш червовый король?» Та бросила карты на стол. «Мои короли не выигрывают, – сказала она, – мои короли только отрекаются.»

Но всему на свете приходит конец, пришёл конец и ожиданию. 5 мая 1937 года Уоллис получила уведомление английского суда о том, что она отныне свободная женщина. Эдвард тут же бросил своих Ротшильдов и помчался во Францию. 3 июня 1937 года была сыграна долгожданная свадьба. Тут тоже не обошлось без интересностей. Свадьба игралась в Шато де Канде, замке шестнадцатого столетия, предоставленном в распоряжение Эдварда и Уоллис их другом, Шарлем Бидо. Шарль был миллионером и искателем приключений международного масштаба. Француз, бросивший школу и в шестнадцать лет начавший делать карьеру в небезызвестном парижском квартале Пигаль, имевший в наставниках преуспевавшего сутенёра Анри Ледуа и сбежавший после убийства Ледуа в 1906 году в Америку. Там он, пустив в ход полученные навыки, быстро женился, причём женился на «старых деньгах», получил американское гражданство, очень удачно распорядился приданым, немощно разбогател, начал снова между континентами, открывая филиалы своих «консультативных фирм» специализировавшихся на «менеджменте» не только в Америке и Европе, но даже и в Африке и на Ближнем Востоке, привлёк внимание Госдепа и начал получать от государства всякие щекотливые поручения, за выполнение которых он брался с энтузиазмом. Горячий, видать, был человек. Француз. (Забегая вперёд, я могу рассказать, чем он закончил – в 1942 году Бидо оказался в Северной Африке, где руководил строительством нефтепровода для немцев; в ноябре 1942 года, в ходе операции «Торч», он был арестован находившимся в арьергарде наступавших сил союзников американским «СМЕРШем», вывезен в США, а там ему было предъявлено обвинение в государственной измене, но до суда он, как в таких случаях и водится, не дожил, якобы покончив жизнь самоубийством в феврале 1944 года.)

25

Как только была сыграна свадьба, бывший ещё недавно королём герцог Виндзорский Эдвард начал вынашивать планы по посещению Германии. Совершить официальный визит в Рейх он хотел давно, ещё будучи наследником, Эдвард через немецкого посла Хёша изъявил желание посетить в качестве почётного гостя Олимпийские Игры в Берлине, каковая идея английским правительством была встречена в штыки, принца тогда удалось остановить лишь после консультаций премьер-министра с Георгом V, который только и смог своей властью заставить наследника отказаться от экстравагантной затеи.

Став же королём, которому, как известно, сам чёрт не брат, Эдвард VIII первым делом повидался с кузеном Карлом, герцогом Сакс-Кобург-Готским и через него передал немецкой стороне желание встретиться с фюрером немецкого народа Адольфом Гитлером. Кроме этого Эдвардом была высоко оценена деятельность Риббентропа и высказано желание иметь послом в Англии человека не только являющегося членом НСДАП, но и занимающим высокое положение в обществе, позволяющее ему быть лично близким фюреру. Высказывая свои пожелания, король английский знал, что слова его будут восприняты немецкой стороной благосклонно, немцы со своей стороны уже посигналили фонариком – когда умер Георг V и вся Англия по этому случаю скорбела, в Берлине 28

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
января 1936 года была организована поминальная служба по усопшему английскому королю. Службу вместе с Гитлером почтили своим присутствием Геринг, Геббельс и Гиммлер.

Теперь же всё выглядело так, что никаких препятствий к визиту в Германию для Эдварда не существовало. Он мог вроде бы ни на кого не оглядываться, он ведь теперь был частным лицом, «герцогом Виндзорским», он мог делать всё, что ему заблагорассудится. Да и обстоятельства складывались как бы сами собой, как-то так вышло, что друг семьи Шарль Бидо, в доме которого герцогу с герцогиней только что кричали «горько!», вынужден был улаживать в Германии свои дела, там был конфискован немецкий филиал его фирмы и он то и дело оказывался в Рейхе, бизнес, знаете ли, ничего личного. Человек хочет вернуть себе свою собственность, что может быть естественнее, ну и будучи человеком инициативным, Бидо вошёл в контакт с фрицем Видеманном, бывшим командиром подразделения, в котором служил Гитлер во время Первой Мировой (в 1934 году Видеманн вступил в НСДАП и стал одним из советников Гесса, а в 1935 он вошёл в штат советников Гитлера. В 1939 Гитлер в нём якобы «разочаровался» и по этой причине Видеманн был назначен генеральным консулом Рейха в США, в Сан-Франциско. Известен он также тем, что начиная с 1937 года находился в «отношениях» со Стефани фон Гогенлое, девушкой «еврейской национальности» из Вены, как-то невзначай вышедшей замуж за принца Гогенлое, получив титул она с ним развелась в 1920 году. Позднее она выполняла разведзадания Рейха в различных европейских странах и делала это столь успешно, что заслужила от Гимmlера статус «почётной арийки». После назначения Видеманна консулом в США она была переброшена туда же ему в помощь. После разрыва дипотношений между США и Германией Видеманн был назначен консулом в Китай, находился там до 45-го, после поражения Германии был арестован, был даже в Нюрнберге судим и получил 2,5 года тюрьмы. Потом вышел на свободу с чистой совестью и жил ещё долго и счастливо.)

Ну и вот, находясь в Шато де Канде, Эдвард через Бидо и через Видеманна изъявил желание посетить Рейх с целью ознакомления с условиями быта и труда немецких рабочих. Пока же, в качестве места для проведения медового месяца, он выбрал замок Вассерлеонбург в южной Австрии, гостеприимным хозяином был граф Пауль Мюнстер, член «Январского клуба» (сообщество, созданное в 1934 году Освальдом Мосли для поддержки Британского Союза фашистов), чья жена Пегги Вард по счастливейшей случайности оказалась родственницей бывшей пассии Эдварда миссис Дадли Вард (помните такую?). У Мюнстера, кроме прочих достоинств, было двойное гражданство – немецкое и английское и не иначе как по этой причине он являлся на тот момент объектом оперативной разработки со стороны SIS. Так что текущий процесс отслеживался англичанами в масштабе реального времени, даже и отдельную папочку заводить не потребовалось.

Начиная с августа 1937 года визит Эдварда в Германию стал обретать реальные черты. Видеманн вышел на передний план, его посредничество выглядело тем естественнее и тем для Эдварда приятнее, что бывший командир Гитлера являлся сторонником реставрации монархии в Германии, ну и немаловажно то, что на фоне нацистской верхушки он выглядел очень умеренным деятелем. Видеманн, получивший инструкции непосредственно от Гитлера, назвал время предстоящего визита – осень 37-го, а также человека, который должен был официально представлять приглашающую сторону, человеком этим стал вождь Трудового фронта Рейха доктор Роберт Лей, получивший задание разработать визит в деталях. Кроме этого Гитлер лично распорядился, чтобы визит финансировался из секретных фондов Рейхсбанка. Ну и для полного, так сказать, ажюра в распоряжение герцога и герцогини Виндзорских предоставлялись два самолёта и восемь автомобилей.

19 августа 1937 года американцы через Бидо дали утечку. Английской стороне стало известно, что Бидо, находившийся «по делам» в Будапеште, якобы заявил американскому послу Трэверсу, что герцог Виндзорский, занимающийся изучением условий труда и быта пролетариев всех стран, желает воочию ознакомиться с тем, как живётся немецким рабочим. Это было обычным блаблабла, которое можно было бы пропустить мимо ушей, но тут последовал удар – Бидо, как бы невзначай, добавил, что герцогу это нужно по той причине, что когда он вернётся в Англию это поможет ему стать вождём рабочего класса. «with a view to returning to England at a later date as the champion of the working classes». Ничего себе! Для англичан это заявление было dynamite-laden заявлением. Англичане перекошились. Визит теперь смотрелся совсем в другом свете, получалось, что Эдвард, который вроде бы так легко от власти отказался, вынашивал планы за власть бороться и к власти вернуться.

14 сентября американцы повернули в ране вонзённое лезвие – они вновь дали знать английской стороне, будто всё тот же неугомонный Бидо, опять оказавшийся в Будапеште, якобы заявил, что 3 октября герцог Виндзорский выступит с официальным заявлением, где будет сказано, что он совершит визит в Германию, визит начнётся 11 октября, продлится 12 дней и что по завершении визита герцогская чета на немецком лайнере «Бремен» отбудет с визитом в США. Бидо якобы также сообщил, что эти планы совершенно секретны, но что герцог 3 октября поставит в известность английского посла в США, и что во время визита он планирует посетить Белый Дом. Ну и уж до кучи SIS были перехвачены два частных письма Бидо, где среди всякой чепухи утверждалось, что герцог во время визита в США планирует создать Всемирное Движение за Мир и возглавить его.

Когда герцогская чета отбыла в Берлин, вслед ей махали платочками триста провожавших. Когда доставивший высокую пару из Парижа «Норд Экспресс» прибыл на берлинский вокзал, герцога с герцогиней приветствовали несколько сот человек. Они дружно скандировали «Хайль Виндзор!». Делегацию хозяев во время встречи возглавили Лей и Видеманн. Герцог Виндзорский приветствовал их вскидыванием правой руки. Герцогскую чету доставили в отель Кайзерхоф, где выстроенная на ступенях прислуга спела сочинённую в Министерстве Пропанданды в честь почётных гостей песню. Уоллис осталась в отеле отдохнуть, а герцога, жаждавшего увидеть, как живёт под гнётом нацистов простой немецкий народ, повезли в Грюневальд, на машиностроительный завод.

Герцог, выпучив глаза, смотрел на корпуса, выстроенные в стиле модерн, посетил цеха, где работали три тысячи человек, пообедал в заводском ресторане, побывал в заводском концертном зале, увидел плавательный бассейн, цветочные клумбы, подстриженные лужайки. Он говорил с рабочими по-немецки и они ему охотно отвечали. Доктор Лей подводил их одного за другим к герцогу, они шутили, с Леем они держались как с равным себе, они хлопали его по спине, смеялись. Герцог никогда не видел ничего подобного. Рабочие рассказывали ему сколько они получают, рассказывали об условиях труда, о разрешении трудовых конфликтов, о том, как они и «менеджмент» работают рука об руку, забыв о разделяющих их «классах». Рабочие рассказывали ему о гимнастическом зале и ежедневно меняющихся блюдах в заводском ресторане. Герцог смотрел и не верил своим глазам, слушал и не верил своим ушам. В случившийся обеденный перерыв он вместе с тысячью рабочих послушал концерт из произведений Вагнера и Листа. Классические произведения исполнял Оркестр Берлинского Трудового Фронта. А потом совершенно случайно оказавшийся в Берлине любимый тенор Гитлера американец Эйвинд Лахольм исполнил не так для герцога, как для немецких рабочих арию из Лоэнгина. В заключение оркестр бодро сыграл «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес» и ещё бодрее «Боже, храни Короля». В отель герцог вернулся, впечатлений полон.

Вечером того же дня герцог и герцогиня посетили здание Трудового Фронта, где их ждала встреча с Геббельсом, Риббентропом, Гиммлером и Гессом. На следующий день Уоллис, сославшись на недомогание, осталась в отеле, а герцога повезли знакомиться со страной. Ехали они в особом автобусе на девять мест, с баром и телефоном. Доктор Лей сидел за рулём и ехал со скоростью 60 км в час вместо обычной для невиданного ещё герцогом аутобана скорости в 120 км в час с тем, чтобы дать герцогу возможность осмотреться. На границе с Померанией автобус подобрал местного «главу администрации» и весёлая компания покатила в Крозензее, где находилась штаб-квартира и тренировочная база дивизии «Мёртвая Голова». По их прибытии оркестр сыграл английский гимн, на что герцог опять ответил приветственным жестом правой руки. Среди прочего, помимо оружия и полосы препятствий, ему показали учебные классы и объяснили, что здесь военнослужащие, после пяти часов физподготовки, изучают расовую биологию, археологию, историю и политику. После перекуса в дивизионной столовой герцога доставили на военный аэродром Штаргард, поднявшись с него на личном двенадцатиместном самолёте доктора Лея, они полетали над балтийским побережьем. Высокому гостю показали с воздуха здание отеля, где могли отдыхать отличившиеся в учёбе члены гитлерюгенда.

На следующий день пара посетила маршала Геринга в его знаменитом охотхозяйстве. Там они с удивлением рассматривали мозаичную карту Европы. Она вся была выложена тем же цветом, что и Германия. На вопрос герцога – «не преждевременно ли?» Геринг ответил: «Так будет. Так суждено.» Во время чаепития Геринг поделился с гостями своей радостью и сообщил им, что его

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
жена беременна. «Если это будет сын, то над Германией пролетит тысяча самолётов, а если дочь, то только пятьсот.» Распрощавшись с Герингами, герцог с герцогиней, оживлённо делясь впечатлениями, сошлись на том, что идиллию немного подпортил налёт вульгарности – в скромной хижине рейхсмаршала всюду были развешаны картины с изображениями обнажённых женщин.

В отеле их посетил с визитом доктор Геббельс. В своих «дневниках» он записал «герцог был слишком умён, слишком прогрессивен, слишком одержим проблемами низших классов и слишком про-немецки настроен. Эта трагическая фигура могла спасти Европу от уготованного ей рока.»

15 октября герцог посетил угольную шахту и спустился на глубину пятисот метров, после шахты его повезли на завод вооружений Круппа. У герцога разбежались глаза. 16-го они поехали в Дюссельдорф, на народную ярмарку, герцог не успевал раскланиваться и отвечать на беспрерывно раздающееся отовсюду «Хайль!» Здесь приключалась маленькая неприятность, на ярмарке оказалась каким-то чёртом занесённая в Германию англичанка, начавшая выкрикивать оскорбления и угрозы в адрес герцога с герцогиней, но её тут же уволокли в неизвестном направлении. По этому ли случаю, либо по какому другому, но чета посетила очень удачно оказавшийся под Дюссельдорфом концлагерь.

Во время визита в Лейпциг, после уже ставшей привычной встречи с восторженной толпой, герцог отклонил предложение Лея встретиться с Юлиусом Штрайхером. Причина была в том, что за несколько месяцев до визита штрайхеровская газета «Штюрмер» поместила заметку, где утверждалось, что нынешняя герцогиня Виндзорская – еврейка. Герцог и герцогиня сочли себя оскорблёнными, а визит к Штрайхеру неуместным.

В ходе поездки началась подготовка к посещению герцогской четой США. Американцы даже дали знать англичанам, что ведущиеся между ними и Бидо переговоры касаются того, что герцогине Виндзорской должны оказываться знаки почтения как коронованной особе и что Бидо предложил оплатить визит из собственного кармана.

20 октября старый друг и родственник Виндзора, Карл, герцог Сакс-Кобург-Готский снял Гранд Отель в Нюрнберге и устроил там обед в честь приехавших. Была приглашена сотня гостей. Они все, как один, были из числа немецкой аристократии. От лица немецкой знати Карл заявил Эдварду, что они целиком на его стороне. Жена Карла и остальные немки, приветствуя Уоллис, приседали перед нею в книксене, словно перед королевой. На салфетках была вышита аббревиатура HRH, то есть «Her Royal Highness», «Её Королевское Высочество», титулование, на которое Уоллис не имела права, но которое чрезвычайно льстило как ей, так и герцогу Виндзорскому.

И наконец подошло 22 октября, кульминация визита. В этот день состоялась встреча четы с Гитлером. Произошло это всего лишь через три недели после триумфальной встречи Гитлера с Муссолини в Берлине, что вообще-то означало крах политики Эдварда в тот период, когда он был королём. Он скормил Италии Эфиопию в надежде отколоть ту от Германии. За три дня до визита дуче Гитлера посетил лорд Галифакс, он сказал Гитлеру, что новый премьер-министр, Чемберлен, хочет мира с Германией и что он, Галифакс, уполномочен обговорить условия, на которых может состояться встреча правительственных делегаций. Галифакс заявил, что Британия готова удовлетворить интересы Германии в Африке и что английское правительство развязывает руки Германии в Восточной Европе. Германия к тому моменту уже решила на войну, это понимали все, но Гитлер колебался в выборе направления первого удара – он мог ударить на западе и мог ударить на востоке, и визит герцога был как нельзя кстати. Дело было в том, что Эдвард был не только германофилом, но он ещё был и демонстративным большевикофобом, что скрывало за собою банальную русофобию. Гитлер заранее знал, что на встрече с ним герцог Виндзорский будет подталкивать его на восток и что он сможет использовать эту встречу для блефа. За год до визита герцога Виндзорского в Германию фюрер уже имел встречу с Ллойд-Джорджем (Гитлер считал его величайшим английским политиком) и кандидатура на пост главы марионеточного английского правительства у него уже была. Но вот что касается английского трона, то тут ещё следовало поработать. По планам немцев, семья должна была отправиться в изгнание в Канаду, а нынешнему герцогу Виндзорскому должен был быть возвращён английский престол.

Герцогская чета была доставлена в Оберзальцбург, откуда в обществе Лея и Пауля Шмидта они отправились к озеру Кёнигзее, в Берхтесгаден. Сам Гитер встретил их там, спустившись по ступеням им навстречу.

Гостей провели в зал, поразивший их своими размерами. Всюду были развешаны портреты Бисмарка, всюду были цветы, море цветов, великолепная мебель, украшенная орнаментом из крошечных свастика, гигантский глобус, рояль с бюстом Вагнера. Гостям предложили чай. Кроме Гитлера присутствовали переводчик Шмидт, советник Гитлера Вальтер Хевель и фотограф Генрих Хоффман. Двадцать минут из отведённых на встречу двух часов фюрер показывал гостям дом, продемонстрировал им с одного из балконов вид Зальцбурга. На минутку было позволено войти нескольким репортёрам. Из иностранцев этой чести удостоился только Альбион Росс из Нью-Йорк Таймс. Репортёрам зачитали официальное заявление по поводу происходящего и тут же вывели вон.

Эдвард, завязывая разговор, сказал Гитлеру, что немцы и англичане должны быть всегда вместе, ибо их связывает одна кровь. «У нас общие предки – гунны!» заявил он. Чтобы понять, что означали эти слова, следует знать, что вся антинемецкая пропаганда в годы Первой Мировой Войны крутилась вокруг словечка «гунны», которым клеймили немцев. Для Англии «гунны» были тем же самым, что «фашисты» для советской пропаганды времён Великой Отечественной.

Гунны гуннами, но тут же возникла препотешная ситуация. Эдвард прекрасно, без малейшего акцента, говорил по-немецки (он очень любил упоминать, что по крови он на три четверти немец), однако его слова повторялись переводчиком Шмидтом, соответственно слова Гитлера, когда тот обращался к герцогу, переводились Шмидтом на английский. Эдвард раздражённо заявил, что ему не нужны услуги переводчика, на что Гитлер после паузы спокойно сказал, что если протоколом предусмотрен переводчик, то переводчик и будет их переводить, в дальнейшем Эдвард несколько раз взрывался, заявляя Шмидту, что «фюрер совсем не это имел в виду» или что «эти слова должны быть переведены не так», но Гитлер, переждав его вспышку, как ни в чём не бывало продолжал переговариваться с ним через Шмидта. Один гунн показывал другому гунну, что есть гунны и есть гунны. И что как ни хотел бы кое-кто у нас порой стать скифом и азиатом, но одного желания ещё мало. «Работать, работать надо!»

Потом, как бы невзначай, Гитлер, оставив Уоллис в зале, вывел герцога в соседнюю комнату и там они проговорили минут двадцать. Со слов Эдварда, Гитлер вывернул разговор таким образом, что герцогу Виндзорскому пришлось (пришлось!), заключая беседу заявить, будто единственной угрозой миру является большевизм и что усилия Германии должны сосредоточиться на восточном направлении.

Однако говорили они и ещё кое о чём. Так, а одной из своих «застольных бесед» 13 мая 1942 года Гитлер заявил, что «король (sic!) предложил мне удовлетворить колониальные запросы Германии, предоставив ей возможность заселить северную Австралию с тем, чтобы создать щит между зоной английских интересов и Японией.»

Интересно мнение на этот счёт Пола Гетти (кто не знает старину Пола...), заметившим после разговора с герцогом: «У меня есть причины подозревать, что он, встречаясь с Гитлером, участвовал в этой игре не по своей инициативе и что когда-нибудь на свет будет извлечено тайное досье, которое прольёт свет на этот загадочный эпизод.»

Распрощались герцог с Гитлером как лучшие друзья. После того, как Гитлер вернулся в дом, он сказал: «Из неё бы вышла хорошая королева Англии.» Слова эти облетели мир, их вспоминают все без исключения биографы, пишущие об истории любви короля Эдварда VIII и Уоллис, но дело ведь не в словах, слова сами по себе значат очень немного, важна интонация, а ещё важнее контекст и в данном случае в высшей степени желательно не так услышать слова Гитлера, как увидеть его лицо, увидеть затаённую усмешку в его прищуренных глазах, увидеть взгляд, которым он обменялся с приближёнными, понять, что означала пауза, возникшая после этих слов.

Дело вот в чём: когда умер Георг V, то гроб с его телом был выставлен в холле Вестминстерского аббатства. В ходе траурных торжеств мимо гроба в скорбном молчании прошли более миллиона англичан. Людской поток прерывался

лишь ночью и вот как-то уже под утро, когда в зале не было ни души, через заднюю дверь в холл прошли два человека, это были король Эдвард VIII и Уоллис. Они подошли к гробу и, взявшись за руки, склонили головы. В гробу лежал отец, у гроба стоял сын. И та, кого он любил. Эту сцену при помощи миниатюрной кинокамеры тайком снял немецкий агент и плёнка тут же была переправлена в Германию. Там она была закольцована и получился коротенький фильм. Фильм этот был показан Гитлеру. Гитлер истерически смеялся. Он задышался, тыкал пальцем в экран, вытирал выступившие слёзы, успокаивался, потом прыскал и опять принимался хохотать. Заливисто, неудержимо.

«Из неё бы вышла хорошая королева Англии.»

26

А что же в это время происходило в Англии? Ведь когда король умирает, его сменяет следующий, отречение было чем-то вроде маленькой смерти, и на смену ушедшему королю должен был прийти монарх новый, трон не мог пустовать. Как только Эдвардом VIII было подписано отречение, власть перешла к его брату. Брата звали Альберт Фредерик Артур Георг и уже из одного этого видно, что когда его крестили, то Семья не видела в нём будущего монарха. В короли изначально готовился только и только его старший брат, будущий Эдвард VIII, полное имя которого звучало как Эдвард Альберт Кристиан Джордж Эндрю Патрик Дэвид (четыре последних данных ему при крещении имени это имена святых покровителей Англии, Шотландии, Ирландии и Уэльса). Пробежим быстренько по биографии человека, ставшего королём Англии вместо Эдварда VIII.

Трудно представить себе двух более разных людей, чем старшие сыновья Георга V.

Если Эдвард, по образному выражению биографа королевской семьи, был фазаном, то Альберт (в семье его звали «Берти») был гадким утёнком. Если наследник был «celebrity» и упивался собою в этой роли, то Берти являлся его полной противоположностью. Он не просто сторонился толпы, он был болезненно застенчивым человеком. Застенчивость имела причину – Берти был тяжёлым заикой. Детство его было нелёгким, Берти родился с вывернутыми внутрь коленями, лечилось это при помощи надеваемых на ночь металлических шин, которые полагалось носить ещё и часть дня. Процесс был мучителен, и как будто этого было недостаточно, ребёнка, который был левшой, личным распоряжением Георга V почтительно, но твёрдо приучали пользоваться только правой рукой. С королём не поспоришь и уж совершенно точно не поспоришь с таким королём, каким был Георг V, как-то заметивший, что «мой отец боялся моего деда, я боялся отца и будь я проклят, если не заставлю своих детей бояться меня». (Чтобы понять, почему так смеялся Гитлер, глядя как «жизнь младая» в лице непутёвого Эдварда и весёлой Уоллис играет у гробового входа, куда ушёл Георг V, следует знать, каким человеком был покойный. Он был императором в старом понимании этого слова, человеком долга, государственным, очень хорошо разбиравшимся не только в политике, но и в жизни, что для монарха, вообще-то, одно и то же. Так, когда во время всеобщей забастовки в Англии лорд Дархэм от лица придворных выразил отношение к происходящему, обозвав забастовщиков «проклятой кучкой революционеров», Георг V, не глядя на него, прорычал в ответ: «Прежде чем судить этих людей, попробуйте прожить на их заработок». Когда он умирал, а умирал он тяжело, в течение нескольких дней, и умер он за пять минут до полуночи, то последнее, что он едва слышно прошептал, было – «Империя..?» Присутствовавший при кончине личный секретарь короля, поклонившись, ответил: «It's absolutely all right, Sir.» «в совершеннейшем порядке, Сэр.»).

Как полагает сегодняшняя медицина, именно это насильственное переучивание с одной руки на другую привело к тому, что маленький принц, будучи шести лет от роду, начал заикаться. И чем дальше, тем сильнее. Было ли тому причиной заикание или нет, но и в науках он (опять же в отличие от страшного брата) отнюдь не преуспевал. Берти последовательно отучился в Осборне и Дартмуте. Из Осборна он вышел в возрасте четырнадцати лет, по успеваемости он оказался 68-м из 68-ми учащихся. В Дартмуте, Британском Королевском Военно-Морском Колледже, у него получилось получше – он оказался 61-м из 67-ми курсантов.

Пройдя морскую практику на борту крейсера «Камберлэнд», он был зачислен в команду броненосца «Коллингвуд» и, начиная с 1913 года, начал службу в королевском флоте. Если кто-то думает, что служба королевскому сыну

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
казалась мёдом, то это не так. Принц имел звание мичмана (до лейтенанта он дослужился только в 1918 году) и был одним из номеров в орудийной башне. Заряжающим.

На этой фотографии он второй слева. Ему словно суждено было всегда быть вторым, однако люди полагают, но располагает только Бог и иногда случается так, что вечно вторые вдруг становятся первыми.

Когда Берти прослужил год, началась война. Та, которую сегодня называют «Великой». Принцу, который по понятным причинам во время службы носил обычнейшее имя «мистер Джонсон», довелось принять участие и в боевых действиях. И опять в отличие от наследника Эдварда, который стремился на фронт, и которому в этом было отказано. Я думаю, что отказано было не потому, что Георг V боялся смерти сына (у монархов отношения с жизнью и смертью не такие, как у простых смертных), тем более, что сыновей было целых пять, а потому, что существовала вполне обоснованная вероятность тяжёлого ранения, а какой из калеки государь? Подобные опасения в отношении других детей в расчёт не принимались и именно по этой причине хотевший служить во флоте Берти там и служил, причём служил наравне со всеми и наравне со всеми же оказался участником Ютландского сражения. 31 мая 1916 года, в полдень, заняв после сигнала тревоги своё место в орудийной башне, он, не выдержав искушения, высунулся в люк и на всю жизнь запомнил свинцовое море и оранжевые вспышки в тумане – это немецкие крейсера открыли огонь по «Коллингвуду». Позже, уже став королём, он со смехом рассказывал, что когда в броненосец попал немецкий снаряд, он свалился в люк «как подстреленный кролик».

Между старшими сыновьями Георга V было и ещё одно отличие. У Эдварда не было друзей. Ни одного, и это при том, что он всячески демонстрировал окружающим свою «демократичность», «открытость» и «новое мышление». Однако весь из себя такой непосредственный наследник мог вдруг встопорщиться и заорать кому-нибудь из соучеников: «Извольте, обращаясь ко мне, называть меня «сэр!» После чего остальные студенты, переглядываясь у него за спиной, крутили у виска пальцем. Застенчивый же заика Берти был тем, что в России называют «свой», он был «одним из», он был членом команды и его мечтой было всю жизнь прослужить во флоте. Мечте этой не суждено было сбыться, у него обнаружили язву и после операции в ноябре 1917 года он был списан на берег и продолжил службу уже в королевской Морской Авиации. Во флоте началась его продлившаяся всю жизнь дружба с лордом Луисом Маунтбэттенем, с которым они опять встретились во время учёбы в Кембридже.

Очень быстро он определился и с женой. Его избранницей стала Элизабет Боуэс-Лайон, младшая из десяти детей герцога Стрэтморского. Элизабет была всеобщей любимицей и Георг V, узнав о том, что Берти собирается сделать ей предложение, лишь усмехнулся. «Будет чудом, если она ответит тебе согласием» – сказал он. Элизабет и в самом деле отказала. Но Берти, как и все застенчивые люди, был упрям. Он сделал второе предложение и вновь получил отказ. Элизабет объяснила ему в чём причина – она, будучи подружкой сестры Берти, принцессы Мэри, могла наблюдать жизнь Семьи изнутри и жизнь эта отнюдь не казалась ей заманчивой. Она прекрасно отдавала себе отчёт в том, что выйти замуж за принца означало войти в *magic circle* монархии, навсегда покинув мир обычных людей, она же хотела принадлежать самой себе. Берти выждал два года и в 1923 году сделал ей третье предложение. Она согласилась.

В Семье каждый её член отвечал за ту или иную область государственной жизни. Берти, получивший от Георга V титул герцога Йоркского, стал «курировать» то, что называется «социальной жизнью». В отличие от наследника Эдварда, представлявшего империю за рубежом, герцог Йоркский имел дело с «низовкой», он «по долгу службы» посещал фабрики и заводы. Причём, будучи человеком скромным, он и визиты свои обставлял как можно более приземлённо. Газеты называли его *Industrial Prince*, в семье же его, поддразнивая (нужно заметить, что в детстве остальные дети Георга V передразнивали его заикание, дети жестоки), называли *the Foreman*, то-есть «десятник», «прораб». Неформальность общения с рабочими натолкнула его на мысль о создании летних лагерей для детей простонародья. В дополнение к движению «бой-скаутов», которое было нацелено на детей среднего класса, в начале 20-х по инициативе герцога Йоркского были созданы так называемые *Duke of York's Camps*. Королевская семья настояла, чтобы в эти лагеря, где

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
на неделю собирали детей рабочих, отправляли своих детей и аристократы. Воплощение в жизнь той самой древней идеи о близости знати и крестьянства. Насколько дальновидной оказалась эта затея показали военные годы, к которым мы вернёмся позже.

В 1926 году у Берти с Элизабет родилась дочь. Будущая королева Англии Елизавета II. Все ждали, что девочку назовут Викторией, однако она была крещена под именем Элизабет Александра Мэри. В этом же году судьба сделала герцогу Йоркскому ещё один подарок. Жена, зная в какую пытку превращается для него любое публичное выступление, познакомила его с Лайонелом Логом, знаменитым австралийским специалистом по исправлению дефектов речи. Лог, смолоду занимавшийся ораторским искусством, позже заинтересовался проблемами речи и, имея обширнейший материал для своих исследований в лице контуженных во время Первой мировой, стал в этой области признанным авторитетом. Он добивался великолепных результатов, прибегнув к передовым на тот момент средствам – постановке правильного дыхания и преодоления психологической неуверенности в себе, причём, будучи от природы очень остроумным человеком, он призывал на помощь не модное сегодня «позитивное мышление», а чувство юмора пациента. Лог за два месяца удалось то, что не удавалось никому – герцог Йоркский заговорил. Не как Цицерон, конечно, он говорил очень медленно и делая долгие паузы между фразами, но для него это было прорывом.

В 1931 году он, хоть к тому и не стремился, мог получить и зримые регалии Власти. Дело в том, что как раз тогда должен был быть назначен новый генерал-губернатор Канады и канадский премьер-министр Беннетт был согласен с его назначением на этот пост. Противником совершенно неожиданно оказался Госсекретарь по делам Доминионов лейборист Томас, заявивший, что канадцы, живущие слишком близко к США, хотят выглядеть не менее демократично и якобы по этой причине кандидатура королевского сына совершенно неприемлема. Георг V, несмотря на яростные возражения своего советника, убеждавшего его, что НА СВЕТЕ НЕТ БОЛЬШИХ МОНАРХИСТОВ, ЧЕМ АМЕРИКАНЦЫ (буквально тот сказал следующее – ...the Americans are the greatest worshippers of Royalty..), из внутривластных соображений решил не ссориться с социалистами и снял кандидатуру сына. Все эти стратстии прошли мимо герцога Йоркского, к власти вовсе не стремившегося.

После 31-го года у него было пять тихих лет. Биографы назовут их «five quiet years». Несостоявшееся генерал-губернаторство его ничуть не печалило, гораздо болезненнее он пережил потерю лошадей. Тридцатые были очень тяжёлыми годами для мира и Англия не была исключением. Королевская семья, желая показать, что и она несёт тяготы наравне с подданными, отказалась от тех или иных дорогостоящих удовольствий. Берти, бывшего страстным любителем верховой езды, семья лишила конюшни и охотхозяйства. С каждой лошадью он прощался как с другом. А потом случилось отречение.

О том, что дело идёт к отречению Эдварда VIII, герцог Йоркский узнал примерно за две недели и тогда же он узнал, что ему, по всей видимости, придётся принять корону. При этом известии он испытал шок, к нему опять вернулось заикание, он не мог выдавить из себя ни слова, от злости на себя и досады оттого, что в этот судьбоносный момент он не в состоянии ничего сказать, этот уже сорокалетний человек разрыдался.

Когда Эдвард VIII, подписав отречение в пользу брата, покинул форт и паковал вещи перед тем, как оставить пределы Англии, новый король сказал своему кузену лорду Маунтбэттену: «Дикки, это ужасно, я совершенно к этому не готов, я не видел в своей жизни ни одного государственного документа, я всего лишь морской офицер, кроме этого я не умею ничего.»

– Совершенно верно, – ответил тот. – Из тебя делали морского офицера. И поверь мне – нет лучшего способа, чтобы получить короля.

27

Когда умер Георг V и ему наследовал старший сын, то было решено, что коронация состоится после годовичного траура. Год прошёл и в назначенный день коронация состоялась. Ни днём раньше, ни днём позже, только вот корона святого Эдварда была водружена не на голову грешного тезки святого, 12 мая 1937 года в Вестминстерском Аббатстве был коронован младший брат отрешённого от престола Эдварда VIII.

Короноваться он должен был под именем Альберта I, но тут произошла первая неожиданность. Новый король заявил, что, по его мнению, имя Альберт звучит слишком уж по-немецки, и поэтому он предпочитает не первое, а последнее из данных ему при крещении имён – Георг. Все сразу же усмотрели в этом желание продемонстрировать преемственность не только политики отца, но и возврат к «доперестроечным ценностям». Георгу V наследовал Георг VI.

Вот что сделал застенчивый монарх: самым первым делом он создал несуществующий до того титул герцога Виндзорского и одарил им отбывшего на континент брата Эдварда. Поспешность понятная, в том, что касается Власти, никаких недоговорённостей и двусмысленностей быть не может, есть Царь и есть все остальные, царь же отрёкшийся может быть царём лишь потешным, «герцогом Виндзорским». Кроме того, было уточнено, что жена скоропостижно испечённого герцога может гордо называть себя герцогиней, но титул не переходит к её детям, буде таковые у неё появятся и, хоть её муженёк и королевских кровей, но она отнюдь не имеет права на именование Её Королевское Высочество. Герцогская чета была взбешена, но её мнение отныне во внимание не принималось. Между прочим, Эдвард, отрекаясь, полагал, что после двух лет пребывания за границей он сможет вернуться в Англию и «занять подобающее ему место при дворе», он думал, что в будущем он сможет стать кем-то вроде «старшего брата короля», чем-то вроде «мудрого советника». Поскольку откровенным идиотом он не был, то очевидно, что эти планы были ему внушены и он на эту уловку попался. Пересекая по отречении границу государства, он перешагнул и некую магическую черту, вернуться в Англию ему больше не позволили.

Разобравшись с братом, новый король тут же разобрался и с Болдуином. Казалось бы, что премьер-министр должен был стать фаворитом, он провёл свою часть интриги с высочайшим искусством, да и вообще, хотя Болдуин и не был выдающимся премьер-министром вроде Ллойд-Джорджа или Эттли, но он, несомненно, был куда выше многих и многих первых министров Короны. За время своей долгой политической карьеры Болдуин ТРИЖДЫ возглавлял Кабинет, он был, что называется, «крепким хозяйственником», он был министром в высшей степени добротным. Следует также понимать (и Власть понимала это очень хорошо), что его премьерство пришлось на очень тяжёлые годы и что только такой до мозга костей консерватор каким был Болдуин мог, осторожно лавируя, уберечь Англию от социального взрыва в кризисные тридцатые годы. Кроме того, при нём же (так и хочется сказать «его усилиями», но это будет конечно же преувеличением, хотя и не таким большим, как может показаться), как бы странно это на первый взгляд не выглядело, на политическую авансцену Англии вышла и укрепилась социалистическая лейбористская партия, которой и предстояло совершать в будущем реформы. Однако и решение Георга VI в отношении Болдуина тоже понятно – если король является символом единения нации в широком смысле, то задача премьер-министра состоит в том, чтобы заставить самые различные политические силы государства двигаться в одном направлении, а после истории с отречением, когда лозунгом «молодых и горячих» было «Боже, храни короля от Болдуина», ему стало очень трудно соблюдать даже и видимость «нейтралитета». Из высших соображений политической целесообразности Болдуин ушёл в отставку. Вслед за Эдвардом VIII, которого Болдуином и «ушли». На прощание, чтобы хоть немного подсластить пилюлю, в мае 1937 года Георгом VI Стэнли Болдуину был дарован графский титул.

Смене премьеров была и ещё одна причина – Болдуин все свои усилия концентрировал на внутренних проблемах государства, а на носу была война, пришла пора отдать приоритетность внешней политике и в этом смысле Англии нужен был человек более, чем Болдуин, поворотливый, более «ловкий», менее хозяйственник и более дипломат. Таким человеком стал министр финансов Невилл Чемберлен.

Прежде чем перейти к политике внешней, задержимся ещё немножко на политике внутренней, дело в том, что Чемберлен остался в глазах потомков как политик, челнок сновавший между «островом» и континентом и этот образ грешит некоей односторонностью. Чемберленом ещё на посту министра финансов была начата очень на первых порах осторожная (другую политика во время борьбы за власть, вспыхнувшей в Букингэмском дворце, и при дувшем на воду и неторопливом Болдуине и быть не могла) политика реформ. В 1936 году министерством финансов был введён новый налог, чрезвычайно непопулярный «Взнос на национальную оборону» (National Defence Contribution),

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
«национальная буржуазия» даже оказывала давление на правительство, требуя, чтобы «грабитель» Чемберлен покинул пост министра финансов. Не успев стать премьер-министром, Чемберлен, прямо как какой-то социалист, потребовал, чтобы все министерства представили ему двухгодичные планы своей работы. Он и вообще был, как бы помягче это сказать, несколько нетрадиционным деятелем Консервативной партии, соратникам по которой очень не нравилось то, что Чемберлен избегал даже называть себя консерватором. Однопартийцы видели в нём если не засланного казачка, то уж «волка в овечьей шкуре» точно. И некоторые основания к тому у них были.

Новый премьер-министр, опираясь на консервативное большинство, с непонятной истэблишменту поспешностью начал проводить в жизнь политику так называемой «рационализации». Выглядело это следующим образом – государство на средства, взятые из казны, начало выкупать у собственников нерентабельные предприятия, сносить их, и на их месте спешно строить новые государственные предприятия, оснащённые новейшим на тот момент оборудованием, Чемберлен готовил Англию к выходу из депрессии. К началу 1938 года Англия оказалась в положении, выгодном для перевооружения. В 1937 году начались и первые, очень осторожные подвижки в сторону социализма, далеко не такие радикальные, как в послевоенную революцию Эттли, но осторожность эта понятна, да и осторожностью она в те годы вовсе не выглядела. Были впервые введены стандарты фабричного труда, улучшены условия работы, была лимитирована продолжительность рабочего дня для женщин и детей, был введён государственный контроль над квартплатой, в 1938 году была введена оплата праздничных дней, что коснулось 11 миллионов рабочих, ну и так далее. Напомню, что всё это делало правительство консерваторов и если бы не война, то очень может быть, что это медленное поступательное движение было бы продолжено и не потребовался бы послевоенный радикализм. Но мы живём в мире, где «бы» места нет, а есть то, что есть, в конце же тридцатых прошлого столетия стало ясно, что война неизбежна и государство сосредоточило всё внимание на внешней политике, Чемберлен вышел на первый план, его главной задачей стала оттяжка начала глобального конфликта. Началась так называемая «политика умиротворения». Англия начала плести интригу. В центре интриги стояло вот что – под видом «умиротворения Германии» и «потакания Гитлеру» Англия втягивала в войну Францию, считая, что это даст ей достаточно времени для подготовки к войне и для перевооружения.

Попытки столкнуть Германию и Францию начались ещё до Чемберлена, но успехом не увенчались, первый блин, «гражданская война в Испании», вышел не только комом, но и подгорел.

28

До Испании Британией был пущен пробный шар. 9-го марта 1936 года правительство Польши вошло в контакт с правительством Франции и сделало секретное предложение «от которого нельзя было отказаться». По мнению умных поляков, конечно же.

Предложение состояло в совместном нападении Франции и Польши на Германию. С двух сторон – раз! И Германии – капец! Это ведь ещё только 36-й год, Германия пока ещё на стартовом столе стоит, ещё не взлетела, только двигатели включила, а тут хитрый полячок подмигивает, предлагает банчок сорвать – а давай-ка мы её – того-с, в расход, Германию-то, а? Вот фейерверк-то будет!

Французы, однако, на уловку не попались, Франция государство серьёзное, у него все причиндалы на месте, всё в наличии – и армия есть, и разведка и контрразведка – вот она. А, главное, у Франции имеется печальный опыт нескольковекового соседства с Англией, сколько горшков было перебито – не счесть! Ну, и Франция, прекрасно понимая, что за лубочным Польским Кавалеристом прячется мясистый Джон Булль, от заманчивого дара данайского поспешно отказалась.

Тогда Англия зашла с другой стороны.

17 июля началась гражданская война в Испании. Началась она по испытанному шаблону – мятеж крутых армейских генералов, «спасителей отечества», против слабого либерального правительства, подобный сценарий пускался в ход множество раз и ещё не раз в ход пущен будет. В феврале 1936 года на всеобщих выборах в Испании демократичнейшим образом победил Народный фронт,

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
генералы почитали, что ещё чуть-чуть и к власти придут «красные» (ой!) и, чего доброго, «экспроприируют экспроприаторов» (великолепное выражение, силой и образностью своей слабое человеческое воображение просто взрывающее), словом, самое время бунтовать. 12 июля неизвестно кем был убит некий армейский офицер, случай этот был тут же подхвачен, раздут и в войсках начался мятеж. Кто стоял за мятежниками и на чью поддержку они рассчитывали догадаться не сложно, нет ничего тайного, что не стало бы явным, и чуть погодя стало явно, что в Италии 15 июля (а мятежу в Испании предстояло вспыхнуть только через два дня, 17-го) началась вербовка пилотов для службы во вроде бы ещё суверенной и независимой Испании. «Интернациональный долг» выражение старое и касается оно вовсе не одних только «угнетённых братьев по классу». Братья, они ведь разные бывают. Бывают «угнетённые», а бывают и те, что «угнетают», и у них тоже имеется и интернационализм, и солидарность, и родство душ и всё прочее, что там у братьев бывает.

Подробный разбор испанской гражданской войны в нашу задачу не входит, желающие могут сами о ней почитать, литературы на эту тему море. Для нас интерес в другом – мятеж мятежом, дело это в жизни государств если и не заурядное, то и отнюдь не такое уж редкое и как с подобными вещами государство справляется мы все знаем. Картечь, шрапнель, конституция, военно-полевой суд и – пожалуйста на эшафот. У петельку. Разговор короткий. Однако в случае испанской гражданской войны произошло не совсем так, она тут же стала предметом пристального внимания Держав и из дела сугубо внутреннего превратилась в конфликт масштаба глобального, недаром и сегодня мир помнит испанскую гражданку очень хорошо. Каждый из тогдашних больших игроков увидел возможность извлечь свою выгоду из нового «испанского наследства». Не была исключением, естественно, и Англия.

Попробуем разобраться, в чём там была задумка. Англии было необходимо втянуть в войну Францию, в войну с Германией, само собой. Англия отчётливо видела, что события развиваются не в её пользу, Германия оказалась в гораздо более выгодном положении, Англия же, в силу множества причин, засиделась на старте. Только 25 февраля 1936 года Кабинет одобрил программу перевооружения и только с этого момента началась, по образному выражению английского политика, гонка за немецким «электрическим зайцем». Англии было необходимо время, необходимо, как воздух. Тогдашняя же Франция всеми (включая и англичан) рассматривалась как самое мощное в военном отношении государство на Континенте. По мнению англичан, стоило лишь столкнуться лбами французов и немцев и они бы возюкались друг с дружкой очень долго. Но это в идеале, на практике же ни немцы, ни французы дураками не были и заставить их решиться на прямой военный конфликт казалось задачей неразрешимой. Но вот вызвать между ними состояние войны холодной представлялось не только реальным, но и вполне достижимым. Именно в этом была ценность гражданской войны в Испании для Англии.

И примерно до начала 1938 года с точки зрения «английских интересов» всё складывалось наилучшим образом. К середине 38-го естественным, логически обоснованным и, казалось, неизбежным выходом из ситуации представлялся раздел испанского государства на два. Удивительно, но никто не рассматривает тогдашние события в этом «аспекте» (во всяком случае мне ничего такого не попадалось). Испания это первый опыт того, что позднее нашло своё воплощение в разделённых Кореи и Вьетнаме. Да и про саму Германию не забудем. Её вообще разделили не на две, а на четыре части, то есть изначально игра должна была вестись куда более сложная, чем та, которую мы наблюдали в период между началом 50-х и концом 80-х. После войны американцы, пользуясь правом сильного, объединили три западные зоны оккупации в «ФРГ» и игру упростили, но вернёмся в Испанию. Игру тогдашнюю скомкали французы. Они прекрасно понимали, чем чревато создание на месте одной Испании Испаний двух – условно Восточной Испании и Западной Испании (скорее всего Испаний было бы даже три, так как там под шумок наверняка получили бы и уже не отдали бы независимость баски). После этого сама сила вещей заставила бы Францию уделять внимание постоянному конфликту к югу от Пиренеев. И та же самая сила вещей заставила бы Францию поддерживать одну из сторон в этом конфликте в то время, как другую поддерживала бы Германия. Ну и вот, зная это и отчаянно печальясь, во многих знаниях нет ведь никакой радости, Франция наступила на горло собственной песне и, скрепя сердце и скрипя зубами (поскрипишь тут...) позволила, чтобы у неё на глазах торжествующие немцы и итальянцы задушили республиканцев.

«Эх, не удалось» – с сожалением подумали англичане. – не купились чёртовы

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
лягушатники, увернулись.»

Но государство (настоящее государство, государство независимое) на то и государство, чтобы извлекать пользу даже из неудач, и, теряя в одном, государство находит в другом. Потеряв в 1938 году в Испании, Англия в том же самом 1938 нашла в другом месте. В Мюнхене.

29

Чехословацкие события 1938 года сейчас никому не интересны, нынешним интеллигентам гораздо интереснее «пражская весна» произошедшая ровно тридцатью годами позже, хотя события 1968 года по своему «историческому значению» не идут ни в какое сравнение с «Мюнхеном 1938».

Здесь лучше всего просто выстроить факты в хронологической последовательности и посмотреть, что за чем происходило и что в конце концов вышло. Картинка не только в высшей степени занимательная, но и очень знакомая, мы все подобное видели не раз. Людям, считающим «триколорные» и прочие «цветные» революции чем-то невиданным и неслыханным, полезно будет ознакомиться с тем, как оно бывает на самом деле, с тем, как было, как есть и как ещё очень долго будет в мире, где значение имеет только и только одно, а именно – сила.

Итак:

В октябре 1937 года судетские немцы потребовали автономию для районов с преобладающим немецким населением.

5 ноября 1937 года Гитлер перешёл от туманных рассуждений к делу, в этот день в Рейхсканцелярии состоялось совещание военно-политической верхушки и там впервые было произнесено следующее – «жизненное пространство» может быть получено Германией только лишь силой. Первые объекты – Австрия и Чехословакия.

17 ноября в Берлин прибыл лорд Галифакс. Хотя Галифакс дал понять Гитлеру, что Британская Империя хочет избежать войны, он, тем не менее выразил мнение, что «судетскую проблему» можно разрешить мирными средствами (какой лукавство!) Гитлер, со своей стороны, заявил, что Германия не заинтересована в широкомасштабном конфликте в Европе, по той причине, что «наибольшую выгоду от этого получит Советская Россия». (Переключка с сегодняшним днём, когда точно так же сложилось положение, при котором в случае масштабного конфликта Россия будет одним из немногих, если не единственным выигравшим).

Не успел Галифакс вернуться в Лондон, как там 22 декабря 1937 года Кабинет Его Величества решил перенести акцент в программе перевооружения с бомбардировщиков на истребители. Англия уже в конце 1937 года знала о войне и знала, что для неё война эта будет войной оборонительной, Англия готовилась отбиваться. Сегодня это решение кабинета считается судьбоносным, как заявил тогда сэр Томас Инскип – «задача королевских ВВС не в том, чтобы выбить противника из войны, а в том, чтобы не позволить немцам выбить из войны нас.» (Без переориентации на оборонительную стратегию битва за Британию не могла быть выиграна и немцы по всей видимости смогли бы в 1940 году высадиться на «Остров»).

8 января 1938 года Чемберлен получил от Рузвельта секретное послание с предложением созвать конференцию и попытаться разрешить назревшие проблемы. Американцы явно хотели потянуть время. Чемберлен на эту хитрость не попался и отверг саму идею встречи. «В целях собственной безопасности не следует забывать о том, что от американцев вы никогда не получите ничего, кроме слов.»

28 января Рузвельт, понявший, что англичане всё понимают верно, объявил о программе перевооружения вооружённых сил США. С этого момента все бегут наперегонки, уже не скрываясь.

4 февраля Гитлер смещает министра иностранных дел фон Нейрата, министра обороны фон Бломберга и начальника штаба фон Фриша. Министром иностранных дел назначен Риббентроп, сам Гитлер получает прямой контроль над вооружёнными силами.

18 февраля Италия заявляет, что она не хочет быть вовлечена в «австрийский диспут». До этого момента сохранялась возможность военного столкновения Италии и Германии в Австрии. Муссолини «прогибается» перед Германией и отдаёт Австрию немцам.

Энтони Иден уходит с поста министра иностранных дел, вместо него назначен лорд Галифакс. Англия продолжает игру и делает это достаточно успешно. Немцы по-прежнему сохраняют иллюзии, что во властной верхушке Англии продолжается борьба за власть. Напомню, что насторожившиеся были при известии об избранном Георгом VI тронном имени немцы были успокоены назначением Чемберлена, теперь же в Кабинете оказывается ещё и германofil Галифакс (и Чемберлен и Галифакс члены «Кливлендского кружка» и в глазах немцев они олицетворяют «пронемецки» настроенные силы британского истеблишмента).

Чемберлен заявляет, что Великобритания дистанцирует себя от французской политики по поддержке Чехословакии в её противостоянии с Германией.

12 марта немецкие войска переходят границу с Австрией не только не встречая сопротивления, но напротив – их засыпают цветами. Присоединив Австрию, Гитлер получил девять миллионов человек и австрийскую промышленность. Новое австрийское правительство провозглашает, что Австрия отныне является провинцией Немецкой Империи.

17 марта СССР призывает США, Англию и Францию к созыву встречи и выработке совместных действий по предотвращению «новой мировой бойни». 24 марта Британия устами Чемберлена отвергает советскую инициативу, Чемберлен в своём выступлении в Парламенте заявляет, что Британия присоединится к Франции в случае ухудшения обстановки вокруг Чехословакии, но что Британия не будет связывать себя какими бы то ни было официальными обязательствами. «Россия – вот кто прячется за сценой и делает всё, чтобы Британия оказалась вовлечена в конфликт с Германией.» С этого момента внешнеполитические усилия Англии сосредотачиваются на том, чтобы Чехословакия оказалась в изоляции.

29 марта венгры, поляки и словаки, являющиеся членами чехословацкого парламента, поддерживают требование немцев о создании Судетской автономии. Чехословакия пытается снизить накал, объявив амнистию политических заключённых (почти поголовно – немецких националистов), но никто этого не только не замечает, но напротив – свою автономию начинают требовать поляки.

18 мая Галифакс, выступая в Палате Лордов, заявил – «вы должны выбрать между высокими принципами, которых вы можете достичь лишь ценой войны и тем реальным миром, который вы можете себе позволить.»

20 мая Чехословакия объявляет частичную мобилизацию в районах, прилегающих к немецкой границе. Немедленно начинаются столкновения чешской полиции с судетскими немцами.

21 мая Англия информирует Германию, что она может «оказаться вынужденной» поддержать Францию в случае если та будет втянута в войну с Германией из-за Чехословакии. Риббентроп заявляет английскому послу, что это будет означать неминуемое поражение Франции, после чего Германия и Англия обнаружат себя в состоянии войны друг с другом, причём войны не на жизнь, а на смерть.

25 мая советский посол в США Трояновский заявил, что Москва готова защитить Чехословакию «в случае агрессии».

26 мая Англия начинает разрабатывать планы по созданию резервов продовольствия «на случай войны».

30 мая главнокомандующий румынской армией, находившийся с визитом в Варшаве, заявил, что Румыния не позволит русским пересечь румынскую территорию для оказания помощи Чехословакии.

7 июня судетские немцы требуют автономии уже для всех «национальных меньшинств» Чехословакии.

30 июня Англия и Германия пересматривают соглашение от 17 июля 1937 года по ограничению тоннажа строящихся военных кораблей 35 000 тонн и калибра судовых орудий 16 дюймами в сторону увеличения как тоннажа, так и калибра.

12 июля Франция заявляет, что её обязательства перед Чехословакией «необсуждаемы и священны».

15 августа Германия начинает военные «манёвры» на границе с Чехословакией.

21 августа при посредничестве английского посланника лорда Рансимана в Праге начинаются переговоры между чешским правительством и судетскими немцами.

31 августа переговоры продолжены уже между чешским правительством и созданным как по волшебству правительством будущей немецкой автономии.

3 сентября Гитлер назначает на 27 сентября вторжение в Чехословакию.

4 сентября министр иностранных дел Франции Жорж Боннэ подтверждает французские обязательства относительно независимости и территориальной целостности Чехословакии.

6 сентября чехи соглашаются со всеми требованиями судетских немцев. В тот же день ВСЕ французские газеты в один голос запевают песню о том, что судетская проблема не должна послужить запалом к новой войне.

7 сентября судетские немцы внезапно прерывают переговоры с чешской стороной под тем предлогом, что в Остраве чешская полиция совершила нападение на немецкого депутата.

7 сентября лондонская Тайм публикует статью с предложением раздела Чехословакии и предлагает продолжить политику «умиротворения».

7 сентября Франция объявляет призыв резервистов.

10 сентября Рузвельт заявляет, что США «сто процентно» не присоединятся ни к каким действиям Англии и Франции в разрешении «чехословацкого кризиса».

11 сентября Румыния подтверждает своё решение не пропускать «русских через территорию Румынии».

14 сентября Англия приводит свой флот в состояние готовности.

15 сентября Чемберлен посещает Гитлера в Берхтесгадене. На встрече Гитлер заявил, что Германия собирается аннексировать заселённые немцами районы Чехословакии.

16 сентября Праге направлены планы по аннексации части территории, а также предложены международные гарантии новых границ. (Какова издёвка!)

16 сентября СССР начинает концентрацию войск на Украине.

16 сентября польские газеты начинают кампанию, провозглашающую «возврат Тешинской области в состав Польши».

18 сентября Англия и Франция призвали Чехословакию уступить Германии приграничные области, заявив, что мир и безопасность Чехословакии не могут быть гарантированы до тех пор, пока спорные территории не отойдут Рейху.

18 сентября чешские пограничные посты атакованы силами созданных судетскими немцами «Фрайкорпс».

18 сентября Чехословакия вводит на территории страны чрезвычайное положение.

19 сентября СССР ставит в известность чешское правительство, что он готов к военной поддержке Чехословакии, но только в том случае, если Франция останется верна своим обязательствам.

19 сентября Москва предупреждает Варшаву, что СССР не останется безучастным в случае нападения Польши на Чехословакию.

19 сентября Франция заявляет, что она поддерживает раздел Чехословакии, так как Англия обязалась оказать помощь Франции лишь в том случае, если угрозе

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
подвергается непосредственно территория Франции.

20 сентября Гитлер обещает Польше и Венгрии «безоговорочную поддержку Германии» в их территориальных претензиях к Чехословакии.

21 сентября Чехословакия принимает немецкие условия, то есть капитулирует.

21 сентября Польша и Венгрия выдвигают Праге требования по признанию польского и венгерского национальных автономий, точно такие же как и Германия.

21 сентября СССР призывает Лигу Наций к коллективным действиям в отношении Германии.

22 сентября Чемберлен встречается с Гитлером в Годсберге, где Гитлер отказывается от старых требований и выдвигает новые, теперь он хочет отхватить куда больший кусок Чехословакии. Одновременно, пока в Годсберге идут англо-германские переговоры, подразделения «фрайкорпс» пересекают чешскую границу и начинают оккупировать чешские приграничные города.

22 сентября падение чешского правительства и провозглашение «правительства национальной обороны». Массовые протесты против капитуляции. В стране объявляется мобилизация.

22 сентября польские войска переходят чешскую границу.

23 сентября СССР заявляет польской стороне, что польско-советский пакт о ненападении от 1932 года утратит силу в случае польско-чешской войны. У Парижа голова идёт кругом, в случае польско-советского конфликта Франция окажется в состоянии войны уже с СССР.

25 сентября Гитлер заявляет, что после разрешения «судетского кризиса» Германия не будет иметь других территориальных претензий в Европе.

25 сентября Чехословакия предлагает Польше начать переговоры, чтобы избежать войны, но Польша предложение чешской стороны отвергает.

26 сентября Гитлер заявляет, что если требования Германии не будут удовлетворены до 1 октября, он отдаст приказ о вторжении в Чехословакию. «Терпению немецкого народа пришёл конец!»

27 сентября Чемберлен заявляет, что в случае вторжения немцев в Чехословакию Франция обязана оказать чехам помощь и что Британия и СССР поддержат её. «Ещё не поздно остановить трагедию!»

28 сентября Чемберлен дезавуирует своё заявление – «мы не можем вовлекать всю Британскую Империю в войну из-за Чехословакии». В тот же день он предлагает созвать конференцию с участием Чехословакии, Франции, Италии, Англии и Германии. В ответ Гитлер откладывает на 24 часа приказ о вторжении в Чехословакию и назначает Мюнхен в качестве места встречи с Чемберленом, Даладье и Муссолини.

29–30 сентября – «Мюнхен». Судьба Чехословакии решена лидерами Германии, Англии, Франции и Италии. Чешского представителя даже не пустили в зал, где в течение одиннадцати часов шли переговоры.

1 октября немецкие войска оккупировали 10 000 кв. миль чешской территории с населением в три с половиной миллиона человек, примерно пятую часть из них составляли чехи.

2 октября Польша предъявила Чехословакии ультиматум и немедленно оккупировала Тешинскую область.

3 октября «Мюнхен» был рассмотрен в английском Парламенте. Действия Чемберлена были одобрены голосами депутатов в пропорции 366 на 144.

6 октября Чехословакия гарантировала автономию Словакии и Рутении.

9 октября начало переговоров между Чехословакией и Венгрией.

13 октября Венгрия объявила мобилизацию, заявив, что переговоры с чехами

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
«безнадёжны».

30 октября Германия и Италия «согласились» выступить в качестве арбитров в споре между чехами и венграми. В результате «беспристрастного арбитража» Венгрия получила 12 000 кв. миль чешской территории с населением примерно в миллион человек.

Европа, цивилизация, 1938 год. Запах крови и пороха.

30

Что случилось дальше? Да ничего особенного, дальше случилась небольшая неприятность в виде мировой войны.

Не успели высохнуть чернила на мюнхенском соглашении, как Англия признала Итальянскую империю. Случилось это 16 ноября. А 19 ноября Итальянскую империю признала Франция. «За выдающуюся роль, которую сыграл Муссолини в разрешении «Чехословацкого кризиса». Куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Ну, или лягушка с лапкой. «Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй! Авось пронесёт...»

Чего-то вдруг забоялись поляки и по их инициативе 26 ноября 1938 года был продлён подписанный 25 января 1932 года польско-советский пакт о ненападении.

1 декабря 1938 года автономию в рамках оставшегося от Чехословакии огрызка получили Словакия и Рутения. Словакия немедленно создала независимое от Праги правительство во главе с Йозефом Тисо.

5 декабря в торжественной обстановке был подписан договор между Германией и Францией. «Договор о дружбе». А как же... «Дружбан ты мой дорогой!» Не разлей вода.

12 декабря Чемберлен заявил, что в случае нападения на Францию Италии у Британии нет формальных обязательств перед Францией. На следующий день он, сохраняя серьёзнейшее выражение лица, заметил, что «франко-британские отношения настолько хороши, что всякая формальность между Францией и Англией просто неуместна».

На этой весёлой ноте закончился 1938 год и начался 1939.

5 января Гитлер, начиная оказывать давление уже на Польшу, сказал польскому министру иностранных дел Йозефу Беку, что Германия готова гарантировать границы Польши, но только после возвращения Данцига. «Данциг был немецким, всегда останется немецким и рано или поздно будет возвращён Германии.»

12 января Рузвельт потребовал у Конгресса 552 миллиона долларов на перевооружение армии США.

26 января Франция заявила, что в случае военного нападения (понятно чьего) она позволит разместить на своей территории английские войска.

10 февраля Польша заявила, что она не позволит Германии построить шоссе и железную дорогу к Данцигу, пересекающие «польский коридор».

19 февраля между Польшей и СССР был подписан торговый договор. Москва лихорадочно пыталась усилить Польшу, как буфер между собой и Германией.

27 февраля Британия и Франция признали режим франко. фактическое окончание гражданской войны в Испании. (За месяц до этого, 26 января, не так националисты франко, как итальянцы взяли Барселону, после чего до 200 тысяч республиканцев перешли французскую границу. Уже на следующий день, 27 января, Рузвельт одобрил продажу Испании военных самолётов, так что французы и англичане, заигравшись с Германией, с Испанией даже и припозднились, неинтересна им стала Испания.)

28 февраля Германия информировала Лондон и Париж о том, что она «не может гарантировать границы Чехословакии в силу внутривосточных осложнений в этой стране.»

4 марта хитроумные поляки продлили уже существовавший договор между Польшей

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
и Румынией, направленный против СССР. «Манифестация намерений Польши защитить себя как против Германии, так и против СССР, не примыкая ни к одной из сторон.» Умно, умно, ничего не скажешь, а, главное, очень дальновидно.

10 марта – речь Сталина, в которой он «критиковал как западные демократии, так и фашистские государства.» Сталин заявил, что он не видит, что можно порекомендовать, чтобы остановить «Вторую Империалистическую Войну».

10 марта чешский президент Гаха сместил словацкий «кабинет» (Боже..) во главе с Тисо и ввёл на территории Словакии военное положение. («Гад какой! Ещё огрызаться пытается. Мы ему огрызнёмся, ишь, выискалась шавка.»)

12 марта подразделения чешской армии введены в Братиславу. «Монсиньор» Тисо незамедлительно оказывается в Берлине.

14 марта Словакия и Рутения провозглашают независимость и «распускают государство Чехословакия.» Финита трагикомедии. Музыка играла недолго, всего шесть месяцев прошло с «Мюнхена» и – вот. «Цыплёнок жареный, цыплёнок пареный, цыплята тоже хотят жить!» Вместо гордой Чехословакии, «оплота демократии в Восточной Европе», у нас теперь цыплята – Словакия и Рутения. Независимые все такие из себя цыплята, не цыплята, а загляденье.

Того же 14 марта Чемберлен с благостным видом сообщает миру, что британско-французские гарантии давались государству «Чехословакия», теперь же, поскольку такого государства де-факто больше не существует, то нет и гарантий. «На нет и суда нет.»

Сегодня много и обильно рассуждают на тему «а что было бы, если бы», это понятно, эта песня будет вечной, и в песне этой, запеваемой вновь и вновь, есть и такой куплет – «надо было воевать! надо было грудью встать!» Чехам, разумеется. В этих словах есть резон, в конце 1938 года у тогда ещё Чехословакии под ружьём стояло целых 35 дивизий, в то время как Германия имела дивизии в количестве аж 13 штук (немцы, правда, могли, объявив мобилизацию, получить ещё 44 дивизии, но цифры, во всяком случае численности армий, в любом случае вполне сопоставимы). Вроде бы, да, воевать можно было. Но только можно, но не нужно. Дело вот в чём – вы не забыли ещё лорда Галифакса, посетившего Гитлера незадолго до визита в Берхтесгаден герцогской четы Виндзоров? Помните, он там рассказывал Гитлеру сладкие сказки про развязанные на восточном направлении руки? Вот лорд Галифакс с Черчиллем в том самом достопамятном 1938 году, спешат в Парламент, о чём-то переговариваются на ходу, о руках, наверное, о ручатах шаловливых:

Так вот, дело в том, что Англия развязывала Гитлеру руки в направлении не на восток вообще, а на восток конкретный. На восток же от места, где проходила встреча, лежала Австрия.

Австрия была тем кирпичом, выдерни который, и вся стена развалится. Вся стена из лимитрофов. Поташа Австрию и рассядется вся система «коллективной безопасности в Восточной Европе». Строили все, а рушит один. Обычно рушит либо самый сильный, либо тот, кому терять нечего. В нашем случае, рассматриваемом подробно и с любовью, был как сильный, так и тот, кому терять было нечего, и были эти оба два – одним. Вернее, одной. Англией. Она формально оставалась всё ещё Империей над которой не Заходит Солнце, она была на первых ролях и одновременно она находилась в одном шаге от крушения и никто не осознавал этого лучше, чем она сама. И осознала это Англия не вчера, у неё нюх истончён был до степени, другим не доступной. Вот ведь был ещё жив не человек – исполин, Его Величество Георг V, и вот он не вчера, а позавчера ещё, в 1935 году, говорил с глазу на глаз находившемуся уже не при делах, а потому достойному доверия Ллойд-Джорджу такие слова: «I will not have another war. I WILL NOT! The last one [WWI] was none of my doing and if there is another one and we are threatened with being brought into it, I will go to Trafalgar Square and wave a red flag myself sooner than allow this country to be brought in.» «я не ввяжусь в новую войну. НЕ ВВЯЖУСЬ! Последняя [WWI] не была делом моих рук и если вспыхнет новая война и мы окажемся перед угрозой быть в неё втянутыми, я скорее возьму в руки красный флаг и выйду на Трафальгарскую площадь, чем позволю этой стране воевать.» Англия воевать не могла, не не хотела, а не могла.

Но прошёл всего год, умер старый король и события понеслись вскачь. И, хочешь не хочешь, а в войну ввязываться пришлось и дела повернулись так, что лучше ввязаться самому, чем тебя туда ввяжут другие. И ввяжут тогда, когда будет сподручно им, не тебе. Что делать? В одночасье не перевооружиться, в два дня новые заводы не построишь, за неделю новую армию не создашь, но вот что можно, так это интриговать. И, не знаю как вы, а я второй такой страны не знаю, которая умела бы это делать так, как интригует Англия. О, как она интригует! Учитесь, пока жива Англия, учитесь! Нет, не хотят, хотят по простому, не по-рабоче-крестьянски даже, а просто по-рабочему, крестьянин ведь хитёр, ох, как хитёр крестьянин, но оттёрли бедолагу от дел, теперь всем заправляет интеллигенция, а её вокруг пальца обвести, что ребёнка малого, даже неудобно как-то... Но это мы уже в сторону уходим, а нам с путаниками интеллигентами не по пути. Давайте будем дальше разбираться, чего там Англия учудила.

Итак – Галифакс произнёс Слово, сказал он – «Восток». Гитлер взгляд из окошка кинул и с тонкой улыбкой глаза прикрыл, он ведь тоже не дурак был, это только в кино его придурковатым таким показывают, а он – понятлив был. Англия отдавала ему Австрию. Англия отдавала Германии ключ от квартиры, где деньги лежат.

Взять же оставленную без британской «крыши» Австрию Германии ничего не стоило. Свои виды на Австрию имела и Италия, но у неё хлопот был полон рот, Италия строила свою опереточную «империю» и начала она искать деньги не там, где потеряла, а там, где светло было, а светло было в Африке. В Эфиопии. Ах, как там развернуться можно было, с кукурузника по разбегающимся эфиопам из пулемёта – тррррррррррррррррр. Да вдогонку – газом их, газом. Как тараканов. Но итальянцы и там умудрились завязть, поэтому, когда Галифакс сделал честные глаза и протянул Гитлеру на блюдечке с голубой каёмочкой Австрию, то и он, и Гитлер знали, что Италия в данный конкретный момент времени – не конкурент. Нет, не конкурент. У неё ведь, помимо Эфиопии ещё и Испания, сами понимаете, а там у Муссолини до 70 тысяч человек воюют, даже и из неудачи Англия извлекла пользу, не втянули в войну французов, так зато Муссолини руки заняли, стоит теперь врасстопырку, держит в охапке друга франко и негуса Хайле Селассие, пытит бедолага, злится, по уму не нужен ему ни тот, ни другой, и – не бросишь, и не потому, что жалко, а просто не бросишь и всё. Англия...

И народ австрийский Гитлера ждёт не дожждётся. Ситуация ведь какова – ну, представьте себе, что Казахстан превратился вдруг в Империю, чем чёрт не шутит, завоевал всех соседей и живёт теперь в Казахстане не только «титутельная нация», но входит туда чуть ли не вся Средняя Азия, называемая сегодня почему-то Центральной. Ну и русские там, конечно же, живут. В наше время где только русских нет, есть они и там, в «Централе». Ну и вот, вспыхивает вдруг война, не манёвры, а так, войнушка, херня на постном масле, влезает в это дело Китай-лесник и разгоняет всех к такой-то матери. А потом, «во избежание», дробит Великую Казахскую Империю на кусочки мельче мелкого. Из областей получают республики и делаются они «независимыми» государствами. Ну и понятное дело, что в одном из осколков вчерашнего казахского великолепия, в какой-нибудь Республике Павлодар население почти поголовно оказывается русским. Ну и куда вы прикажете бедному русскому податься? Со всем его «Павлодаром»? Вокруг – азиаты, а маленького и слабого всяк обидеть норовит. И тут вдруг большая северный брат (а у него, как назло, всё хорошо, так хорошо, что дальше и некуда, цены на нефть, то, сё, сами понимаете) решает протянуть нам братскую руку и вы не поверите – протягивает! (а у нас, как назло, и граница-то общая, вот счастье-то!). Вы представляете, как в такой ситуации будут «павлодарцы» «эрэфовцев» встречать? Да вот так, точно так же, как на этой старой фотографии:

Это австрийцы встречают немцев. В 1938. В Зальцбурге. В том самом Зальцбурге, который Гитлер герцогу и герцогине Виндзорским из окошка показывал. Из того окошка, что на восток выходит.

А после «аншлюсса» Гитлер мог Чехословакию голыми руками брать, а не то, что 13-ю дивизиями. Чехи ведь ждали угрозы с западного направления, они вроде всё понимали правильно, но волк зашёл с юга, с той стороны откуда чехи плохого не ждали, волка подвели к чешскому подбрюшью и взял он чехов за мягкое вымя рукой в ежовой рукавице. Точная работа. Европейская. Левшам

Получив Чехословакию, немцы оказывались в побрюшье уже Польши. После так для всех удачно завершившегося «чехословацкого кризиса» у Польши шансов не было никаких, что бы там себе умные поляки ни думали. Чуть погода, в начавшейся войне с Польшей, немцы били опять снизу, били в мягкое, в незащищённое. Немецкая группа армий Юг наносила удар с территории бывшей «Чехословакии», из района Остравы, а немецкая 14 армия ударила из Словакии. Словом, всё было осуществлено так, как до того и задумано. И с жизненным пространством и с «востоком». Радовались англичане, радовались и французы, да и как им было не радоваться, отвели угрозу, отвели! Выиграли время, выиграли! Выиграли?

Вот со временем-то вышел конфуз. Подвели поляки, ох, как подвели. Такие на них надежды возлагались, да и сами они так убедительно пыжились, но – вышел облом. Не из того материала оказались поляки сделаны, переоценили их англичане, и на старуху бывает проруха. Вот американцы на поляков куда трезвее смотрят, они понимают, с кем имеют дело, они и анекдоты про поляков сочиняют соответствующие:

Вопрос: Что нужно сделать, чтобы потопить польский корабль?

Ответ: Спустить его на воду.

Беда не в том, что спущенный на воду польский корабль затонул. Беда в том, что затонул он слишком быстро. Польша ушла на дно менее чем за месяц.

«Oops!.. I Did It Again».

31

Чрезвычайно поучительно проследить за тем, как втягивали в войну Польшу. Созданная уже в наше время красивая декорация с тщательно прорисованными мужественными поляками, чья независимость была растоптана двумя диктаторами-людоедами скрывает за собою куда менее привлекательный задник с суетящимися «рабочими сцены».

Польшу нельзя было просто взять, да и «отдать», как, к примеру, ту же Австрию. Польша тогда, в 1939, если и не европейский гигант, то по сравнению с прочей восточноевропейской мелюзгой – ого-го. Державами до определенного момента Польша всерьёз рассматривалась как противовес не больше и не меньше как Германии. Да и в канун Второй Мировой Польша (во всяком случае в военном отношении) в сравнении с той же Германией выглядела вполне себе ничего. Да и чувствовали себя поляки в силе и в начавшейся делёжке праздничного пирога тоже участие приняли, сами стульчик взяли, сами к столу присели, сами столовый прибор двумя руками ухватили и смело этак, никого не спрашиваясь, кусочек Чехословакии отрезали и в рот запихали. А потом с аппетитом проглотили, даже и не прожевав как следует. И не подавились. А потом по столу глазами зашарили, зашнырили – чего б ещё скушать.

И тут полякам – раз! и стаканчик поднесли, чтобы у них голова совсем уж закружилась – 31 марта 1939 года Британская Империя и Франция предложили Польше (сами предложили! никто их ни о чём не просил!) всестороннюю и безоговорочную помощь в случае «любых акций, угрожающих польской независимости». Поляки, ожидавшие, что на них за Тешин цыкать будут, тут же приосанились, ус закрутили и вообще – занеслись. Англичане же и примкнувшие к ним французы этим заявлением (ни к чему, замечу, их не обязывавшим, слова ведь всегда остаются всего лишь словами) разом убили двух зайцев – Польша тут же ужесточила свою позицию по отношению к Германии, а у Германии появились мыслишки об урегулировании отношений с Россией. В тылу-то у Польши маячил СССР, не так чтобы задолго до того Польшей обиженный. Ну и заодно, раз уж пошла такая пьянка, немцы инициировали разработку плана под кодовым названием WEISS – планчик войны с Польшей, на всякий случай, мало ли что ещё умные люди полякам в головы вложат, а у нас – план наготове, нас расплох не застанешь.

3 апреля Англия уже устами Чемберлена публично подтвердила гарантии, данные Польше. Польша впала в состояние эйфории.

13 апреля 1939 года англо-французские «гарантии» даются Румынии и Греции,

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
причём Лондон-Париж заявил, что ждёт таких же гарантий и со стороны СССР, на что из Москвы скромно ответили, что СССР-то подобных гарантий на случай нападения Германии или Японии не получил и никто ему таких гарантий давать не собирается. Немного подумав, Кремль 17 апреля выступил со встречным заявлением о заключении оборонительного договора между Англией, Францией и СССР, предусматривающим всестороннюю взаимную помощь и поддержку в случае нападения на одного из участников договора. В ответ – молчание. Но отсутствие слов не означает отсутствие дел – 19 апреля Англия создала новое министерство, Ministry of Supply, что-то вроде Министерства Снабжения, только это был не рай для прапорщиков, как можно подумать, а министерство, призванное координировать широкомасштабную программу перевооружения Империи. Время-то поджигает, проклятое время.

28 апреля 1939 года Германия денонсирует Польско-германский пакт о ненападении от 1934 года, Германия пытается поляков напугать, «у-у-у!», Гитлер заявил, что «пакт» является частью политики «окружения», проводящейся в отношении Германии. Поляки не вняли. Да и чего им бояться? У них ведь – Гара-а-антии. Зато вняли в Москве, там Молотов сменяет Литвинова. Гитлер тут же заявляет своему окружению (он был позёр по жизни и не упускал случая похвастаться своей прозорливостью) что он воспринимает этот жест как знак того, что Москва, отчаявшись найти понимание западных партнёров, готова сменить курс во внешней политике.

5 мая Польша вновь, в который уже раз, отвергает немецкие предложения относительно «вольного города» Данцига.

7 мая министр иностранных дел Франции получает шифровку из французского посольства в Берлине, гласящую, что немцы хотят добиваться от Москвы нейтралитета и ради этого готовы даже предложить той новый раздел Польши. (Не сомневаюсь, что в Париже запрыгали от счастья и тут же отбили телеграммку в Лондон – «усё идёт по плану, без сучка и без задоринки!») Того же 7 мая Москва предоставляет Варшаве проект договора, где предусмотрено предоставление польской стороной двух «коридоров» для прохода советских войск на случай войны с Германией. Польша немедленно и категорически отказывается. А и в самом деле – зачем нам коридоры и зачем нам русские? У нас ведь – Гара-а-антии! Тут же ударили часы на Биг Бене и проснулся Лондон. 8 мая британский посол в Москве заявил советской стороне, что Британия (в чём её поддерживают великая Польша и великая Румыния) отклоняет советское предложение от 17 апреля о заключении оборонительного союза.

Не спят и немцы – 12 мая 1939 года в Данциге вспыхивают уличные беспорядки, на улицах – агитаторы, призывающие к воссоединению с Германией, распалённая толпа громит «польскую собственность». Ну, и пока железо горячо, немцы 17 мая делают первое из предложений, от которых нельзя отказаться – они предлагают СССР заключить пакт о ненападении. Делают они такое предложение не только СССР, Москва – в пакете. Заманчивое предложение получает много кто. Швеция, Норвегия и Финляндия немецкое предложение отвергают. Дания, Латвия и Эстония – принимают. Умные люди видят, что Германия, кроме демонстрации мускулов, умеет, оказывается, одерживать и дипломатические победы. 18 мая начинаются бои на Халхин-Голе. В Москве как в воду глядели, когда за месяц до того сетовали об отсутствии гарантий держав на случай нападения кого бы то ни было на СССР. Япония же, отчётливо видя, что всё внимание Москвы сосредоточено на Европе, решает испытать СССР на прочность, а там, глядишь, и кусочек отгрызть.

А в Европе да, в Европе дела, в Европе – делишки. 19 мая 1939 года Польшу, заглотившую наживку, отсекают. В этот день главнокомандующий французскими вооружёнными силами маршал Гамелен подписывает с польской стороной соглашение, предусматривающее, что в случае нападения Германии на Польшу французы начнут военные действия против немцев «всеми наличными силами» на 15-й день после объявления Польшей всеобщей мобилизации. Тут же и немцы одерживают дипломатическую победу – 22 мая между Германией и Италией заключён «Союз стали», немцы и итальянцы обязуются прийти на помощь друг-другу в случае начала войны. Германия разрывает так называемое «кольцо изоляции».

30 мая англичане и французы делают новые предложения СССР. Молотов отвергает их, заявив, что проект договора не предусматривает действий Англии и Франции в случае «непрямой агрессии» против СССР, приведя в качестве таковой события в Чехословакии (то-есть то, что сегодня называют

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
«цветной революцией»). Взамен он предлагает «тройственный оборонительный союз», который в свою очередь даст «гарантии» Эстонии, Латвии и Литве на случай угрозы их безопасности со стороны Германии. 2 июня, пока англичане и французы думают, Молотов расширяет список «благодетельствуемых», включив туда помимо «стран Балтии» Польшу, Бельгию, Турцию, Румынию и Финляндию.

Пока играет одна сторона, то же самое делает и другая – 31 мая Германия подписывает пакт о ненападении сроком на десять лет с Данией, а 7 июня такие же пакты с Эстонией и Латвией. 15 июня Германия предлагает СССР заключить торговый договор, но СССР, всё ещё ожидающий от Англии и Франции ответа на свои предложения, немецкое предложение отклоняет.

4 июля генеральный консул Франции в Гамбурге передаёт в Париж сенсационную новость, ему стало известно, что если в кратчайший срок не будет заключено соглашение между Лондоном, Парижем и Москвой, то советское правительство будет готово подписать пакт о ненападении с Германией.

9 июля Черчилль выступает с требованием заключить военный союз с СССР. Заявление Черчилля, превратившегося к тому моменту в политического «пария», вызывает у депутатов Парламента только раздражение.

18 июля очень умный поляк, маршал Рыдзь-Смиглы выступает с заявлением, где говорится, что если потребуются защищать Данциг, то Польша будет сражаться даже и одна, без союзников. (В Лондоне и примкнувшем к нему Париже радостно потирают руки).

22 июля Москва заявила, что она начинает переговоры с Германией о заключении взаимовыгодного торгового договора. Тут же будто очнулись англичане и французы и 24 июля изъявили желание начать переговоры с Москвой, но обусловили своё желание необходимостью заключить сперва некое «политическое соглашение». Молотов в ответ заявляет, что Москве нужно соглашение военное, а не политическое. 26 июля Англия и Франция соглашаются послать в Москву военные делегации и в самом деле отправляют их, но почему-то морем. Кроме этого, когда делегации в конце концов доплывают до СССР, то выясняется, что состоят они из низкоранговых дипломатов и военных, не обладающих к тому же необходимыми для подписания соглашения полномочиями. Вышло это, не иначе, как по чьему-то недосмотру, нечаянно. «Хотели как лучше, а получилось как получилось.» Бывает.

31 июля случается сушая мелочь – сенат Данцига (чёрт, и у них – Сенат!) выносит постановление об удалении с данцигской таможни (вы представляете себе, какая это кормушка – таможня в «вольном городе»?) всех польских офицеров, «надзирающих за порядком». В ответ Польша грозно хмурит брови (ещё чего! там же цепочка тянется с таможни – в Варшаву, а там – в Сейм, а там – и выше) и заявляет, что не только никого ниоткуда удалять не будет, но напротив, выдаст «польским офицерам» оружие (коня и саблю, наверное) и что любые действия против «польских офицеров» будут караться по всей строгости строгих польских законов. Сенат «вольного города», вольно пошумев, заявляет Польше протест. Происходит это 7 августа. А 8 августа немецкие газеты будто с цепи срываются, начав пропагандистскую кампанию против Польши. 9 августа уже не какой-то там «данцигский Сенат», а правительство Германии заявляет Польше протест по поводу «событий в Данциге». (Боже, сколько раз мы потом всё это видели, всё это слышали, всё это по телевизору смотрели, сколько раз, сколько раз, Боже, Боже, Боже).

10 августа Польша принимает гордую позу и отправляет немецкой стороне уже не некий «протест», а – Ноту, в которой по-польски говорится, что Данциг – это внутреннее дело Польши и не любителям квашенной капусты совать нос в польский огород. Ох, смелы поляки, ох, смелы! Смотрели они тогда на себя и любовались. А чего им бояться-то было? Ну сами посудите. У Польши ведь – Гара-а-антии!

12 августа 1939 года в Москве наконец-то начинаются переговоры между советской, французской и английской военными делегациями. Тут же, выяснив с кем и с чем она имеет дело, в тот же день, да-да, именно так, в тот же самый день, 12 августа 1939 года Москва даёт знать Берлину, что она готова к началу переговоров с Германией. 14 августа не больше и не меньше, как Риббентроп ставит в известность советскую сторону, что он готов немедленно вылететь в Москву для ведения переговоров (какой контраст в уровне представительства между немцами и англо-французами и какой контраст в смысле сроков, ну и понятна, конечно же, разница в скорости передвижения

15 августа Англия и Франция извещают немецкую сторону в том, что в случае нападения Германии на Польшу они готовы к войне с Германией. (Немцы, не без оснований полагая, что это заявление адресовано не так им, как Польше, относятся к нему как к блефу.)

15 августа СССР прерывает переговоры с англичанами и французами, заявив, что до тех пор, пока Польша не предоставит возможность советским войскам пересечь в случае войны свою территорию, ведение переговоров бессмысленно.

15 августа лорд Галифакс, пробуя, как сидит рыба на крючке, поднял на встрече с поляками вопрос о допуске советских войск на территорию Польши и услышал твёрдый, заученный ответ всё того же старательного маршала Рыдзь-Смиглы – «Нет! Нет! Нет! С немцами мы рискуем потерять нашу свободу, с русскими же мы потеряем нашу душу!» О как! У поляков оказывается, не только Шопен в романтиках ходит, но даже и маршалы.

32

Собирался я сразу перескочить в 1940, но напишу-ка я ещё немного про Польшу, польская судьба – добрым молодцам урок, почти любая европейская страна, и даже не из самых маленьких, может, глядя на «1939», вывести для себя мораль. Да что там – мораль, можно смело проводить параллели с собою сегодняшним и заранее представлять себе, что будет, «если...». «К гадалке не ходи.» Вовсе не Россия – печальный пример человечеству, как то утверждают товарищи определённой и вполне нетрадиционной ориентации, нет повести печальнее если не на свете, то в Европе точно, чем пример всем нам знакомой и ещё не згиневшей Польши.

Мы остановились на середине августа 1939 года, в предверии, уже слышно как гром ворчит, грозно этак, и туча вполнеба, клубясь, наползая, солнце собою закрыла, только одинокий лучик пробивается сквозь черноту, вот уже и ветер прохладный дунул, да тут же и затаился, тише стало самой тишины, момент почти непереносимый, сейчас просверкнёт – ярче солнца, и тут же – грянет. Крестись, мужик!

17 августа 1939 года Вермахт получил задание предоставить в распоряжение СС сто пятьдесят комплектов польского военного обмундирования, которое позже будет использовано как доказательство «польской агрессии» в сфабрикованном «пограничном инциденте». Германия уже всё для себя решила.

Решил и СССР – 19 августа подписан торговый договор между Москвой и Берлином. 19-го же августа Молотов отвечает согласием на желание Риббентропа посетить Москву с официальным визитом. 20-го августа дипломатическая игра стремительно выходит на новый уровень – Сталину звонит лично фюрер немецкого народа и просит принять Риббентропа как можно скорее. Сталин соглашается и, заранее зная о чём пойдёт речь, торопится избавиться от всего, что может отвлечь его тогда, когда отвлекаться никак нельзя и 20–25 августа Жуков громит японцев на Халхин-Голе. Япония терпит самое тяжёлое к тому моменту поражение на суше. Теперь СССР может сосредоточиться только на переговорах с Германией. 22-го августа Англия заявляет, что возможное заключение пакта о ненападении между СССР и Германией никак не скажется на её обязательствах по отношению к Польше. Польша, как замороженная, внимает и – верит. Всё ещё верит, и верит тем более, что верить очень хочет.

23 августа – подписание «пакта Риббентроп-Молотов».

24 августа Франция предупреждает Польшу, чтобы та «воздержалась от военных акций» в случае перехода Данцига под юрисдикцию Германии, чего все ожидают с часа на час. В ответ Польша тут же, того же 24 августа, начинает призыв резервистов. Чтобы укрепить решимость поляков 25 августа Англия подписывает с Польшей пятилетнее соглашение о взаимной обороне. Там, правда, есть пункт, которому никто не придаёт значения – особо оговорено, что соглашение действительно лишь при нападении на Польшу Германией, то есть при «агрессии» в отношении Польши какого либо другого государства (например, СССР) соглашение не будет иметь силы. Англия дальновидно сохраняет для себя свободу рук на случай, если Польша каким-то чудом выскользнет из ловушки.

Здесь нужно иметь в виду вот что – немедленно после «Чехословакии» Гитлер

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
предложил полякам Словакию. ВСЮ Словакию в обмен даже не на Данциг, который Польша и так не принадлежал, а на такую малость, как экстерриториальная железная дорога, соединяющая Данциг и Германию. Поскольку обмен был слишком уж явно неравноценен, то даже и поляки заподозрили неладное и тут же кинулись в Лондон – консультироваться. В Лондоне сидели люди куда умнее гордых шляхтичей и они на пальцах объяснили полякам в чём смысл интриги – получив Словакию, Польша резко усиливалась, что вело к неминуемому осложнению и так очень непростых отношений с СССР, что, в свою очередь, означало необходимость срочного урегулирования отношений с Германией. Беря Словакию, Польша автоматически оказывалась в немецком лагере. Не знаю, объяснили ли англичане полякам ещё и другую, очевидную для них истину – Германия, отдавая Словакию и вроде бы лишая себя выгодного плацдарма для нападения на Польшу, на деле ничего не теряла, так как получала Данциг, а Польша была уязвима не только при нападении с южного направления, но и на севере и ключ к военной победе в гипотетической войне всё равно оставался в руках немцев и немцы полякам, даже окажись те их союзниками, дали бы это понять очень быстро. Словом, в результате немецкой политики поляки в любом случае оказывались в Рейхе, беря Словакию – добровольно, отказываясь от Словакии – силком. Не мытьём, так катаньем. Дело было только в том, что Англия и Франция были заинтересованы именно в катанье, они полагали (и не без оснований), что война Польши с Германией продлится более или менее продолжительный срок, а пока бы она шла, можно было не только провести перевооружение, но и сложить другую геополитическую комбинацию. Например – вернуться опять к Антанте. Особо горячими сторонниками этой идеи были, что понятно, французы.

24 августа Рузвельт отправляет Гитлеру телеграмму с предложением личного посредничества с тем, чтобы «разрядить кризис между Германией и Польшей». (Америка предпринимает первую попытку выйти из изоляции и показывает, что она хочет оказаться в Европе, хочет, чтобы её туда «позвали», Америка начинает примерно ту же игру, что и в годы Первой мировой. Гитлер это прекрасно понимает, но считает, что ещё не время.)

25 августа Муссолини заявляет Гитлеру, что Италия в силу ряда причин не сможет воевать на стороне Германии в случае начала войны между Германией и или Англией, или Францией. Тем не менее, он подтверждает обязательство в случае начала войны объявить мобилизацию. (Гитлеру большего и не надо.)

26 августа лихорадочно лавирующая Франция начинает настаивать на прямых переговорах между Германией и Польшей, Польша обещает, что она в обязательном порядке будет консультироваться с Англией и Францией «прежде чем предпринять действия, могущие привести к военному конфликту». 27 августа Гитлер отправляет Даладьё личное письмо, где пишет, что война неизбежна. «Польша, опираясь на поддержку Англии и Франции и имея их гарантии, чувствует себя в такой безопасности, что это позволяет ей не пытаться искать мирного разрешения проблемы.» (На дипломатическом языке письмо граничит с глумлением, Гитлер показывает Даладьё, что Франция потеряла возможность влиять на ситуацию и что теперь её судьба связана с судьбой английской марионетки – Польши.)

27 августа Англия предлагает Польше попытаться использовать Папу, как посредника в переговорах с Германией. (Представляю, как, закидываясь и хлопая друг друга по спинам, хохотали в Форин Оффисе. «Ну, мы и отмочили!» Но шутки шутками, а жизнь жизнь – того же 27 августа Англия требует от мужчин в возрасте 20 и 21 года сообщить властям о своём местопребывании. Ожидается, что таковых окажется до 300 000 человек. «На всякий пожарный, а то жареным запахло.»

29 августа Гитлер соглашается с прямыми переговорами с Польшей и требует (!), чтобы польская делегация прибыла в Берлин «немедленно». Тут же, того же 29-го Германия оккупирует Словакию. «По просьбе словацкого правительства», конечно же. Да и как не оккупировать, если Президент Словакии Тисо в своей «просьбе» заявил, что он опасается польского вторжения.

30 августа Лондон в правительственном заявлении извещает мир, что он «не будет оказывать давления на Польшу с тем, чтобы она послала делегацию в Берлин.» Тут же лорд Галифакс предупреждает поляков, чтобы те избегали любых действий, связанных с насилием, в отношении немецкого меньшинства, и чтобы Польша немедленно прекратила антинемецкую пропаганду. «Мирись, мирись, мирись и больше не дерись.» Слова, вроде бы, хорошие, но в

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
контексте происходящего больше похоже на дразнилку.

И вот наступает 31 августа. Последний день лета. Последний день перед грозой.

Вот что произошло в этот день: Германия заявляет, что неприбытие польской делегации расценивается ею как отклонение польской стороной немецких предложений о переговорах. «Два дня Фюрер и Немецкий Народ напрасно ждали прибытия польской делегации...» Сделав заявление, Германия разрывает все линии коммуникаций с Польшей. Немедленно после немецкого заявления Англия начинает эвакуировать Лондон.

1 сентября 1939 года – немецкое вторжение в Польшу.

1 сентября Англия и Франция объявили всеобщую мобилизацию. Данциг объявил себя частью Германии. Италия объявила о своём невмешательстве. Норвегия, Финляндия и Швейцария объявили о своём нейтралитете. СССР объявил мобилизацию и снизил призывной возраст с 21 до 19 лет.

2 сентября Польша призвала «союзников» к немедленным военным действиям против Германии. В ответ Франция подтвердила свои обязательства по отношению к Польше.

2 сентября Италия предложила созвать конференцию с тем, чтобы разрешить кризис, однако Англия заявила, что она не примет участия в переговорах до тех пор, пока немецкие войска не будут выведены из Польши.

2 сентября Англия начала переброску во Францию 10 эскадрилий бомбардировщиков.

2 сентября Германия заявила Норвегии, что она будет уважать её нейтралитет до тех пор, пока он не будет нарушен Англией или Францией.

3 сентября – совместный ультиматум Англии и Франции Германии. Франция пыталась увилить до последнего, она всё не могла поверить, что оказалась в ловушке вместе с Польшей. Задолго до предъявления ультиматума французы связали себя обязательством, они официально заявили, что будут делать то же самое, что делают англичане и, заявив это заявление, посчитали, что они себя от самого страшного застраховали. Французы, прекрасно понимая, что Англия собирается воевать сперва Польшей, потом – ими самими, полагали, что уж объявлять войну немцам англичане воздержатся в первую очередь из пропагандистских соображений, да и вообще... всегда выгодно если и не быть, то хотя бы выглядеть пострадавшим, а поскольку «мы будем делать то же самое, что и вы», то и Франция будет тянуть время, помогая Польше воевать не только за себя, но и за Марианну, а там – видно будет. Франция так не хотела драться, что в дни, предшествовавшие войне, даже прибегла к прямому обману, информировав СССР, будто ей стало известно, что поляки склоняются к предоставлению своей территории для прохождения советских войск в случае войны. У Москвы, однако, кроме собственной разведки были ещё и доброжелатели, немедленно сообщившие, что всё это французские выдумки и в результате Риббентроп отправился в Москву.

Когда на свет появился совместный англо-французский ультиматум Германии, то тут же выяснилось, что он – результат французской промашки, французы посчитали, что это – блеф и присоединились к нему, не поняв, что это и в самом деле блеф, только блеф, направленный не против Германии, а против Франции.

В ультиматуме был указан срок выполнения англо-французских требований и истекал он через несколько часов и когда стало ясно, что немцы ультиматум не примут, французы заметались. В 11 часов утра Англия, как ни в чём не бывало, объявила войну Германии и с недоумением спросила Францию: «Как же так? Ты же сама сказала, что сделаешь то же, что и я?» В Париже началась паника, французское правительство заседало непрерывно, изыскивая возможность не выполнять обязательств уже не перед Польшей, о Польше никто не думал, а перед Англией. Однако Лондон оказался готов и к такому повороту событий. Пропаганда в Англии нагнетала атмосферу уже пару недель, добрый английский народ возбудился и выразителем народного гнева стал Парламент, как место для того и предназначенное, и после бури, устроенной взвивавшимися орлами депутатами, французам было заявлено, что затяжка времени французской стороной совершенно неприемлема для Правительства Её

Величества. Даладье торопливо сказал, что он, конечно же, останется верен обязательствам, что он объявит войну, обязательно объявит, но только не сейчас, а – позже. А то, видите ли, генералы говорят ему, что на подготовку к войне потребуется минимум двое суток, вот он и склоняется к тому, чтобы послушать военных и вообще, давайте-ка мы отложим объявление войны на 48 часов. Кроме того он доверительно сообщил английской стороне, что, по его мнению, Гитлер, не отвечая на ультиматум, просто тянет время, чтобы успеть захватить как можно больший кусок польской территории с тем, чтобы усилить свои позиции на переговорах, которые неизбежно начнутся через несколько дней. Словом, давайте немного подождём.

Тогда Чемберлен отправился в Парламент и, умело манипулируя настроением депутатов, умышленно произнёс акцентировано миротворческую речь, чем только усилил накал и вызвал буквально взрыв негодования. После чего опять связался с Парижем и заявил, что Правительство близко к потере контроля над ситуацией и что Даладье может сам спросить у своего посла в Лондоне о том, в какой обстановке действует английское правительство. Недоверчивый Даладье связался с послом и тот подтвердил всё, сказанное Чемберленом. В дипломатической схватке Лондон выиграл вчистую. Если называть вещи своими именами, то Чемберлен просто-напросто шантажировал Даладье угрозой политического кризиса в Англии. Если бы его правительство было вынуждено уйти в отставку, а такая перспектива выглядела совершенно реальной, то это означало, что Англия, формально объявив Германии войну, тут же на деле устранилась бы от всякого участия в войне, сосредоточившись на разрешении внутривнутриполитического кризиса, причём какое правительство было бы приведено в результате к власти, французы могли только догадываться. И весь этот период, который мог длиться неопределённо долго, Франция оставалась бы один на один с Германией. Притом, что к юго-востоку от солнечных Канн находилась объявившая всеобщую мобилизацию Италия. Французы поняли, что проиграли и приняли неизбежное. 3 сентября в 5 часов вечера они тоже объявили войну Германии. Этот этап войны Англия выиграла.

33

Дальше события замелькали, как в немых фильмах начала века. Туда-сюда, туда-сюда, участники моргать не успевали, не то что головой вертеть.

Первым делом Англия 3 сентября объявила о начале блокады Германии. Блокада – оружие испытанное, не раз Англией пускавшееся в ход и пару раз и в самом деле срабатывавшее, дело только в том, что, будучи применённой в последний раз, в годы Первой Мировой, английская блокада тут же вызвала в ответ блокаду немецкую и Германия на деле продемонстрировала, что блокада – оружие обоюдоострое, так что объявление объявлением, но собиралась ли Англия на самом деле блокировать континент или то была лишь угроза, неизвестно. Но зато известно другое – под эту угрозу Первым Лордом Адмиралтейства был назначен опальный Черчилль. Он каждодневно, надрываясь, орал в Парламенте, делая всё, чтобы получить хоть какой-то пост в Правительстве, но, поскольку ни одна партия ему не доверяла и не хотела с ним связываться, то его отправили в главные капитаны. «Покажи себя. А то болтать каждый сумеет». Дело было в том, что Черчилль, в бытность свою министром финансов, беспощадно резал военный бюджет и военные его ненавидели. Отправляя его в Адмиралтейство, правительство полагало, что на флотских (во флоте тут же раздался буквально вопль – «Churchill is back!») Черчилль если не сломается, то споткнётся точно.

Тут же, 3-го же сентября, в небе над Германией появились и первые английские самолёты, на города северной Германии было сброшено шесть миллионов листовок. Это сразу же наводит на некоторые мысли, наладить выпуск такого количества листовок на вполне определённую и конкретную тематику в один день невозможно, вполне очевидно, что листовки были отпечатаны загодя и лишь ждали своего часа. Англия заранее знала, в каком направлении повернутся события и заранее же была готова к началу пропагандистской войны. Тому, что Англия знала, что она делает, есть и ещё одно свидетельство – всё в тот же третий длинный день сентября была завершена эвакуация полутора миллионов (!) гражданских лиц из Лондона, операция, впечатляющая даже и по сегодняшним меркам. Ну, и перед тем, как нам расстаться с цифрой «три» и уйти в день четвёртый, последний штришок – 3 сентября Англия выступила с инициативой подтверждения воюющими государствами Женевского протокола в той его части, где говорится о запрещении отравляющих газов. Первыми, кто подтвердил свои подписи под протоколом, оказались воюющая Германия и «невоюющая» Япония.

Наступило 4 сентября и польское правительство заявило о планах эвакуировать Варшаву. Вот вам разница между теми, кто не только знает, что такое «война», но ещё к этой войне и готовится, и теми, кто не имеет понятия не только о «войне», но и вообще ни о чём на свете, кроме того, как бы ему покрепче насолить «москалям». Англия пока воюет лишь на словах, но зато у неё не только планы на все случаи жизни имеются, но она уже Лондон эвакуирует, а Польша на ЧЕТВЁРЫЙ ДЕНЬ войны, идущей на её территории, наконец-то чухнулась и объявила о ПЛАНАХ эвакуации. «И года не прошло.»

4 сентября – первая проба сил Англии, первый боевой вылет английской авиации. Полное фиаско.

Здесь мы остановимся немножко и порассуждаем вот о чём – сколько нам всем приходилось слышать радостных (хотя совершенно непонятно, чему тут можно радоваться) воплей на тему криворукости и косорылости воевавших во Второй Мировой русских, скопом обзываемых некими «совками». И то у них было не так, и это, и вообще, как можно даже сравнивать тупых неумех с Европейцами. Вот те – да! Вот те – воют! Ну что ж – вот вам пример того, как воют европейцы – 4 сентября 29 Бленхеймов и Веллингтонов вылетели на бомбёжку баз немецкого ВМФ в Вильгельмхафене и Брюнсбюттеле. Результат – завидки берут, результат из результатов, жаль, Кукрыниксов больше нет с нами – 10 из 29 бомбардировщиков не нашли цели и вернулись с бомбовым грузом назад, 1 самолёт отбомбился по Эсбергу, городу в нейтральной Дании, расположенном в 110 (!) милях от цели, 3 самолёта атаковали АНГЛИЙСКИЕ военные корабли в Северном Море, 7 самолётов были сбиты немецкой ПВО и только 8 самолётов нашли цели и бомбили их. Три бомбы попали в Шеер и было отмечено несколько попаданий в Эмден. Все полученные повреждения были незначительными, единственное более или менее серьёзное повреждение, полученное Эмденом, явилось результатом падения на него сбитого самими немцами Бленхейма. «Упс.»

Но англичане англичанами, но у нас есть ещё и поляки, те самые, что поляки поляками.

5 сентября немцы, наступавшие с территории променанной поляками на словесные обещания Словакии, взяли Краков. Польская армия, «чтобы не попасть в окружение», Краков загодя оставила. В этот же день Гитлер впервые посетил войска на польском фронте. За пять дней, прошедшие с начала войны, немецкая сторона потеряла 150 человек убитыми и 700 ранеными.

5 сентября немцы, кроме Кракова, взяли ещё и Быдгощ. Там они обнаружили тела четырёхсот немцев, бывших местными уроженцами, расстрелянных отступавшими поляками. Немцы тут же задокументировали «польские зверства» и в дальнейшем использовали «Быдгощ» как оправдание нападения на Польшу.

6 сентября немцы подошли к Варшаве. Поляки привели в действие свой «план об эвакуации», перешли, так сказать, от слов к делу. Из Варшавы срочно эвакуировались не «полтора миллиона» чёрт знает кого, а польское правительство и польское же главнокомандование. Эвакуировались они в Брест-Литовск.

В этот же день – первая воздушная тревога в Лондоне. Тревога оказывается ложной, но зато не ложными оказываются предвоенные опасения по поводу состояния дел в английской армии. Поднятые по тревоге английские истребители начали обстреливать друг друга. Впервые показали себя в действии Спитфайры. Неплохой оказался самолёт. Пилоты, сидевшие в Спитфайрах, сбили два Харрикейна.

7 сентября сдалась польская группировка в районе Данцига.

7 сентября Гитлер на встрече с адмиралом Редером запретил нападать на суда нейтральных стран, особо выделив (и строго при том погрозив пальцем) США. Кроме того, по приказу Гитлера было приостановлено минирование портов на атлантическом побережье Франции. Тут сразу две любопытности. Первая – немцы, в отличие от англичан, грозящих блокадой, но на деле пока ничего не делающих, без лишних слов блокаду осуществляют на деле, показывая тем самым, что они встречных шагов в виде английской блокады не боятся. Вторая – немцы делают примирительный жест, адресованный Парижу. «Всё видим, всё понимаем, скорбим вместе с вами, но есть ещё время, подумайте, всё взвесьте, ну, а мы пока хоть и можем вас закупорить, делать этого не будем,

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
повременим, думайте, думайте, только думайте поскорее.»

А французы и рады бы думать, до только у них мысли в голове путаются. Все планы и расчёты – насмарку. 8 сентября – шестидесятитысячная польская армия попала в окружение в районе Радомы. «Да кто ж так воюет?! Поляки что, ждут, что мы вместо них воевать будем?!»

9 сентября Геринг пригрозил «акциями возмездия» в случае если англичане начнут бомбить немецкие города. Но день 9 сентября известен не только этим. Я надеюсь, что не только поляки, но и вы помните, что Польшу и Францию связывало соглашение, и не какое-нибудь, а военное. Это только Англия хитрит, а французские намерения чисты, Франция своим обязательствам верна, французское слово – крепко! 9 сентября французская армия пересекает немецкую границу и оккупирует... оккупирует... вы не поверите, что такое бывает, но было, было... Франция «оккупирует» 3 (прописью – три) квадратных мили немецкой территории. О переносе войны «в логово врага» с торжеством сообщают все французские газеты, не упоминая цифру «3», разумеется. Не сомневаюсь, что радости поляков не было предела. Ну, а немцы со своей стороны не радовались, а продолжали начатое – 9 сентября Риббентроп предлагает СССР обсудить новые границы Польши, проходящие уже не по Висле, как то было предусмотрено «пактом Риббентропа-Молотова», а по Бугу и Писсе, немцы хотят избежать раздела Варшавы, они уже (уже 9-го сентября!) уверены в победе.

11 сентября Германия официально (а чего скрывать?) объявляет о начале блокады Острова в ответ на английское заявление от 3 сентября. (Англичане наверняка пожалели о своей поспешности, их блеф Германия обратила себе на пользу. «Учимся потихоньку, учимся.»). Англия, обжёгшись, тут же отдёргивает руку – в тот же день, 11 сентября, Кабинет решает не предпринимать пока попыток бомбить Германию.

12 сентября Франция начинает формировать «Чешскую армию в изгнании.» Были у французов сенегальцы, будут теперь и чехи. «Демократия требует жертв», а вы как думали? В этот же день немцы бомбят в Польше Кременец, куда был переведен из Варшавы дипломатический корпус, демонстрируя тем самым всему миру полную беспомощность поляков. Тут же Риббентроп требует от Румынии не позволять польским официальным лицам переходить румынскую границу, грозя в противном случае открытием военных действий уже против Румынии. «Вах!» Ну и тут же, чтоб два раза рот не открывать, Германия заявляет, что начинает бомбить в Польше невоенные объекты, поскольку польские гражданские лица участвуют в военных действиях наравне с военнослужащими.

14 сентября – Варшава окружена. С начала войны прошло две недели. А как дышал поляк, как дышал, полной грудью. Давно ли Шопена играл, давно ли ноты по поводу Данцига сочинял, и куда всё девалось?

14 сентября – украинское восстание во Львове и Станиславове (нынешний Ивано-Франковск). Украинцы нападают на размещённые там польские воинские части. А ведь это – польский тыл. Плохо дело, совсем плохо.

14 сентября англичане топят в Атлантике U-39, первая подлодка, потопленная в войне. Ещё никто не знает, какой долгой она будет и какая будет вести подводная война и сколько подлодок будет потоплено. Начало, «разрез ленточки».

15 сентября военный комендант окружённой немцами Варшавы Юлиуш Роммель отказывается даже обсуждать с немцами условия сдачи города.

15 сентября Москва с целью обезопасить свои восточные границы предлагает японцам соглашение о прекращении огня. Японцы с радостью ухватываются за это предложение. (Ещё бы! Халхин-Гол это вам не шуточки шутить и не самурайское кино смотреть. Хорош Тоширо Мифуне, хорош, но против Жукова слабоват.)

17 сентября – члены польского правительства и верховного командования польской армии переходят румынскую границу. Конец. Сегодня это объясняется тем, что в этот день СССР вторгся в Польшу силами примерно 40 дивизий. Дело, однако, в том, что главная причина бегства польского правительства вовсе не в этом, причина и следствие тут переставляются местами, главная причина в том, что 15 сентября («на пятнадцатый день после объявления Польшей всеобщей мобилизации», помните?) Франция по условиям

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
польско-французского соглашения должна была ударить по Германии «всеми наличными силами». Франция же грозила кулаком грозно, а уж на словах угрожала так, как мало кто умеет, но вот ударить – не ударила. Не сомневаюсь, что и Москва ждала того же – «ударит или не ударит?» Не ударила. Ну, что ж... На нет и суда нет. На «нет», демонстрирующее всем вашу слабость, всегда есть чужое «да», за которым стоит сила. На бездействие слабости отвечают действием силы. После 15-го не только у поляков, но у СССР выхода не оставалось. «Товарищ Сталин дал приказ.» Ну, а поляки, так что поляки... побежали крысы с тонущего польского корабля польской государственности. Выбирать нужно не только правильных друзей, но и правильных врагов. Польша не тех выбрала в друзья и не тех – во враги. А побеждённым, как известно – горе.

17 сентября немцы берут Брест-Литовск. В этот же день они берут более 40 тысяч военнопленных в районе Кутно. Но они не только в Польше так успешны, они ещё и лягаться умудряются. 17 сентября к юго-западу от Ирландии немецкой подлодкой потоплен английский крейсер Кэрейджесс, погибли 500 человек из числа экипажа. Первый английский корабль, потерянный в войне. Сколько их ещё будет...

18 сентября немецкие третья и десятая армии начинают атаку Варшавы. В этот же день Дания, Финляндия, Норвегия, Швеция и Исландия заявляют, что они продолжают «взаимовыгодную» торговлю со всеми без исключения участниками разразившейся войны. «С целью обеспечить собственное экономическое выживание.» («Деньги не пахнут». Что да, то да, кто б спорил, а я не буду.)

19 сентября из района Кутно в Варшаву прорывается польская группировка численностью в 30 000 человек. В этот же день немцы начинают бомбить Варшаву с воздуха.

20 сентября румынской железной Гвардией убит румынский премьер Калинеску в отместку за его сочувственную политику в отношении Польши и за то, что дал возможность польскому правительству бежать в Румынию. Он, небось, думал, что угрозы Риббентропа так, пустой звук. Румын оказался неправ. Ему «строго указали».

27 сентября – Варшава сдалась. Оружие сложили более 140 000 военнослужащих. За время осады (подумать только, целых 13 дней поляки сидели «в осаде», рёхнуться можно, это какие же они там муки вытерпели!) погибло десять тысяч гражданских. Польская армия за тринадцать дней потеряла около двух тысяч человек. Вот тут, в этом «варшавском сидении», как в капле воды видна разница между «европейцем» и русским. Русский не святой и русский далеко не всегда в победителях ходит, русский тоже может сдаться, хватит шапкой об пол, да и сдастся. «Пошло оно всё, а я помирать не хочу!» Бывает и так. Но бывает и вот ещё что – если уж русский решит не сдаваться (помните как гордый польский комендант Роммель с немцами даже разговаривать не захотел?), то вот тут уж всё, раз решил русский стоять насмерть, значит стоять будет именно так – насмерть. Русский не боится оказаться смешным в чьих-то глазах, плевать, он ещё вместе с вами над собой посмеётся, но русскому легче умереть, чем оказаться смешным в собственных глазах, русская совесть не смеётся, не «юморит».

27 сентября 1939 года Гитлер заявил военному командованию, что он хочет начать наступление на западе как можно быстрее, до того, как там будет развёрнута английская армия. На этом же совещании была названа и дата начала немецкого наступления – 12 ноября. Ну и как, состоялось оно, запланированное на 12 ноября немецкое наступление? Или как? Или что? Или где?

34

Пока вождь немецкого народа думу думает, наступать ли ему на западе или нет, а если наступать, то когда, посмотрим, чем заняты остальные. Они ведь тоже думают непрерывно, жизнь заставляет, 1939 год на дворе, за окошко глянeshь и – мороз по коже, задумаешься тут. Первой от размышлений к делу перешла Москва, у неё теперь общая граница с Германией, в жертву вместо себя приносить некого, игра упростилась до предела, уже после «Мюнхена» у СССР одну из двух игральные кости отняли, а уж «Польша» и от шести граней одной косточки ничего не оставила. Теперь – чёт или нечёт. Красное или чёрное. Орёл или решётка. Только так и никак иначе, а крупье острым глазом смотрит, ждёт, «делайте ваши ставки, господа!»

3 октября 1939 года Россия, ссылаясь на «изменившуюся международную ситуацию», пригласила Финляндию обсудить территориальные вопросы. Вежливо пригласила за стол переговоров. В ответ невежливые финны 9 октября объявили мобилизацию. Вежливость это дело хорошее, а невежливость это не только всегда плохо, но ещё и демонстрация слабости и в другой момент Москва бы с этим небольшим политическим капиталом поигралась, глядишь и выиграла бы какую мелочишку, но вот именно теперь СССР ждать не мог, его осторожным маневрированием в угол загоняли – 6 октября Гитлер, выступая в Рейхстаге, заявил, что главная задача Германии теперь заключается в «достижении мира». Мир – это не просто хорошо, мир – это просто замечательно, но к тому времени в Европе дураков уже не оставалось, последней душой была почившая Польша, а оставшиеся все, как один, знали, что такое немецкий «Парабеллум». В ответ на лавровую веточку мира в клювике тевтонского голубка французы запретили Коммунистическую Партию Франции и тут же, 9 октября, арестовали 35 человек коммунистов – депутатов Национального Собрания. «За антивоенную агитацию». Ох, уж эти мне французы, ни воевать ни хотят, ни мириться. «Ни мира, ни войны.» Прямо троцкисты какие-то.

Гитлер смирил гордыню, набрался терпения, подождал целый день и следующего, 10 октября, повторил своё обращение к Англии и Франции с предложением мира. Как вы думаете, что сделали англичане? Англичане сделали вот что – 11 октября Кабинет отдал распоряжение увеличить недельное производство горчичного газа с 310 до 1200 тонн. Вот как умные и осторожные люди реагируют на предложения о мире, это вам не Горбачёв какой-нибудь, это люди, которые цену словам знают, они сами, пряча нехорошие мыслишки и ещё худшие намерения, за свою жизнь столько красивых слов произнесли, что теперь, как только к ним какой гражданин подходит и заговаривает о мире, они гада в ответ – газом, газом!

12 октября Англия открыто и официально отвергла мирные предложения Германии. «Ищи дураков в другом месте!» Поспешность Англии понятна, ей нужно, чтобы воевала Франция и нужно тем более, что Польша продержалась так недолго. «Чёртовы поляки!» Англия понимает, что «мирные» предложения Германии адресованы в первую очередь Франции и что если Англия «польской кампанией» раздосадована, то Франция наглядностью польского примера напугана до беспамятства и готова совершить любую ошибку в попытке избежать столкновения с Германией. Отвергая немецкие предложения, Англия поднимает ставки. За соседним столиком, где идёт игра не такая крупная, поднимает ставки и СССР. Он ведь тоже всё видит и всё понимает. Всё-всё. 12 октября Москва, с целью обезопасить в случае уже неизбежной (что никакой тайной ни для кого не является) войны Ленинград, открытым текстом и без дипломатических экивоков (время ведь поджигает!) выдвигает финской стороне официальные требования о размене территории, Россия хочет сдвинуть границу на запад, как можно дальше от «колыбели революции». (А вот что проделала Москва за две недели до этого – под шумок и пока глаза всего мира были устремлены на Варшаву, она подписала с Германией мирный договор, расширив при этом и заключённый ранее договор торговый, обязавшись отдавать немцам весь объём добычи с польского нефтяного месторождения в Доховиче, что привело англичан и французов в ярость. Ну, да не одним им хитрить.)

Гитлер, почувствовав себя заправским игроком, в ответ на поднятие ставок англичанами делает то же самое – 14 октября немецкая подводная лодка U-47 проникает в акваторию основной военно-морской базы англичан в Скапа Флоу и топит линейный корабль Ройал Оак, гибнет 833 человека. Капитан подлодки Гюнтер Прин объявляется в Германии национальным героем. Кроме этой эскапады Гитлер тут же делает рассчитанный и очень дальновидный шаг – когда 18 октября президент Финляндии, стремясь обрести поддержку своих соседей «перед лицом советской угрозы», встретился с королями скандинавских стран (финны, так же как и русские, чувствуя, что времени в обрез, отбрасывают этикет и выходят сразу на самый высокий уровень), то Гитлер через шведов предупредил скандинавов, что Германия останется нейтральной и «настоятельно» порекомендовал Швеции сделать то же самое. Немцами Финляндия загодя приносится в жертву.

«Ах, так, – думают англичане, у которых были свои виды на предстоящую финскую войну. – Ишь, умный какой выискался. Ну, заяц, погоди!» 8 ноября на Гитлера совершается покушение. Находясь с визитом в Мюнхене, Гитлер покинул здание мюнхенского пивного зала за двадцать минут до того, как там взорвалась бомба. Девять человек погибло. Ну, что ж. Как вы к нам, так и мы к вам – вот вам гостинчик. «С нашего стола – вашему столу!» 20 ноября

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
самолёты люфтваффе начинают сбрасывать в эстуарий Темзы магнитные мины. Как вы успели заметить, осенью 1939 года начинается то, что на сегодняшнем языке называется «эскалацией». Основная борьба идёт пока что не на поле боя, до поры борьба идёт за то, кто будет управлять «процессом», борьба идёт за контроль над ним. А процесс да, процесс идёт. Неплохой такой процессик. Булькает варево, булькает. Пованивает.

СССР, у которого нос ничуть не хуже, чем у всех прочих, запашок слышит и 26 ноября обвиняет финнов в обстреле советской территории. Финны что-то такое жалкое пищат в ответ, но кого трогает мнение финнов, «когда такие дела творятся!» А дела творятся следующие – Англия объявляет о конфискации всех товаров, предназначенных к отправке в Германию, а 28 ноября английское правительство объявляет весь немецкий экспорт «контрабандой», тоже подлежащей конфискации. Германия молча терпит, но у неё находятся заступники. Как вы думаете, кто? Правильно. 8 декабря правительство Соединённых Штатов заявляет официальный протест против английского эмбарго на немецкий экспорт. Оказывается, Англия нащупала больное местечко и ткнула именно туда, куда надо было. Ну и заодно, раз уж пьянка вошла в новую стадию и за стол к нам подсаживаются какие-то тёмные личности, мы примем дополнительные меры – 3 декабря Англия устанавливает призывной возраст в 19–41 год (чуть позже возрастной порог был повышен до 60 лет), а женщины в возрасте между 20 и 30 годами объявляются подлежащими призыву на «трудовой фронт». Англия, вроде бы играя, исподволь начинает воевать. Где-то повыше я писал, что для них война и игра это одно и то же, играя, они воют, а воюя – играют. Игроки, чтоб их черти взяли.

Ну, а Москва, пока «проклятые империалисты» друг у дружки барахлишко конфисковывают и свою «пятую колонну» за кадык берут, тоже не дремлет. 29 ноября Россия разорвала советско-финский пакт о ненападении от 1932 года (грубо, но честно, а что до приличий, то до пактов ли нынче, товарищ?!). Тут же Москва рвёт и дипломатические отношения с Финляндией. В тот же день США предлагают посредничество для разрешения «советско-финского» кризиса. Американцы, несмотря на провозглашённый нейтралитет, не оставляют попыток влезть в европейскую кашу хоть тушкой, хоть чучелком. «Экономического» присутствия им, по понятным причинам, мало, на этом этапе им нужно уже присутствие дипломатическое. Они тоже хотят «играть». И, в отличие от поляков, американцы хотят играть вовсе не Шопена.

30 ноября Россия вторгается в Финляндию. Начинается война с «белофиннами», последние слова умирающего языка революции. Ещё чуть-чуть и Россия заговорит на языке новом, вызывающем в воображении совсем другие образы. Россия рвёт со вчера и рвётся в сегодня, в мир, где вместо «белых» будут «фашисты».

9 декабря 1939 года ТАСС обвиняет Германию в доставке снаряжения финнам. Москва, используя свои, прямо скажем, небольшие возможности, тоже пытается заварить кашку. У Москвы и котелок поменьше и огонёк под ним послабже, и с маслом не очень, и кашка не такая пахучая как у соседей, но – чем богаты тем и рады. «Играем как можем.» Немцы, округлив глаза и прикладывая к груди ладонь, заявили, что они – ни сном, ни духом. Это была правда, они действительно финнам особо не помогали, но правда эта была правдой не всей, не помогая финнам сами, немцы не препятствовали в оказании помощи финнам со стороны итальянцев. А вот те да, те помогли всем, чем могли. Немцы, допуская к помощи итальянцев, полагали, что это позволит удержать финнов от немедленного обращения за помощью к англо-французам, немцы были заинтересованы в как можно более быстром окончании финской войны, они не могли допустить появления в Скандинавии англичан. На всякий случай, не зная, сколько продлится «Зимняя война», 14 декабря Гитлер отдал приказ рассмотреть возможность оккупации Германией Норвегии, ну и того же 14 декабря произошло ещё одно событие – лига наций «исключила из своих рядов» СССР за его «агрессию против Финляндии». Ну, что тут скажешь... Как там товарищ Ленин о таковских говорил, как он их называл? А, вот, вспомнил – «полезные идиоты». Ну, то, что идиоты, это да, это понятно, но вот что до «полезных», то тут дело такое – они кому полезны, а кому – не очень.

35

Пока СССР безобразит и агрессивничает, посмотрим, чем заняты любимые людьми с либеральным складом ума «плутократы». Они, если кто подзабыл, войну ведь Германии объявили. Никто их за язык не тянул, сами всё, сами. Сами хитрили, сами в тянитолка играли. Англия тянула и Англия толкала, а Франция вроде

тоже тянула, только не туда, а толкаться и вовсе не хотела. Не хотела до такой степени, что хныкала и отбивалась, «отстаньте все от меня, оставьте меня в покое, противные, гадкие мальчишки». Но, деланно всхлипывая и давя из себя слезу, наша Марианна о себе не забывала и себя берегла. Нам все уши прожужжали про «фашиста Гитлера», который с нескрываемым пренебрежением относился к международным договорам, отзываясь о них как о «клочке бумаги», и с точно тем же жужжанием нам десятилетиями вкручивали про «демократии», которые своему слову верны, а уж их подписи под какими-нибудь «Хельсинскими соглашениями» это и вообще – святое. Но вот вам 1939 год, вот вам Франция, имевшая скрепленный всеми мыслимыми печатями и подписями договор с Польшей – и здорово тот договор Польше помог? Напала Германия на Польшу и ударила ли Франция пальцем о палец или чем там по чему можно ещё ударить, чтобы прийти на помощь гибнущей и вопящей как резаная содоговорнице?

Франция по сей день заявляет, что да, пришла. Да и как не прийти – клялись ведь, божились, пёрышком поскрипывая, договор подписывали, как же не помочь, вы что, смеётесь, что ли? Помогли! Помощь называлась «Саарское наступление». Напомню, что немцы вторглись в Польшу 1 сентября, а французы, верные союзническому долгу и горя желанием помочь Польше, перешли немецкую границу через восемь дней, 9 сентября и, перейдя, захватили (поляки, узнай они о том, схватились бы за сердце) целых десять квадратных километров территории между линией Мажино и линией Зигфрида. Саму линию Зигфрида французы прорвать даже не пытались, хотя до войны петушиным криком кричали, что линия Зигфрида это немецкий блеф, «бумажный тигр» и в случае войны они «бошей» колпаками закидают. Ну, что ж... Вот вам война, вот вам боши, вот вам колпак – кидайте! Вместо колпаков французы накидали на «саарский фронт» военных корреспондентов и те сфотографировали каждое дерево и каждого храброго солдата «на передовой». Читая тогдашние французские газеты, можно было подумать, что французская армия захватила уже половину Германии. Однако решения на высшем уровне, что бы на этот счёт газетчики ни думали, принимаются не в редакциях газет, и объединённое англо-французское командование 12 сентября приняло решение немедленно «наступление» прекратить (если называть вещи своими именами, то англо-французы, захватив десять кв. километров ничейной земли, решили не захватывать следующий километр, одиннадцатый), о чём «спасаемых» поляков даже не уведомили, а зачем? Немцы в этот день, 12 сентября 1939 года, уже завершают окружение Варшавы, через два дня они объявят, что Варшава отрезана. В ответ на польские вопли главнокомандующий французской армией Гамелен ответил, что половина подчинённых ему дивизий находится «в контакте» с немцами (хотя на западном фронте всё почти без перемен и все как сидели, так и сидят на своих местах, «наступление» ведётся на крошечном участке фронта) и, как будто одной этой лжи недостаточно, он добавляет другую, раздражённо заявив полякам, что немцы, придя в ужас от «Саарского наступления», сняли с польского фронта шесть дивизий (!) и спешно перебросили их под Саарбрюккен, чтобы, кровью умываясь, отбить французские атаки. «Чего ж вам ещё, о надоедливые поляки?!»

Франко-польским договором было предусмотрено, что Франция предпримет против Германии «общее наступление всеми наличными силами» на пятнадцатый день после объявления мобилизации Польшей, то-есть французы должны были начать наступление по всему фронту 15 сентября. Однако, остановив даже и ту пародию на наступление, которую они разыгрывали в Сааре, французы 13 сентября заявили полякам, что наступление «по объективным причинам» задерживается и начнётся после 17-го сентября, ориентировочно – 20-го. Это был смертный приговор Польше. Даже и начнись обещанное наступление, оно уже ничему не могло помочь, к 17-му числу, когда СССР вторгся в восточную Польшу, польского государства уже фактически не существовало.

Потоптавшись ещё немного на своих «захваченных» нескольких квадратных километрах, французы без лишнего шума и уже без фотоблицев отошли назад, за линию Мажино. Потери французской армии за примерно три недели «Саарского наступления», предпринятого «ради выполнения священного союзнического долга», составили 27 человек убитыми и 22 человека ранеными. Демократии – они такие, у демократий каждая человеческая жизнь на счету. При условии, конечно, что это жизнь не какого-то там поляка.

С того момента, как французы вернулись в казармы, началась так называемая «странная война», хотя мне не понятно, почему именно так в советской историографии называлось то, что по-английски именовалось «phony war», а «phony» переводится вовсе не как «странный», а как «обман», «фальшивка», «подделка», а то и вовсе – «жулик». То, что происходило в следующие полгода

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
«мировой войны» можно описать английским выражением «war somewhere else»,
то есть война где-нибудь, война где угодно, только не сейчас и не здесь.

Война где-нибудь означала выигрыш во времени. Вдруг (такие вещи, сколько бы к ним ни готовиться, всегда происходят внезапно) стало очевидным, что Англия проигрывает временную гонку и теперь она лихорадочно вводила в строй фабрики, созданные про чёрный день Чемберленом за время кампании по «рационализации народного хозяйства» (фабрики эти позже получили название shadow factories – «теневые фабрики», люди обычно не осознают, что главным «теневиком» в государстве всегда является само государство). 12 апреля 1938 года на теневых фабриках английским правительством был размещён заказ на 1000 новейших на тот момент истребителей «Спитфайр» и тогда казалось, что это невообразимо много, когда же Англия 3 сентября 1939 года объявила Германии войну, то правительственный заказ составлял уже 2160 «Спитфайров» и обливавшийся холодным потом Кабинет осознавал, что для войны этого ничтожно мало. Вспыхнувшая в конце 1939 года «Зимняя война» показалась очень удачной возможностью потянуть время. Уже в конце декабря Англия и Франция пытаются организовать снабжение воюющей Финляндии через территорию нейтральной Швеции и просят её о разрешении это сделать. Гитлер, заранее предугадывая этот ход англо-французов и отлично понимая, что стоит за желанием «союзников» получить «шведский коридор» 14 декабря отдаёт командованию Вермахта распоряжение рассмотреть возможность оккупации Норвегии. (Пока что он хочет лишить «союзников» плацдарма в Скандинавии, действуя с которого они могут под тем или иным предлогом оккупировать Швецию.)

финская война с точки зрения англичан и французов заканчивалась слишком быстро и по этой причине в феврале 1940 года они развили бурную деятельность, им казалось, что положение ещё можно спасти. 5 февраля они на уровне правительств принимают совместное решение оказать Финляндии военную «помощь». 11 февраля советские войска начинают наступление на Карельском перешейке и уже на следующий день финское правительство обращается к Швеции с просьбой о помощи. Шведы отказывают и 17 февраля начинается финское отступление. 23 февраля финны вновь обращаются не только к Швеции, но теперь уже и к Норвегии с просьбой пропустить через территорию указанных государств «иностранные войска». 27 февраля и Швеция и Норвегия официально отказывают Финляндии. 28 февраля осведомлённая о закулисной возне вокруг Финляндии Германия предупреждает Швецию, чтобы та воздержалась не только от прямого участия в войне, но и от непрямых попыток помочь Финляндии. Стремясь к радикальному решению проблемы и с тем, чтобы обезопасить себя в ближайшем будущем, Гитлер 1 марта издаёт директиву о вторжении в Норвегию и Данию.

2 марта 1940 года Франция и Англия официально запрашивают Швецию и Норвегию о посылке своих войск в Финляндию (Даладьё сообщил о желании отправить в Финляндию корпус в 50 000 военнослужащих и 150 самолётов, Англия со своей стороны заявила, что, в зависимости от обстановки, она готова послать до 100 000 человек.) Германия перед этим сообщила шведам, что «союзники» хотят не так помочь финнам, как оккупировать север Швеции вместе с расположенными там железными копами, но у шведов и без этого предупреждения своя голова была на плечах, так что предложение «союзников» они отвергли с порога. После этого песенка Финляндии была спета – 12 марта конец финской войны. СССР так или иначе, но получил то, что хотел, Германия осталась при своих, французы с англичанами тактически проиграли и поскольку следующий ход Гитлера был очевиден то 28 марта они заключили соглашение (у вас ещё в глазах от «договоров» и «соглашений» не рябит?), гласившее, что, как бы ни складывались дела, ни Франция, ни Англия не заключат сепаратного мира с Германией. Тут же, в тот же день, объединённое военное командование Англии и Франции отдаёт распоряжение о разработке плана по бомбёжке бакинских нефтепромыслов с тем, чтобы не допустить увеличения поставок советской нефти немцам и тоже тут же, в тот же самый день всё то же объединённое командование приказывает начать минирование норвежских территориальных вод (Норвегия, между прочим, нейтральное государство), что не только является нарушением норвежского нейтралитета, но прямо, грубо и неприкрыто втягивает Норвегию совершенно против её желания в войну. Чем руководствовались англо-французы тоже понятно, они распыляли усилия Германии и оттягивали начало немецкого наступления на Францию. Норвегия отчаянно протестовала против «произвола», но её никто не услышал. Закон – тайга, медведь – хозяин. Кричи, не кричи. Да у слабого и голос слаб.

Планы планами, а жизнь – жизнью. «Странная война» закончилась 9 апреля 1940 года. В этот день Германия, заявив, что она располагает документами, подтверждающими планы союзников оккупировать Северные страны (а планы такие действительно имелись), вторглась в Норвегию и Данию. Дания капитулировала через четыре часа войны (целых четыре часа бедняги продержались, и как это им удалось – уму непостижимо). Потери датских вооружённых сил за 240 минут, казавшиеся им нескончаемым ужасом, составили 13 человек убитыми и 23 ранеными. Немцы потеряли 20 человек. Двадцать человек за датский сундук, полный датской ветчиной и датским печеньем, неплохой размен. Датское правительство, сдавшееся в полдень 9 апреля, выступило с обращением к нации, заявив, что оно действует в стремлении уберечь страну от худшего. «Мы будем делать всё, чтобы защитить государство и народ от бедствий, которые несёт война и рассчитываем на ваше понимание и сотрудничество.» (Не знаю, как датский народ, но вот немецкое и датское правительства понимали друг дружку очень даже хорошо. В оккупированной Дании даже не была запрещена Датская Коммунистическая Партия и издаваемая ею газета свободно продавалась в датских городах вплоть до 22 июня 1941 года.)

По Европе единым дуновением пронеслось – «началось!» Тут же, того же 9 апреля Бельгия привела в готовность свою армию, но одновременно заявила, что она по-прежнему придерживается нейтралитета и с искренним негодованием отвергает предложения о «помощи» со стороны Англии и Франции, оскорбленным тоном добавив, что это явилось бы нарушением бельгийского нейтралитета.

Норвежцы, в отличие от Дании, решили помучиться, очевидно, «ужасы войны» потомков викингов пугали не так сильно как нежных датчан – 11 апреля норвежский король Хаакон призвал норвежский народ к сопротивлению. Союзники начали переброску сил в Норвегию – в течение нескольких дней близ Нарвика были высажены примерно четыре батальона англичан, французов и поляков. Тут же обнаружилось что они совершенно беспомощны по причине полного немецкого господства в воздухе. Маленькая Исландия неожиданно проявила поразительную прозорливость – 16 апреля она обращается к США (не к Англии, заметим, а к США!), заявив, что она ищет признания и установления формальных дипломатических отношений и тут же их получила (не дураки сидят в Госдепартаменте, понимают, что такое геополитика).

19 апреля две тысячи французских «горных стрелков» высаживаются в центральной Норвегии, но операция немедленно превращается в катастрофу, так как торопыги французы с опозданием обнаруживают, что у них нет никаких возможностей снабжать высаженные в Норвегии войска.

Немцы же, хоть и тоже торопятся, но делают это с умом – 20 апреля они подписывают с Румынией торговое соглашение. Немцам нужна нефть. Румын же к немцам толкают не только геополитические соображения, но и пошлая действительность – дело в том, что румынская армия была почти полностью вооружена чешским оружием, производство которого теперь находилось в руках немцев и которым Германия охотно была готова делиться. В обмен на нефть, конечно же. Ну и, конечно же, на политические уступки – 25 апреля Румыния объявляет амнистию членам Железной Гвардии. «Хайль Гитлер! Хайль Великая Румыния!»

1 мая 1940 года Муссолини заявил американскому послу в Риме Уильяму Филлипсу, что нанести военное поражение Германии невозможно. «Отныне ресурсы 15 стран находятся в распоряжении Германии и этот факт делает блокаду союзников бессмысленной!» Горячий был человек Дуче, увлекающийся. И увлекающийся настолько, что за пять месяцев до того, 3 января 1940 года он, хорошенько подумав, сел да и написал личное письмо Гитлеру, где раскрыл фюреру немецкого народа глаза – «искомое Вами жизненное пространство лежит в России и больше нигде.» О как. Очень умный человек был наш Бенито.

3 мая англичане эвакуируют все свои войска в центральной и южной Норвегии, оставив только гарнизон в Нарвике. Они уже понимают, что надежд – никаких. В этот же день вслед за Исландией за защитой к США обращается уже и Гренландия. 5 мая в Нарвике высаживается 13 бригада французского иностранного легиона. Жест вполне себе бессмысленный, впечатление, что французы не знают, что им делать.

и вот настаёт 10 мая 1940 года.

10 мая Германия вторгается в Бельгию, Голландию и Люксембург, заявив, что

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
она лишь опережает Англию и Францию в их намерении атаковать Германию через территорию стран Бенилюкса. Берлин заявляет, что располагает «неопровержимыми доказательствами» таковых намерений «плутократов». Одновременно правительства Бельгии и Голландии обвиняются в «заговоре» имеющим своей целью совершить действия, наносящие вред Германии.

10 мая уходит Чемберлен и премьер-министром назначается Черчилль. В Англии формируется коалиционное правительство из представителей трёх партий – консерваторов, социалистов и либералов.

Англия снимает маску.

То, что эти события произошли в один день не имеет никакого отношения к случайности. Это – обозначение себя. «Вот я, я стою здесь и я не могу иначе.» По настоящему Вторая Мировая Война началась с этого момента, кончилось лавирование, кончилось перепихивание войны с друг на друга, фигуры расставлены и обозначены – «ты будешь ладьёй, ты – конём, а ты, пешка, будешь пешкой.» «Только, чур, взялся – ходи!» Затикали часы. На кону не какая-то там Польша и даже не какая-то там Франция, на кону – Континент, на кону – Европа. «Начали? Начали!»

10 мая – это всего лишь дата, это всего лишь день на «отрывном листке календаря», единичка и ноль. В этот день началось немецкое наступление и в этот день сменилось правительство в Англии. Как то, так и другое не было неким одномоментным действием, «такие дела так не делаются». Для того, чтобы наступление началось, оно должно быть подготовлено (а масштаб-то, а масштаб, а?!), миллионы людей, тысячи танков, самолётов, тыл, связь, генштаб, курьеры, министры, пыль на дорогах, сапоги, гусеницы, бензиновый чад, тяжёлый подсумок и звякающий котелок, голубое небо над головой и чёрная земля под ногами, а что за горизонтом – не видать, дух захватывает, песня строевая сама собою выпевается, словом – война! Для того, чтобы этот механизм заработал, для того, чтобы завертели колёсики, для того, чтобы наши ходики затикали, для того, чтобы кукушка, выскакивая в окошко, нам своё пропагандистское «ку-ку» долбить начала, механизм сначала должен быть собран. А это дело не одного дня. И не одной недели.

Совершенно то же самое и со сменой правительства и сменой правительства не где-нибудь, а в державе ничего ипо, вы только представьте себе королевский дворец, закулисную возню, закрытые клубы, штаб-квартиры политических партий, съезды и конвенты, информационную войну, вбросы и утечки, консультации и брифинги, палаты, тяжесть политического «веса», величину политического «капитала» и нехватность пущенного в ход политического «вливания», и всё это для того, чтобы на выходе мы получили несколько человек, способных провести в жизнь решения не «партии», а власти. Лучших из лучших на данный момент. Мы получим механизм из немногих избранных, где у каждого будет своя роль, где каждый будет своими достоинствами восполнять недостатки другого, где один будет самым умным, один – самым решительным, один – самым твёрдым, один – самым рассудительным, один – самым хитрым и где будет и ещё один человек, который будет собою прикрывать остальных членов Кабинета, который не будет самым умным-хитрым-рассудительным, а будет играть роль самого умного-хитрого-рассудительного, чтобы прячущийся за ним хитрый мог без помех хитрить, чтобы умный, не отвлекаясь на пустяки, мог умничать, чтобы рассудительный, сосредоточившись, мог думать. Этим человеком-декорацией, на которой большими разноцветными английскими буквами было написано PRIME MINISTER стал Черчилль.

10 мая 1940 года – это момент истины. Но для того, чтобы он настал, обеими сторонами была проделана невообразимая по масштабу работа. И немецкой стороной эта работа была начата в какой-то из дней, 10 мая предшествовавших, в день, когда Германия поняла, что она обманывалась. А обманывалась она потому, что её обманывали. А обманывали её потому, что ей хотелось быть обманутой. Ну, а хочешь быть обманутым, будь им.

Когда Германия начала наступление на западном фронте, стало ясно, что смысл английской игры ею, пусть и с запозданием, но раскрыт, Германия наконец поняла, что Чемберлен не был «миротворцем», а лишь играл роль миротворца, что лорд Галифакс не был немецким симпазантом, а лишь лицедейничал, разыгрывая из себя «германофила», что «Кливденский кружок» был пошлой подставой. Продолжать игру больше не имело смысла и Букингэмский дворец в тот же день провёл давным-давно подготовленную смену правительства.

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
Германия в своих расчётах ожидала, что королём Британской Империи будет Эдвард VIII, а получила Георга VI. Германия ожидала, что первым министром короля будет лорд Галифакс, а получила Черчилля.

А за Черчиллем прятался Малый Военный Кабинет.

А за Кабинетом прятался Эттли.

37

Каким образом в премьеры попал Черчилль? Вопрос хороший и вопрос, требующий обстоятельного ответа.

Кандидатура Черчилля выглядела совершенно неожиданной, ведь по словам тогдашнего английского историка Англия хотела вовсе не его – «король хотел Галифакса, Чемберлен хотел Галифакса, Палата хотела Галифакса, лорды хотели Галифакса и Галифакс хотел Галифакса.» Однако, невзирая на всеобщее хотение, премьером стал Черчилль. Почему? Почему на роль болвана был избран Черчилль?

Дело в том, что в перечень хотевших Галифакса вкралась ошибка, Галифакса хотели все, кроме короля. Все исходило из того, что Галифакс является наиболее подходящей кандидатурой на пост первого министра военного времени по причине очень твёрдых позиций в консервативной партии, однако в глазах Георга (и стоявшей за ним Семьи) именно это являлось недостатком, перевешивавшим все явные и скрытые достоинства Галифакса. С точки зрения власти премьер не должен был иметь возможности вести собственную политическую игру, собственную «интригу», у него не должно было быть собственного политического «ресурса», и именно с этой точки зрения Черчилль был не просто приемлем, но он был «человеком, приятным во всех отношениях». В том формате правительства военного времени, который выстраивал Букингэмский дворец, фактический премьер-министр уже имелся, им был Эттли (существовали даже планы открыто привести к власти социалистов, что было бы с пониманием воспринято «электоратом», но, во-первых, «элита» была к этому ещё не готова, а, во-вторых, было сочтено, что смена лошадей в военное время затея уж слишком рискованная и власть решила вместо упрощения системы её усложнить, сложностей политической игры Англия никогда не боялась), и теперь нужен был «премьер» формальный, нужен был «болван». Причём «болван», который не сможет ни на кого опереться и вынужденный в силу этого постоянно балансировать, у «болвана» не должно было оставаться сил ни на что, кроме попыток держать равновесие.

С этой точки зрения Черчилль был идеальной политической фигурой, лучше было просто не придумать, он сам создал себя именно для такой роли. Не говоря уж о том, что он обладал редкой даже для политика способностью наживать себе врагов, в этом смысле у него тоже не было равных. Эпитеты, которыми его награждали даже благосклонно настроенные к нему люди, пестрели словечками вроде «erratic», «unreliable» и «not a safe man». Ему не верили представители ни одной из политических партий, не верили люди, у которых само слово «доверие» не вызывало ничего, кроме смеха и которые под «доверием» имели в виду совсем не то, что мы с вами. Черчилль был «фальшивой монетой», с Черчиллем было «опасно связываться», причём опасность эта была осознана английскими политиками ещё на заре его карьеры и озвучена в следующем эпизоде – в 1916 году Ллойд-Джордж спросил тогдашнего главу Консервативной партии Бонара Лоу в качестве кого он хотел бы видеть молодого Черчилля, как коллегу по правительству или же как политического оппонента, на что Лоу ответил: «Я бы предпочёл, чтобы он всегда был против нас.»

К маю 1940 года, когда судьба Черчилля изменилась столь драматическим образом, за его плечами висел тяжкий груз сорокалетнего всеобщего недоверия, в предшествующее же войне десятилетие он, в своих попытках вернуться во власть, в отчаянии начал хвататься за лопавшиеся, как пузыри, политические химеры. «Churchill contributed nothing to the politics of the 'thirties' – expert idiocy. He jumped from one lunatic policy to another.» – «Черчилль не привнёс в политику тридцатых ничего, кроме идиотии. Он перепрыгивал от одного безумного политического проекта к другому.» После того, как он связал себя с проигравшим борьбу за трон Эдвардом VIII все (и он сам в том числе) считали, что с его политической карьерой покончено навсегда. Когда он превратился в «алармиста» и начал «антигитлеровскую» кампанию, то поначалу и это воспринималось с дежурным недоверием, но вдруг,

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
совершенно неожиданно (и для самого Черчилля в том числе) фортуна повернулась к нему лицом – война, откладывавшаяся на когда-нибудь потом, оказалась на пороге и – стук! стук! – постучалась в английские двери. «Ах! А мы тебя так скоро не ждали... Ну, что ж, раз пришла – заходи...»

Как-то так вышло, что Черчилль оказался чуть ли не единственным, «кто предупреждал заранее», теперь он мог с торжеством подняться на трибуну, поднять указательный палец и с изрядным злорадством заявить своим политическим противникам (а в их числе был весь поголовно английский истэблшмент) – «а ведь я вам говори-и-ил!» и в ответ он слышал не топот ног и не «бу-у-у!», а аплодисменты. Черчилль стал «популярен». Популярен «в массах», в глазах публики-дуры он был не только реабилитирован, но ещё и предстал «жертвой», травимой именно за произнесённые слова правды, гонимых любят отнюдь не в одной только России, жертва сильных любезна любому народу и английский народ вовсе не исключение. Но популярность Черчилля не значила ничего без политической поддержки, а вот с этим у него было не просто плохо, а плохо катастрофически, да к тому же теперь к застарелому недоверию прибавилась ещё и зависть, дела Черчилля, несмотря на внешний блеск, были плохи – всю войну руководство его собственной консервативной партии плело интриги и подсиживало «премьер-министра» как могло, социалисты же и либералы как не любили его, так и продолжали не любить.

Верхушка армии Черчилля попросту ненавидела армейской тяжёлой ненавистью. И было за что, военные не могли забыть, как «болтун» Черчилль в бытность свою министром финансов резал военный бюджет, причём не просто резал, а так, словно у него было по отношению к армии что-то «личное». Так что в отсутствие политической поддержки Черчилль не мог опереться и на армию. Кто там у нас ещё остался? А, чуть не забыл – спецслужбы. Как только Черчилль был назначен формальным «премьер-министром», то чуть ли не первым его шагом стало следующее – 25 мая 1940 года был смещён со своего поста многолетний во всех смыслах глава Security Service, более известной как MI5, Вернон Келл, всемогущий английский «Гувер». Какой именно причиной, убирая Келла, руководствовался Георг, неясно до сих пор, но, как бы то ни было, эта неблагодарная задача была возложена на Кабинет, а Эттли быстренько переложил её на Черчилля (у нас ведь всем распоряжается премьер-министр, не так ли? он у нас за всё ответчик) и тот грязную работу и довершил, после чего ни о каких не то, что близких, а и дальних отношениях с секретными службами говорить не приходилось.

Вообще, стоит только покопаться в тогдашних хоть скольконибудь значимых деяниях власти, как тут же обнаруживается Эттли, «Черчилль поступил так под давлением Эттли»; «Эттли отклонил»; «Эттли не согласился», ну итд. Вот, скажем, когда стало ясно, что война – вот она и что Чемберлену придётся сформировать военное коалиционное правительство, Эттли заявил, что ни он лично, ни никакие другие представители Лейбористской партии не будут работать в правительстве Чемберлена и Чемберлен, который к тому моменту потерял поддержку своей собственной консервативной партии, тут же рухнул. Во время консультаций с королём Георгом тот сказал Чемберлену – «а давайте-ка назначим Галифакса, а?» и Чемберлен на этот крючок попался, с радостью ухватившись за идею, но Георг тут же моргнул Эттли и тот, по-прежнему не повышая голоса, сказал – «не представляю, как я смогу работать с Галифаксом, он ведь запачкан политикой разоружения и умиротворения, а нам воевать придётся.» Тут же отпала и кандидатура Галифакса, «элита» же, жаждавшая видеть именно его на посту премьер-министра, растерянно захлопала глазами – «а ведь действительно, как во время войны исполнительную власть в стране будет возглавлять человек, «умиротворявший» Гитлера?» Ну, тут уж Букингэмский дворец был просто вынужден задать прямой и ясный вопрос Эттли – «а с Черчиллем работать будете?» Тот у всех на глазах подумал и глядя открытыми и честными глазами, ответил: «Ну, раз никого другого у нас нет, то ладно, так и быть, с Черчиллем буду.» Тут все с облегчением вздохнули и сформировали правительство национального единства. Будто гора с плеч упала.

А вот что ещё в мае 1940 года английское правительство сделало «под давлением Эттли». Был убран со своего поста «близкий друг» бывшего короля Эдварда VIII, умалившегося до герцога Виндзорского, герцог Баклей (произносится, вообще-то, Баклу) Уолтер Джон Монтаг Даглас Скотт, являвшийся the lord steward of royal household, не знаю даже как и перевести, это что-то вроде королевского домоправителя, человек этот, не входя формально во власть, по рангу равен члену Кабинета и обладает соответствующими властными полномочиями. Убран он был,

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
будучи обвинён в связях с немцами. Почему-то его уход чрезвычайно взволновал американскую сторону и американскую же печать, печать же английская будто воды в рот набрала и ничего по этому поводу английскому народу не сообщила. Одновременно были арестованы глава Британского Союза фашистов сэр Освальд Мосли и его супруга Дайана, лэди Мосли (поженились они в присутствии Гитлера и Геббельса). После ареста они были подвергнуты тюремному заключению, причём лэди Мосли сидела в тюрьме Хэллоуэй, куда через двадцать лет отправят фигурантку скандала Профьюмо-Килер – Кристину Килер. Был совершён неожиданный налёт на дом, где проживал Тайлер Кент, шифровальщик из американского посольства, у него были найдены секретные документы, переданные ему членом английского Парламента Арчибалдом Рамсеем, тот тоже был арестован, обвинён в передаче документов государственной важности американцам и тут же посажен.

Эттли только с виду был тихоней, а в тихом омуте известно кто водится. Да по другому и нельзя было, Англия вступала в войну, Англия рубила концы.

38

Итак, 10 мая 1940 года. Германия идёт на запад. И как идёт! Залюбуешься. Наконец-то, наконец-то. Планы Англии – в жизнь. Теперь можно успокоиться и, регулируя процесс, заняться внутренними делами. С точки зрения англичан – всё идёт как надо, памятуя совсем недавние события Первой Мировой, они полагают, что французы с немцами будут теперь мутузить друг-другу годами, у англичан теперь развязаны руки, состояние неизвестности кончилось. За дело!

За дело? За какое? Проходит день, проходит другой и неожиданно выясняется, что чем такая определённости, так лучше бы уж и дальше пребывать в неизвестности. События обретают чёткость и перспектива прорисовывается яснее ясного и перспектива эта исчерпывающим образом описывается всего одним английским словом – disaster. Причём дела английские плохи во всём, за что ни возьмись, всё в руках расплывается, всё из рук валится, голова идёт кругом, кругом – голова.

Немцы опережают во всём, что ни ход – выигрыш, они сами себе не верят, на какую клетку фишку ни брось, на что ни поставь, что ни выкрикни – всё твоё! «Зеро!» Выпадает зеро. «Чёт!» – выпадает двойка! «Нечёт!» – семёрка! «Чёрное!» – чёрное! Да такое чёрное, что в полнеба! «Красное!» – заливаает мир красненьким, да не слабым французским винишком, а кровью, кровью! Пьянит – куда там вину!

Все расчёты – к чёрту! Англичане проигрывают во всём, ладно, на поле боя, но они проигрывают и там, где всегда всех опережали – в пропаганде! 10 мая 1940 года – первые стратегические бомбёжки Германии, 10 мая это самое начало, англичане ещё не знают, что везение кончилось, они пока только огоньку подбавляют, они хотят на чужом жаре руки погреть – они посылают восемь бомбардировщиков бомбить железнодорожный узел в районе Дуйсбурга, восемь самолётов, эка невидаль, однако в немецких городах воеет сирена, немцы бегут в бомбоубежища, взрывы, воронки, всё взаправдашнее, всё – в натуре, хочешь – смотри, хочешь – щупай. «Англия бомбит Германию!» И в этот самый день, когда англичане бомбят немцев, падают бомбы на Фрайбург, крошечный городок в глубоком немецком тылу, убиты 24 человека, тринадцать из них – дети! Немецкие дети, игравшие в городском парке! Боже! Сегодня все считают, что немцы начали бомбить Англию в отместку за некие бомбёжки Берлина. Экая чепуха! На самом деле в основу пропагандистского обоснования бомбёжек Англии легла бомбёжка Фрайбурга, пепел тринадцати убиенных немецких младенцев стучал в немецкую грудь и требовал отмщения. Проблема только была в том, что англичане Фрайбург не бомбили, несколько бомб, упавших на него, были бомбами, сброшенными по ошибке немецкими самолётами, вылетевшими на бомбёжку объектов на французской территории! Доктор Геббельс хлеб свой ел не даром. Даже и промашки немецкой стороны он умудрялся вывернуть себе на пользу, он был человеком умным и циничным и пропаганда в его исполнении была такой же, да ещё и с неожиданным для англичан залихватством, с вывертом и с перехлёстом. Англичане от такого нахальства поначалу даже растерялись, они не ожидали, что кто-то будет применять против них их собственные наработки, они привыкли к чужой лени и косности, и очень неприятным сюрпризом для них явилось открытие, что кто хочет учиться, тот – учится. И поворачивает выученное против них.

Ну, а дальше – понеслась душа в рай. «Вдоль обрыва, по над пропастью.» В

14 мая (четыре дня прошло, как началось немецкое наступление) и – *voilà!* – голландское правительство бежит в Англию, заявив, что оно «не хочет оказаться в ситуации, когда ему придётся капитулировать», какая великолепная формулировка, тут даже и не знаешь, то ли смеяться, то ли плакать. Голландцы прекращают сопротивление, командующий голландской армией генерал Винкельман сдаётся. В тот же день немцы совершают совершенно бессмысленный акт – во время воздушного налёта на Роттердам разрушено до двадцати тысяч домов, погибших – около тысячи. Англичане, правда, тут же заявляют, что погибло девять тысяч человек, но за притким Геббельсом они пока угнаться не могут. Уже не они, уже немцы задают новые высоты пропагандистскому искусству.

В тот же день, 14 мая, британские королевские ВВС несут тяжёлые потери – при атаке на немцев, наводивших мосты в районе Седана, англичане теряют 45 самолётов из 109, принимавших участие в налёте.

15 мая потери английских самолётов достигают цифры 100, в течение 72 часов англичане потеряли половину размещённых во Франции лёгких бомбардировщиков Бэттл и Бленхейм.

Ранним утром 15 мая Черчилля будят, «вставайте, граф, вас ждут великие дела!», и приглашают новоиспечённого премьер-министра к телефону, на проводе – глава французского правительства Поль Рейно, спешащий порадовать союзника – «мы побеждены, фронт у Седана прорван...» «Ах!» На следующий день, 16 мая, американский посол во Франции, Уильям Буллитт, отправляет в Вашингтон телеграмму – «если не произойдёт чуда, французская армия будет уничтожена». Хотя война вроде бы продолжается, но всем уже всё ясно. Выслушав, что им пишут из Парижа, англичане понимают, что положение спасти уже не удастся и Черчилль в тот же день, после экстренного заседания Кабинета, отправляет письмо Рузвельту с просьбой о поставке 50 эсминцев, «нескольких сот» самолётов, зенитных орудий и... стали (у немцев Швеция есть, а у англичан Швеции нет), кроме этого Кабинет сообщает американской стороне, что для него был бы желателен «продолжительный визит» кораблей американского ВМФ в порты Ирландии. В качестве ответной услуги Лондон (пока что у него есть чем расплачиваться, но это ненадолго) предлагает американцам пользоваться британской военно-морской базой в Сингапуре.

15–16 первый массированный налёт англичан на нефтеперерабатывающие и сталелитейные заводы в Руре. Результат, однако, нулевой.

16 мая англичане, чтобы не оказаться окружёнными, начинают отходить к западу от Брюсселя.

18 мая немцы берут Антверпен. Во Франции они подходят к Амьену. Прорыв во французской линии обороны достигает примерно 80 километров в ширину, немцы хлынули туда, темпы немецкого наступления достигают 50 километров в день.

18 мая и рак с клешнёй тут, как тут – Муссолини выступает с заявлением – «Италия является союзником Германии и она не может оставаться в стороне, когда на кон поставлена судьба Европы.»

Во Франции маршал Петэн назначен вице-премьером Франции, генерал Вейган сменяет Гамелена на посту главнокомандующего французской армией. На первый взгляд, французы пытаются выправить положение, но это только на первый взгляд, в той обстановке смена главнокомандующего привела лишь к тому, что на двое суток было прервано управление войсками. Франция не хотела воевать, низы не хотели, а верхи не могли, или низы не могли, а верхи не хотели, неважно, поворачивать можно и так, и этак, но на поверхности оставалось именно это – Франция воевать не хотела.

Всё, что делали французы, они делали не так, *too slow, too little, too late*. Они расплывали свои силы тогда, когда нужно было их собрать в кулак, они наступали тогда, когда нужно было отступить и даже отступали не тогда и не там. Они отдавали противоречивые приказы, потом отменяли и их, они согласовывали свои действия с англичанами, однако, когда приходило время действовать, они не предпринимали ничего. Больше всего это походило на саботаж.

Немцам казалось, что не только их глаза, но и их ощущения их обманывают,

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
почти все офицеры немецкой армии прошли через западный фронт Первой
Мировой, они помнили совсем других французов, а тут, а тут... И смех и грех.

Сегодня, уводя наш взгляд от позорнейшей «Битвы за Францию», нам
рассказывают небылицы про сверхгероическое «Сопrotивление», про дурацких
«маки», рассказывают какую-то чепуху, а в действительности было вот что,
тогдашний мир обошла вот эта, усилиями современной пропаганды забытая
фотография:

Это пьяные французские солдаты, сдающиеся в плен немцам. Они веселятся,
задумка удалась. Франция обманула Англию.

39

Пока во Франции бедной идёт война и грохочут, по меткому выражению
интеллигентного поэта-самоучки, сапоги, и птицы французские ошалело туда
сюда летают, пока французы, завидя немцев, тянут в гору руки, выпив перед
тем для храбрости стаканчик «шабли», точно такого же, что продавалось на
разлив толстыми тётками в замурзанных белых халатах во времена
достопамятные на юге России из бочек, ничем не отличавшихся от бочек из
которых в Москве продавали летом квас, и стоило это «шабли» целых 17 копеек
за полный гранённый стакан, вернёмся-ка мы к нашим старым знакомцам,
вернёмся к герцогу и герцогине Виндзорским, они ведь, пока происходят все
эти события, живут там же, во Франции и живут неплохо, ничего так себе
живут, мы с вами так жить не будем.

Когда над Европой поползли тучки, одна другой хмурее, для герцогской четы
мало что изменилось, ну разве что 24 августа 1939 года рядом с их тогдашней
резиденцией, замком Ле Кре, был французским правительством размещён взвод
сенегальских стрелков и развёрнута зенитная батарея (берегли французы своих
дорогих гостей, мало ли кто и мало ли какой гостинчик с неба уронить
захочет), чему герцогиня была, наверное, даже и рада, можно было теперь
загорать на глазах стройных сенегальцев в красных фесках. 29 сентября 1939
года туча почернела уже до глубокой синевы, стало не до солнечных ванн,
стало ясно, что вот-вот прогремит, и тут будто сила какая потащила герцога
к столу и, водя его рукой, набросала текст телеграммы, а потом и другой.
Телеграммы были адресованы Гитлеру и итальянскому королю Виктору Эммануилу и
содержали предложение немедленно начать мирные переговоры между Англией и
Германией при посредничестве Италии.

Сделал то герцог по собственной инициативе или же кто его под локоток
подтолкнул, неясно, но Гитлер воспринял его телеграммку всерьёз и всерьёз
же посчитал, что пишет ему герцог с подачи Букингэмского дворца и сразу
отвечать не стал, а ответил только уже после вторжения в Польшу и ответил с
позиции силы. В ответной телеграмме Гитлер заявил, что лично он винит во
всём произошедшем неразумную политику Англии и что если теперь разразится
всеобщая война, то Англия должна винить в этом только себя. Другого ответа
от Гитлера ожидали вряд ли, но вот зато король итальянцев Виктор
Эммануилович ответил, что он всецело за мир, за переговоры и что пока суть
да дело, Италия будет придерживаться нейтралитета. Эти сведения были
ценными и, кроме того, они позволили начать игру, в которой герцогу,
отрезанному ломтю, была отведена своя роль.

С началом «странной войны» была предпринята попытка залучить его обратно в
Англию. Кое-кому хотелось заглянуть герцогу в глаза и мысленно при этом
задать ему вопрос: «Чем дышишь, брат?» В визите отрёкшегося короля крылась
определённая опасность, но зато из него можно было извлечь и несомненную
государственную пользу. Личность бывшего Эдварда VIII решено было
использовать как объект манипуляции в затейной многосторонней игре между
Букингэмским дворцом, Робертом Ванситтартом и МІБ, и созданных вроде бы
«снизу», но на самом деле «сверху», правыми организациями, в которых трудно
было отличить честно заблуждавшихся идиотов от внедрённых провокаторов,
организаций было три – «The Link», «Right Club» и «Nordic League». Официальной
причиной для визита (хотя после отречения Эдвард, не раз
изъявлявший желание посетить Англию, неизменно получал отказ) было
следующее – герцогу предложили подумать и дать ответ на то, какой пост он
желает получить в связи с началом войны. Ему подбросили приманку, причём
приманку отравленную, ему были предложены две должности и своим ответом он
должен был «проявить себя». Должности были такие – заместитель комиссара в

Уэльсе и старший офицер связи между британской военной миссией во Франции и французским верховным командованием. Обе должности были совершенно бессмысленными, обе не давали ни малейших властных полномочий, но зато между ними было одно очень важное отличие – одна из них давала Эдварду возможность постоянно находиться в Англии.

При этом, учитывая всячески выпячивавшуюся им напускную воинственность и его любовь к мундирам и милитаристским побрякушкам, как бы сам собою напрашивался выбор в пользу Франции – генштаб, выправка, мундиры, поминутное отдавание чести и прочая столь любимая герцогом мишура, и искушение усиливалось ещё и тем обстоятельством, что Эдварду, в отличие от Георга VI, повоевать не дали, хотя в прошлую войну он прямо-таки рвался (на словах, но тем не менее) на фронт. «Вот тебе возможность претворить твою давнюю мечту в жизнь – хочешь на фронт, пожалуйста, езжай на фронт, инспектируй, хочешь ехать туда на бронепоезде – получи бронепоезд, хочешь лететь – вот тебе истребитель, хочешь скакать – скачи, хочешь танк – на тебе танк, играйся, сколько душе угодно!»

Герцогская чета отправилась в Англию. Правда, сперва с ними был согласован протокол визита. Протокол был унижен, но когда они, оставив за спиной Ла Манш, ступили на землю Англии, выяснилось, что помимо протокола существует множество мелочей, позволяющих унижение довести до степени почти непереносимой. Официальной встречи они удостоены не были, в Портсмуте их встретил сын Черчилля Рэндольф и смущённо сказал им, что в распоряжении Букингэмского дворца не оказалось автомобиля, на котором их можно было бы отвезти из Портсмута в Лондон. Переночевать им было предложено в здании Адмиралтейства. Семья проверяла степень смирения «блудного сына» и усиливала искушение перед тем, как услышать ответ.

14 сентября герцог встретился с королём. Несмотря на очередное унижение, выразившееся в том, что Уоллис в аудиенции было отказано, «встреча была на удивление сердечной.» Когда они остались одни, Эдвард сказал, что он сделал выбор и что он хочет пост в Уэльсе. Это означало, что он хочет во время войны находиться в Англии. Это означало, что за ним стоит сила, Англии враждебная. Георг VI в ответ не произнёс ни слова, он только молча кивнул. Кивок этот можно было понимать как угодно. Эдвард, знавший, что у Георга затруднения с речью и что тот предпочитает, когда это возможно, обходиться без слов, захотел увидеть в этом кивке согласие и посчитал, что дело в шляпе. Куя казавшееся ему горячим железо, он захотел встретиться с матерью. Та отказалась, заявив, что не желает его видеть. Также было сказано, что ему запрещено видеться с младшим братом, герцогом Кентским.

Через двадцать четыре часа высказанное королю желание Эдварда было отклонено. Причина отказа официально объяснялась демаршем сэра Ванситтарта, открыто позиционировавшего себя как личного врага герцога Виндзорского. (Здесь я позволю себе маленькое отступление. Имя «Ванситтарт» уху и глазам сегодняшнего обывателя ничего не говорит, и это не удивительно, широкая фигура Черчилля и была извлечена на свет именно для того, чтобы спрятать за неё куда более интересные, чем он сам, людей, и в описываемых нами событиях роли куда более значительные играли такие товарищи как лорд Бивербрук и сэр Роберт Ванситтарт и тем, кто хочет узнать «как оно было на самом деле» я бы посоветовал копаться не в мемуарах фанфарона Черчилля, а в биографии того же Ванситтарта.) Эдварду пришлось если не испить горькую чашу, то проглотить очень невкусную пилюлю и винить ему было некого, когда-то он сам превратил Ванситтарта в своего врага и врага могущественного. Крыть было нечем. Эдвард попытался играть (в меру сил, ума и возможностей, конечно), официально не приняв должность во Франции, но, тем не менее, отправился туда.

27 сентября 1939 года эсминец «Экспресс» (любят большие игроки символику, ох, как любят) доставил герцогскую чету в Шербур. В Париже герцог поступил в распоряжение генерал-майора Ховарда-Вайза, который с напускной серьёзностью расписал перед ним важность предстоящего задания – герцогу Виндзорскому предстояло составлять и класть на стол генерала подробные отчёты о состоянии французской армии. В общем, всё сложилось даже и к лучшему, та же SIS (Secret Intelligence Service, если кто забыл) посчитала, что её задача теперь даже и облегчается, так как в многолюдном Париже за герцогом было куда легче следить, да и «контакты» тут проявляли себя сами. Одним из первых, с кем «Виндзоры» возобновили знакомство, был Шарль Бидо, в свою очередь находившийся у SIS «под колпаком». В весёлом Париже мотыльки сами летели на свет лампы.

10 октября, после одной из инспекций, герцог составил подробный отчёт о состоянии линии французской обороны на границе с Бельгией. Для составления «справки» он обратился за сведениями к французскому генералу Александру Монтаню и тот их ему предоставил. Некоторые детали из отчёта герцога каким-то чудом стали известны немцам, о каковом прискорбном факте французская разведка донесла генералу Гамелену и тот немедленно сместил Монтаня с занимаемого поста «за разглашение государственной тайны» (спасибо, хоть не расстрелял, вот вам и отличие между «демократией» и «тоталитаризмом»), Монтань был единственным высокопоставленным офицером, лишившимся своего поста за всё время «странной войны». Как французские, так и английские «разведчики» полагали, что связующим звеном между герцогом и немцами была Уоллис.

А что до отчёта, написанию которого герцог посвятил несколько дней, то в Англии, получив его, посчитали, что там нет ничего такого, чего англичане уже не знали бы о «состоянии французской обороны». Отчёт зашвырнули на верхнюю полку как «бессмысленный и сверх всякой меры многословный».

40

17 октября 1939 года герцог Виндзорский неожиданно и без приглашения появился в штаб-квартире главнокомандующего английскими экспедиционными силами во Франции генерала Горта, хотя было особо оговорено что он там появляться не будет. Однако он мало того, что явился куда не следовало без спросу, но он ещё и совершил демонстративную бестактность, нажив ещё одного врага в лице младшего брата, третьего сына Георга V, герцога Глочестера. Тот был прикомандирован к Горту в качестве «смотрящего» и по рангу только он имело право отдавать ответную честь Горту и когда Эдвард, опережая его, сделал это, то привёл Глочестера, который до этого относился к отрѣкшемуся брату достаточно индифферентно, в ярость. После этого инцидента Эдварду было запрещено появляться в расположении английских войск. По мере того, как нарастала «напряжённость в международных отношениях», его перемещения стали ограничивать и французы, так что теперь почти всё время он проводил в Париже.

В ноябре и декабре 1939 года Францию дважды посещал король Георг VI, однако он не только не встречался со старшим братом, но даже и не вступал с ним в контакт. Изоляцию, в которой оказалась герцогская чета, попыталась прорвать Уоллис, в декабре отправившаяся в расположение французских войск с тем, чтобы раздать солдатам рождественские подарки. Теперь уже пришёл в ярость не один человек, а весь Уайтхолл, где посчитали, что герцогине совершенно нечего было делать в прифронтовых частях. Ну и нелишним будет напомнить, что герцогская чета всё время находилась под неусыпным наблюдением агентов британской секретной службы, которые особо и не скрывались. Новый приступ подозрительности англичане испытали после того, как Уоллис неожиданно вступила в Красный Крест, дело было в том, что хорошая организация кишела немецкими шпионами.

Окончание же «странной войны» и вовсе расставило всё по своим местам. 10 мая американская журналистка и писательница Клэр Бут, находившаяся в Париже, была приглашена на обед в герцогский дом на бульваре Суше. Во время обеда участники трапезы услышали сообщение БиБиСи о начале немецкого наступления и о том, что немецкие самолёты бомбят Лондон и населённые пункты на южном побережье Англии. Американка, услышав знакомые названия и полагая, что ей нужно по этому поводу высказаться, заметила: «Я как-то проезжала по тем местам на автомобиле, то, что происходит – ужасно, ужасно...» На что последовала ответная реплика Уоллис: «После того, как они поступили со мною, я не испытываю к ним ни малейшей жалости, вы только представьте себе – вся нация объединилась против одной женщины!» Кроме этих слов, тут же ставших известными, репутации бедненькой женщины, в одиночку противостоявшей целой нации, повредил (хотя казалось бы, что там ещё повредить можно было) произошедший по злой усмешке рока случай.

20 мая по инициативе сэра Ванситтарта контрразведка арестовала в Лондоне кучу народа и в том числе dress designer (по нашему просто портниху) с хорошим английским именем Anna Wolkoff. Портниха в своё время обшивала Уоллис, а помимо этого считалась её близкой подругой. Аня была дочерью адмирала Николая Волкова, бывшего военно-морского атташе ири посольстве Российской Империи в Великобритании оставшегося после революции в Лондоне. Ко времени описываемых событий адмирал был владельцем скромной чайной в

Южном Кенсингтоне, в чайной собирались его единомышленники, смело называвшие себя «белыми офицерами», собравшись, они делились смелыми же мечтами по свержению «коммунистического ига в России». Ну, и уж как-то заодно вышло так, что все они были горячими симпатизантами фюрера немецкого народа Адольфа Гитлера. Те же воззрения разделяла и дочка адмирала, но она, как то иногда случается, была куда решительнее мужчин и очень скоро от слов перешла к делу, на протяжении славных 30-х несколько раз посетив Германию. В 1935 году, после того, как она по причине общего интереса к пошивочному материалу коротко сошлась с Уоллис, Аня попала в поле зрения зорко следившей за тогда ещё миссис Симпсон MI5, после чего это поле чудес она уже не покидала, так там и мыкалась, хотя, считая себя умнее всех на свете, о том даже не подозревала, пока в дверь чайной не постучали согнутым пальцем агенты английской госбезопасности.

В вину нашей Ане вменили передачу немцам материалов о действиях английской армии во время Норвежской кампании. Ну и некоторых других материалов, которые не меряются штуками. Изворотливая Анка Белошвейка нашла канал в лице помощника военно-морского атташе при посольстве Италии Дуко дель Монте и отослала добычу к нему, а тот, пользуясь дипломатической почтой, переправлял всё добытое добытчицей в Рим, графу Чиано. Попалась Аня в сети контрразведки не одна, англичане загребли богатый улов, запустив руки в организацию под названием Right Club, членами которой были в том числе и Аня с папой. Среди прочих попавшихся был взят и упомянутый мною выше шифровальщик американского посольства Тайлер Кент, его знакомство с портнихой было недолгим, но продуктивным, не успев познакомиться с Аней и пошить у неё брюки с манжетами, он похвастался, что располагает секретной корреспонденцией Рузвельта и Черчилля, после чего его квартиру посетили Аня с членом английского Парламента от консервативной партии, а по совместительству главой организации Nordic League Арчибальдом Рамсеем (замечу, что сам Арчибальд внешность имел отнюдь не нордическую) и ознакомились с документами. За месяц до ареста искательница приключений Волкова вновь посетила квартиру шифровальщика и, сделав копии с секретной переписки американского президента со всякими разными английскими политиками, по протоптанной дорожке оттащила добычу в итальянское посольство. Поскольку контрразведка пасла её с 1935 года, то через неё к немцам наверняка шла и дезинформация, однако когда она попыталась передать материалы, могущие использоваться немцами в целях антианглийской пропаганды, было решено лавочку прикрыть.

18 мая 1940 года, до того, как провести массовые аресты, Гай Лидделл из MI5 встретился с послом США в Британской Империи Джозефом Кеннеди (если кто не знает, старина Джо был папой президента Джона Кеннеди, якобы застреленного тёзкой фашиста Мосли) и не знаю, что уж он там такое страшно не любившему англичан Кеннеди-старшему сказал, но американцы немедленно сняли с гражданина США Тайлера Кента дипломатический иммунитет и тот был арестован вместе со своими новыми друзьями. Все они были судимы на закрытом процессе трибуналом и все посажены. Аня получила за шпионаж на немцев десять лет, Тайлер – семь (когда его в 1945 году выпустили, то он немедленно вернулся в штаты, где его, о чудо! ни к какой ответственности ни за какой шпионаж ни на каких немцев никто привлекать и не подумал.) Заодно с дочкой шпионкой посадили и любившего цейлонский чай и не любившего советскую власть старого адмирала, сидел он в той же тюрьме Брикстон, где коротал военные годы и сэр Освальд Мосли.

Кипят все эти страсти на фоне военной катастрофы во Франции. Называется катастрофа – Дюнкерк. Того же 20 мая, когда в Англии шерстят «шпионов и диверсантов», фон Клейст выходит к побережью в районе Аббевиля и отрезает все оказавшиеся к северу от него войска союзников – английский экспедиционный корпус, французскую 1-ю армию и части бельгийской армии к юго-востоку от Остенде. Чтобы ознакомиться с обстановкой на месте Гитлер 24 мая лично посетил штаб-квартиру фон Рундштедта в Шарлевиле и после совещания было решено, что наступление танковой группировки следует остановить, подтянуть пехоту и уже её силами наступать к востоку и к северу от Арраса. Через два дня, 26 мая, приказ этот был отменён, но считается, что эти два дня дали возможность англичанам эвакуировать свой экспедиционный корпус из Франции. Спекуляций на эту тему существует множество и я не буду сейчас подробно останавливаться на теме «Дюнкерка», замечу только, что Гитлер, принимая решение, был вынужден руководствоваться не только военными, но и (и в первую очередь!) соображениями политическими. Задачей же номер один для него в тот момент являлся вывод из войны Франции. Да и подарок (а именно так рассматривается сегодня Дюнкерк) даже при беглом

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
взгляде на события, таким уж подарком не кажется. Англичане вывезли морем примерно 340 тысяч человек (224 585 «томми» и 112 546 французов), однако, пытаясь удержать дюнкерский плацдарм, они потеряли почти семьдесят тысяч человек, примерно тридцать тысяч (убитыми, ранеными и пропавшими без вести) было потеряно лишь в ходе эвакуации, из участвовавших в эвакуации 860 судов более 230 было потоплено Люфтваффе, кроме того было сбито 180 английских самолётов, пытавшихся прикрывать эвакуацию с воздуха. Да и с точки зрения немцев вывезенные 340 тысяч не выглядели особо впечатляющим достижением на фоне того, что немцы к тому моменту успели только пленными взять более миллиона двухсот тысяч французов, англичан, бельгийцев и голландцев. А вот действительно подарком, только подарком для немцев выглядела брошенная англичанами при отступлении техника. На побережье в районе Дюнкерка было оставлено 11 000 пулемётов, 1200 орудий, 1250 зениток, 6400 противотанковых ружей и 75 000 автомобилей.

28 мая, в разгар дюнкерской операции, на Даунинг стрит 10 собралось секретное совещание, на повестке дня – судьба герцога и герцогини Виндзорских. Присутствовавший на совещании Ванситтарт (он в те дни числился «дипломатическим советником» при Кабинете Его Величества) потребовал, чтобы Виндзоры были немедленно доставлены в Англию, и чтобы ему, Ванситтарту, была предоставлена возможность лично их допросить. Сегодня, почти семьдесят лет спустя, рассказываются сказки о том, что сделать так помешала «сентиментальность» премьер-министра Черчилля. На самом деле вывезти герцога в Англию оказалось невозможным по той причине, что он сбежал. Сбежал в самом буквальном смысле, оставив Париж и свой какой-нибудь, но официальный пост. Отправились Эдвард с Уоллис на юг Франции. То, что сделал герцог, а совсем недавно король английский, называлось и называется очень просто – дезертирство. Поступок герцога, а тем более в военное время, подпадал под юрисдикцию военного трибунала, о чём ему чуть позже и напомнили. Почему от так поступил? Считается, что он испугался за герцогиню, он побоялся, что её «уберут» агенты британской секретной службы. Уберут из Парижа туда, откуда возврата нет.

41

Пока герцог с Уоллис, то и дело застревая в пробках, пробираются по забитым беженцами дорогам на юг, посмотрим что происходит в эти дни в мире вообще и в бывшей ещё вчера *la belle* Франции в частности. В мире, как то обычно и бывает, происходит много всякого разного, а вот во Франции происходит тоже всякое, но при этом неизменно нехорошее, да и что хорошего в проигрыше войны.

29 мая немцы заняли Ипр, Остенде и Лилль.

29 мая румыны заключили торговый договор с Гитлером – «нефть за оружие».

30 мая Муссолини сообщил Гитлеру, что Италия объявит войну Франции в течение ближайших десяти дней. (Очень болезненный дипломатический проигрыш Англии, изо всех сил стремившейся удержать Италию на позиции «невмешательства».)

3 июня немцы бомбят Париж. Не так сильно, конечно, как его будут бомбить через несколько лет союзники, но тем не менее. Тут важно то, что люди называют «символикой».

4 июня Черчилль произносит свою знаменитую речь, он был великим оратором и речь была речью что надо, те, кто её слышал, до сих пор помнят впечатление, которое она на них произвела. «Мы будем сражаться на побережье, мы будем сражаться в местах высадки, мы будем сражаться в полях и на улицах, мы будем сражаться в горах, мы никогда не сдадимся!» Но Англия не была бы Англией, если бы и тут не словчила, речь Черчилль произнёс и в самом деле и речи этой внимали внимательные слушатели и они, вскочив на ноги, приветствовали её овацией, но только непосредственными слушателями были депутаты британского Парламента, а вот все остальные сорок сороков, остальные сорок миллионов англичан, услышавшие речь по радио, только думали, что они слушают Черчилля, а на самом деле слушали они не его, а актёра Нормана Шелли, вдохновенно подражавшего интонациям премьер-министра. Но Бог с ней, с речью, дело в другом, 4 июня – день, когда Англия поняла, что впредь она может рассчитывать только на себя. Союзников у неё не осталось.

7 июня итальянцы загоняют все свои суда в нейтральные порты – верный знак того, что они вот-вот объявят войну.

7 июня французская авиация бомбит Берлин. (Как причудливо мешает события сегодняшняя пропаганда, а?)

7 июня союзники начинают эвакуацию Нарвика. На следующий день, 8 июня на траверсе Нарвика немцы топят английский авианосец Глориоус и два эсминца заодно. Из 1561 члена команды авианосца выжило 46.

10 июня Италия вторгается во Францию и объявляет войну Англии и Франции. Муссолини – «мы объявляем войну плутократам и реакционным демократиям, всегда выступавшим против самого существования итальянского народа.»

10 июня французские правительственные чиновники начинают покидать Париж. Франция обратилась за помощью к США с воплем о помощи. «Пока не стало слишком поздно!» жест не только вполне бессмысленный, но ещё и лицемерный. Со стороны французов, конечно же. Рузвельт, вынужденный как-то реагировать, ограничился заявлением «Италия вонзила нож в спину своего соседа.» Дался им этот нож, американской пропаганде тогда было далеко до немецкой, об английской даже и не говорю.

10 июня Рейно просит Черчилля освободить Францию от подписанного ею обязательства не заключать с Германией сепаратного мира. Французы хотят в глазах мира остаться «чистенькими». Англичане, естественно, отказывают. «Ещё чего!»

11–12 июня англичане показывают Муссолини, что война не игрушки, их авиация бомбит заводы Фиат в Турине. Два английских самолёта бомбят Геную. 12 июня Англия объявляет о начале блокады Италии. (Учиться, учиться и учиться, как завещал нам великий Ленин. «Вы думаете, что мы загнаны в угол?! Так вот не вы нам, а мы вам объявим блокаду!»)

12 июня немцы в 20 километрах от Парижа. Оккупированы Реймс и Руан.

13 июня Рейно объявляет Париж «открытым городом», одновременно взывая к Рузвельту с просьбой послать «тучи самолётов, чтобы сокрушить силы зла, подминающие под себя Европу.» Петэн заявил кабинету министров, что перемирие является единственным способом спасти Францию. Присутствовавший на заседании правительства главнокомандующий Вейган заявил, что «Париж захвачен коммунистами.» «Театр теней» или если вам так больше нравится – кинофильм «Бег».

14 июня немцы вступают в Париж.

Таков задник сцены, декорации. Но помимо них есть ещё и небольшая сцена, есть участники спектакля, за игрой которых мы наблюдаем, а ещё в том зале есть зрители. Немногочисленные, правда, но отнюдь не рядовые, на нас с вами не похожие, они иногда с мест встают, выходят на сцену и принимают участие в игре, а потом опять – в зал, в полутьму и оттуда реплики подают, иногда аплодируют, иногда шикают.

Отвезя герцогиню в Ла Кре и посчитав, что там она в меньшей опасности, герцог Виндзорский вернулся в Париж. Там он получил «выговор» от Горты, но и у герцога, и у Горты голова была занята совсем другим и к выговору они оба отнеслись как к пустой формальности. «Отбыв номер», герцог занялся делом – он отправил все имевшиеся в его распоряжении государственные бумаги, связанные с отречением, в Швейцарию. Кроме этого было достигнуто соглашение с американцами, что в случае занятия Парижа немцами все вопросы по выплате денежных средств герцогской чете будут решаться через американское посольство (напомню, что Америка в тот момент – нейтральное государство). 28 мая он, посчитав, что теперь ему в Париже делать и вовсе нечего, вновь уезжает оттуда, сперва в Биарриц, где воссоединяется с ненаглядной Уоллис, а оттуда, вместе с ней, в Ла Кре. 18 июня они оказываются в Бордо. Там его по телефону разыскивает получивший инструкции от Горты полковник Сомерсет де Чэйр и сообщает бывшему королю, что миссия генерала Ховарда Вайза, официальным членом которой является герцог Виндзорский, возвращается в Англию. Герцог, не моргнув глазом, в ответ заявил, что он в Лондон возвращаться не собирается и что он просит де Чэйра связаться с английским консульством в Испании и согласовать с ним проезд герцогской четы в Мадрид. Одновременно, не отходя от телефонного аппарата,

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
герцог Виндзорский разыскал английского консула во Франции и через него дал знать английскому правительству, что он хочет, чтобы Кабинет прислал за ним в Бордо эсминец. Кабинет, у которого голова в этот момент была занята совсем другими вещами, был чрезвычайно раздражён этой экстравагантной просьбой. Закончилось это тем, что герцог с герцогиней якобы «убедили» генерального консула Великобритании в Ницце Хью Доддса бросить всё, в том числе и обязанности консула, и переправить их через испанскую границу. Дело, конечно же, не в легкомыслии консула, в это верится с трудом, дело было в том, что англичанам стало ясно – герцога нужно убрать из Европы ASAP, то-есть As Soon As Possible.

19 июня, в день рождения Уоллис, кавалькада автомобилей отправилась из Ниццы в Канн и далее по направлению к испанской границе. Очень любопытно посмотреть на карту Франции и проследить за стремительными перемещениями герцогской четы в эти дни, прикинуть где Париж, где Биарриц, где Бордо, где Ницца с Канном и где испанская граница. Почему такой ажиотаж, откуда накал? Что за силы расчудесные носили герцога и герцогиню по Франции на ковре-самолёте? Ларчик открывается просто. Никто не знает, хотел ли Лондон «убрать» Уоллис (вполне возможно, что и хотел, эка невидаль), но не подлежит сомнению, что он хотел убрать куда-нибудь подальше бывшего короля, во всяком случае подальше от Европы, беда, однако, была в том, что план этот входил в противоречие с планами другой стороны, другая сторона хотела прямо противоположного, другой стороне герцог был нужен тут, ей необходимо было иметь его под рукой.

Другая сторона придавала этому значение столь большое, что проблемой озаботились на самом верху. На свет появился план «выкрасть» герцога Виндзорского. Идея принадлежала лично Гитлеру.

42

16 июня 1940 года в Бордо было сформировано последнее «конституционное правительство Третьей Республики», уполномоченное окончить войну. Уполномоченное «народом Франции», конечно же, не подумайте плохого. Рейно предстал в качестве своего преемника маршала Петэна и эта кандидатура не встретила никаких возражений. 17 июня Петэн обратился к немцам за «условиями». Единственная просьба гордой Марианны заключалась в следующем – мир должен был быть непременно «с честью». Сегодня это кажется смешным, но тогда весь этот фарс преподносился на полном серьёзе.

В тот же день Англия заявила, что она будет сражаться одна. «Что бы ни случилось во Франции, это не окажет никакого влияния на нашу веру в победу и на нашу готовность сражаться.»

21 июня Франция сдалась Германии. Капитуляция была подписана в Компьене в том же самом железнодорожном вагоне, где была подписана немецкая капитуляция за двадцать два года до этого. Государства знают как унижить друг друга, предела их изобретательности нет, вот в наши дни выяснилось, что можно ведь дать человеку, представляющему поверженного соперника, Нобелевскую премию мира, так выйдет не только унижительно, но ещё и смешно, а уж когда он, принимая эту премию, ещё и речь по этому поводу будет произносить, так и вообще животика надорвать можно. Ну, а тогда, в 1940-м, Петэн, подслащивая пилюлю, заявил: «Слишком мало детей, слишком мало оружия, слишком мало союзников – вот причины нашего поражения.» Святая правда, кто бы спорил. Интересно тут другое, задал ли кто из французов если не Петэну, то хоть самому себе сам собою напрашивавшийся вопрос – а что мешало Франции иметь больше детей, больше оружия и больше союзников?

24 июня 1940 года Франция подписала капитуляцию уже перед Италией. В этот день даже и формальному сопротивлению немецкой гегемонии в Европе пришёл конец, скелет Священной Римской Империи на глазах начал обрастать плотью.

За день до окончательного, задокументированного поражения Франции, 23 июня 1940 года Виндзоры добрались до провинциального, переполненного нищими, пыльного Мадрида. Английский посол в Испании, Сэмюэл Хоар, сменивший кресло в Уайтхолле на пост посла Британской Империи в захолустном Мадриде, поселил их в отель Риц. Пользуясь данной ему властью, Хоар на всё время визита Виндзоров приостановил деятельность английской разведки в Мадриде (на этом моменте мы остановимся позже).

23 июня 1940 года Эберхард фон Шторер, посол Германии в Испании отправил в

Берлин следующую шифровку: «Испанский министр иностранных дел спрашивает как ему быть с герцогом и герцогиней Виндзорскими, прибывшими сегодня в Мадрид. Виндзоры следуют в Англию через Лиссабон. Министр полагает, что мы можем быть заинтересованы в задержании герцога и в установлении контакта с ним. Прошу инструкций.»

На следующий день фон Шторер иолучил ответ от самого Риббентропа. Инструкции предписывали задержать герцогскую чету в Испании «на пару недель», но сделать это таким образом, чтобы не создавалось впечатления, будто задержание происходит по инициативе Германии. 25 июня фон Шторер сообщил Риббентропу: «Министр иностранных дел Испании пообещал мне сделать всё возможное, чтобы задержать Виндзоров в Мадриде.» Испанский министр, имевший чин полковника и носивший запоминающееся имя Хуан Бейгбедер и Атиенца, от слов тут же перешёл к делу, встретившись с герцогом и герцогиней. 2 июля немецкий посол отправил в Берлин телеграмму с пометкой «совершенно секретно», в телеграмме говорилось, что со слов услужливого испанца Виндзор не вернётся в Англию до тех пор, пока его жена не будет признана членом королевской семьи и ему не будет предоставлен «соответствующий его положению государственный пост», в противном же случае Виндзоры останутся в Испании, где им правительством франко якобы обещана резиденция в одном из испанских замков. Кроме этого посол подчеркнул, что герцог и Уоллис на словах выразили своё резко отрицательное отношение к войне вообще и лично к Черчиллю в частности.

Кроме вопросов текущей международной политики, герцогская чета озаботилась и своей недвижимостью во Франции. От их лица неким доном Хавьером Бермехильо был сделан визит в немецкое и итальянское посольства и дон выяснил следующее – за их парижским особняком на бульваре Суше присматривает персонал американского посольства, а Ла Креё находится в «неокупированной Франции» и за него волноваться и вовсе не стоит. Между прочим туда же, в «неокупированную Францию», переместился и американский посол Буллитт (бывший, перед своим назначением во Францию, послом США в СССР), под посольство он занял замок Шато де Канде, тот самый, где была сыграна свадьба Эдварда и Уоллис и который был любезно предоставлен Буллитту владельцем – Шарлем Бидо, да-да, тем самым, «другом» Виндзоров, сводившим их поближе с Гитлером и организовавшим их визит в Германию. Тем самым Бидо, которого держала под колпаком английская разведка, тем самым Бидо, что будет через пару лет пойман в Северной Африке уже самими американцами и вывезен в Штаты, где ему предъявят обвинение в государственной измене. До суда он, конечно же, не доживёт, скорострительно покончив с собой (ещё бы!). Это ж сколько всего знал этот человек, удивительно, что он умудрился прожить аж до 1944 года, вот уж действительно был ловкач.

Лондон, посчитав, что герцог в Мадриде подзадержался, решил его поторопить, а заодно и пошебуршить палочкой в немецком муравейнике. 28 июня Виндзор получил от Черчилля телеграмму следующего содержания: «Ваше Королевское Высочество является военнотружущим и отказ следовать приказам может создать серьёзную по своим последствиям ситуацию. Я надеюсь, что необходимости в отдании приказа не возникнет.» В черновике телеграммы была и вычеркнутая строчка, до герцога не дошедшая, но о которой он догадывался, он был научен читать между строк – «...существуют очень серьёзные подозрения по поводу обстоятельств, при которых Его Королевское Высочество покинул Париж...»

В ответ герцогом Виндзорским была отбита телеграмма, в которой он запрашивал Правительство Его Величества будет ли ему и Уоллис позволено встретиться с глазу на глаз с королём и королевой. В этом ему было немедленно отказано.

Тогда герцог и Уоллис, очевидно оттого, что им было нечем себя занять, встретились с послом США в Испании и наговорили ему много всякого. Тот отправил депешу в Вашингтон – «...по поводу поражения Франции герцог заявил, что истории о том, будто французы не хотели сражаться, не вполне соответствуют действительности, они сражались, однако их организация была совершенно неадекватной, Германия же в своей подготовке к войне в последние десять лет полностью реорганизовала немецкое общество. Государства, не пожелавшие провести подобную реорганизацию и принести сопутствующие жертвы, должны внести в свою политику соответствующие поправки... также он заявил, что это касается не только Европы, но и Соединённых Штатов. Герцогиня была более откровенна – она заявила, что Франция проиграла потому, что изъедена болезнью изнутри, и что государство, находящееся в таком состоянии, не

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
должно объявлять войну...» Посол заключал – «эти наблюдения имеют определённую ценность и без сомнения отражают взгляды определённых кругов в Англии, которые могут увидеть в Виндзоре и его сторонниках политиков реалистов.»

2 июля 1940 года герцогская чета выехала в Португалию. Позади они оставили взбудораженный и полный пересудов Мадрид. Слухи, те самые, что «бродят слухи по домам», сводились к следующему – посол Хоар и герцог ведут секретные переговоры по заключению мира с Германией.

43

3 июля они оказались в Лиссабоне. Оказались они в самой каше, в самой гуще. В Лиссабоне роились, злобно жужжа, тучи шпионов самых разных национальностей, сами же португальцы ходили на цыпочках и боялись глубоко вздохнуть. Немцы демонстративно не скрывали своих намерений свергнуть режим Салазара и открыто поглядывали на португальский Мозамбик, добрый сосед Франко держал нос по ветру и в случае немецких успехов был готов не только вернуть Испании посконно-исконный Гибралтар, но и заодно поживиться за счёт Португалии, даром, что та в годы испанской гражданской войны бескорыстно превратила себя в проходной двор и кто только через Португалию свои делишки в Испании ни обделывал, да что там говорить, теперь даже и какая-то населённая японцами Япония неприкрыто давила на Португалию, требуя концессию по добыче нефти на Португальском Тиморе. У португальцев голова шла кругом и они, боясь, что любые «тесные контакты третьего порядка» с англичанами спровоцируют немцев на силовые действия, англичан сторонились.

Уже в Лиссабоне герцогу наконец-то сообщили, какой ему подобран государственный пост. Георг VI через Черчилля сообщил брату, что того ждёт губернаторство на Багамских островах. Если бы мне или вам предложили съездить на Багамы, мы бы, наверное, обрадовались, чего ж плохого? Ну и точно так же нам показалась бы недурной идея не просто поваляться на солнышке, а побыть, пусть и недолго, губернатором Багам. Герцог же подобной перспективой был просто уничтожен. В его глазах предложение выглядело каким-то невообразимым унижением. Что бы он сказал, если бы ему стало известно, что во время консультаций между семьёй, Кабинетом и Церковью его самый заклятый и непримиримый недруг в лице архиепископа Кентерберийского требовал (именно так) отправить ослушника вместе с его Уоллис тоже на острова, но только на Фолклендские. Чтобы там наши романтики слушали при луне грохот прибоя, а при низком солнце – овечьё блеяние. В ответ на предложенное островное губернаторство взбешённый герцог Виндзорский, подзуживаемый герцогиней, заявил, что он согласен только на пост генерал-губернатора Канады или, на худой конец, на вице-короля Индии. Бедняга всё ещё продолжал витать в облаках.

Не иначе для того, чтобы вернуть его на нашу грешную землю, из Лондона тут же доставили депешу от действующего премьер-министра, то-есть Черчилля, а там говорилось, что это не просто предложение, а предложение, от которого нельзя отказаться, и что если герцог будет кобениться, то, поскольку время военное, придётся ему, кгм... кгм... предстать перед военным трибуналом. Боже... «Где моя нюхательная соль?!»

Почему именно Багамские острова? Тут сыграло свою роль вот что – подпольщики из упомянутых выше пронемецких организаций (предусмотрительно созданных Правительством на деньги английского налогоплательщика) вынашивали планы в случае поражения Великобритании и оккупации её немцами сослать семью именно туда, на Багамы. Георгу VI, правда, пост губернатора при этом не обещали, так что он ещё очень мягко с братом поступил.

А что до Черчилля, то вам штришок – менее, чем за три года до этой телеграммы, во времена, когда он, разыгрывая из себя этакое Анику-война, пытался разогнать к такой-то матери все английские политические партии и создать вместо них одну-разъединственную Партию Короля, писал наш свет Уинстон герцогу Виндзорскому в личном письме так: «Я с большим интересом следил за вашим визитом в Германию. Не могу не отметить, что когда Ваше Королевское Высочество появлялся на экранах кинотеатров во время показов кинохроники, это неизменно вызывало благжелательную рекацию публики и даже громкие приветствия. У меня были опасения, что визит Вашего Королевского Высочества оттолкнёт от вас многих ваших друзей и поклонников, но я рад сообщить, что этого не произошло.» Рад был, оказывается, Черчилль, всего три года назад – рад, а теперь грозит военным трибуналом, каков оказался

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
стервец, а? «Змея подколодная!»

11 июля немецкий посол в Португалии сообщил в Берлин, что герцог назначен губернатором Багамских островов и что он намерен предпринять всё возможное, чтобы отложить отъезд из Лиссабона. Кроме этого в телеграмме содержалась следующая информация – «Герцог Виндзорский полагает, что если бы трон занимал он, то войны можно было бы избежать, кроме этого он твёрдо уверен в том, что интенсивные бомбёжки (!) могут склонить Англию к переговорам о мире.»

Получив телеграмму, Риббентроп в тот же день, 11 июля 1940 года отправляет ответ немецкому послу в Испании с пометкой «срочно, совершенно секретно», в ответной шифровке он требует, чтобы были предприняты все усилия по предотвращению отправки герцога на Багамы, что нужно сделать всё возможное, чтобы вернуть его на испанскую территорию, после чего требуется «убедить герцога и его жену не покидать пределов Испании». В том случае, если возникнет такая необходимость, то герцога следует «интернировать» как английского офицера. Кроме того Виндзора необходимо убедить, что Германия хочет мира с английским народом, что этому препятствует «черчиллевская клика» и что герцогу нужно быть готовым к неожиданному повороту событий. Германия полна решимости заставить Англию начать переговоры о мире и в связи с этим она готова выслушать любые пожелания герцога, особенно учитывая то обстоятельство, что, по мнению немецкой стороны, в будущем герцогу и герцогине суждено принять английский престол. Если у герцога на этот счёт имеются другие планы, Германия готова согласиться и с ними, по-прежнему отдавая приоритет хорошим отношениям с Англией, герцог же может быть уверен, что Германия в любом случае сможет обеспечить ему существование, достойное короля. В заключение Риббентроп велел сообщить герцогу, что у немецкой стороны имеется информация о том, что «британская секретная служба» собирается «избавиться» от герцога как только он окажется на Багамах.

12 июля фон Шторер встретился с испанским министром внутренних дел, Рамоном Серрано Суньером, главное достоинство которого заключалось в том, что он был мужем сестры жены генерала Франко, министр пообещал немецкому послу полную и безоговорочную поддержку со стороны Генералиссимуса. Кроме этого испанское правительство обязалось послать в Лиссабон лично знакомого герцогу Мигеля Примо де Ривера, сына бывшего испанского диктатора с тем, чтобы тот пригласил герцога в Испанию «поохотиться». Суньер также пообещал немцам сообщить герцогу о коварных планах английской Secret Service.

16 июля де Ривера вернулся из Португалии и сообщил немцам, что герцог получил от Черчилля резкое письмо, в котором от герцога требовали отбыть на Багамы незамедлительно, угрожая в противном случае военным трибуналом.

22 июля, вернувшись после второго визита в Лиссабон, де Ривера на встрече с фон Шторером сказал, что герцог в политическом смысле дистанцирует себя как от английского короля, так и от нынешнего английского правительства, кроме того он сообщил, что герцог и герцогиня боятся не так по их словам «недалёкого» короля Георга, как королеву, которая искусно интригует против герцога и герцогини Виндзорских. Когда де Ривера спросил герцога о том, как он смотрит на перспективу вернуться на английский престол, то услышал в ответ, что после отречения это абсолютно невозможно. Де Ривера на это заметил, что направление, в котором до сих пор развивалась война, позволяет предположить, что будущие изменения могут коснуться и английских законов. Отправляя эту информацию в Берлин, немецкий посол подчеркнул, что де Ривера не подозревал, что за всей этой историей стоит Германия, испанец полагал, что действует по инициативе своего правительства.

На этом этапе Гитлером к делу был подключён Вальтер Шелленберг. Он вылетел из Берлина в Мадрид, встретился там с фон Шорером и тут же отправился в Лиссабон. Шелленберг должен был любым способом заманить герцогскую чету обратно в Испанию, а чтобы приманка выглядела поапптитнее, он был уполномочен предложить герцогу сумму в 50 миллионов швейцарских франков, Риббентроп Шелленбергу были даны инструкции, что в случае, если эта сумма покажется герцогской чете недостаточной, он может предложить даже и большую. Когда Риббинтроп давал Шелленбергу последние напутствия, с ним вышел на связь Гитлер, услышав, что Шелленберг находится там же, в кабинете, Гитлер велел Риббентропу дать Шелленбергу параллельный телефон с тем, чтобы тот мог слушать переговоры фюрера с министром, среди прочего Гитлер сказал: «Шелленберг должен постоянно учитывать то обстоятельство,

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
что ему необходимо заручиться поддержкой герцогини, она имеет очень большое влияние на Виндзора.» Интересно, вспомнил ли Риббентроп в этот момент цветы, которые он посылал герцогине Виндзорской во времена, когда та носила скромное имя миссис Уоллис Симпсон.

44

Страсть к игре – страсть всем нам знакомая, все мы ей подвержены, каждый любит сыграть и каждый видит себя победителем. Играют не только люди, но и государства, они, правда, играют не потому, что играть любят, а потому, что для них игра – повседневная жизнь, ну и кроме того, насколько государство больше каждого из нас, настолько же и ставки в их играх выше.

В 1940 году игра шла большая, игра шла по-крупному. Вот три основных участника – Британская Империя, Германия и США. Все игры, в которые играют государства, как бы они ни назывались и по каким бы правилам ни велись, в глубинной сущности своей всегда являются одним и тем же, а именно – войной. В 1940 году формально война шла между англичанами и немцами, но это только формально, фактически против Англии воевала Америка, до поры она воевала Германией, точно так же, как до поры Англия со своей стороны пыталась воевать с Германией Францией. Франция тоже сперва за столом сидела и даже себя игроком воображала и как игрок себя вела, но потом карты бросила и из-за стола встала.

18 июня, за три дня до подписания Францией акта капитуляции, когда французы отдались немцам невозбранно, позволив встраивать себя в единую Европу, Черчилль заявил: «Битва за Францию закончена, теперь начинается битва за Британию.»

А ещё за три дня до июня 18-го, 15 июня, Англия запросила США о «помощи». Оказавшись лицом к лицу с угрозой вторжения немцев на Остров, англичане обнаружили, что им не хватает эсминцев (в наличии имелось 68 штук, для сравнения в 1918 году, когда Англия тоже ожидала немецкого вторжения, она имела в своём распоряжении 433 эсминца.) Как вы думаете, как откликнулся на эту просьбу «стратегический союзник» и собрат по «атлантической цивилизации»? Я могу вам сказать – поначалу Сенат даже отказался рассматривать английскую просьбу, а глава сенатского Комитета по Иностранным Делах Кей Питтман сделал следующее заявление – «Англия должна перегнать свой флот в Северную Америку, а затем капитулировать, никакого секрета в том, что Великобритания совершенно не готова себя защищать, нет, и Соединённые Штаты ничего не могут с этим поделать, любые попытки помощи лишь оттянут неизбежное. Мы надеемся, что бессмысленные попытки сопротивления не скажутся на сроках по принятию этого плана (перегонка английского флота в США и Канаду). Конгресс не поддастся на попытки втянуть Америку в европейскую войну.»

Американцы сделали промашку. Заявление Питтмана было больше, чем преступлением, оно было ошибкой. Выяснилось, что у Америки не только есть уязвимое место, но что она ещё и сама об этом знает. С этого момента задача для англичан упростилась, теперь им следовало лишь шантажировать американскую сторону угрозой того, что гигантский английский флот окажется в руках «европейцев». (Того же 18 июня 1940 года англичане получили ещё одно свидетельство тому, что они угадали правильно – в этот день готовившаяся к капитуляции Франция по дипломатическим каналам завершила американцев в том, что её флот не будет передан немцам, а будет отправлен в колонии, а может быть даже затоплен.) Степень английской угрозы увеличивалась ещё и следующим обстоятельством – как считали немцы в 1940 году и как все считают сегодня, Германия одержала безоговорочную победу в Норвежской кампании, и внешне действия немецкой армии действительно выглядят как блестящая победа. Дело только в том, что англичане результаты, достигнутые немцами, безоговорочной победой не считали и тому была весомая причина – за время кампании Норвегия успела перегнать в Англию весь свой флот, а норвежский флот был одним из самых крупных в мире. И теперь Англия в своём противостоянии со США могла кинуть на чашу весов гирию куда более увесистую.

С этого момента игра пошла немножко не в ту сторону, получалось, что в случае быстрого и неконтролируемого поражения Британской Империи и ухода её «на свалку истории», американцы оказывались перед перспективой войны на два фронта с победителями, со странами «Оси», и они были вынуждены сделать ответный ход – против своего желания они начали оказывать Англии помощь.

Всё, что происходило в последующие года два, крутилось вокруг clear and present danger, вокруг кошмара наяву – английский флот в руках немцев. Но, помогая Англии, американцы решили лишить англичан инициативы, не Англия должна была определять темпы войны, не она должна была определять сроки собственного поражения, и США, оказывая помощь, начали «обескровливать» Англию. Фактически, помогая Англии в войне военной, США одновременно объявили ей войну финансовую.

Причём придать этой войне статус вполне себе легальный Америка могла с лёгкостью, в 1934 году она предусмотрительно провела всё через тот же Конгресс знаменитый Акт Джонсона, согласно которому государственные кредиты американской стороной не могли предоставляться государствам, объявившим дефолт по долгам, взятым у Америки в годы Первой мировой войны. В числе этих государств оказалась и хитрая Англия. Она когда-то решила отбросить хитрости и просто не возвращать должок. Ну что тут скажешь, Англия была в силе, она была владычицей морей, она могла делать всё, что ей заблагорассудится, ну и вот ей заблагорассудилось не платить свои долги. Что могла с этим сделать Америка? Как она могла вернуть свои деньги? Да никак! Государства из-за такой малости, как деньги, между собой не воюют. Зато теперь Америка оказалась на коне, она на совершенно законных основаниях требовала расплачиваться за «помощь» наличными. За первые шесть месяцев 1940 года «золото-валютные» запасы Великобритании снизились в пять раз – с 3 миллиардов 100 миллионов долларов до 624 миллионов. При тех потребностях, которые испытывала Англия, к концу 40-го года гордые бритты оказывались в положении банкротов. Со всеми последствиями, банкротом ожидающими. В другой момент Англия эту проблему решила бы без труда, но в 40-м году обстоятельства сложились таким образом, что других средств кроме тех, что имелись в казне, у Англии не было и взять их было неоткуда. Друзья-соперники сошлись в клинче – если Англия шантажировала Америку угрозой захвата английского флота тогдашним «ЕС», то Америка со своей стороны шантажировала Англию угрозами прекратить поставки жизненно необходимых для продолжения войны военных материалов.

Но Англия не была бы Англией если бы опустила руки, подняла лапки и сдалась на милость победителя просто так, не предприняв попытки повернуть ход событий в свою пользу.

Что бы там себе ни думали не по чину умные сенаторы, но «Рузвельт», то-есть люди, стоявшие за американским правительством, прекрасно понимали, что вмешиваться в европейские дела Америке придётся, хочет она того или нет, но – придётся. А не то выйдет так, что уже Европа вмешается в дела американские и позволения спрашивать не будет. Америке нужно было выходить из рамок, в которые она сама себя поместила, Америке необходимо было резко сменить внешнюю политику, то-есть провозглашённый ею самую и очень популярный в стране «изоляционизм». Кроме того, авторитет Рузвельта держался во многом благодаря преодолению последствий кризиса, он постоянно должен был это учитывать. Вот на этих двух струнах и заиграла немедленно Англия. И учитывая условия, в которых исполнителю приходилось водить смычком, заиграла виртуозно.

45

Вот такая мелодия выходила из под смычка. 14 мая 1940 года лорд Бивербрук был назначен министром авиастроения. До того подобного поста в государстве не существовало. 14 мая это четвёртый день немецкого наступления на Западном фронте, где начались перемены и перемены эти были к худшему. Следующий сам собою напрашивавшийся шаг со стороны немцев был очевиден – бомбардировки Англии.

Воздушные флоты соперников даже и сравнивать было невозможно, в предшествующие маю четыре месяца 1940 года британские авиастроительные заводы произвели 2729 самолёта, из них 638 истребителя, однако после назначения Бивербрука министром, а также по мере ввода в строй всё новых и новых припасённых именно на этот чёрный день «теневых заводов» (надёжно до поры укрытых и немецкой разведкой в расчёт не принимавшихся) дело пошло куда веселее – за следующие четыре месяца, с мая по август 1940 года Англия подняла в небо 4578 самолётов, из них 1875 истребителей (что немаловажно – истребители ничуть не уступали немецким), то-есть Англия вдруг, и в значительной мере неожиданно для сторонних наблюдателей, увеличила выпуск военных самолётов почти вдвое, а выпуск современных истребителей так и вообще почти в три раза. Однако для производства самолётов нужно много

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
всего и всякого и одних оборудованных по последнему слову тогдашней техники заводов было мало, Англии нужны были «военные материалы», а материалы эти можно было в тот момент взять только в Америке, а Америка давала драгоценные в самом прямом смысле «материалы» только за наличные. Бивербрук хотел истратить 800 миллионов фунтов, притом, что только на самое необходимое, на то, без чего заводы просто встали бы, ему нужно было 300 миллионов. Когда он на заседании Военного Кабинета запросил эти суммы, то министр финансов Кингсли Вуд заявил притихшим министрам Его Величества: «У меня этих денег нет, и мало того, если мы займём такую сумму, то нам нечем будет её отдавать в будущем. До конца года (1940-го) мы можем истратить только оставшиеся в казне 75 миллионов фунтов стерлингов.» Бивербрук на это равнодушно бросил: «Продолжайте делать закупки как ни в чём не бывало, чем больше вы закажете сейчас, тем больше получите потом, у Америки, после того, как она разместит на своих заводах наш заказ, просто не будет другого выхода как продолжать поставки даже в том случае, если мы перестанем платить. Рузвельт находится в положении, когда он не может пойти на риск сокращения рабочих мест на американских предприятиях.» Сидевшие в министерских креслах закручинившиеся хлопцы оживились и дали добро этой, назовём вещи своими именами, авантюре. В течение следующих двенадцати месяцев в Америке были заказаны станки, авиационные моторы, грузовики и сталепрокат на сумму в три миллиарда двести миллионов долларов.

Но рабочие места простых американских труженников это была лишь одна из двух струн. В распоряжении нашего пиликающего на крыше скрипача была и вторая – американский изоляционизм. Англия и здесь нашла чем уколоть своего друга-соперника. В качестве булавки решено было использовать нашу сладкую парочку – герцога и герцогиню Виндзорских. Пока государства, пыхтя и обливаясь потом, облачаются в доспехи, пока гудит как улей родной авиационный завод, пока хитрят министры и госсекретари, Эдвард ведь наш с его дорогой Уоллис сидят в Лиссабоне. «Это непорядок, – подумали в Лондоне, – что это они бездельничают, надо и их к делу пристроить, пусть поработают, пусть заплатят хоть чем-нибудь за наше хорошее к ним отношение.»

Вот как развивалась интрига. К концу июля вопрос с отправкой герцогской четы на Багамы был решён, отправиться туда они должны были на борту американского лайнера «Экскалибур» (когда герцог и герцогиня услышали название судна, у них не могло не возникнуть пусть туманных, но оттого не менее неприятных ассоциаций с мечом Немезиды), для того, чтобы их там разместить, с борта даже сняли нескольких стремившихся покинуть ставшую вдруг негостеприимной Европу и уже купивших билеты несчастных (герцог нажил ещё нескольких анонимных, но оттого только более злобных недоброжелателей). Ну и вот, в эти горячие предотъездные денёчки пара посетила с визитом американское посольство в Лиссабоне. Американский посол в Португалии Герберт Пелл был рад, наверное, развлечься и устроил в честь высоких гостей званый обед. Однако развлекаться послу пришлось недолго, лишь только герцог перешагнул порог посольства и открыл рот, веселью пришёл конец. Не успел обед завершиться, как посол побежал в тайную комнатку и лихорадочно отбил в Вашингтон шифровку – «герцог и герцогиня неосмотрительно и во всеуслышание высказываются против британского правительства. Их присутствие в Соединённых Штатах крайне нежелательно. Они, тем не менее, уверены, что им, нравится это Черчиллю или нет, удастся въехать в США и остаться там на неопределённый срок, кроме того они не скрывают намерения вести в США мирную пропаганду.»

Что так напугало американского посла? Дело в том, что правительство Рузвельта вот уже на протяжении нескольких месяцев искало любой повод, чтобы пробудить в обществе «милитаристские настроения» и вывести американский народ из «спячки изоляционизма». Герцог и герцогиня же собирались заняться прямо противоположным – пропагандировать «за мир». Ну, а заодно «за дружбу», и, само-собой, «за жвачку». Напомню, что Виндзоры перед войной – это тогдашняя международная икона, тогдашние «селебрити», тогдашняя «принцесса Дайана». А теперь представьте себе эффект от визита настоящей принцессы Дайаны в США, во время которого она устраивала бы брифинги и «встречи без лифчиков», где с неподдельным энтузиазмом рассказывала бы американской публике о том, что Аль-Кайеда – это очень хорошо и что доверчивых американцев дурачат «войной с террором», в то время как эта война это «война за нефть». Ну и ещё что-нибудь про «международные корпорации» вплела бы, играя повлажневшими оленьими глазами. Как вы думаете, понравилось бы это американскому правительству? Вот посол Пелл был уверен, что не понравится, потому так и волновался. Да и как не волноваться, когда герцог кроме разговоров перешёл и к делу и там же, на

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
обеде, сообщил, что Уоллис собирается «подправить нос» у какого-то знаменитого хирурга и ими уже заказан целый этаж в какой-то нью-йоркской гостинице. И если герцога можно было в Америку под каким-нибудь благовидным предлогом не пустить, то как быть с Уоллис, она ведь американская гражданка. «Ужас какой!»

Немедленно начались (напомню, идёт война, с бомбами и всякими другими нехорошими вещами) закулисные консультации между правительствами США и Британской Империи. «Сделайте что-нибудь, уймите своего идиота!» Унять идиота можно было, конечно, да только когда одно государство просит о чём-то другое государство, то расплачивается оно всегда и непременно одним и тем же – капиталом, который дороже денег – политическими уступками. Так и живём. А ведь там ещё и немцы шустрили, помните? Вальтер Шелленберг из «Семнадцати мгновений весны» как вылетел, так в июльский Лиссабон и прилетел. Задача у него была завлечь, заманить герцогскую чету в Испанию, а там видно будет, что с ними делать. Давайте я вам расскажу, как действовал легендарный шпион, гитлеровский Джеймс Бонд. Ему ведь сам Броневой опасался палец в рот класть.

Шелленберг, имевший полномочия от самого Гитлера, развил бешеную деятельность, он трудился, не покладая рук, он раскинул сеть, он пустил в ход всех своих шпионов – некая жена некоего португальского чиновника сообщила Уоллис, что как только они окажутся на борту судна, герцога тут же сместят с поста губернатора, тонкий ход, ничего не скажешь. Как-то утром у дверей герцогского дома был найден букет цветов от неизвестного доброжелателя, а там – карточка, а в карточке написано, что «герцогиня находится в страшной опасности», одной из тёмных португальских ночей кто-то бросил несколько камешков в закрытое окно герцогской спальни, а утром шелленберговскими агентами среди герцогской прислуги был пущен слух, что это неслыханное злодеяние совершили «агенты британской секретной службы», звук камня об стекло навёл Шелленберга на мысль выстрелить в окно и тем самым напугать герцогиню так, что она, вскочив, тут же побежит в сорочке в сторону испанской границы, но тут уже вмешалось шелленберговское начальство, резонно рассудившее, что она скорее побежит на борт «Экскалибура». От выстрела отказались. Но Шелленберг не унывал, он подкупил (денег ему на «операцию» отпустили много) людей в порту с тем, чтобы задержать погрузку герцогского багажа, расчёт был на то, что без багажа герцогиня никуда не поедет, не поплывёт, а без неё никуда не денется и герцог, а судно ждать не станет и отправится в вояж без них. Но и тут сорвалось, багаж хоть и с запозданием, но доставили тогда, когда судно всё ещё стояло в порту. Тогда Шелленберг спел шпионскую лебединую песню – он достал список пассажиров на «Экскалибуре», а за отдельную плату служащий порта отметил в списке фамилии пассажиров-евреев. Шелленберг торжествовал, по его мнению от этих людей герцогу следовало ждать опасности во время его плавания через Атлантику. На этом попытки немецкой стороны не позволить Виндзорам покинуть пределы Европы закончились. Как написал один из биографов непутёвого Эдварда – «Schellenberg acted with incredible stupidity». Что да, то да. Лучше не скажешь. Будь у Гитлера под рукой место Шелленберга Олег Табаков, всё бы вышло иначе.

46

31 июля 1940 года в Лиссабон с тем, чтобы сопровождать герцогскую чету в её полном опасностей путешествии через бурные воды Атлантики, из Лондона прибыли двое, тоже пара – мужчина и женщина, мужчину звали Гарольд Холдер, а женщину Эвелин Фирт. Гарольд был детективом из Скотланд-Ярда, а Эвелин была горничной. Как полагали проникательные немецкие разведчики, мисс Фирт являлась секретной сотрудницей SIS, но если бы немцы к своей проникательности добавили ещё и толику здравого смысла, то они неминуемо сообразили бы, что добрая половина пассажиров на «Экскалибуре» состояла из кадровых сотрудников разведок пары дюжин стран. Англичане же, прислав «сопровождение», подвели под формальностями черту. «Давай, дуй на Багамы.»

В этот же день Эдвард отправил письмо Премьер-Министру Великобритании господину Черчиллю, где по первых строках сообщал, что поскольку его венценосный брат и королева Елизавета не желают прекращать кровную вражду между «членами семьи», то он вынужден принять пост на Багамах как «временное решение проблемы». Отправив письмо, он посетил испанское посольство и порадовал посла Франко и Багамонде известием о своём решении. Посол с южной пылкостью убеждал его не поддаваться давлению и, плюнув на последствия, вернуться в Испанию, но герцог в ответ заявил, что он всё

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
понимает, но «ничего не может поделать». Вечером того же дня посол Великобритании в Португалии сэр Уолфорд Селби (кадровый дипломат, начинавший когда-то свою карьеру в качестве личного секретаря сэра Эдварда Грея, того самого, что за двадцать лет до описываемых нами событий вёл от лица Британии переговоры с полковником Хаусом) устроил в английском посольстве прощальный приём, посвящённый отъезду герцога и герцогини Виндзорских из Португалии.

Следующий день начался с хлопот. Виндзор посетил Примо де Ривера, сказавший им, что они, покидая Португалию, подвергают свои жизни опасности. Имевшему «тесные связи» с Германией и находившемуся по этой причине в разработке у SIS «другу» Евгения и Китти Ротшильдов, а по совместительству владельцу частного банка Санто э Силве, в чьём доме Виндзоры жили во время своего пребывания в Португалии, Эдвард меланхолично заявил, что он в высшей степени впечатлён усилиями фюрера по достижению мира, и что, будь он королём, дело никогда не дошло бы до войны с Германией, но что планы по возвращению его в Испанию сейчас преждевременны и что когда он займёт свой новый пост, с ним можно будет установить связь посредством «a particular code word». Заключил он свою тираду пожеланием Гитлеру доброго здоровья и всяческих успехов.

Испанский посол предупредил доктора Салазара, чтобы португальцы не предпринимали никаких попыток ни ободрять, ни обескураживать колеблющегося герцога. Кроме того Салазару дали понять, что Эдвард рассматривается как возможный посредник в мирных переговорах между Германией и Англией. Сами Эдвард с Уоллис изо всех сил тянули время, будто ожидая чего-то, в самый последний момент они изъявили желание, чтобы «Экскалибур», уже стоявший «под парами», задержали в порту ещё на неделю, но эта абсурдная просьба была отклонена. Исчерпав все предлоги, герцог с герцогиней поднялись на борт судна и в полдень 1 августа «Экскалибур» снялся с якоря.

Ни трона, ни посредничества. Ни власти, ни надежды. Одно слово – Багамы. Но вот что с ними осталось и чего у них отнять никто не мог, так это известность. Они по-прежнему были знамениты и в их скромный уголок, представлявший из себя десять зарегистрированных на их имя кают, засвидетельствовать герцогу и герцогине своё почтение по очереди заходили не самые последние люди, оказавшиеся на борту то ли волею судьбы, то ли волею государств, которым они служили. Был там Энтони Бидделл, американский посол в Польше, был там Джордж Гордон, американский посол в Нидерландах, был там и Уильям Филлипс, американский посол в Италии.

– How do you do?

– I'm doing well, thank you. How do YOU do?

Коктейль, улыбка, разговор о погоде. Улыбка, коктейль. Посол, другой. Третий. И завтра и послезавтра. И через год. Добро пожаловать на дипломатическую службу Его Величества, товарищ губернатор Багам.

В Лондоне вздохнули. Не так, чтобы с большим облегчением, но тем не менее. «Баба с возу.» Но кобыле легче не стало, кобылка наша тянула воз и был тот воз тяжёл. Война.

Не может не броситься в глаза следующее обстоятельство – начиная с назначения бывшего (которые тут бывшие? слазь!) короля во Францию англичане всячески облегчали контакты герцогской четы с немцами. А уж когда парочка наша попала на Иберийский полуостров, то доходить стало уж и вовсе до неприличного, помните, как в Мадриде посол Хоар вообще снял наружку и оставил Виндзоров голенькими? Никаких тебе «закладок», никакой «тайнописи», никаких «славянских шкафов», подходи смело, да прямо на улице и заговаривай. «Гражданин, у вас гаваны лишней не найдётся?» Герцог с кем только не виделся, чего только не рассказывал, никто даже издали не смотрел, никто за углом не подслушивал. «Мели, Емеля.»

Мы никогда не узнаем, говорил ли герцог Виндзорский то, что он говорил, по собственной инициативе или же слова те были ему внушены, давал ли он себя использовать или действовал по собственной инициативе, но, как бы то ни было, очевидно, что английское государство использовало его слова к своей выгоде. Государство знало, что он говорит, государство ждало, что он скажет именно так и государство хотело, чтобы он говорил именно эти слова. Говорил герцог много, но две мысли, им высказывавшиеся, повторялись в немецких

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
донесениях вновь и вновь. Мысли несложные, первая – «Георг VI неумён (герцог, упоминая брата, употреблял слово foolish, то-есть «глуповат». Замечу, что самого себя Эдвард считал очень умным)» и вторая – «для того, чтобы склонить английскую сторону к переговорам, нужно усилить бомбардировки Британии.»

Оба зёрнышка падали на унавоженную почву. Гитлер слышал именно то, что хотел услышать. В первый раз он услышал про «недалёкость» Георга во время визита четы Виндзоров в Германию от самого Эдварда (а кто может знать человека лучше, чем его родной брат?) и после этого несколько раз публично с пренебрежением отзывался о Георге VI как о «простаке», а уж бомбёжки это и вовсе – «святое». Даром, что ли, немцы сочинили свой «Марш авиаторов»? Вот и герцог Виндзорский, будущий король оккупированной Англии считает так же – *bomben!* «*Bomben auf England!*»

47

Не все, наверное, это знают, но наш мир – это шар. «Крутится, вертится шар голубой.» Крутится, вертится над головой, а по шару этому шмыгаем мы, малыши, и тоже крутимся, и тоже вертимся вместе с ним. Оборот, другой, третий. Оборот вокруг оборота и оборот вокруг оборота оборота. «Солнце всходит и заходит.»

Всё возвращается на круги своя, вот и мы, заложив крутой вираж, прошли по кругу и вернулись к началу нашей песенки. О чём там в первом куплете пелось, помните? Карточки, нормы отпуска, чёрный рынок, бомбёжки, разрушенные дома. Обыденщина военного времени. Слова нашей песни незамысловаты, рассказывает песня наша вещи всем известные, но в известности своей всегда интересные, а что может быть интереснее войны? Я могу вам сказать что – интереснее войны может быть только другая война. И отнюдь не война победоносная, самая интересная война это война проигранная, просто потому, что каждое явление нашей с вами жизни представляет из себя то самое «единство противоположностей» и война выигранная всегда несёт в себе зародыш проигрыша и аборт победе не сделаешь, но верно и то, что проигранная война скрывает в себе зёрна будущей победы. Зёрна, которые рано или поздно взойдут. Закончится один цикл и начнётся другой, после февраля будет май, ночи, как бы долго она ни тянулась, придёт на смену сперва тусклый рассвет, потом заря, а там – встанет солнце. И изменить этого нельзя, тем, кто не любит тьму, а любит свет, следует помнить, что ночь не вечна, что отчаиваться не следует, нужно просто набраться терпения и – верить. День придёт, никуда не денется, и солнце поднимется и встанет в зените. Будет и у нас свой полдень.

Тем интереснее как коротали свою ночь другие, как они разжигали костёр, что они туда подбрасывали, какие сказки они рассказывали друг другу, как они называли созвездия на своём чёрном небе, как удавалось им во тьме определять стороны света.

У всех государств и у всех народов, в этих государствах живущих, есть своя правда, своя история, есть свой миф, есть память. Память эта лукава, народы преуменьшают свои поражения и преувеличивают свои победы, это понятно, все люди одинаковы, дело только в степени искренности, дело в том, что зачастую мы нравимся себе не только победителями, случается и так, что мы гордимся тем, как вели себя в ситуации проигрыша.

В истории Англии есть два периода, являющиеся предметом национальной гордости. Гордости искренней, той гордости, что искусственно не взрастишь. То, чем англичане гордятся – это английская победа и английское поражение. Победа – это так называемая Викторианская эпоха и гордость в данном случае понятна каждому жителю Земли, ну как же – Англия вскарабкалась на вершину мира, Англия отстроила величайшую империю, Англия «нагнула» всех и осталась стоять одна, стоять, надменно выпрямившись. Гордость «викторианством» это гордость свершением – «мы смогли!» На фундаменте, заложенном в ту эпоху, Англии удалось простоять почти всю первую половину страшного XX века. Но не меньшую гордость испытывают англичане и в отношении периода «Второй Мировой», если быть точнее, то периода с 1939 и по 1952 год, хотя, казалось бы, чем же там гордиться, ведь эти тринадцать лет это период унижения поражением, это период, когда Англия отступила по всем фронтам. Англия потеряла свою империю, в Англии произошла фактически смена социального строя, реформировано было само государство, причём реформировано в самих своих основах, реформировано в каждой чёрточке, чёрт бы с ним, с

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
«социальным строем», но был сменён самый строй жизни, не только мир вокруг Англии стал другим, но и в самой Англии всё стало другим тоже.

Но вот англичане остались англичанами. Как им это удалось? Как им, проиграв всё, удалось не проиграть себя?

Давайте попристальнее приглядимся к хозяину и к управляющему, к тем, кто обстоятельствами был принуждён к распродаже имущества и отдал всё, всё-всё, отдал и фабрику и городской дом, но при этом, отдавая всё, и сделал тоже всё, «лёг костями», чтобы не отдавать старую дедовскую усадьбу, приглядимся к тем, кто не позволил вырубить английский «вишнёвый сад», хотя, казалось бы, какой в нём прок. Приглядимся к монарху и к социалисту.

«В истории Англии были короли, которых народ боялся, были такие, которых народ уважал, но только к Георгу VI народ относился не только с уважением, но ещё и с искренней любовью.» Как такое могло быть? Ведь Георг VI это король, принявший корону после кризиса с отречением, когда престиж монархии в Англии упал ниже низшего, Георг VI это король, при котором исчезла Британская Империя, Георг VI это король, при котором Англия голодала, голодала в самом прямом смысле, и вдруг – такое. Любовь! Англия любила своего короля, застенчивого, мягкого человека с затруднённой речью. Что это, знаменитая английская эксцентричность? Нет, это знаменитая английская прагматичность. Ну и ещё просто человеческая благодарность, она всюду одна и та же.

Итак, монарх.

Человек родился в королевской семье, но к престолу его не готовили. Человек этот к власти не только не стремился, но власти и не хотел. Человек попал на трон вопреки своему желанию, «так вышло». Человек этот спокоен и скрытен, но при этом упрям. У этого человека – умная и сильная мать. У этого человека сильная и властная жена. Ничего не напоминает?

48

Что для правителя главное? Не для управляющего, а для правителя? Для управляющего это качество является само собой разумеющимся, иначе какой же из него управляющий, но вот как насчёт правителя? Что делает правителя правителем в наших глазах?

Я могу вам сказать. Правителя правителем делает долг. То, как он этот долг понимает. Долг перед государством, а тем самым долг перед каждым из нас, долг перед нами всеми, что означает долг перед Богом. Не будет государства – не будет и нас. То, как понимает свой долг правитель, и заставляет нас уважать его или относиться к нему с пренебрежением, заставляет нас его любить или ненавидеть. Правитель взваливает на себя колоссальную, непредставимую для своих подданных, но угадываемую ими ответственность.

После отречения Эдварда VIII его мать, вдова Георга V, написала ему письмо. Среди прочего там были и такие слова «...ты так ничего и не понял, ты не захотел принести народу жертву несопоставимо меньшую, чем та жертва, которую в недавней войне народ принёс короне.» В письме этом только два слова были написаны с заглавных букв, слово «Народ» и слово «Корона». После отречения и превращения короля Эдварда VIII в герцога Виндзорского мать отказывалась его видеть. Он сложил с себя обязанность служить государству, он предпочёл долгу так называемую личную жизнь, он не прошёл испытания, он не выдержал искушения. Он не годился в короли.

И вот корона оказалась на голове его брата, который ни сном, ни духом. Который не только и думать не думал о престоле, но который ещё и сам себя считал совершенно непригодным для исполнения высшей в государстве роли. Но человек полагает, а Бог располагает, и свято место пусто не бывает, и вот уже у Англии новый король, ну что ты тут делать будешь. А делать ведь что-то надо. Прежде чем начать что-то делать, мы обычно произносим несколько слов, так легче начинать, произнёс несколько слов и Георг VI и сказал он следующее: «Я не знаю, что у меня получится, но в одном вы можете быть уверены, я буду делать всё, что в моих силах.» Своё слово он сдержал, он и в самом деле делал всё, что он мог. Он ставил долг превыше всего, он был не похож на своего брата.

На него можно было положиться. Поначалу истэблишмент встретил его

настороженно, «общество» нового короля совсем не знало. Оно страшилось неизвестности и сомнения эти были озвучены лордом Бивербруком – «что бы из себя ни представлял Эдвард, но мы его знали, со всеми его достоинствами и недостатками, мы знали, чего мы можем от него ждать, а теперь нам придётся выстраивать отношения заново.» Поскольку новый король всю свою сознательную жизнь сторонился «внимания толпы», то очень легко было поверить в тут же начавшие распространяться слухи, а слухи эти были не очень лестными, утверждалось, например, что новый король *mentally and physically ill*, то-есть «умственно и физически неполноценен», в день коронации с утра по Лондону дуновением пронеслось – «у Георга эпилептический припадок», следствием слуха стал обвал на лондонской бирже. Заинтересованы в этих слухах были Германия и Америка, так что источником их могли быть либо немцы, либо американцы, а может быть и те, и другие разом. Но жалеть Семью не стоит, она тоже была не лыком шита и понимала, что война это всегда война, даже если она и ведётся при помощи слов. После встречи герцога и герцогини Виндзорских с Гитлером по Европе пополз слухок о том, что Уоллис на самом деле – гермафродит. Источник слуха остался неизвестным, но если вспомнить о том, что первой связала вместе слова «Уоллис» и «публичный дом» очень хорошо знавшая, что такое долг королева Мать, то догадаться кто отлил словесную пулю «дум-дум» несложно.

Сомнения в способностях Георга развеялись очень быстро, да и неудивительно, у него было целых два союзника и каких союзника! На его стороне были Церковь и жена. Что такое Церковь, понятно всем, а что такое хорошая жена понятно не только всем, но ещё и каждому. Роль Церкви переоценить трудно, насколько Архиепископ Кентерберийский ненавидел Эдварда VIII, настолько же он стремился оказать поддержку новому королю. В день первого радиообращения Георга VI к нации Архиепископ выступил с проповедью, а потом рассказал радиослушателям о том, что у короля трудности с речью, это выглядело как разумный шаг – после того, как страна привыкла к частым выступлениям Эдварда VIII, в самом буквальном смысле заливавшегося соловьём, то у слушателей возникло бы по меньшей мере недоумение от обращения Георга, говорившего без выражения и делавшего долгие паузы между фразами. Однако разумность разумностью, но Архиепископ вложил в свою речь и личное – он сумел подобрать такие слова, он так проникновенно рассказал о том, как король переживает по поводу своего недостатка, как он борется с ним, что у людей, ещё даже не услышавших Георга, уже возникло к нему чувство симпатии. Великое дело, когда Церковь на вашей стороне. Ну, а жена... С женой Георгу повезло. Такое иногда случается.

49

Считается, что мир принадлежит мужчинам, даже и песня такая есть – *It's a Man's, Man's, Man's World*, поёт эту песню, конечно же, мужчина, хорошо поёт, с чувством. Однако, не успев поведать развесившим уши любителям музыки на что он способен, расхваставшийся мужчина наш, самоутвердившись, переходит от лирики к суровой правде жизни и неожиданно признаётся нам и самому себе, что мир «*wouldn't be nothing without a woman*». Ещё бы! Можно подумать, что мы без него этого не знали. Адам вон ребра не пожалел, а скажи ему тогда: «Мало ребра, два давай!», так он и два бы отдал, да ещё и третье в придачу, куда ж Адаму без бабы-то? Куда мужику без Евы?

Король, каким бы удивительным это кое-кому ни показалось, тоже мужчина и ему тоже нужна женщина, королю нужна королева. Возьмём колоду карт, раскинем и тут же обнаружим, что королю червовому идёт в пару королева червей, а королю пиковому – королева пик. Масти разные, но каждому королю – по королеве, без королевы нет королевства. Нет дома.

Но дальше начинаются сложности, дело в том, что хоть король и королева тоже люди, тоже человеки, но в то же время они люди и человеки не совсем те же, что и мы, и если даже и у нас порой случается брак по расчёту, то между королями и королевами такие браки не исключение, а норма. Королевский брак входит составной частичкой в понятие «долг», король женится, а королева выходит замуж не по любви, а по расчёту, только расчёт у них не наш с вами, расчёт не маленький, там речь идёт об интересах государства и ладно бы одного. Ну, а брак по расчёту это дело такое – сыграв очень красивую королевскую свадьбу, король и королева начинают жить отдельными жизнями, каждый своей, на троне сидят вместе, а спят врозь. Бывает, что даже и дети у них у каждого – свои. А те, что считаются общими – вроде бы братья и сёстры, а друг на друга не похожи. Ни внешне, ни по повадкам. Но при этом принцы и принцессы, а как же. Никуда не денешься, Семья. Долг – штука

Но в любом правиле бывают исключения. Бывают исключения и в королевских браках по расчёту, редко, но случаются счастливые королевские семьи, семьи настоящие, совсем как у нас с вами. Тёплые семьи. Не карточные, а человеческие. Вот такая семья была у Георга. И стала семья семьёй милостью королевы. Матери нынешней английской королевы Елизаветы II, тоже Елизаветы. Вступая в брак, она очень долго колебалась, будущий король Георг делал ей предложение три раза, время подумать у неё было и она его даром не теряла, она всё обдумала, она всё взвесила. В конце концов согласившись, она знала, на что она идёт, она вошла в семью с широко открытыми глазами, она вполне отдавала себе отчёт в том, какая жизнь её ждёт и она была к ней готова. (Какой разительный контраст с принцессой Дайаной, которая представляла себе жизнь во дворце как мультфильм наяву и вела себя тоже так же – как героиня какой-нибудь «Золушки».)

Георг получил не только любящую жену, но и политического союзника, причём союзника завидного, Гитлер называл королеву Елизавету «самой опасной женщиной в Европе». И его мнение имело под собой все основания, Елизавета была умной, острой на язык, не теряющейся в любой ситуации женщиной. Это на бытовом уровне, но и этого хватило для того, чтобы мгновенно перебросить мостик между новеньким, с пылу с жару королём, и опасавшимся неизвестности «обществом». Стоило Елизавете «выйти в свет» и все облегчённо вздохнули: «Она – наша, она – одна из нас.» Что да, то да, на Уоллис Симпсон Елизавета была непохожа.

Но главное было в другом, Елизавета была гением того, что нынче принято называть «пиаром», она тонко чувствовала не так даже отдельных людей (хотя и это тоже), как «массу», «толпу» и умела любое событие вывернуть себе на пользу. «Себе» означало – королю. В нужные моменты она ловко отходила в тень и все лавры доставались мужу. Она очень хорошо понимала, что такое «долг». Она понимала, что без короля нет и королевы, она понимала, что жена женою, а муж – мужем, она понимала, что мужчина на троне – это мужчина в квадрате и она возводила королевское достоинство в следующую степень, она была неглупа, Елизавета Бауэс-Лайон, младшая дочь графа Стрэтморского, вышедшая когда-то замуж за неприметного заику.

50

В чём состоит работа монарха? 99.99 % людей полагают, что работа короля завидна до степени тоже королевской, не жизнь, а малина – балы, приёмы, «красная дорожка», гимн, почётный караул, подпись под, любая баба, любая прихоть, кого захотел – к ногтю, в Берёзово, кого захотел – так и вообще того-с, на эшафот, кого-то – в отставку, кому-то – звезду на грудь, в общем, сплошной «Орден Подвязки», завидуй, смерд, завидуй завистью смертной, обзавидуйся, гад.

Но на самом деле жизни королевской завидовать не стоит. Король себе не принадлежит, он принадлежит народу. И если король делает с народом то, что народ позволит с собою делать, то вот народ делает с королём то, что захочет. И вот за это, за народное «хотение» и идёт извечная борьба между тем, кто властью обладает и тем, кто власти вожделеет. Если власть не хочет перестать быть властью, она должна быть тем, что народ желает в ней видеть и не дай Бог ошибиться, не дай Бог сфальшивить. Лгать нельзя. Лгать не словами, а лгать собою – смерти подобно.

Король рождается королём. Уже в колыбели, ещё не умея вымолвить ни слова, ещё только гугукая, он знает, что он – король, он знает, что на него уже смотрит мир. Родившийся в королевском дворце, пускающий пузыри и писающий под себя младенец с первых дней оказывается в школе, по сравнению с которой солдатская казарма, тюремная камера или какой-нибудь «Шао-Линь» это добрый детский садик советских времён с воспитательницей тётей Людой и «тихим часом». Будущий король учится главному – ответственности, ответственности не за себя, этому нам учиться не надо, это называется «инстинктом», хотя встречаются товарищи и мы все их знаем, у которых даже и инстинкта нет, король же учится ответственности за всех нас разом, за то, что мы называем «государством». Он учится пониманию того, что безопасность миллионов людей будет зависеть от его слова (а как неосторожны бывают иногда наши слова!), от его поступка (а как опрометчивы бываем мы в наших поступках!), глядя бессмысленными круглыми глазами на суесящихся вокруг колыбели кормилиц, он учится знать, что когда он вырастет, люди (люди злые и умные) будут ловить

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
малейшее изменение выражения его глаз, их чуткое ухо будет пытаться услышать смену тембра его голоса и если он сделает ошибку и не сможет скрыть своих мыслей, то умрут тысячи людей, десятки тысяч, миллионы. Погибнет государство и погибнет потому, что в кузнице не оказалось гвоздя и не оказалось его там по его вине, просто потому, что ответственность за всё происходящее лежит на нём, кивать ему не на кого, выше его – только Бог. У короля нет лазейки, он не может сказать «мне достался не тот народ» по той простой причине, что он народ и есть, король знает, что народ сделал его своими глазами, чтобы он вёл государственный корабль узким и полным опасностей фарватером и король всегда помнит, что народ знает одну немудрящую истину – «если око твоё искушает тебя – вырви его».

В этом смысле чрезвычайно поучительно проследить за тем, как вела себя королевская чета (их трудно отделить друг от друга, муж и жена – один сатана) во время войны. До войны был Букингэмский дворец и там варилась какая-то кашка, народ видел смену политиков и политики и верил, что всё, что ни делается, делается к его, народа, благу, но вот когда война началась, то власти поневоле пришлось выйти наружу, война обнажает многие вещи, упрощает их, но, упрощая их для народа, она одновременно же усложняет всё для власти, ведь ей приходится стать честной. Перед народом, а это значит и перед самой собой, обманывая себя войну не выиграешь.

Первое, с чего начала власть – она показала, что она несёт те же тяготы, что и все. 8 января 1940 года Англия ввела карточки на продовольствие. То, что вчера продавалось в магазинах, из свободной продажи исчезло. Масло, сахар, бекон, ветчина, ну и всякое разное другое. Появились «нормы отпуска». 4 унции на человека в неделю. Вместо масла – маргарин. Всем тут же стало несладко. Несладко стало и королевской семье, всю войну она демонстративно получала продовольствие по карточкам и питалась точно так же, как и вся страна. Король ел то же, что и «человек с улицы». Было распахано и засеяно поле для гольфа у Виндзорского замка. И это тоже могли видеть все. В 1942 году Англию посетила жена американского президента Элеонора Рузвельт. Её поселили в королевских покоях. Главное, что её поразило – холод во дворце. Отопление было отключено в целях экономии. Когда она захотела принять душ, то обнаружила, что вода во дворец подаётся только несколько часов в день и тоже из соображений экономии. Когда её усадили за стол, то изумление её превзошло все границы – на стол (на королевский стол!) подавалось лишь то, что можно было получить по карточкам. Но зато подавалось это «лишь то» на золотых и серебряных столовых приборах. Красоту этого символа, глубочайший смысл «пайки на золоте» не увидела русская элита в 17-м году, она не захотела жить одной жизнью с народом и была сметена ещё и поэтому, по причине отказавшего ей эстетического чувства. В отличие от элиты русской элита английская нос держала по ветру, её уговаривать не приходилось, во время войны в Англии появилась мода на потрёпанную одежду. Именно так – мода! Стало модно демонстрировать даже своим внешним видом, что человек «служит», что он «отдаёт всё для победы». Какой контраст с «блядьми в шампанском» и «княжескими приёмами» в России времён Первой Мировой. Между прочим, именно это, нежелание разложить ношу войны на всех, сегодня преподносится как одно из свидетельств того, что Россия вела войну «вполсилы» в отличие от тех же Германии и Англии. Недостаток выдаётся за достоинство. Экая слепота!

Но вернёмся к Англии. Королевская чета вменила себе в обязанность поддерживать в нации боевой дух и с этой целью король и королева почти каждый день посещали наиболее пострадавшие от бомбёжек районы Лондона. Напомню, что к концу войны треть Лондона была разрушена, прикиньте, что это значит – треть десятиmillionного города. В первый визит толпа встретила своих короля и королеву угрюмым молчанием. Дело было во внешнем виде королевы. Елизавета старательно (и подозреваю, что сознательно) культивировала лёгкое «дурновкусие», её наряды грешили, если так можно выразиться, неким «мещанством», это позволяло жёнам «элиты» смотреть на неё слегка свысока и прощать ей её ум, простонародье же просто обожало королеву именно за это – за все эти рюшечки и оборочки. Ну и вот, когда королева появилась на развалинах, разряженная как рождественская ёлка, это не могло не вызвать соответствующей реакции. Уж слишком вызывающ был контраст между грудами щёбня и лаковыми туфлями Елизаветы. Между дымящимися развалинами и её шляпкой с перьями. На следующий день королева, как ни в чём не бывало, приехала в разбомбленный район в наряде, ничем не уступавшим предыдущему. В толпе раздался ропот. На следующий день – то же самое, только ропот стал громче. Следовало что-то предпринять, замалчивание народного недовольства это хуже, чем преступление, это ошибка, а государство во время войны не

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
может позволить себе делать ошибки. И Елизавета сделала заявление, сказала она следующее: «Ко мне во дворец приходят посетители, они стараются выказать мне уважение, они надевают на себя лучшее, что у них есть (their Sunday best), как же я могу поступать иначе? Когда я, в свою очередь, навещаю людей в их радости или в их горе, я тоже надеваю всё лучшее, что есть у меня. Это просто знак уважения.» На следующий же день толпа встретила королевскую чету аплодисментами.

Если вы хотите, чтобы народ вас уважал, вы должны поступать так, чтобы это уважение вызвать. В один из выездов королева увидела какую-то несчастную, тщетно пытавшуюся выманить забившуюся под развалины перепуганную собаку. Елизавета подошла и осторожно притронулась к плечу заплаканной женщины. «Позвольте мне, – сказала она, – я умею ладить с собаками.» Во время другого визита кто-то в толпе громко сказал: «Боже, спасибо за хорошего короля!» «Боже, спасибо за хороший народ!» – тут же откликнулся Георг. За годы войны Букингэмский дворец бомбили девять раз. 13 сентября 1940 года в него попало две бомбы, одна из них разорвалась в тридцати метрах от помещения, где находился король и его секретарь, Хардинг. Елизавета тут же заявила: «Я рада, что нас бомбили, теперь я могу смотреть в лицо Ист-Энду.» ПиАр – это не то, что под этим понимается сегодня, ПиАр это поступки и слова Елизаветы, если власть хочет быть властью, её слова и её поступки должны соответствовать тому, чего ждёт от власти народ. И, повторюсь, тут не только лгать, но даже и фальшивить нельзя. У народа не только тонкое чутьё, народ ещё и всегда всё знает. Народ всё-всё знает про какую-нибудь Аллу Пугачёву, что уж говорить о власти. Народ знает власть лучше, чем власть знает сама себя.

51

Работа монарха заключается в том, чтобы быть монархом. Много это или мало? Трудно это или легко? Трудно ли быть, а не казаться? Трудно ли быть человеком, «принимающим решения»? Тут иногда стоишь перед полкой, колеблешься, не зная, какой фильм посмотреть, постоишь, постоишь, да и махнёшь рукой, решишься – «вот этот, авось, не поскучаю». А монарх так же колеблется, стоя перед выбором начинать ли войну или не начинать. А если начинать, то когда, а если именно в этот, определённый день, то на чьей стороне, и какому шпиону поверить, вот этому или вон тому, и на кого опереться, на преданного дурака или на умника, который в сторону посматривает, он ведь на то и умник, чтобы по сторонам зыркать, ну и так далее. «Решать вам не перерешать.»

Кого назначить премьер-министром, каким образом заставить войти в коалицию представителей враждующих политических партий? Как увязать их интересы, как заставить этого тянитолкая тянуть и толкать в одну сторону, в ту, которая выгодна государству? В какую точку государственной машины капнуть маслица из маслёнки? Какой из болтов затянуть, а какой вообще заменить? Вот я бы точно не смог быть таким помазанным на царство механиком, куда мне, тут капот машины откроешь, глянешь туда, да тут же поскорее и захопнешь, пока от вида автомобильных потрохов голова кругом не пошла, а у монарха ведь не «школа» какая-нибудь дурацкая, у него автомобилем такой, что нам и не снился, и ему ведь и рулить приходится, и на педалю давить, и колесо в случае чего подкачать, и ослабший приводной ремень сменить, и свечи, чёрт, про свечи я совсем забыл, а монарху бедному про всё помнить приходится, а бензин, бензин-то нынче дорог, а до заправки ещё катить и катить, а тут ещё сзади сигналят, обогнать хотят, фарами моргают и тут из-за поворота, по встрече – пьяный! Атас! «Крепче за баранку держись, шофёр!»

А кроме всего прочего, кроме умения с закрытыми глазами мотор разобрать, а потом собрать так, чтобы ни одной гайки лишней не осталось, водила наш должен и выглядеть соответствующим образом, на него все смотрят, да и он сам себя время от времени мысленным взором окидывает, он ведь шофёр, он ведь всем ребятам пример, он и чисто выбрит, и кожанка на нём поскрипывает, и очки-консервы, и шарф белый, шёлковый, точь в точь как на Айседоре, и кепун, и перчатки с раструбами, со стороны глянешь – картинка, с шипом, со свистом, по шоссе – вж-жик, пацан, что на обочине стоит, даже и палец из носа вынуть не успеет, только передохнёт, да проводит бессмысленным взлядом. «Да провались оно всё, – подумает пацан, глядя на опустевшую, уходящую за горизонт дорогу, – вырасту, буду дальнбойщиком!»

Шофёр без машины – просто человек, а автомобиль без водителя – просто кусок железа с четырьмя колёсами, иногда красивый, иногда не очень, и только

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
когда водитель садится за руль получается кентавр. «И-и-эх, прокачу!» То же и в случае власти и государства, одно не мыслимо без другого. Сочетаясь же, они образуют дом, в котором мы с вами живём. В мирное время власть иногда прячется, делает вид, что её нет, понарошку, конечно же, малышня, тоже понарошку, делает вид, что в это верит, некоторые, из тех, правда, что попроще, верят по настоящему, даже и шалить начинают, пока их в угол не поставят, но во время войны власть не только выходит наружу, но ещё и всячески себя выпячивает, каждодневно и ежеминутно нам всем напоминает – «тут я, никуда не делась, не бойтесь, трусишки, и ужо вам, баловники, смотрите у меня, а то я вам добалуюсь.» Сталин, оставшийся в Москве в 1941-м. Помните? Точно так же и Георг VI, после начала бомбардировок, отправив детей, принцессу Елизавету, будущую королеву Елизавету II и её младшую сестрёнку, принцессу Маргарет в Виндзорский замок (считалось, что там, за толстыми средневековыми стенами, безопаснее), сам остался в Лондоне. И эффект был точно тот же, что и в случае со Сталиным. Водитель на месте, значит всё будет в порядке. «Руль в надёжных руках.» Солидарность имеет значение огромное, то самое чувство локтя, «мы спина к спине у мачты против тысячи вдвоём!» Лондонцы тут же запели песенку:

The king is still in London town

with Mr. Jones and Mr. Brown.

Проявляя ложно понятое верноподданничество, окол властная публика через прессу начала оказывать давление на королевскую чету с тем, чтобы обе принцессы были отправлены в Канаду. Воспользовавшись предоставившейся возможностью, от лица Букингэмского дворца тут же выступила королева Елизавета и разом убила нескольких пропагандистских зайцев. «Дети никуда не уедут без меня, я никуда не уеду без мужа, а король никогда и ни при каких обстоятельствах не покинет Англию.»

Но это во время уже разразившейся войны. У монарха же, кроме кроме проявления солидарности и обязанности быть живым символом единения нации, есть обязанности и другие, иногда случается так, что влетишь на машине в ямину, да проьёшь днище, а утром глядь – масло всё и вытекло. Что делать, хочешь не хочешь, а топаешь пешочком в магазин, за маслом. Без сливочного масла шофёр переживёт, в крайнем случае на маргарине себе яичницу зажарит, а вот без масла машинного машина не поедет. «А ехать надо.» В мае 1939 года, за пару месяцев до начала мировой войны, король и королева отправились за океан. Объявлено было, что они едут с официальным визитом в Канаду. На причале их провожали выстроившиеся в шеренгу члены Кабинета, Королева Мать прослезилась, обе малыньки принцессы махали платочками, тысячи зевак и работников порта кричали: «God bless you!» Когда они оказались в Канаде, то последовало «неожиданное» приглашение от президента Рузвельта. Он предлагал Георгу посетить Соединённые Штаты. Первый визит английского короля в бывшую колонию. Георг согласился. У Америки была причина пригласить, у Англии была причина приглашение принять, английскому автомобилю нужно было машинное масло, нужно позарез, нужно срочно, нужно так, что за ним отправился сам водитель.

52

Через океан король с королевой поплыли на корабле. Государственный визит – дело серьёзное и все детали его продумываются со всей тщательностью. Взаимоотношения между государствами исполнены символики, пыливый глаз может многое увидеть, вникая в детали и детальки. Сперва было решено, что Георг с женой отправятся в Северную Америку на линейном крейсере «Рипалс», что означает «Отпор». Однако в последний момент роскошь была сменена на простое средство передвижения, красавец крейсер на лайнер под прозаическим названием «Императрица Австралии». Однако скромница императрица была далеко не проста, лайнер был выстроен в Германии, после поражения Германии в Первой мировой он под предлогом выплаты репараций был отнят у Германии Англией и теперь плавал по морям океанам под английским флагом. И под английским названием, конечно. До того же, как сменить подданство, корабль назывался «Тирпиц».

Королевская чета плыла в Америку на корабле трофейном, победитель плыл на корабле побеждённого. Источником демонстративности было вот что – английская сторона знала, что когда Эдвард со своей милой совершал визит в Германию (а визиту этому немецкой стороной была придана вся возможная в тех условиях официальность), то герцог Виндзорский по простоте своей, а также

по причинам сентиментальным, выразил желание постетить королевский дворец в Вюртембурге. Немцы герцогу отказали, но он проявил неуместную в его положении настойчивость и добился своего. Когда его провели внутрь, то там он увидел гигантскую карту мира, окрашенную всего в два цвета – в красный и чёрный, красными были все государства планеты, причём интенсивность красного цвета менялась в зависимости от того, какой процент населения данного государства составляло немецкое «меньшинство». Кроме занимательной карты по стенам дворца были развешаны увеличенные до нескольких квадратных метров фотографии, на которых были запечатлены нацистские парады. Не в Германии, нет. В Чикаго и в Нью-Джерси.

В самом корабле и в его названии крылся и ещё один намёк. Напомню, что дело происходило в 1939 году, за целый год до заявления Кея Питтмана, помните такого? Ну как же, он ещё был главой сенатского комитета, тот самый торопыга Питтман, что выболтал то, что было у Америки на уме. «Пусть Англия перегонит свой флот в Америку, а сама капитулирует.» Сказал он это в 1940, а вот что писали американские газеты (не правительство, Боже упаси, а всего лишь какие-то газеты, «частная лавочка») перед визитом Георга в 1939 году – «...if he [Король Англии и Император Индии] took a notion, he could – theoretically – auction off the British Navy tomorrow to Germany, Japan, Italy, Russia or any other country. It ought to bring a good price, and he «owns» it personally.» Кавычки слева и справа от «принадлежит» и словечко «theoretically» не должны восприниматься уж слишком буквально, это всего лишь дань не только тогдашней, но даже и сегодняшней политкорректности, ну в самом деле, как людям объяснишь, что дело обстоит именно таким образом – захочет король, попадёт ему такая вожжа под хвост, и – выставит на аукцион всё, что ему заблагорассудится, да вот хотя бы и Королевский флот. «Сарынь на кичку!» Налетай!

Но зачем же король с королевой отправились в Америку, чего они там не видели? В визите был заинтересован Рузвельт, это да, это понятно, он уже летом 1939 года ничуть не хуже англичан знал, что война – вот она, на носу сидит. И сколько руками ни маши, никуда её не сгонишь. Рузвельту нужен был любой повод, чтобы растолкать Америку, убаюканную «изоляционизмом», даром что он сам в эту же дуду дудел вот уже лет десять. Но какой резон в визите для Георга? А резон был и резон очень существенный, такой существенный, что ему пришлось в Америку отправиться самому. Дело было в том, что из Лондона была видна вся перспектива, Букингэмскому дворцу заранее было известно, что в случае войны с «Европой» ему потребуются деньги, а деньги эти он мог взять только за океаном. Англия заранее была готова к тому, что Америка начнёт её «раздевать», проблема, однако, была в том, что Америка хотела не только английскую одежду. Америка хотела, чтобы ей за услуги по раздеванию сам раздеваемый ещё и заплатил. Америка в 1939 году хотела, чтобы Англия сперва вернула долг за Первую Мировую. Пять миллиардов долларов. Ограбляемый должен был заплатить за своё ограбление. И у Англии не было выхода, она готова была платить, да беда была в том, что платить было нечем. Английская казна была пуста. Американцы в это не верили, «братан, да ты чего? за дурака меня держишь? как это – денег нет?!» Для того, чтобы убедить американскую сторону в собственной неплатёжеспособности и потребовался визит высшего в государстве «авторитета», визит короля.

Визит удался. Требование своё американцы сняли. Они решили ограничиться «одежкой» и «брюликами». Кроме этого их национальному самолюбию льстило унижение тогдашней державы #1. Да ещё и в форме унижения того, кто её представлял. Ну как же! К нам сосед пожаловал, хозяин имения, а мы к нему даже не вышли, мы к нему управляющего на порог выпустили и он там с ним «все вопросы решил». А каким ходил гордецом, а? Работа монарха ещё и в этом, он идёт на всё, что потребно для сохранения государства. Он готов принести в жертву всё, что угодно, даже и собственное самолюбие. Он ломает себя. Ну, или она.

У Рузвельта был такой помощник, всемогущий Гарри Хопкинс. Подобрать ключик к нему, значило подобрать ключик к самому Рузвельту. Подобрать ключик к нему было непросто, он был человек недоверчивый, да к тому же он не любил англичан. Но у каждого человека есть слабость, была такая слабость и у Хопкинса, слабостью была его маленькая дочка, которую он обожал. И вот эта маленькая дочка после официального приёма высоких английских гостей громко высказала своё недоумение – как же так, она так много слышала про королев, она даже их видела на картинках во всяких книжках, она ожидала Fairly Queen, а в жизни королева оказалась самой обыкновенной женщиной в самой обыкновенной одежде. Какое разочарование! Девочку успокоили, пообещав ей

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
мороженное или новую куклу, но каким-то образом об этом маленьком происшествии стало известно английской стороне. И когда Белый Дом устроил в честь гостей «чал», положение обязывало, протокол и всё такое, то Елизавета облачилась во всё самое-самое, водрузила на голову алмазную диадему и отправилась на банкет. Но по дороге автомобильный кортеж сделал крюк, он остановился у дома Хопкинса, Елизавета постучалась, объяснилась, время было позднее, девочка уже спала, королева, шурша бальным платьем, поднялась к ней в спальню и щёлкнула выключателем.

Voilà!

Дочка Хопкинса получила свою королеву из сказки. Не приходится говорить, что сердце Хопкинса было размягчено, этого королевского жеста он не мог забыть до гроба. Про девочку и говорить нечего. Красиво, трогательно и всё такое, но за скобками остаётся вопрос – а каково было королеве?

А каково было королю?

Вот вам такой штришок – после очередной встречи «за закрытыми дверями» Рузвельт сказал Георгу: «Ну, что ж, молодой человек, мы сегодня славно поработали. Пора и отдохнуть.» И похлопал Георга по коленке. Это называется дипломатией. Одна сторона пытается вывести другую из равновесия. Она её провоцирует в надежде, что та, потеряв над собой контроль, сделает ошибку. Короля – по коленочке. Хлоп-хлоп-хлоп. Человеку сорока четырёх лет от роду – «молодой человек». Георг, не изменив не то, что выражения лица, но даже и выражение глаз, с улыбкой ответил: «И почему мои министры не обращаются ко мне так же?» Он обернул всё в шутку, королей учат владеть собой. Но уверенность королю давала ещё и другое.

Когда королевская чета прибыла в Вашингтон, её встречала шестисоттысячная толпа. Когда Георг с Елизаветой отправились в Нью-Йорк, на улицы вышло три с половиной миллиона человек. Помните, что говорил королевский советник отцу Георга VI? «На свете нет больших монархистов, чем американцы.» Старик был прав. Всему на свете бывает конец, настал и последний день визита в Америку. Когда поезд с королём тронулся, отходя от перрона Юнион Стейшн, собравшаяся толпа (американская толпа!) стихийно запела «Auld Lang Syne», старую шотландскую песню на слова Роберта Бёрнса. Когда Америка показывала себя Георгу, она показывала себя Англии, и Америке было что показать, но и у Англии нашлось, что показать в ответ. Она показала Америке Монарха. И трудно сказать, кто кого впечатлил больше.

Возвращаясь к дипломатии. Точно тот же приём, что и Рузвельт, пустил в ход Хрущёв в 1961 году, встречаясь в Вене с Кеннеди. Он даже и слова использовал те же. «Молодой человек...» – начал он, обращаясь к американскому президенту. Кеннеди, прерывая его, тут же поднялся, гордо выпрямился и отчеканил: «Я – президент Соединённых Штатов!» В этом эпизоде Кеннеди проиграл, Хрущёв оказался умнее, ему удалось задеть соперника, задеть так, что тот не смог этого скрыть. Может быть и так, что благодаря именно этому эпизоду Хрущёву удалось переиграть Кеннеди во время Карибского кризиса. Во время личной встречи Хрущёв показал Кеннеди, что он сильнее.

Политики не только наносят удары словами, но они ещё и шутят. В феврале 1975 года состоялся визит премьер-министра Великобритании Гарольда Вильсона в Москву. Перед визитом Вильсону донесли, что Брежнев перенёс тяжёлую болезнь, что он плох, что неизвестно даже, может ли он говорить. Как Брежнев узнал о том, что англичане сомневаются в его способности двигать языком, неизвестно, наверное, сорока на хвосте принесла, но когда самолёт с английской делегацией приземлился в Москве, у трапа её встретил лично Леонид Ильич. Сыграли гимны, прошёл почётный караул, хозяева и гости направились к зданию аэропорта. А там, откуда ни возьмись – телевизионщики. Брежнев остановился, остановились и все остальные. Перед наведёнными камерами Леонид Ильич дал интервью советскому телевидению. Москва, февраль. «Взлётные огни аэродрома.» Позёмка. Плотный Брежнев в драповом пальто, в мохеровом шарфе, в пыжиковой шапке. А рядом – съевшийся Гарольд Вильсон в демисезонном пальтишке с поднятым воротником, с встопорщенными ветром волосами, в туфлях на тонкой подошве. Брежнев говорил минут двадцать, про добрые отношения между странами, про взаимовыгодную торговлю, про мир во всём мире. Когда Вильсон уже посинел, Брежнев закончил говорить, сделал приглашающий жест рукой и делегации поспешили к ожидающим их автомобилям.

Леонид Ильич был остроумным человеком. Мы все любим шутку, все ценим юмор.

Но Брежнев не только шутил, он ещё делал это к месту, а это сумеет далеко не каждый.

53

Как Англия ни старалась, каких усилий ни прикладывала, как ни ловчила, как ни выворачивалась, но войну она проиграла. Ушло в небытие самое большое на планете государство. Главным итогом Второй Мировой Войны стало исчезновение с политической карты мира Британской Империи. Как там в народе говорят? «Как ни болела, но померла»? Вот так же и с Англией, болела болезная, болела долго, болела трудно, но вот только умирать не захотела, жива осталась, решила ещё немножко небо покоптить. Кричат ей соседи, руку ко рту прикладывая: «Как ты там? Ты жива ль ещё, моя старушка?» «Жива, жива...» – сварливо отвечает бабка, а потом, погромев чугушками, пробурчит под нос, так, что никто не слышит: «Не дождётесь.»

Каким образом Англии удалось найти новое место в прекрасном новом мире, в мире, изменившемся до неузнаваемости? Как так вышло, что в новом лесу, поднявшемся на месте старого, появилась на опушке избушка на курьих ножках? И поворачивается та избушка к добру молодцу то передом, то задом, и поворачивается тогда, когда сама захочет, а не тогда, когда добрый молодец нужное слово произнесёт.

Чем интересен для нас пример послевоенной Англии? Что мы можем из него извлечь? Почему бы не поучиться у победителя, у Америки? Вон как у неё всё хорошо. Люди с либеральным складом ума так прямо и говорят: «Секретов никаких, в Америке всё хорошо потому, что Демократия, а ещё потому, что «Работать, Работать Надо!», вон маленький демократический чистильщик сапог демократически чистил демократическую обувь, да десятицентовые монетки в жестяную банку складывал, одну монетку, другую, третью, а там глядь – уже и миллионер!»

Пример хороший, пример замечательный, пример завлекательный до того, что находится в мире великое множество маленьких чистильщиков, и устанавливают они у себя такие порядки, когда каждый мальчонка может поставить на углу ящик со щётками и чистить, чистить чужую обувь, чистить до усёру, да потом ещё и бархоткой по ней пройтись, да ещё и подышать на неё, а потом рукавом протереть, а потом честно заработанные десять центов бережно в банку положить. Ну, а затем ему только и остаётся, что ждать. «Дело верное, без обману!» К утру, если не к завтрашнему, так к послезавтрашнему обязательно из каждой десятицентовой монетки вырастет по золотому. Демократия – это ведь Поле Чудес, вы что, этого не знали, что ли?

Но демократия демократией, чистильщик чистильщиком, а Англия, как то водится, Англией. Повторим вопрос – чем так уж интересны передраги, приключившиеся с «англичанкой»? Нам-то что до них? Наше дело щётками наяривать, да монетки – в банку, вон она уже наполовину полна, тяжёленькая, это сколько ж мороженого можно закупить, а тут к нам лезут с какой-то мисс Марпл, да чтоб она сдохла, дура старая.

Дура-то она дура, кто б спорил, да вот только чужие штиблеты она не чистит.

Англия потеряла Империю. От Британской Империи осталась Великобритания. Вроде бы это что-то нам напоминает, но с другой стороны такая досадная мелочь с кем только не случалась. Подумаешь, у них Великобритания, у нас – РФ, эка невидаль. И ведь действительно – никакой невидали в том, что все рано или поздно проигрывают, нет, но стоит нам начать думать в эту сторону и мы неизбежно приходим вот к чему – есть, есть одна маленькая, крошечная, не бросающаяся в глаза деталька, которая делает английский опыт бесценным. Только для нас бесценным. Дело в том, что англичанам, проигравшим войну, об этом не рассказали. О проигрыше, о проигрыше не рассказали. Проигрыш от них утаили. И не только утаили, но ещё и преподнесли этот проигрыш как выигрыш. «Англия как один из победителей во Второй Мировой.» Верят ли в это сами англичане? Или как всегда притворяются? А верят ли русские в то, что по итогам Холодной Войны они тоже оказались в победителях? Русским ведь тоже не сказали – «вы, дорогие, проиграли войну!» Немцам вон не только сказали про их проигрыш, но ещё этот проигрыш и показали так убедительно, что дальше просто и некуда. И французы тоже могут корчить из себя победителей сколько влезет, но всем вокруг и им самим яснее ясного, что и они проиграли. Но вот с тогдашними англичанами и сегодняшними русскими вопрос далеко не так прост. Верили ли англичане в свою победу или только

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
прикидывались? Верят ли сегодня русские, что они живут в государстве победителе или тоже только прикидываются? Сразу и не скажешь. А ведь что англичане, что русские, ох, как себе на уме. И на каком уме! Они ведь, прежде чем проиграть, по такому дому себе отгрохали, какой другим и снится не снился.

Английский опыт интересен потому, что англичане прошли через него первыми. Из нашего сегодня мы можем бросить взгляд во вчера и посмотреть, что делали англичане, чтобы остаться англичанами. Каким образом англичанину удалось не превратиться в чистильщика чужих сапог. Дело опять же в отчётливом осознании случившегося верхушкой общества, теми, кого мы называем нерусским словом «элита», английскими «боярами». Они оказались в мире, где правила бал победители, титаны, два звероящера, каких не видел свет – США и СССР. Они, рыча друг на друга, расхватывали английское наследство, и выбор у Англии был неширок, она, может, и хотела бы отсидеться в стороне, отдышаться, да только кто бы ей позволил! И ей не позволяли. Не позволял в первую очередь победитель, которому Англия предпочла проиграть, чтобы не проигрывать Германии, то-есть Америка. Англия проиграла войну в тот момент, когда она была превращена в американский «непотопляемый авианосец», когда там сел первый американский бомбардировщик. Американцы, как только прилетели, так сразу и сели, и так и сидят в Англии вот уже шестьдесят шесть лет. Вся послевоенная история Англии это попытки если и не избавиться совсем, то хотя бы снизить американское «присутствие» до более или менее приемлемого уровня. Борьбу эту англичане ведут с переменным успехом, но зато они преуспели в другом. В стене, которую выстроил вокруг них победитель, они нашли лазейку, щель, брешь, ведущую в мир, лежавший там, за стеной. Нашли они щель не тыкая наугад, а нашли они её там, где и ожидали найти. Те, кто имел свою империю, обладают опытом, которого нет больше ни у кого, they know things и англичане их знали.

Те, кто вчера имел собственную империю, оказались во власти новых хозяев мира, возжелавших построить империю для себя. Ну, что ж. Сила солому ломит. Что можно было сделать в той ситуации? Англия нашла выход, она решила, что в новой реальности, в новой, создающейся у неё на глазах картине мира она сама поставит себя на то место, которое сочтёт подходящим для себя она, а не победитель. Смирятся ли с этим на Капитолии? Англия по зрелому размышлению решила, что да, смирятся, не смогут не смириться.

В 1955 году, сидя в тесном кругу единомышленников, тогдашний премьер-министр Великобритании Гарольд МакМиллан в одном предложении сформулировал идею, захватившую в послевоенные годы умы тогдашней английской «элиты». Вот что он сказал: «Мы будем Афинами их Рима.»

Хотеть не вредно. Никто не хочет быть чистильщиком, все хотят быть миллионерами. Не у всех, правда, получается. То же самое и с Афинами. Не все даже знают, что это такое. Но Англия не только захотела, но она ещё и смогла. Как это ей удалось? Это было нелегко. Англия начала с того, что отбросила подсовывавшийся ей победителями ящик с сапожными щётками. К власти было приведено социалистическое правительство Эттли. Как писали 27 августа 1945 года английские газеты: «The Socialist era had officially begun.» и социалистическая эра не просто началась, ей был придан статус инаугурации. Социализм в Англии был провозглашён именем короля.

54

Власть бывает просто властью. Власть просто, власть без приставок – это та власть, что от нас прячется, она себя показывать не любит, вместо себя она показывает нам свои «ветви», ветви эти отнюдь не с того дерева, на котором растут оливки, ветки государства жёсткие, покрыты они шипами, ухватив их, по ветке в каждую руку, государство загоняет нас в загон, в стойло, там можно от непогоды спрятаться, там сенцо, а кому и овёс, туда волки не проберутся, словом, государство своими ветками загоняет нас, неразумных, к счастью. Ну, а чтоб не путаться, чтоб знать какую ветвь хватать в руку левую, а какую ветвь в руку правую, власть дала веткам названия, одна называется «власть исполнительная», другая – «власть законодательная».

В том случае если мы (для наглядности, исключительно для наглядности!) понятие «государство» очеловечим, то исполнительная власть – это «управляющий», строгий такой дядечка, если же продолжим придерживаться аналогий с загоном, то исполнительная власть это овчарка в нашем загоне. Злая овчарка. Как зарычит, так у нас, у бедных, сразу дух захватывает. «Ой,

боюсь, боюсь!» Забоишься тут, овчарка-то наша кроме того, что рычать, может ещё и кусаться. И кусаться преобильно. Со зверями дело иметь страшно, поэтому мы и предпочитаем смотреть на исполнительную власть как на человека, как на «управляющего», забывая при этом, что иной человек хуже волка. Но вот та власть, что власть просто, власть без затей, назовём её Властью, так вот она ни на минуту этого не забывает, она человека видит не то, что как голенького, она его, засранца, видит насквозь и, думая о нас всех, думая о своём «стаде», Власть ограничивает «управляющего», ставя его в некие рамки. Власть понимает, что не сделай она этого и управляющий в одном отдельно взятом хозяйстве такой беспредел учинит, что только держись. Власть устанавливает правила игры, для нас – жизнь, для неё – Игра, и то, и другое ведётся по правилам, «по понятиям», по законам. Законов множество, жизнь наша регламентирована таким количеством параграфов, что это просто уму непостижимо, но – ничего не поделаешь, хитрит управляющий, хитрим мы, ищет лазейки он, ищем лазейки мы, он думает, как бы ему украсть побольше, и нас тоже такая мыслишка нет-нет, да и посетит, а мы хоть и не в тельняшках, но нас много, и если каждый по лишнему клочку сена ухватит, то что ж от хозяйства-то останется? Вот то-то и оно. Закон нужен не только для овчарки, но и для последней тёлочки, даром, что у неё глаза такие добрые.

Но тут дело такое – Власть занята, Власть думает, хочется думать, что мысли те все о нас, но чужая душа – потёмки, так что о чём те властные думки я не знаю, но, как бы то ни было, при очевидной занятости Власти понятно, что она не может раз в неделю выходить со скрижалями на городскую площадь и зачитывать нам очередную 1001-ю заповедь. А потом поправки к этой тысяче и одной сказке, а потом поправки к поправкам, а потом сноски к поправкам поправок. Но Власть на то и Власть, чтобы находить выход из положения, она к одной ветке выломала себе где-то в заповедном лесу и вторую. И назвала её «исполнительной властью». Так даже и удобнее вышло. Люди пишут законы для других людей. Во всяком случае так оно внешне выглядит. Людишки – такие же как мы, маленькие, скромные. Серые. Сидят. Мозгут. «Законодатели.» Замечательно. И овцы целы и волки сыты. Называется место, где заседают такие люди по-разному, но есть оно во всех государствах. У русских оно называется «Думой». Отличное название. Сто миллионов человек – кто-то работает, кто-то баловством занимается, кто-то служит, кто-то просто так гуляет, кто-то по делу спешит, кто-то ест, кто-то водку пьёт, кто-то спит, а кто-то просыпается. Каждый при деле, и есть ещё специально отведённое для этого место, где подумать можно.

В общем, по зрелому размышлению выходит, что без законодателей нам никуда. Большое влияние оказывают они на жизнь государства. Есть своя Дума и в Англии. Называется она там Парламентом. В истории государства, для краткости называемого всеми просто Англией, было несколько Парламентов, не только круто менявших политический курс страны, но которые своими решениями меняли самые основы общества, фундамент, на котором стоит государство, меняли не больше и не меньше, как историю Англии. Случаи, когда английским Парламентом принимались решения не просто узловые, но эпохальные, можно пересчитать по пальцам одной руки. Ну вот как, скажем, Парламент 1534 года, постановивший, что отныне Британия будет протестантской. До 1534 года была одна Англия, а после 1534 стала Англия другая. Шутка ли! Одно государство сменило другое. Но за этим громадьём прячется ещё кое-что, вроде бы незаметное, но при этом – главное. Главное тут вот в чём – до 1534 года были одни англичане, а после 1534 года стали совсем другие. И назад вернуться нельзя. Точно так же, как до крещения Руси была одна Русь, а после крещения стала совсем другая и возврата больше нет. Раз! И сменилась матрица, которая штампует каждого из нас, человек, называющих себя русскими. То же и с англичанами, начиная с 1534 года всё в старой доброй Англии изменилось, заработал новый чекан, только не тот, что на монетном дворе стоит, а тот, на котором без остановки – бумц, шлёп, бумц, шлёп – только руки подставляй, делают англичан.

В одночасье сменилась картина мира, всё стало другим, всё-всё, вчера Папа – в авторитете, а сегодня Папа – «козёл». Вчера ты про Папу мог думать всякое и не всегда хорошее, а сегодня ты нехорошее не просто можешь думать, а – должен. Вчера ты нехорошие мысли про мать нашу церковь католическую сам от себя прятал и за языком следил, а сегодня ты уже мысли хорошие про неё про себя таишь, а вслух не просто должен, а обязан про неё же – всякие гадости. Но про короля, про Генриха VIII, ты, что раньше, что теперь – только и исключительно в самых лестных выражениях. Тут – тонкость. Изображение-то на тебе выбивают с двух сторон, что сверху, что снизу, это ты только думаешь, что можешь что-то утаить, спрятать, нет, шалишь, никаких гладкостей,

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
никаких недомолвок, подушкой большого пальца тебя потрут, а там – рисунок, там – выпуклость. Что на спине, что на брюхе. Спереди – номинал, кто ты, что ты, чем дышишь, чего ты стоишь, а сзади, во всю спину – герб. Аверс – реверс, орёл – решётка, причём решётка для всех, для каждого без исключения, но не все это понимают, иногда принимаются шуметь, идут на площадь, алкают свободы, всё чего-то ждут, каждый думает: «Не было ни гроша, да вдруг – алтын!» Это он про себя так думает, наш «каждый», про себя, про грошик. Алтын... Эх, люди, люди.

Ну так вот, одним из таких Парламентов, изменивших историю государства Англия, был Парламент 1945 года. В июле 1945 года половина англичан и англичанок демократичнейшим образом проголосовала за партию лейбористов. Впервые никогда такого даже и трети голосов собрать не могли. Говорить, что англичане что-то поняли не так или недопоняли, не приходится, ведя предвыборную кампанию, лейбористы своих намерений не скрывали, их целью «explicitly and avowedly» (то-есть «прямо и недвусмысленно») было построение социализма в одном отдельно взятом хозяйстве, в Англии. Победа социалистов была не просто впечатляющей, она была безоговорочной. Они получили 388 мест в Парламенте, на 224 места больше, чем они имели до выборов, консерваторы удержали за собою жалкие 193 места, ну, и заодно уж, социалисты фактически покончили с Либеральной Партией, в новом Парламенте либералы получили аж 11 мест. Зато коммунисты увеличили количество мест на целых 100 %, к имевшемуся депутату Уильяму Галлахеру они добавили ещё одного, вновь избранного законодателя-коммуниста. Звали товарища Филип Пиратин. Хорошее имя, как раз для Парламента, а уж для Парламента английского так и вовсе – в самый раз. Кроме прочих приятностей полученное социалистами подавляющее большинство в Парламенте означало, что они будут иметь возможность проводить удобные им (и Власти!) законы на протяжении всего парламентского срока, то-есть пяти лет. «Решения пятилетки – в жизнь!»

55

Как им это удалось? Помните, в самом начале этих заметок я уже выказывал удивление тем фактом, что в 1945 году был сброшен Черчилль, как же так, ведь он что тогдашней, что сегодняшней пропагандой изображался и изображается как «творец победы над фашизмом», штука была ещё в том, что он и сам считал свои позиции незыблемыми. В марте 1945 года в Лондоне состоялась конференция Консервативной Партии и, когда Черчилль как примадонна, заставляющая себя ждать, во второй день конференции появился в кулуарах, то делегаты однопартийцы приветствовали его словно короля. Напомню, что за несколько лет до этого, стоило лишь Черчиллю открыть рот, как те же самые люди топали ногами и выкрикивали в его адрес оскорбления. Теперь же rosy-cheeked «Winnie» пыжился, принимая овацию как должное. Он не смог адекватно оценить политическую ситуацию, он слишком верил газетам, а газеты писали о победе и о том, что победой Англия обязана ему.

Газеты – это пропаганда, но и власть тоже показывала всем, что Черчилль – фаворит.

Это балкон Букингэмского дворца. 8 мая 1945 года. Черчилль – триумфатор. Королевская семья ставит его рядом с собой, до него подобной чести удостаивался только один премьер-министр – Чемберлен. И он побывал на этом балконе и он помахал рукой. После Мюнхена. Тогда английская власть, всемерно усиливая «мюнхенский эффект», демонстрировала миру, что политика Чемберлена это её политика, что не может быть никаких разночтений и нет места никаким толкованиям и никаким сомнениям, Англия показывала, что политика Чемберлена – это политика Англии. Англия обманывала Германию и Германия обманулась.

Теперь, в 1945 году, королевская семья, выведя Черчилля на балкон и поставив его рядом с собой, обманывала не Германию, она обманывала Черчилля. Ну, и Консервативную Партию заодно. Ну, и её сторонников, конечно же. Теперь обман был направлен не вовне, а вовнутрь. Те, кому не нравится слово «обман», могут подобрать какое-нибудь другое слово, в политике слова значат очень мало, зато очень многое значит то, что за словами скрывается, а скрывается за ними политическая целесообразность, то, что люди понимают под «государственными интересами».

Государственные интересы Англии требовали трансформации общества. Ещё до войны английская «элита», во всяком случае её значительная часть, причём часть достаточно влиятельная, пришла к заключению, что «так жить нельзя», правда, фильмов англичане под таким названием не снимали, наглядность им была ни к чему, достаточно было осознания необходимости перемен, и первые шаги по этой дорожке сделали ещё довоенные консервативные правительства. Однако провести реформы плавно, эволюционно, не получилось. У государства руки оказались связанными сперва подброшенной («нам тут подбрасывают...») извне борьбой за власть в королевском дворце, ну, а потом была война. Теперь же время поджимало так, что приходилось спешить и спешить в условиях, гораздо худших, чем до войны. Чтобы выжить в новых условиях, Англии нужна была революция, да-да, назовём вещи своими именами, именно – революция, причём если элита собиралась оставаться элитой, то ей следовало эту революцию возглавить. События в Англии во временной промежутке 1945–1951 годов это не что иное, как революция сверху. Революция, как расчётливая государственная политика.

Первым делом нужно было убрать от власти консерваторов, чьи возможности были ограничены традиционной политической риторикой и тем, что сегодня называется «имиджем партии». Вообще-то наилучшим выходом было бы создание какой-то новой, «революционной» партии, никак не связанной с прошлым, но, повторяюсь, у истеблишмента не было времени, а кроме того в создании новой, зовущей в прекрасное будущее партии крылась следующая опасность – ей неминуемо пришлось бы рвать с «проклятым прошлым», нарушив таким образом «исторический процесс». Проводить революцию сверху, совершая одновременно «революцию в головах» англичане поостереглись, очень может быть, что их остановили события 1905–17 годов в России. События эти были тогда ещё совсем свежи, все их помнили, а если учесть, что англичане к этим событиям не просто руку приложили, а ещё и принимали в них самое активное участие и, как следствие, имели возможность полюбозваться на результаты своего вивисекторства, то их боязнь «рвать шаблон» в головах собственных подданных становится в высшей степени понятной. Как бы то ни было, но новую партию создавать не стали. Решили обойтись старыми. Помогло то, что лейбористы, вышедшие на политическую сцену в начале XX века, были на тот момент не такими уж «старичками» и вполне могли сыграть роль революционеров. И я уж не говорю, что изъяснялись они на вполне «революционном языке», в этом смысле им ничего менять не нужно было. Даже и наоборот.

Итак, консерваторы, убаюканные газетной трескотнёй, витали в облаках, полагая, что отодвинуть их в сторону попросту невозможно, ну как же, ведь они – «партия победителей». В реальности же дело обстояло следующим образом – все военные годы правительство было коалиционным, надпартийным, оно только называлось консервативным, и то, что консерваторы из пропагандистских соображений всячески педантизировали словосочетание «консервативное правительство» не могло скрыть сути – правительство могло называться консервативным ровно с тем же успехом, что и социалистическим. Более того, правительство являлось правительством, то-есть не просто неким сборищем людей, называющих себя министрами, а слаженным аппаратом благодаря заместителю Черчилля Эттли, а вовсе не самому Черчиллю. Причём сам Черчилль, похоже, этого не понимал.

Власть вывела его на балкон, дала покататься в лучах славы и тут же дала отмашку. «Можно!»

В июне 1945 года Эттли, всё ещё член правительства, вдруг и совершенно неожиданно для Черчилля заявил, что он и другие социалисты из правительства выходят. Черчилль был ошеломлён. Он посчитал, что Эттли совершает ошибку и даже попытался уговорить его остаться, но делал он это, лишь соблюдая приличия, делал он это из милости. Он говорил (и говорил свысока) примерно следующее – «ну что же вы, ну как же можно быть таким безответственным, вы что же, не понимаете, что, покинув правительство, вы в него уже никогда не вернётесь, вы можете продлить своё политическое будущее только находясь в тени консерваторов, мы на коне, мы – партия победителей, но, собственно, как хотите, не говорите только потом, что я вас не предупреждал...»

Социалисты из правительства вышли. Результатом этого стало то, что Черчилль, как премьер-министр, был вынужден назначить досрочные выборы. Консерваторы шли на выборы, ликуя, они считали, что лишь укрепят свои позиции и что теперь им не придётся ни с кем делить «портфели». «Всё будет наше!» «Всё, что ни видишь по эту сторону, всё это моё и даже по ту

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
сторону, и весь этот лес, и всё, что за лесом – всё моё!»

Это – в июне. В июле, перед выборами, во время краткой и, как полагали консерваторы, формальной предвыборной кампании их ожидал холодный душ. Холодный – не то слово.

На встрече с избирателями, состоявшейся на стадионе для собачьих бегов «Уолтхэмстоу» (очень, очень символичное место для проведения политических мероприятий) Черчиллю не дали говорить. Люди, простые англичане, собравшиеся на трибунах, не позволили ему (спасителю отечества, как уверяли тогда и как уверяют нас сегодня) произнести заготовленную речь. Это было куда хуже, чем довоенный позор в Парламенте, там Черчилля закивали несколько сот человек, а тут была толпа. Стадион. И стадион этот ревел, как один человек, стадион ревел: «Мы хотим Эттли!»

56

«Мы хотим Эттли» означало «мы хотим перемен». Что там говорят любящие церемонии китайцы, когда доброжелают своему врагу всего самого хорошего? «Чтоб ты жил во время перемен»? Ну так вот в Англии это время и настало. Время перемен постучало в английские ворота. Такое рано или поздно происходит со всеми, без малейшего исключения. Перемены, хотите вы того или нет, но случаются. «Времена меняются и мы меняемся вместе с ними.» Можно, конечно, попытаться не меняться, но приведёт это лишь к тому, что не вы изменитесь сами, а вас изменит время. Изменит так, как оно того захочет. Вас оно спрашивать не будет. Сопротивляться велению времени это всё равно, что пытаться противостоять прибою.

Помните, как вы первый раз поехали на море, как вы его первый раз увидели? От края и до края, куда ни посмотришь – всюду оно! С ума сойти. Помните, как вы к нему побежали? А там, вон, вон она – волна идёт, ближе, ближе, поднимается, на ней бурун сверху белый, гребешком, а сама она гладкая, цвета бутылочного стекла, растёт на глазах, выше, выше, уже больше вас ростом, нависла – сейчас ка-а-ак вдарит! А вы, маленький, вы её видите, вы её ждёте, да не просто ждёте, а – с восторгом, вы думаете – да это ж всего лишь вода, подумаешь, вода и ничего больше, вода точно такая же, как в луже, устою, ей со мной не справиться! Вы растопырились, руки в коленки упёрли, всем тельцем своим напряглись, воздуху полную грудь набрали, зажмурились и тут – раз, она вас накрыла! Оглушила, с ног сбила, поволокла вперёд, с собою, а потом, уходя, шипя, потащила вас назад. Вы, беспомощно барахтаясь, не понимая где верх, где низ, судорожно ищите под собою дно, встаёте на ноги, отплёвывааетесь, рот полон солёной воды, вы ничего не видите, только слышите, как где-то, кажется, что далеко-далеко, вам что-то встревожено кричит мать.

Ну, а потом проходит несколько дней и вы начинаете понимать море, оно ведь не только большое, оно ещё и мудрое, оно учит вас, и не так ваш ум, как что-то в вас, и это что-то, то, что сильнее ума, позволяет вам обнаружить, что море можно обмануть, поднырнув под волну и вы начинаете с морем играть, а оно охотно отзывается, посылая вам волну за волной – ныряй, милый. К концу же лета, научившись плавать, вы уже используете море и оно вам позволяет это делать, оно любит понятливых – вы заплываете далеко-далеко, почти до буйка, а потом отдаётесь волне и она несёт вас к берегу, несёт, несёт, доносит и бережно кладёт на гальку.

Совершенно то же и с государствами. Можно пытаться противостоять переменам, и многие так и делают, чужой опыт ведь ничему не учит, каждый учится на своей собственной шкуре, а можно попытаться использовать перемены к благу. К благу государства. Благо же государства означает благо всех. Просто потому, что государство думает не о каждом из нас, оно думает обо всех сразу, оно думает о народе, в государстве живущем.

Почему Эттли? Почему не Черчилль? Дело в том, что в 1945 году «Эттли» означало не человека, «Эттли» означало «социализм». Вот «Черчилль» означало человека, Уинстона Черчилля. «Победителя». Так захотело государство, оно сделало всё, чтобы то, что связано с боевыми действиями, с танками, самолётами, пехотинцами, бомбёжками, то, что люди называли «Эль-Аламейном» или «Битвой за Англию», так вот чтобы всё это вызывало в умах образ Черчилля. Черчилль как творец победы, Черчилль как война. Но если мы победили, то войне пришёл конец, не так ли?

Вот что витало в воздухе в 45-м, вот что слышала власть и вот чего не слышали занёсшиеся консерваторы – «never again». И имелась тут в виду отнюдь не только война. Не только «хуй войне», но ещё и «хуй» тому, что было до войны. Мир изменился и англичане захотели измениться тоже, но всё дело было в том, что они, сами того не заметив, уже изменились. Они этого ещё не осознали, но чуткая власть это поняла, власть легла на волну, отдалась ей, власть не захотела быть сбитой с ног, власть показала, что она является властью по праву, она пошла туда, куда хотел идти народ. Власть показала, что она власть ещё и потому, что не была застигнута врасплох, она встретила «время перемен» во всеоружии, власть заранее знала, куда народ зашагает. Пока шла война, власть говорила одно, но вот делала она совсем другое, она делала всё, чтобы народ после войны захотел идти не по той дорожке, а вот по этой, дорога же в прекрасное будущее называлась «Socialism Rd.»

До войны, пока шла война не горячая, а пропагандистская, социалистические идеи шельмовались, да по другому и быть не могло, социализм использовался в качестве господствующей идеологии не только в СССР, но, что гораздо важнее, ещё и в Германии. Государство не может изъясняться на том же языке, что и его враг, оно не может позволить, чтобы умы подданных были захвачены теми же самыми идеями, враг на то и враг, чтобы быть врагом, плохо не только то, что он говорит, но и то, что он думает, плохо он весь, от макушки до пяток. Но вот когда враг побеждён, тут всё сразу становится по-другому, мы можем у побеждённого кое-что и позаимствовать, это называется трофеями, для народа так более лестно выходит, да если ещё учесть, что враг был сокрушён с помощью союзника, а союзник (надо же!) строит социализм в одной отдельно взятой стране, то почему бы и нам не построить то же самое? Причём строить будет легче лёгкого, мы ведь фундамент уже заложили. Что, не верите? А вы оглянитесь вокруг себя.

Англичане оглядываться отказались. Они боялись спугнуть своё счастье.

За несколько военных лет им показали, что такое социализм. Не говоря при этом, конечно, что это социализм. Показали не словом, но делом. Общественное производство? Ну вот вам «теневые заводы», принадлежащие государству, заводы, на которых ковался «меч победы». Заводы, на которых вы, дорогие английские граждане, ударно трудились. В три смены. Сделаем то же самое с угледобывающей промышленностью, с железными дорогами, газом и электричеством? Ну как? Голосуем? Кто за? Кто против? Воздержавшиеся есть? Принято большинством голосов. Плановое хозяйство? А чем же ещё, по-вашему, было всё хозяйство Англии последние шесть лет? Вам что, плохо было? В стране ведь ни одного безработного не осталось. А мы сейчас будем армию демобилизовывать, миллионы молодых, горячих, до работы охочих домой вернуться, хотите им место уступить, а сами – на улицу? Ну как? За план? Голосуем? Такой лес рук, что я даже и считать не буду. Принято единогласно.

Было пущено в ход понятие welfare state, то-есть государство всеобщего благосостояния. Государство, в котором будет хорошо большинству. Большинству, которому будут гарантированы бесплатная медицина, пенсии и то, что принято называть «социалкой». Как там представляли себе мироустройство люди, жившие несколько веков назад? Море, в море кит, на ките три слона, на слонах – Земля. Эттли использовал в качестве слонов общественную собственность на средства производства, государство всеобщего благосостояния и плановую экономику. В детали ему вдаваться не приходилось, детали англичане видели вокруг себя. Черчилль не нашёл ничего лучшего, как противопоставить этому своё знаменитое красноречие, он посчитал, что достаточно языка, чтобы разнести соперника в пух и прах. Он подумал, что можно обойтись парочкой ярлыков и тут же поторопился налепить их на Эттли. Выступая с предвыборными речами, в том числе и по радио, Черчилль заявил, что Эттли это «гестапо», что Эттли – это «английский Сталин».

Напомню, что в 1945 году Черчилль был «человеком года» не только в Англии, но, пожалуй, и в мире. Пропаганда постаралась. Он и в жизни был человеком ярким, вот что писал, вспоминая те годы, известный лейбористский деятель Рой Хаттерсли – «сравнивать Черчилля и Эттли с точки зрения производимого ими внешнего эффекта было просто смешно, если бы обычную английскую семью спросили, кого из них она хотела бы пригласить к ужину, то сомнений в ответе ни у кого даже и возникнуть не могло, конечно же – Черчилля!» Но тут была одна тонкость, упускавшаяся из вида не только симпатизировавшими

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
консерваторам «аналитиками», но и самим самонадеянным Черчиллем. Для того, чтобы приглашать кого бы то ни было к ужину, для начала следует этот ужин иметь.

Когда англичанина поставили перед выбором – ужин или Черчилль, он выбрал ужин. Выбирая сердцем, англичанин спустил Черчилля в унитаз. Победил Эттли, победил «английский Сталин».

57

В августе 1945 года Англия праздновала победу над Японией. Судьба (или История, это как вам будет угодно) решила так, что на этот же день было назначено открытие нового Парламента. Ликующие лондонцы приветствовали карету, на которой королевская чета совершила традиционное, но подзабытое за десять лет путешествие из Букингэмского дворца в Вестминстер.

Ровно в одиннадцать часов король и королева вошли в здание Парламента и уселись на наново позолоченный «стол». Притихли парламентарии, замерла страна.

Громко, отчётливо, почти не заикаясь (это было отмечено всеми присутствовавшими) Георг VI произнёс тронную речь. Длилась она двадцать минут. Именем короля провозглашались первые шаги в социалистическое будущее. Георг объявил подданным о национализации, о социальном страховании и о создании системы общенационального здравоохранения. Текст королевской речи написал новый первый министр королевства.

Социалист.

Климент «Клем» Эттли. Человек, ставший одним из тех, кого называют the history makers, то-есть творителями, делателями истории, ставший не по birthright, не по праву рождения, а «сделав себя». Стать творцом просто, нужно лишь для начала понять следующую немудрящую истину – не сделав себя, нельзя делать и историю.

Родился он в 1883 году. Семья была большой – у мальчика было семь братьев и сестёр. Отец, стряпчий Генри Эттли, был рьяным сторонником Консервативной партии и дети воспитывались в соответствующем духе. Как выразился биограф будущего премьер-министра Англии Патрик Гордон Уокер – Эттли был «born and bred a Conservative». Отец, как то и положено консерватору, постарался, чтобы дети получили хорошее образование. Климент учился сперва в Хэйлибэри (одной из лучших школ Англии того времени), затем – в Оксфорде. В 22 года, после колледжа, перед ним открылась возможность сделать карьеру преуспевающего адвоката. Однако судьба распорядилась иначе. Будущее Эттли решил Ист-Энд. Начинающему законнику как-то предложили посетить лондонские трущобы и он (о, самонадеянность молодости!) отправился туда один. Белый галстук и канотье. Из трущоб он вышел помятым, без канотье и с фингалом под глазом.

Для великого множества людей подобное приключение послужило бы лишь подтверждением правильности избранного ими жизненного пути, и они, постаравшись тут же забыть о неприятном эпизоде, не мешкая по этому пути и зашагали бы, но Эттли не был одним из великого множества и то, что он сделал, служит тому доказательством. Он немедленно ушёл из отцовского дома и снял квартиру в Ист-Энде. Он устроился секретарём в Тойнби Холл (благотворительное учреждение, существовавшее благодаря богатым донорам, где городская беднота могла не только получить вспомоществование, но и повысить квалификацию), и в свободное от работы время начал посещать Лондонскую Школу Экономики. Он присоединился к Обществу Фабианцев, он вступил в находившуюся в зачаточном (embryonic) состоянии Лейбористскую Партию. Эттли решил стать социалистом. Он решил изменить если не мир, то хотя бы жизнь своих соотечественников, и если и не всех скопом, то хотя бы тех из них, что при первой же встрече засветили ему в глаз.

Он нашёл работу в доках. Он побыл в шкуре этих людей, он пожил их жизнью. В 1911 году он начал читать курс лекций в Раскин Коллдеже, лекции были посвящены теме организации профсоюзного движения. Два года позже он начал читать лекции там, где когда-то их слушал – в Лондонской Школе Экономики. В истории Великобритании не было премьер-министра, который был бы так близко знаком с жизнью рабочего люда. Жизненный опыт, приобретённый

Эттли в годы, предшествовавшие Первой Мировой Войне, сослужил ему бесценную службу в дальнейшем. Как и опыт, полученный им в военные годы.

Когда началась война, называемая сегодня «Великой», Эттли оказался в армии через полтора часа после объявления войны Англией. Будучи уже тридцати одного года от роду, он явился на призывной пункт и записался добровольцем. Служил он так же, как и жил, то-есть в высшей степени добросовестно. От опасности не бегал, шёл туда, куда посылали. Он попал в Галлиполи и был предпоследним англичанином, эвакуированным оттуда. Он служил в Месопотамии, получил осколок в ногу, полежа в госпитале, потом – Франция, Западный фронт. В Англию он вернулся с боевыми ранениями, боевыми орденами и в чине майора. В период между войнами, говоря о нём, люди так его и называли – «майор Эттли». После «империалистической» майор вернулся туда, откуда и уходил на фронт – на кафедру Лондонской Школы Экономики.

В 1922 году он выставил свою кандидатуру на выборах в Парламент. Люди судят о нас по нашей репутации, а репутация майора была безупречна. С помощью голосов развесёлых и драчливых кокки он с лёгкостью победил и его кресло в Вестминстере превратилось в «одно из самых безопасных мест в истории английского Парламента», членом которого Эттли пробыл с 1922 по 1948 год. В 1923 году он впервые попробовал на вкус, что это такое – работа на правительство, тогдашний премьер-министр Макдональд назначил его одним из заместителей министра обороны. Одновременно он начал делать и партийную карьеру.

«Делать карьеру» это немножко не то выражение, дело в том, что Эттли «создавал себя» таким образом, что никто вокруг не мог даже заподозрить, что он что-то такое «создаёт». Он сумел создать у окружающих впечатление, будто и в мыслях не держит то, что люди понимают под «карьерой», не только манерой поведения, но даже и внешним обликом Эттли демонстрировал полнейшее отсутствие амбиций. Он был маленьким, невзрачным человеком, державшимся скромно и скромно выглядевшим, он ненавидел «громкую фразу», он был немногословен, он говорил исключительно по делу и говорил вполголоса, говорил доходчиво и самыми простыми словами. Он был диаметральной противоположностью Черчиллю. Противоположностью по образу мыслей, образу жизни и по тому, как он представлял себе государство и своё место в нём.

Эттли был рассудителен, склонен к компромиссу, умел не только говорить, но и слушать, но при всей своей кажущейся мягкости он был очень жёстким человеком. А кроме этого у него было одно бесценное достоинство – он умел заставить работать других. Он умел превратить каждого в часть работающей машины, причём так, что каждая деталь мнила себя всей машиной и Эттли охотно поддерживал в своих «соратниках» эту иллюзию. Он был человеком, которому подчинялись именно потому, что считали себя умнее, Эттли же лишь усмехался и давил на педаль, ему было всё равно, что там думает о себе каждая шестерёнка, он рулил.

Для полноты картины следует заметить, что он был славен ещё и вот чем – в отличие от государственной машины он не умел водить автомобиль и, когда ему нужно было куда-то добраться, его подвозила жена, а ещё он никогда не читал газет. Никогда и никаких. Может быть именно поэтому он так ясно и мыслил.

58

Провозгласить социализм было легко, но от слов следовало переходить к делу, а при взгляде на «фронт работ» перехватывало дыхание. То самое «планов громадьё». При этом следовало спешить, следовало использовать поддержку и энтузиазм миллионов. Людям ведь объяснили, что они победили, что «судьба полевала на палец и перевернула следующую страницу жизни», людишки, ликуя, высыпали из бомбоубежищ и затенцевали, а вы только представьте, какого «экономического эффекта» можно добиться в подобной ситуации – привяжи каждому пляшущему динамо-машину к ноге и обойдётся без каскада на Темзе.

Энтузиазм и ожидание перемен – гремучая смесь.

7 мая 1945 года, за день до того, как стране с балкона показали Черчилля («сделай дяде ручкой, милая»), было отменено существовавшее почти шесть лет положение о затемнении. «Нет чёрной ткани!» 2061 ночь – позади! Стало можно распахнуть окна, газеты цитировали слова некоей лондонки – «без затемнения на окнах я чувствую себя голой!» (Между прочим, одним из следствий затемнения стало то, что за годы войны от ДТП на ночных дорогах народу

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
погибло больше, чем от бомбёжек, государственная пропаганда несчастных сбитых и раздавленных в военные потери не включала и не включает, а ведь этих людей тоже убила война, но это так, к слову.)

Следовало «ловить момент», а уж к чему энтузиазм масс прикладывать государство знало очень хорошо. Немедленно (немедленно значило именно то, что значило, а именно – немедленно, «at once») нужен был миллион домов. Миллион.

Немедленно (и это опять же означало именно то, что означало) Британии нужно было поднять экспорт на 50 % по сравнению с довоенным экспортом, с английским «1913 годом» (в Англии за эту точку отсчёта был взят 1938 год), по сравнению же с уровнем экспорта, каким он был на 1945 год, поднимать его следовало на 500 %. Экспорт следовало увеличить в пять раз. At once. «Свету провалиться, а мне чтоб чай пить.» В виде увеличения экспорта, конечно же. Не подумайте плохого. Ещё раз – увеличивать пятикратно следовало не импорт (что тоже нелегко), а экспорт, проделать же этот фокус, если у вас нет парочки завалыщеньких кимберлитовых трубок или там какого-нибудь Самогторского месторождения, очень трудно, вы уж поверьте мне на слово.

Чтобы поднять экспорт нужно было работать. «Работать, работать надо!» Причём работать англичанам нужно было не так, как то понимается в сегодняшней «РФ», нужно было что-то производить, что-то «делать», делать примерно так же, как делали в примерно той же ситуации японцы. Сделал вещь – продал, покушал. Сделал вещь – продал и опять покушал. Не сделал вещи – не покушал, сделал плохо, не купили, опять не покушал. Сделал хорошо, значит – купили, значит – покушал и новые штаны себе пошил. Не купил, замечу, штаны, а пошил сам, из того, что под рукой есть. Ну и так далее. Можно ещё по-другому поступить, некоторые так и поступают – можно чистильщиком обуви заделаться, а что, чистильщик не на проклятое государство работает, а на себя, у него есть ящик с ваксой и щётки, он сам себе – кто? Правильно, хозяин. Правда, то, что наш хозяин другому хозяину шузы чистит, мы оставим за скобками. Хозяин хозяину рознь, а гусь свинье не товарищ, но чистильщик об этом не подозревает, да и трудно ожидать от него полёта мысли, бедняга сидит, согнувшись в три погибели, с кругозором у него неважно.

Вернёмся к послевоенной Англии. С энтузиазмом там было очень хорошо. Ну и неплохо было с людьми, с теми, которые могли динаму крутить. Социалисты первым делом начали массовую демобилизацию армии с тем, чтобы в народном хозяйстве появились дополнительные миллионы рабочих рук. Проблема, однако, была с динамо-машиной, не было у Англии динамы, нужно было её купить, купить же что-то можно, лишь сперва что-то продав, а для того, чтобы продать, следует сначала что-то на продажу сделать. Что-то произвести. Получился замкнутый круг. Чтобы вырваться из него нужно было производство. Нужны были заводы. Много заводов. Нужны были целые новые отрасли промышленности. Если у государства всего этого нет, не беда, оно всегда может купить заводик, другой. Можно свечной, можно ещё какой, можно даже купить какой-нибудь химический завод и начать на нём химичить. Но слово «купить» подразумевает наличие денег. А вот с этим у Англии было очень плохо. Так плохо, что дальше и некуда. Добрый «союзник» постарался. И винить его было трудно, он ведь старался для себя, а не для других.

The situation was simple. «As simple as snow.» Если у вас нет денег, а они вам ой, как нужны, то вы идёте к тому, у кого они есть и просите в долг. После войны лишних денег не было ни у кого, все занимались «восстановлением народного хозяйства», у всех каждая копейка была на счету, лишние деньги были только у одного «субъекта», деньги были у Америки. Ну, что ж... Оказавшись в английском положении, о гордости забываешь очень быстро, пришлось забыть о ней и Англии.

В США отправилась правительственная делегация. За деньгами деньжищами. За долларами. Возглавлял делегацию Джон Мейнард Кейнс, знаменитый экономист. Возглавлял он делегацию потому, что ему удалось убедить Эттли, будто если кто и сможет «уболтать» американцев, то это именно он – Кейнс. Кейнс рассчитывал на свои связи в американских «финансовых кругах», он полагал, что легко найдёт общий язык с такими же, как он, интеллектуалами, занимавшимися теоретическим обоснованием «экономики», он думал, что ему будет достаточно запеть старую интеллигентскую песенку с рефреном «возьмёмся за руки, друзья» и всё решится само собой. Его ждал сюрприз. Люди, которых Кейнс знал годами, те же самые люди, с которыми он просиживал

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
штаны на всяких-разных конференциях, вдруг оказались вовсе не теми интеллигентами, которыми он привык их считать. Американские экономисты вдруг стали просто американцами и разговаривали они с ним не как кулик с куликом, а как американец с англичанином. Кейнсу без малейшего стеснения показали, что разговоры, которые с ним разговаривали вчера, там же, во вчера, и остались. Отныне вовсе не Англия, а Америка была Number One и Америка не только этого не скрывала, но наоборот, беззастенчиво своим положением пользовалась.

Оторопевший Кейнс не нашёл ничего лучшего, как сделать следующее заявление – «вы не можете обращаться с великой нацией как с обанкротившейся компанией!»

«Что значит – «не можем»?! – подумали американцы. – Что за чепуха? Можем. Ещё как можем!»

Условия, на которых США были готовы предоставить заём Англии, являлись фактически ультиматумом. Америка не хотела, чтобы Англия строила социализм. Деньги, даваемые англичанам, были американской палкой в английское колесо. С точки зрения Америки условия, на которых давались деньги, позволяли ей влиять не только на внутривнутриполитическое положение в Англии и контролировать действия правительства Эттли но, что было ещё более важно, Америка получала ещё и возможность отъесть кусок внешнеполитических «интересов» Англии. В 1946 году Америка была хозяином положения. Она выигрывала в любом случае. Ситуация была примерно такой же, как и в случае американских поставок в 1939–40 годах. Когда в Европе началась война, Америка свои внешнеполитические шаги обуславливала так называемыми Актами Нейтралитета, которые запрещали поставки вооружений и военных материалов вовлечённым в конфликт сторонам. Этими же актами запрещалось и предоставление правительственных займов. Частные же займы блокировались «актом сенатора Джонсона», не позволявшем давать деньги странам, объявившим дефолт по американским долгам после Первой Мировой Войны.

Рузвельт в ноябре 1939 года провёл через Конгресс «поправки» к «Neutrality Acts», после чего Англия получила возможность закупать в Америке практически всё, что ей заблагорассудится (тогдашней пропагандой решение американского Конгресса преподносилось чуть ли не как благодеяние). Благодеяние, однако, было оговорено двумя условиями, двумя детальками, теми самыми, в которых прячется дьявол. Первое – закупки можно было осуществлять только за наличный расчёт, то самое «бабки – на стол!» и второе – вывозить купленное можно было только на судах британского торгового флота. Пустив в ход первое условие, американцы «отворили жилу» Англии и не успокоились, пока не выцедили всю кровь. Что касается второго условия, то помните картинку из самого начала нашего повествования, ту, на которой собраны силуэты почти пятисот потопленных за первый год войны английских кораблей? Почти все они были потеряны Англией в Атлантике. Второе американское условие было связано с невысказанной Англией вслух, но подразумевавшейся ею угрозой попадания английского флота в руки Германии. Заставив англичан вывозить «помощь» на собственных кораблях, американцы тем самым дали возможность немцам, стремившимся поставить Англию на колени при помощи блокады, топить не просто флот противника, американцы смотрели на пару ходов дальше – сложись война по-другому, вздумай Англия заключить мир с Германией и вышло бы так, что Германия, пуская на дно английские корабли, на протяжении двух лет прореживала бы свой собственный флот. И только когда английская казна опустела, когда Англия продала Америке находившиеся за пределами метрополии компании, на которые был положен американский глаз, когда английский флот уменьшился на полтыщи кораблей, вот только тогда Рузвельт «пробил» через Конгресс «ленд-лиз» и американская помощь потоком пошла в Англию. Через Атлантику пошли караван за караваном, и каждый верблюду в таком караване был кораблём, и каждый корабль шёл под американским флагом, а Америка с Германией в состоянии войны не находилась, и поделаться с этими караванами немцы ничего не могли. «Видит око, да зуб неймёт.»

Чукча только с виду глупый, а вообще-то он умный. Ну и хитрый, конечно.

Ну, да ладно, вернёмся к Кейнсу. Он хотел много, ему дали мало. Он хотел, чтобы деньги были подарены, ему их дали в виде займа. Он хотел, чтобы займ был беспроцентным, однако ему пришлось согласиться на два процента годовых. И ко всем прочим приятностям американцы оговорили дачу денег условием – конвертацией фунта и доллара. Это означало допуск Америки в «зону фунта»,

это означало ишака с золотом в осаждённой крепости, это означало конец Империи.

Поделаться на переговорах Кейнс ничего не мог. Ко всему прочему он оказался не готов к тому, что американцы покажут себя гораздо лучшими дипломатами. Вот вам такой штришок – в какой-то из моментов напряжённых переговоров некий сидевший за столом американский сенатор (имени его история не сохранила) побагровел, неожиданно вскочил и, перегнувшись через стол и брызжа слюной, прокричал в лицо Кейнсу: «Ком-м-м-мунист!» После чего сел, поправил галстук, и, как ни в чём не бывало, вполголоса продолжил «переговорный процесс». Кейнс же, протиравший дрожащими пальцами снятые очки и собиравший вдруг разбежавшиеся мысли, был совершенно выбит из колеи.

В другой момент американцы свезли к зданию, где проходили переговоры, две тысячи раввинов и те устроили чрезвычайно шумную демонстрацию против «английского империализма». Кейнса подвели к окну и сказали примерно следующее – «да мы бы и рады пойти вам навстречу, но у нас – демократия, мы вынуждены считаться с мнением электората, и мы не виноваты, что вы там у себя в Палестине порядок навести не можете. Скажите спасибо, что мы вообще деньги вам даём. Не хотите брать – не надо.» Крыть Кейнсу оказалось нечем. Он привык думать о деньгах и процентах, а тут надо было думать о раввинах. Иногда это очень удобно – иметь в государстве две тысячи раввинов. Надо просто знать, как ими пользоваться.

Однако деньги Англии были нужны. На любых условиях. Неудача на переговорах об условиях займа была ударом по самолюбию Кейнса, но с точки зрения государственных интересов Англии его самолюбие не стоило ни черта. «Дай миллион, дай миллион, дай миллион...» Миллион нужен был сейчас, вот сию минуту и Англия пошла на всё, чтобы этот самый «миллион» получить. Кейнс, думавший, что всё позади, утёр с чела хладный пот, вернулся в Лондон и обнаружил, что главное препятствие впереди. Поскольку газеты о переговорах писали всё как есть, то в Англии наблюдалась вспышка антиамериканизма, а Палата Лордов отказалась даже рассматривать вопрос о ратификации достигнутых Кейнсом соглашений. «Ты чего, сдурел?! Да кто ж на таких условиях деньги берёт?» Кейнсу понобилось пустить в ход всё своё красноречие (его выступление перед лордами считается одним из лучших за всё время существования Парламента), чтобы убедить английских законодателей, что у Англии просто нет другого выхода.

Вся эта история имела для великого экономиста печальные последствия. Через пару месяцев после завершения переговоров с американцами у Кейнса случился сердечный приступ, а ещё чуть погодя, в апреле 1946 года он умер. Политика это вам не экономика. Между прочим, среди членов американской делегации на переговорах 1945 года были не только политики, но и экономисты, что понятно. Когда речь на переговорах заходила о процентах, то экономисту английскому должен был противостоять экономист американский. Звали американского визави Кейнса Гарри Декстер Уайт. Так же как и Кейнс Уайт был экономистом, но в отличие от Кейнса он не был экономистом великим. Великими люди становятся тогда, когда они одержимы одной страстью, в жизни же Уайта экономика не была его единственной любовью, там находилось место и другим интересам, Уайт был человеком разносторонним. Кроме того, что он был экономистом и финансистом, он был ещё и шпионом. Советским.

59

И что ж за такая нужда в деньгах была у Англии? Что заставило её пойти на любые условия, лишь бы заполучить толику «кэша»? Деньги государству были нужны для того, чтобы накормить людей. «Не до жиру, быть бы живу.»

Это Лондон 1946. Слева очередь за хлебом, справа – очередь за углем.

Напомню, что люди, стоящие в очередях, получают корочку хлеба насущного не за наличные, а по карточкам, наличные в Англии начиная с 1940-го и по начало 50-х значили немного, много значили карточки и нормы отпуска по этим карточкам. Так вот, не пойдя Англия на условия, диктовавшиеся победителем и ей пришлось бы урезать нормы отпуска вдвое по сравнению с тем, что было во время войны. Ещё раз – ВДВОЕ. То, что сделал задыхавшийся сердечник Кейнс, сегодня расценивается как разрешение «the most important and strenuous task of any twentieth-century Briton in the field of finance», то-есть как

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
разрешение «наиболее важной и трудной проблемы, стоявшей перед любым британцем двадцатого века в области финансов». Плевать на всё, на условия займа, на унижения, главное – Кейнс привёз деньги. Он дал Англии передышку. Вот что писали газеты 18 июля 1946 года – «мистер Снайдер, министр финансов, сообщил сегодня, что Великобритания получила первые 75 млн. фунтов стерлингов в счёт американского займа в 937 млн. фунтов, вступившего в силу после подписания англо-американского соглашения президентом Труманом. Указанная сумма будет перечислена в Bank of England завтра. Министр сообщил, что на эти деньги будет закуплено продовольствие и оборудование для тяжёлого машиностроения.»

Речь о 1946-м годе, но это ещё цветочки, хуже всего Англии пришлось в 1947-м. Хуже даже, чем в любой из военных годов – зима 47-го была самой холодной с 1880 года, зимой 47-го не ходили поезда, закрывались предприятия, Англия замерзала в самом буквальном смысле, зима 47-го обошлась Англии примерно в 200 млн. фунтов. Потерянных двести миллионов. А стоило чуть потеплеть и американцы заставили Англию выполнять взятые ею на себя обязательства по конвертации фунта и взятые в долг доллары начали вытягиваться из Империи почище, чем пылесосом Джeneral Электрик. Англия продержалась шесть недель, а потом вынуждена была прикрыть лавочку. После чего государство добавило к перечню продуктов, выдаваемых по карточкам, теперь ещё и картошку. Положение было отчаянное, нужно было что-то делать и делать срочно. Англия нашла выход, Англия девальвировала фунт. Мне не хотелось бы, чтобы вы забывали, что всё это происходило в условиях национализации. На бумаге всё выглядело хорошо, владельцы что-то там за свою собственность получали, некоторые так даже и радовались, но радовались они недолго, правительство фунт – раз! и обесценило. Был человек владельцем железной дороги, государство её отняло и дало ему, скажем, пять миллионов фунтов, чёрт с вами, думает «бывший», с паршивой овцы хоть шерсти клок, а уж я своим кровным пяти миллионам применение найду, а утречком газету открывает – Боже, от его пяти осталось три. Человечек начинает метаться, он подозревает (и подозревает справедливо, у человека в подобном положении все чувства обостряются необыкновенно), что завтра и от оставшихся трёх государство ещё кусочек отщипнёт, он пытается бежать и бежать с деньгами, конечно же, а тут опять – раз! и министерство финансов вводит положение, согласно которому выезжающему из страны индивидууму можно вывезти с собою целых 35 (тридцать пять) фунтов стерлингов. Клади в карман тридцать пять фунтов и езжай куда хочешь, хочешь в Южную Африку, хочешь – в Южную Америку. Как там в детской басенке? «Голым в Африку пушу»? Вот так и пускали. «Гуляй, рванина!» когда дело подходит к краю, то выясняется, что деньгам в государстве государство же и хозяин, а вовсе не какие-то там «банкиры».

У вас может возникнуть резоннейший вопрос – «а как же жители британских островов терпели подобное положение? Это ж какой-то тоталитаризм выходит! Законодательно запрещён рост зарплаты, в продаже нет американских сигарет, в связи с нормированием сырья превратились в острый дефицит лезвия и мужики стояли в очередях, чтобы иметь возможность побриться, а карточки, а толкотня, а ограничения всех и всяческих свобод, да как же такое возможно было?» И вот тут мы подходим к самому главному – всё это стало возможным потому, что население встречало трудности если и не с восторгом, то мирилось с ними с лёгкостью необыкновенной.

Причина этого – справедливость.

Если вы помните, в декабре 1942 года в Англии был опубликован так называемый «отчёт Бевериджа» (The Beveridge Report), где говорилось о необходимости проведения в Англии социальных реформ. 1942 год – это война и война в самом разгаре, казалось бы, ну какая может быть нужда в подобных «отчётах», дело, однако, было в том, что «отчёт» являлся правительственным «вбросом», власть хотела знать, насколько «общество» готово к реформам, и результат превзошёл все ожидания, «отчёт» был издан небывалым в Англии тиражом около миллиона экземпляров и две трети тиража, более 600 000 брошюрок разлетелись в мгновение ока, власть даже (в лице правительства, а правительство олицетворял консерватор Черчилль) была вынуждена изъять остаток тиража и «положить его на полку», цель была достигнута, мнение «толпы» было однозначным, будоражить умы и дальше смысла не было никакого, проводить открытые социальные реформы во время войны было безумием, а власть в Англии всегда отличалась редкостным прагматизмом, убедившись в каком направлении дует ветер, власть имущие вернулись к идее реформ только через два года, в 1944, когда от имени всё того же Бевериджа был издан ещё

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
один «отчёт» под названием «Full Employment in a Free Society» (Полная занятость в свободном обществе). Как видим, социалистические идеи прививались народу постепенно, народ к ним «готовили». И готовили не какие-нибудь «юноши бледные со взором горящим», а готовили правительственные чиновники, серые, незаметные люди.

Одной из целей, провозглашённых идущими в 1945 году на выборы социалистами было – Fair Shares For All, то-есть «справедливую долю – каждому», так иносказательно назывался социализм, если слово «социализм» кому-то резало ухо, то он мог слышать то, что ему нравилось, а справедливость нравится всем, справедливая доля означала трудности, справедливо разложенные на всех, справедливая доля означала справедливо разложенные на всех имевшиеся в наличии блага, справедливая доля означала справедливо разложенную на всех ответственность. Война предоставила государству возможности, в мирное время трудно достижимые – государству не было нужды что-либо кому-либо объяснять, у государства оказались развязанными руки. Эффект был оглушительным, да это и неудивительно, существует распространённое заблуждение, будто идеи справедливости присущи только и исключительно русским, это не так, идея справедливости обладает величайшей притягательностью для любого человека и англичане в этом смысле вовсе не являлись исключением. Не следует забывать, что если Испания познакомила нас с дон Кихотом, то Англия, в свою очередь, подарила миру образ Робина Гуда. Под капюшоном, скрывавшим лицо разбойника, пряталось добро, летящая со свистом стрела несла с собою справедливость. «Justice for all».

«Отнять и поделить» это вовсе не русское изобретение, не говоря уж про «взять и поделить», когда берёт и делит государство.

Вторая Мировая Война осталась в коллективной памяти англичан как некая взятая ими вершина, как то, чем следует всемерно гордиться, именно поэтому так легко оказалось убедить их, что война ими выиграна, да она и была выиграна, только немного не в том смысле, что обычно вкладывается в слово «победа».

За годы войны количество самоубийств снизилось в Англии на 25 %. Резко снизилось количество душевнобольных. Снизился уровень смертности в национальном масштабе. На 10 % упала детская смертность. Выросло в процентном отношении количество заключаемых браков. На 17 % подпрыгнул коэффициент рождаемости. Люди вдруг обрели смысл жизни. Англичане стали реже посещать церковь, но зато, о парадокс, согласно опросам, гораздо большее число англичан стало верующими. Уровень жизни богатых упал, но зато неопоставимо большее число людей обнаружило, что так, как они питаются по карточкам, они не питались никогда до того. Люди вдруг обнаружили, что равенство и братство это не просто некая абстракция, но что это может быть образом жизни. Вспоминая те времена, времена бомбёжек, затемнений, труднопредставимых сегодня бытовых трудностей и тяжёлого физического труда, англичане говорят, что они никогда не чувствовали себя настолько СВОБОДНЫМИ.

Работали все, не работать было нельзя. Равенство означало не только равенство в снабжении продуктами или одеждой, но и равенство в смерти. Бомбы не разбирали, кого они убивали, богача или бедняка. И те, кто хотел жить, а жить хотели все, выживали тоже благодаря стихийно устанавливавшемуся равенству в так называемых Fair Guards, то-есть пожарных командах, формировавшихся по месту жительства, где какой-нибудь работяга, матюкаясь, командовал нерасторопным владельцем бизнеса или профессором. И они, рабочий, бизнесмен и «работник умственного труда», разгребая дымящиеся развалины, забывали о том, что ещё вчера разделяло их, слетала мишура мирной жизни, оставалось только и только одно – англичане спасали других англичан. В условиях разразившейся войны впервые в истории Англии исчезли социальные барьеры, ушла, будто её и не было, иерархия общества, народ стал един, как никогда.

И ещё – не только народ стал един в себе, но он стал един с властью. Никогда ни до, ни после, это не ощущалось англичанами с такой полнотой. Повыше я писал, что королевская чета взвалила на себя нелёгкую обязанность по посещению районов, подвергшихся бомбёжкам. Не только в Лондоне, но и в других городах. Приезжая в районы, где бомбёжки были наиболее интенсивными, король и королева смешивались с толпой. Сотни тысяч, если не миллионы людей не только могли видеть власть, спустившуюся из поднебесья к ним, на грешную землю, но они могли встретиться с властью глазами, могли прикоснуться к

власти, могли заговорить с нею, могли услышать ответ. Власть скорбела вместе с ними, власть утешала их, власть откликалась на их шутки, власть их подбадривала и позволяла подбадривать себя, власть жила с ними одной жизнью. Более действенной пропаганды просто и представить себе невозможно. Война позволила простым людям, малым сим, вдруг ощутить, что не только они зависят от власти, но что и власть точно так же зависит от них, что они и власть – это одно. Георг VI периодически обращался к нации с радиообращениями и люди до сих вспоминают, как они, сидя в бомбоубежищах начинали молиться, когда у короля случался приступ заикания. «Боже, помоги ему превозмочь его недуг.» Нация, вознося молитву, помогала власти вымолвить ставшее вдруг непослушным слово, то слово, которое она же и хотела услышать.

И последнее – дети были отправлены в провинцию. В эвакуацию. Дети из самых разных семей, из разных городов разных частей Англии, дети, говорившие на разных диалектах, игравшие в разные игры и учившиеся до того в разных школах, вдруг оказались перемешанными. Мальчики и девочки из богатых и бедных семей жили бок о бок, мальчики дрались, а потом мирились, а девочки вместе играли в куклы. Через этих детей Англия узнавала сама себя. Эти дети были первым поколением будущей Англии. Эти дети были первыми английскими детьми, для которых сословные барьеры не были чем-то естественным. Через двадцать лет эти мальчики и девочки осуществят культурную революцию. Через двадцать лет они перевернут мир.

60

Когда государство выигрывает войну, то в глазах людей это является несомненным доказательством того, что оно всех сильнее. Спорить с этим трудно, в подтверждение своего превосходства государство с грохотом вываливает на стол выигранную войну и делает это явно, слово против дела весит немного и оправдываться побеждённые могут сколько влезет, да только кому есть дело до их жалкого лепета, всё, что бы они ни противопоставили чужой победе, будет восприниматься лишь как оправдание их собственного поражения.

Победитель же для мира не только всех сильнее, но он ещё и всех румянее и всех белее. Ну и всех умнее, конечно же, это уж само собой. И это касается не только победившего государства, но и людей, его возглавляющих. Если государство победило, то победил и народ, в государстве живущий, и если этот народ – народ-победитель, то вождь его это и вовсе умнейший из умных и сильнейший из сильных. «Царь царей.»

В определённом смысле это так и есть, но только в определённом. Дело в том, что государству, в войне побеждённому, сильные и умные руководители нужны куда больше, чем победителю, у того – «драйв», того ещё несколько лет, а то и десятилетий, будет влечь инерция победы, а вот побеждённый такой «прухи» лишён, в распоряжении побеждённого государства – униженный и деморализованный народ, урезанные «ресурсы» и «дискурс», указанный торжествующим победителем. Чтобы окончательно не впасть в ничтожество, побеждённое государство инстинктивно выталкивает наверх тех, кто может его спасти. Да это и неудивительно, не нужно много ума, чтобы диктовать свою волю побеждённому, но вот для того, чтобы всемерно уменьшить последствия поражения, чтобы спасти последнее, для того, чтобы находясь в положении побеждённого, вывернуть чужую победу себе на пользу – вот тут нужны и ум и сила. Причём такие ум и сила, какие в другое время не нужны. Помните, как у Дюма в «Двадцать лет спустя» про это и рассказывается, про нехорошую ситуацию, в которую попали герои, и про то, что помогло им из неё выпутаться, а помог им ум и помогла им сила. Дюма эти главки так и назвал – главка «Ум и сила» (он, не удержавшись от соблазна, тут же ещё и её продолжение настрочил), и главка «Сила и ум» и тоже с продолжением. Вот и государство, оказавшись в печальном положении, точно так же прибегает к последнему ресурсу, который у него остался, оно выталкивает вперёд самых умных и самых сильных. «Пришёл ваш час.»

В истории Англии не было временного промежутка в десять лет, когда бы в правительстве одновременно находилось такое количество сильных людей как в 40-е годы XX столетия. В другой момент они бы друг дружку поедом бы съели, но тут было не до личного аппетита, нужен был непрерывный «мозговой штурм», причём штурм такой, когда ты на отвесную стену лезешь, а сверху валуны сбрасывают и с хохотом и прибаутками кипящую смолу льют.

Кроме силы нужен был ум, и вот тут, прямо скажем, Англии повезло. В те десять лет, когда решалась судьба королевства, на троне сидел монарх, по своим личным качествам как нельзя лучше подходивший для той ситуации, как нельзя лучше вписывавшийся в сложившийся «контекст». Георг VI был в высшей степени ответственным человеком, ставившим понятие «долга» перед государством выше всего остального. Но подобных государственных деятелей много, добросовестным отношением к делу мир политики не удивишь. Да и в смысле собственно «ума» Георг тоже отнюдь не был гением, кроме того, у него был недостаток, у него было не очень хорошо с тем, что принято понимать под «английским чувством юмора», он не понимал «тонких» шуток, может быть именно по этой причине страшный брат и считал его «туповатым», но зато у него было одно очень и очень ценное для правителя свойство – он был трезвым человеком. Трезвым до какой-то провидческой прозрачности. Георг не только чрезвычайно объективно оценивал окружающих, но он ещё и не менее отчётливо видел и оценивал себя, и, видя себя и себя понимая, он принимал себя таким, каков он есть, он никогда не пытался быть кем-то другим. Он не пытался не только быть, но даже и казаться умнее или сильнее, и, принимая себя таким, каким его создал Бог, он не только не ревновал к чужой силе, но наоборот, он старался окружать себя как можно более сильными людьми, он ставил их силу на службу государству.

Я думаю, что если и не по тем же, то по весьма сходным причинам одним из самых успешных царствований в истории России было царствование Екатерины II. Императрица была женщиной и ей просто не приходило в голову ревновать к военным или политическим успехам своих фаворитов, наоборот, эти успехи льстили её самолюбию, ну, а то, что служа ей, тот же светлейший князь Потёмкин служил России, так так даже и лучше выходило, в конце концов России служила и сама Екатерина.

Ну и вот, когда английскому государству в годы войны и сразу после понадобились сильные люди, их не пришлось искать, они все оказались под рукой. От них буквально не было отбоя, один был лучше другого. Сильным же человеком сильного правительства сильным Эттли был Эрнст Бевин.

61

Родился Бевин на нижних ступеньках социальной лестницы, если не сказать, что под ней, его отец был батраком. Ну и не иначе как для полного счастья в возрасте восьми лет будущий министр остался без матери. В одиннадцать лет жизнь заставила маленького Эрнста пойти по стопам отца, «в люди», он, правда, успел к тому времени получить формальное образование (если можно назвать образованием пару лет в начальной школе), что, тем не менее, позволило ему считаться в семье очень умным, ну как же, ведь мальчишка мог вслух читать газету взрослым родственникам, которые были неграмотными.

Пробатрачив несколько лет, восемнадцатилетний Эрнст отправился в Бристоль, где нашёл работу водителя грузовика и эта прямая дорожка привела английского Козлевича не в кабак, а в Бристольское Общество Социалистов. Потом работа в доках, что вкупе с пристрастием к газетному чтению сделало его секретарём местного отделения Профсоюза докеров. Карьеру в профсоюзе он сделал очень быстро, дело было в том, что в тот период жизни, когда ему посчастливилось поработать водителем, кручение баранки молодому человеку показалось занятием не самым весёлым и он разнообразил свой досуг всякими разными развлечениями, в том числе и таким душевспасительным занятием, как произнесение проповедей перед бристольтскими баптистами. Так что в портовый профсоюз молодой Бевин явился во всеоружии, он умел не только читать, но он к тому же научился и очень хорошо говорить.

В тридцать лет Бевин поднялся выше – он оказался в числе нескольких честолюбцев, организовавших TGWU (Профсоюз транспортных рабочих), который всего через несколько лет превратился в самый большой профсоюз в стране, а Бевин через те же несколько лет взлетел на самый верх, он был избран генеральным секретарём профсоюза, что, в свою очередь, ввело его в тесный круг самых влиятельных людей в государстве. Будучи членом профсоюза, Бевин не мог не быть социалистом и эта очевидность, а также нужда в политической поддержке привела его в ряды Лейбористской партии. Когда лидером лейбористов стал Эттли, они нашли друг друга.

В личностном плане Бевин был очень сильным человеком. Очень. Если представить себе политическую партию в виде футбольной команды, то Бевин был бы в такой команде центрфорвардом таранного типа. Он и внешне вполне

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
соответствовал образу голеадора – грузный, сильный физически, с упрямо наклонённой головой, в высшей степени самоуверенный, не терпевший никаких возражений человек. Этаким буйвол с налитыми кровью глазами, роющий копытом землю и пускающий струи пара из ноздрей. Своих оппонентов он забивал с лёгкостью, затапывал в самом буквальном смысле.

Во время войны, когда было сформировано надпартийное правительство, которое сегодня называют коалиционным, а тогда уклончиво называли национальным, Бевин попал в него вместе с другими социалистами. В правительстве он получил портфель министра труда. Как вы помните, во время войны за работу тыла в широком смысле отвечал Эттли, а вот за «трудовые ресурсы» отвечал Бевин. Причём его пост оказался настолько важным, что Бевин был введён в Малый Военный Кабинет, причина этого вполне очевидна, то самое – «кадры решают всё», а нужда в «кадрах» делает кадровика (а в войну особенно) одним из самых-самых нужных в государстве людей. За время нахождения в Кабинете Бевин очень хорошо сработался с Эттли, с маленьким, незаметным, немногословным человеком. С точки зрения власти они представляли из себя идеальную пару, идущую в упряжке. Бевин, который не терпел ничего соперничества, неожиданно легко подчинился Эттли, он стал его верным политическим союзником.

Ну и вот, когда в июле 1945 года социалисты одержали сокрушительную победу на выборах, Эттли отправился в Букингэмский дворец, этого требовала Традиция. Новый премьер-министр должен был сформировать правительство и доложить об этом королю. Эта процедура выглядела тогда и выглядит сегодня как пустая формальность, король согласовывает с руководством выигравшей выборы политической партии кандидатуру премьер-министра, а уж тот по своему усмотрению формирует правительство, «раздаёт портфели».

На деле это, конечно же, не так. Каждый претендент в министры тщательнейшим образом рассматривается всеми заинтересованными лицами и лишь после долгого закулисного торга и взаимных «согласований» та или иная кандидатура утверждается и рядом с её фамилией ставится галочка. «Next!»

Точно так же и в 1945 году все министры уже были министрами до того, как Эттли переступил порог королевского дворца (я уже писал, что он не умел водить машину, к Букингэмскому дворцу его отвезла жена и она же попыталась, прикинувшись дурочкой, туда с ним пройти, но её вежливо оттерли в сторону и к королю провели одного Эттли). О том, кто именно займёт тот или иной министерский пост, знали не только во дворце и лондонских штаб-квартирах политических партий, но о том знали и те, кому всё на свете знать надлежит и по другую сторону Атлантики, любопытство в данном случае не только понятное, но и извинительное, в конце концов, государевым людям заранее нужно знать с кем они будут иметь дело в следующие несколько лет.

Когда Эттли оказался лицом к лицу с Георгом, он вытащил заранее заготовленный список и совершил действительно совершеннейшую формальность – зачитал перечень фамилий, который уже и так был известен королю. Была в этом списке и фамилия Бевина, его Эттли обойти никак не мог по той причине, что без Бевина он не мог обойтись, в новом правительстве Бевин получил портфель министра финансов. Выглядело это очень разумным, кому как не такому носорогу каким был Бевин, было заниматься изысканием средств в терпящей бедствие Англии, кому, как не ему было выжимать из англичан денюжку, выкручивая страну, как мокрую тряпку. До этого кандидатура на пост главного финансиста не вызывала возражений ни у кого, но когда Эттли закончил чтение и замолчал, Георг, заикаясь, неожиданно сказал ему, что он предпочёл бы увидеть Бевина министром иностранных дел. Эттли выжидательно помолчал, но Георг в ответ промолчал тоже. Тогда Эттли вежливо сказал, что он подумает. Результатом его недолгих раздумий стало то, что желание короля было исполнено, Бевин стал министром иностранных дел. На первый взгляд назначение Бевина выглядело по-меньшей мере странным, казалось, что он был бы хорош на любом посту, кроме этого, министру иностранных дел нужно быть ловким, хитрым, он должен уметь вести долгие, изнурительные переговоры, а какой из Бевина был переговорщик, вы только представьте себе, что это такое – профсоюзный босс, сделавший карьеру во времена Великой Депрессии, это же просто гангстер какой-то, не говоря уж о том, что Бевин мало того, что не знал ни слова по-французски, так он ещё, особенно когда входил в раж, говорил с таким простонародным акцентом, что его иногда с трудом понимали коллеги по Кабинету. А тут – министр иностранных дел!

Но удивлялись не только в Лондоне. Назначение Бевина вызвало переполох в

Вашингтоне, американцы нарушением английских традиций были недовольны до такой степени, что даже предприняли дипломатический демарш, хотя казалось – а им-то что за дело? Но дело было в том, что кому кому, а американцам до этого дело было. Георг знал, что он делает.

62

Сегодня, по прошествии более чем полувека, неустанными стараниями пропаганды Эрнста Бевина помнят главным образом как яркого антикоммуниста, что автоматически превращает его в не менее яркого русофоба. И что да, то да – этот человек не любил русских (любил тут немного не то слово, в политике «любит» и «не любит» означает не то же, что мы имеем в виду под «любить» или «не любить» кого-то или что-то). Бевин считал Россию врагом не Великобритании даже, а Англии, если мы лопатой нашей мысли снимем ещё один слой, то мы обнаружим, что он видел себя выразителем и защитником интересов не Британской Империи, не Великобритании и даже не Англии вообще и не английского народа в частности, а только и только английского рабочего класса. Поскольку Бевин несомненно был социалистом, то его национальные пристрастия, которые он даже не находил нужным особо скрывать, делали его вообще-то не просто социалистом, но во вполне определённом смысле и национал-социалистом.

Вкупе с некоторыми чертами его характера вышесказанное превращало Бевина в чрезвычайно ценный политический инструмент. Причём инструмент универсальный. Дело в том, что мы не можем красить Бевина одной краской, он был не только русофобом. Этот человек «не любил» немцев и французов ничуть не меньше, чем русских. Но и это было не самым главным. С точки зрения Букингэмского дворца самым на тот момент главным было то, что Бевин до самых до печёнок не любил американцев. Да и с чего бы ему было их любить? В его жизни уже была любовь, Бевин любил английского рабочего, ну и ещё немного он любил свою жену. Больше он не любил никого.

Зная всё это и отчётливо представляя себе послевоенный политический контекст, в котором должны были развиваться мировые события, достаточно было назначить Бевина на определённый пост в государственной машине и после ждать. Просто ждать. Ждать пришлось недолго, менее года. А потом случилось следующее.

Представьте себе кабинет, в котором идёт секретное совещание, присутствуют всего несколько человек – два-три министра, два-три человека, формально в аппарат исполнительной власти не входящих, но тем не менее это люди из тех, кто «принимает решения», ну и сам премьер тут же, сам Клем Эттли. Совещание не просто секретное, а Top Secret секретное, секретное настолько, что присутствующие заранее предупреждены, что информацией, обладателями которой они, выйдя из кабинета, станут, они не должны делиться даже с остальными членами правительства. Вопрос, который они обсуждают, невообразимо сложен, на них ложится колоссальная ответственность за судьбы почти пятидесяти миллионов британцев. От решения, к которому они придут, в самом прямом смысле зависит судьба государства.

Премьер-министр, принявший для себя решение ещё до того, как совещание началось, подталкивает их к определённому выводу, он хочет, чтобы этот вывод они сделали сами, он хочет услышать от них «да», но остальные либо открыто против, либо колеблются. Они считают, что Англия «не потянет», что всё не то и всё не так, страна обескровлена войной, перед страной множество проблем, народ устал, ресурсы истощены и – нет денег, «господа, казна ведь пуста, о чём мы вообще говорим?» Все оживляются, переглядываются, ищут понимания и одобрения в чужих глазах, с облегчением улыбаются, «ну да, на бумаге всё всегда гладко, а про овраг, как обычно, забыли, а тут не овраг даже, а – яма.»

Денег ведь и в самом деле нет, а те, что удастся наскрести, можно потратить с куда большей пользой. Все, забыв о том, ради чего они собрались, не слушая друг-друга, начинают наперебой предлагать как и с какой государственной пользой можно истратить миллион-другой фунтов. Премьер молчит, кончиками пальцев прижимает веки закрытых глаз, не мешая всем высказаться, он тянет время, он ждёт, в совещании не принимает участия ещё один человек, он запаздывает, он только что вернулся в Англию после государственного визита в США, сколько ему нужно времени, чтобы добраться из аэропорта сюда, да где же он, думает премьер, где этот чёртов Бевин?

Дверь распахивается, вот и он. Министр иностранных дел, не здороваясь, ни на кого не глядя, думая о своём, идёт к свободному месту за столом, отодвигает стул, не садясь, вслушивается в галдёж, обводит всех тяжёлым, исподлобья, взглядом.

– Мы должны её иметь, – негромко говорит он.

Один за другим все смолкают, смотрят на закипающего яростью Бевина.

– Дело не во мне, – говорит тот, – чёрт бы со мною, но я не позволю, чтобы в будущем с министрами иностранных дел этой страны разговаривали так, как разговаривал со мною госсекретарь Бирнс. Мы должны её иметь вот здесь, – Бевин грохает портфелем, набитым государственными бумагами, по столу, министры отшатываются. – Мы должны иметь её во что бы то ни стало, любой ценой. Любой! И на боку у неё должен быть нарисован долбаный юнион джек!

Воцаряется молчание, лица сидящих за столом каменеют. Эттли опускает голову, пряча торжество в глазах, он выиграл, Бевин заставил их принять нужное государству решение, теперь они пойдут до конца, теперь они не отступятся. Англия получит «её». Речь на совещании шла об английской атомной бомбе.

63

Теперь нам нужно представить ту, послевоенную, обстановку на мировой кухне и представить именно в этом, в нуклеарном «разрезе». Кухня та, хоть и называется красиво кухней политической, как была так и остаётся просто кухней, причём кухней не в «отдельной благоустроенной», а в коммунальной квартире под названием Слободка Земля. Государства, в нехорошей квартирке проживающие, разъехаться, как бы им того ни хотелось, не могут. Некуда им разъезжаться. Скованы бедолаги одной цепью. А где кухня, там и хозяйки, и хозяйки на кухоньке этой кашеварят так, что дай Бог каждому, дым столбом, жар, шкворчание и брызги раскалённого масла, да каждая из хозяюшек ещё так и косится, так и косится, так и ждёт, чтобы момент улучшить, да в чужую кастрюлю и плюнуть. Глаз да глаз за ними нужен, что ни хозяйка, то и ведьма.

Хозяйки наши не дуры поскандальить, но даже и им известно, что худой мир лучше доброй ссоры, а тут, как назло, такая ссора вышла, что на кухню нашу без слёз взглянуть невозможно, плохо на кухне дело, а обед ведь, хочешь не хочешь, а готовить нужно, словом, необходимо как-то договариваться. Проблема, однако, была в том, что договариваться приходилось после того, как одна из хозяек взорвала атомную бомбу.

Вот сложные «па», которые начали вытанцовывать друг перед другом хозяйки на закопчённой кухоньке.

21 сентября 1945 года правительство США рассмотрело вопрос по созданию какой-то системы международного контроля над ядерной энергетикой, там впервые прозвучало предложение по включению в подобную систему СССР. Практически все присутствующие высказались против, за исключением пары человек, одним из которых был небезызвестный Дин Ачесон. Против-то против, но идея получила дальнейшее развитие, когда 3 октября 1945 года Труман в обращении к Конгрессу заявил, что в той или иной форме, но международный контроль необходим. Американский президент, невзирая на сопротивление членов собственного правительства, посчитал, что в условиях ядерной монополии гонка вооружений Америке невыгодна и что по мере сил ей нужно придерживаться сложившегося статус-кво, система же контроля позволяла США быть в курсе того, что происходит в других странах.

14 ноября 1945 года состоялась встреча Трумана с Эттли и премьер-министром Канады Кингом, Эттли и Кинг тоже хотели создания международной комиссии, но с прямо противоположными целями, им был нужен хоть какой-то допуск к американским разработкам. Все хитрили и ходили кругами. На этом совещании вновь был поднят вопрос о включении в комиссию СССР. На свет появилась идея по созданию Комиссии по атомной энергии при ООН. Американцы для вида покривились и покобенились, но в конечном итоге сказали, что они ничего против не имеют, они по-прежнему полагали, что их лидерство в создании ядерного оружия неоспоримо и в ближайшем будущем бросить им вызов никто не сможет.

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
16–26 декабря 1945 года в Москве состоялась Конференция Министерства
Иностранных Дел. На ней высокие договаривающиеся стороны в лице
представителей США, СССР и Англии создали зародыш комиссии, призванной
контролировать уничтожение атомного оружия и регулировать все вопросы,
связанные с мирным использованием атома.

24 января 1946 года на свет появилась UNAEC (United Nations Atomic Energy
Commission) с шестью постоянными членами (США, СССР, Англия, Франция, Китай
и Канада) и шестью членами непостоянными. Тогда же американцами был создан
особый комитет, призванный разработать для американской стороны план
действий в рамках комиссии.

План был представлен американскому правительству 16 марта 1946 года,
назывался он «Отчётом Ачесона-Лилиентала» по имени входивших в комитет Дина
Ачесона и Дэвида Лилиентала, разрабатывавших политическую составляющую
Отчёта, проработкой технических вопросов занимался Роберт Оппенгеймер. В
общих чертах Отчёт сводился к следующему – его разработчики предлагали,
чтобы под международный контроль были поставлены как добыча урановой руды
так и предприятия атомной промышленности, а все производимые в мире
расщепляющиеся материалы должны были поступать в распоряжение
международного органа, который занимался бы выдачей лицензий и
распределением расщепляющихся материалов между государствами, желающими
развивать ядерную энергетику. Кроме этого отчёт предлагал следующий вариант
– США рассекречивают и передают СССР технологию производства бомбы в обмен
на обязательство не производить ядерного оружия. Труман этот план в общих
чертах одобрил, но высказался в том смысле, что он должен быть доработан.
После доработки план пополнился дополнительными деталями из разряда тех, за
которыми прячется нечистая сила.

В окончательном виде план стал называться Планом Баруха (по имени Бернарда
Баруха, назначенного главным представителем США в UNAEC), детали же
заклювались в контроле, в проверке того, как выполняются условия
соглашения. Те самые «международные инспекции на местах». СССР план отверг,
заявив, что прежде чем говорить о каких бы то ни было планах, США должны
разоружиться, то-есть уничтожить те бомбы, которые уже имеются у них в
наличии, а уже после этого можно приступать к обсуждению пунктов плана. Но
тут уже, не желая разоружаться перед партией, замотали головами американцы,
посчитавшие, что русские просто хотят выиграть время, чтобы сократить
разрыв и вести переговоры с позиций если и не силы, то во всяком случае с
куда более выгодных. В общем дело как-то само собой похерилось.

Сегодня некоторыми не самыми глупыми людьми считается, что за непримиримой
позицией СССР скрывалось вовсе не глупое упрямство Сталина и не его желание
каким-либо образом обмануть американцев, дело было совсем в другом, Сталин
не хотел показывать «международным делегациям» послевоенную Россию воочию.
Одно дело было читать о бедствиях, принесённых войной в Россию, в газетах,
и совсем другое – увидеть разрушенную страну собственными глазами, причём
не просто увидеть, а ещё и бессознательно сравнить с тогдашними же США, для
которых война кроме полученного колоссального политического капитала
явилась ещё и мощнейшим экономическим бустером. С точки зрения Сталина
позволить «инспекторам» в конце сороковых колесить по стране имело бы
примерно тот же эффект, как если дать хищнику понюхать открытую и
кровоточащую рану. Сталин очень хорошо понимал, что такое людская
психология, он сам множество раз извлекал из этого понимания пользу, он был
в этом смысле чуток, именно это и сделало его великим политиком и теперь он
не хотел, чтобы психологический выигрыш получала другая сторона.

Теми же умными людьми считается, что неприятие сторонами плана
Ачесона-Лилиентала в его первоначальном виде было фактическим началом
Холодной Войны. Лично я думаю, что Холодная Война была неизбежна и началась
бы в любом случае, поэтому привязка её начала к тому или иному событию
кажется мне несущественной.

Ну так вот, переговоры между США и СССР и вся сопутствующая им
международная шумиха скрывали за собою ничуть не менее острую проблему,
сознательно заматавшуюся под ковёр, а именно – послевоенные разногласия в
области ядерных вооружений между США и Англией. Взаимоотношения между ними
регулирувались Квебекским Соглашением от 1943 года. Соглашение это не
устраивало ни США, ни Англию. США не нравилось, что англичане имеют право
вето на применение американцами ядерного оружия, а англичанам не нравилось,
что по условиям соглашения всё, что связано с разработкой не только

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
военного, но и мирного атома, должно было быть предметом межгосударственных переговоров на уровне премьер-министра с одной стороны и президента с другой, то-есть все свои шаги англичане должны были согласовывать с американцами. Это всё в теории, но трудности не замедлили возникнуть и на практике.

Началось с распределения урана. Во время войны, когда англичане заплатили за допуск к участию в Манхэттенском проекте тем, что свернули собственные ядерные исследования, весь добытый уран поступал в США. Там он делился на две части в пропорции 50–50, одна часть поступала в распоряжение американцев, а другая – англичан, но, поскольку англичане к практическому воплощению бомбы не допускались, то ядерная начинка делалась американцами из американской половины, английские же 50 % долежали до конца войны практически нетронутыми, после же войны, когда начались трения, англичане свою половинку поспешно вывезли в Англию.

У американцев немедленно возникли проблемы (до того уран они получали от ещё одного подписанта Квебекского Соглашения – Канады, но теперь Канада играла на стороне англичан и США оказались на мели.) Американцы перебрались в Бельгийское Конго и начиная с 1948 года получали необходимый им уран оттуда. Однако в какой-то момент бельгийцы вдруг потребовали в дополнение к деньгам (хотя платили американцы щедро) ещё и поделиться с ними информацией по производству бомбы. За этим скромным желанием стояла либо (что более вероятно) Франция, либо всё та же Англия, но, поскольку дело происходило уже в условиях начавшейся ядерной гонки с СССР и времени выясняться с привередливыми и не по чину любопытными потомками Тилля Уленшпигеля у американцев не было, то они просто перебрались в Южную Африку. Но это уже другая история и интересна она только товарищам, которые надумают покопаться в том, как и каким образом бомба появилась у злобных африканеров.

К моменту окончания войны англичане имели теоретические (и достаточно глубокие) познания в ядерной области, кроме того они теоретически же знали, что нужно делать с U-235 и плутонием, но вот что касается того «как делать», что касается практической стороны дела, то они не знали почти ничего. Они знали теорию технологии производства бомбы. К «деланию» американцы их дальновидно не подпускали, а там было, как то каждому понятно, великое множество производственных секретов. Как злорадно заявил один из допущенных к тогдашним секретам американец – «they had only bits and pieces», то-есть у англичан были какие-то разрозненные фрагменты очень сложной картинки. Кроме, так сказать, инженерии, англичан на пушечный выстрел не подпускали и к тому, что на тогдашнем слэнге атомщиков называлось the plutonium business, ни одного англичанина не было ни в чикагской лаборатории, ни в Хэнфорде. А между тем плутониевая бомба была на тот момент уже следующим шагом, выходом на более высокий уровень. Между прочим, испытание в Аламогордо 16 июля 1945 года было испытанием плутониевой бомбы. Первая бомба, сброшенная на Хиросиму была достаточно примитивной, «простой» урановой бомбой, американцы были так уверены, что она взорвётся, что даже не посчитали нужным провести предварительное испытание, но вот гораздо более сложную плутониевую бомбу они сперва испытали, и только после этого применили в Нагасаки.

64

Бомбы бомбами, но начинка пирога, который Америка, отгородившись локтем, захихивала себе в рот, имела в себе кроме «Малыша» и «Толстяка» ещё и другие вкусоности.

Государства, воюя между собой, всегда воют за что-то, война призвана создать некую новую реальность и в этой будущей картине мира появятся плохо представимые сегодня вещи, явления и феномены, ценные тем, что они будут выгодны победителю и невыгодны побеждённому. Завтрашний мир строится сегодня и строится он войной, а война это вовсе не то, что живущие в государствах люди называют войною, война это наша с вами жизнь, повседневно, сменяющие друг друга серые, скучные дни. Мы воюем изо дня в день, даже не догадываясь о том, для государства каждый из нас – солдат. Разница между людьми только и только в одном – одни из них солдаты армии победителя и им отдают на поток и разграбление рухлядишку и животишки побеждённых, а другие – жалкие остатки разбитой армии, загнанные за колючку и которым сегодня поесть дадут, а завтра, может, и нет.

Для того, чтобы лучше представить себе, что такое война, возьмём в качестве примера межвоенные (какая высокая ирония в этом слове!) двадцать лет прошлого века. Действующие лица – государства, да ещё какие государства! Британская Империя, Америка, Франция и Германия. В эти двадцать лет там и сям происходят «вооружённые конфликты», ярко освещавшиеся тогдашним «телевизором» – газетами. Итальянская «агрессия в Эфиопии», гражданская война в Испании, японские дела и делишки в Китае, ну итд. Эти конфликты и сопутствовавшая им газетная шумиха призваны были скрыть суть, а суть была в тогдашней Холодной Войне между Британской Империей и США. Фактически все тогдашние локальные войны были следствием борьбы титанов, точно так же, как вспыхивавшие пару десятилетий спустя всякие там ближневосточные, сомалийские и вьетнамские войны были следствием явления более высокого порядка – Второй Холодной Войны, в которой сошлись победители в горячей Второй Мировой – США и СССР.

Вот что мы имеем в период 1919–1939 годов – мир после Версаля поделен, спорить вроде бы не о чем, все при делах. Все, уговаривая друг друга, что ужасы Первой Мировой не должны повториться, готовятся к войне следующей, готовятся наперегонки. Ну, а готовясь, живут, и живут вроде бы мирной жизнью, совсем как мы с вами. В этой мирной жизни что-то значат слова «экономика», «международная торговля», «договора». В этой мирной жизни Англия копает уголь (угля в Англии до фига) и продаёт его. Где-то в начале этих заметок я приводил цифры тогдашней добычи угля, так вот Англия мало того, что тяжёлым трудом своих шахтёров добывала этого самого угля очень много, так она ещё и была ведущим продавцом угля в мировом масштабе. Самым же большим покупателем английского угля была Франция.

После Первой Мировой Франция хотела Германию разделить на кусочки и вообще-то здравый смысл требовал именно этого, но если убрать в центре Европы такое мощное государство как Германия, то это автоматически усиливало Францию, превращая её в державу номер один на континенте и если французам подобная перспектива по понятным причинам нравилась и нравилась тем более, что у Франции была ещё и своя колониальная Империя, что вкупе с желаемой ею гегемонией в Европе превращало Францию в силу уже глобальную, то подобный «расклад» никак не устраивал ни Англию, ни США. Им вполне хватало друг дружки, зачем им ещё и петух, пусть даже этот петух и называет себя «галльским»? Поэтому Германию сохранили, перед тем, правда, немного обкорнав по краям.

Но Франция тоже была не лыком шита, она прожила длинную историю и за это время успела кое-чему научиться. Франция своё взяла по другому. Она прекратила закупки угля в Англии и начала брать уголь у Германии, брать бесплатно, в счёт репараций. Сделав это, Франция нанесла Англии очень тяжёлый удар, Англия сбилась с дыхания, скособочилась и захекала, Англии стало нехорошо. Англия сразу лишилась многих-многих миллионов фунтов стерлингов, но это было не самое страшное, самым страшным была даже и не резко выросшая в старушке Англии безработица и связанные с этим *social unrest*, самым страшным было вот что – уголь тогда был чем-то гораздо большим, чем нефть сегодня, уголь был стратегическим ресурсом и Англия даже не прямой угрозой, а всего лишь намёком на сокращение поставок угля могла влиять на принятие тех или иных политических решений во Франции, уголь был превращён в некую шахматную доску, на которой можно было разыгрывать очень сложные партии и на доске этой у Англии всегда было больше фигур, а тут вдруг партнёр просто встал из-за стола и послал Англии воздушный поцелуй: «Играй сама с собою.»

Поскольку главными глобальными соперниками тогда были Англия и США, то то, что было для Англии плохим, было хорошим для Америки и там, захохотав и тыча в сторону Англии пальцем, запрыгали на одной ножке. Но потом смеяться перестали, стали прыгать медленнее, потом ещё медленнее, а потом прыгать перестали вовсе. Америка обнаружила, что Франция, ослабляя Англию, ослабляет и Германию, причём ослабляет сверх всякой меры, французы всегда славились своей жадностью. Франция, не мытьём, так катаньем, добивалась своего – европейской гегемонии. С тем, чтобы снять с шеи Германии удавку, американцы фактически простили французам их долг Америке, взятый в годы Первой Мировой. Я даже думаю, что дефолт по американским долгам сопровождался какими-то секретными протоколами, игра тогда шла очень серьёзная, а государства любят крючкотворство, в зависимости от того, как будут развиваться события, всегда можно вытащить на свет Божий ту или иную бумажку и помахать ею в воздухе. Но, выигрывая в одном, вы всегда проигрываете в другом. Позволив Германии дышать, американцы одновременно

сделали лучше и своему тогдашнему врагу – Англии. Это и есть война. Нет какого-то одного фронта, государство воюет всюду и сразу со всеми. Оно давит в одном месте и уступает в другом, оно отступает в Иране и наступает в Египте, оно стремится извлечь как можно больше выгоды из локальной победы и оно же делает всё, чтобы минимизировать последствия локального поражения, государство знает, что в конечном итоге победит не тот, кто сумеет выиграть какое-то одно, пусть и большое сражение, в конечном итоге выиграет тот, кто сведёт в свою пользу общий баланс.

Послевоенную борьбу в ядерной области нужно рассматривать именно в этом ключе, «атом» был серией сражений в войне, не прекращающейся ни на минуту. Сражались же тогда государства не только за то, чтобы занять Бомбу самим и не позволить сделать то же другим, в этой войне было сразу несколько фронтов. Не делаясь с Англией секретами, американцы преследовали и ещё одну цель, они не хотели собственными руками создавать себе конкурента в области ядерной энергетики, уже тогда они знали, что главное оружие тогдашнего будущего, а нашего сегодня – это энергия.

65

Не успела закончиться Вторая мировая, как американцы озаботились будущим «атома». Они были на тот момент главными, если не единственными, обладателями know how и их желание в этом удобном положении оставаться и впредь по-человечески вполне понятно. Желание сохранить все секреты для себя имело в своей основе ещё и тогдашнюю эйфорию, в которой пребывало политическое руководство США, в значительной мере переоценивавшее роль атомной энергии. Сразу после войны считалось, что атомная энергия позволит решить чуть ли не все стоящие перед человечеством проблемы.

Кроме того в мирном использовании атома крылась одна вроде бы тоже мирная, но тем не менее очень даже милитаристская составляющая. Тогда считалось, что в ближайшем будущем можно будет установить атомные двигательные установки на практически любой корабль, и, соответственно, государства, которые принято называть «морскими» этой радужной перспективой были просто ослеплены, но в своём ослеплении они очень чётко видели опасность оснащения ядерными двигателями кораблей противника. В общем, если бы, да кабы, а пока – «секретить, секретить, секретить!»

1 августа 1946 года Труман подписал «The Atomic Energy Act of 1946», известный как «Акт МакМэхона». Акт сводился к тому, что законодательно запрещал делиться информацией в ядерной области с кем бы то ни было, даже и с союзниками. Даже и не «даже с союзниками», а с союзниками в особенности. Англичанам, которые считали себя равноправными участниками «Манхэттенского проекта» показали средний палец.

Что было делать бедным подданным Его Величества? А ведь они чего-то там делали, шебуршились и если американцы думали, что они англичан застали врасплох, то это было не так. Атомные дела были одними из первых дел, которыми озаботилось правительство Эттли. Уже 29 августа 1945 года при Кабинете был создан секретный «Atom Bomb Committee», получивший название «GEN.75». Позднее, по личной инициативе Эттли, в его рамках был создан ещё более секретный (как утверждается сегодня, о его существовании кроме Эттли знали только два министра тогдашнего правительства) отдел «GEN. 163», где принимались ключевые решения, касавшиеся разработки ядерного оружия.

Тогда же при правительстве появился и так называемый СовеЩательный Комитет по Атомной Энергии, ACAE (Advisory Committee on Atomic Energy), немедленно принявший решение о постройке в Великобритании ядерного реактора.

В январе 1946 года (за семь месяцев до подписания Труманом «Акта МакМэхона») Эттли назначил трёх руководителей английской ядерной программы. Вот эта тройка – лорд Портал, физик сэр Джон Кроккродт и «инженер» Кристофер Хинтон. Портал, которому отводилась в проекте та же роль, которую играл в американском «Manhattan Project» генерал Гровс, осуществлял общее руководство, Кроккродт возглавлял теоретический отдел, а Хинтон отвечал за производство расщепляющихся материалов. В отличие от американской, английская ядерная программа с самого начала была ориентирована главным образом на использование ядерной энергии для гражданских нужд, хотя каждому понятно, что в этой деликатной области разделить атом мирный и атом военный так же трудно, как разделить сам атом. Первоначально были созданы два центра – один, исследовательский, в 12 милях к югу от Оксфорда, в Харвелле,

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
и другой в Рисли, где начал создаваться индустриальный ядерный комплекс
вместе с первым английским реактором.

Суетившиеся политики играли роль повивальных бабок, мамой была наука, но для того, чтобы дитя появилось на свет, нужен вообще-то и творец, нужен папа. Отцом английской атомной бомбы стал Уильям Пенни, бывший участником «Манхэттенского проекта», причём одним из ведущих. В Лос-Аламосе он входил в так называемый «brain trust» наряду с американцами Оппенгеймером, фон Нойманом, Парсонсом и Рамсеем. 27 апреля 1945 года Пенни был единственным англичанином среди десяти членов «комитета по определению целей атомной бомбардировки», составившего список из наиболее «подходящих» японских городов. Во время атомной бомбардировки Нагасаки Пенни находился в исследовательском самолёте, будучи одним из двух допущенных к полёту англичан и позднее он же смог побывать на месте взрыва с тем, чтобы оценить масштаб разрушений (любопытный штришок – взрыв бомбы над Хиросимой американцы англичанам не показали, а в исследовательский самолёт «Большая Вонючка» который должен был вылететь к Нагасаки в одной группе с бомбардировщиком «Бокскар» на борту которого находилась бомба, Пенни был допущен только после дипломатического скандала, но дальше как-то так вышло, что «Вонючка» то ли заблудилась, то ли сбилась с курса, то ли двигатели забарахлили, в общем, «Бокскар» улетел к Нагасаки без «Вонючки», та подтянулась к месту событий с большим опозданием и Пенни удалось увидеть взрыв с гораздо большего расстояния, чем он первоначально рассчитывал). Будущий отец крикливого английского дитяти 1 января 1946 года был утверждён главой Исследовательского Центра Вооружений (Armament Research Department).

1 октября 1946 года Пенни был вызван в Лондон и там написал для лорда Портала план по созданию атомной бомбы. На продумывание плана, в письменном виде занявшим всего десять страничек, ушёл месяц, после чего 4 ноября 1946 года Пенни и Портал обсудили план пункт за пунктом.

8 января 1947 года состоялось секретное заседание членов «GEN.163», на нём присутствовало шесть человек, включая Эттли, на заседании была подведена черта – «приступаем!». Решение, принятое «GEN.163» было доведено до Пенни в мае 1947 года и тогда же Портал официально поставил его во главе военной составляющей английской ядерной программы.

В июне 1947 года Пенни начал набор людей в свою «команду». Первое, что сделали собранные в команду англичане, так это детально расписали устройство американской бомбы и перечислили по пунктам, что потребуется для того, чтобы скопировать её. План чрезвычайно интересен, там в конце, после словесного описания устройства атомной бомбы, была расчерчена этакая сводная табличка и в ней под каждым компонентом бомбы были выстроены в столбик пункты: «можем ли мы начать делать это немедленно?», «каких специальных знаний нам не хватает в этой области?», «в чём заключаются конкретные трудности по производству именно этого компонента?», «легко ли произвести эту деталь, если мы знаем как и если у нас есть необходимые материалы и оборудование?» итд, с ответами на эти вопросы. Очень интересная табличка, позволяющая понять как работает англосаксонская голова. Между прочим, примерная копия этого плана была передана советской стороне работавшим на советскую разведку Клаусом Фуксом.

Проекту создания атомной бомбы было присвоено название ВНЕР (Basic High Explosive Research), позднее просто НЕР, что в переводе означает «ЕЁ», слово explosive (взрывчатка) было призвано, очевидно, замаскировать суть того, чем теперь занимался Пенни, в своё время он начинал свою карьеру учёного, специализируясь в области гидродинамики и распространения волн. В целях конспирации группа Пенни была рассредоточена между несколькими центрами, что зачастую приводило к бюрократической путанице, так как было непонятно кто кому подчиняется и кто кому отдаёт приказы, но англичане легко с этой неразберихой мирились. В сериале про полковника Хауса я немножко покопался в истории и схематическом устройстве английских секретных служб, так вот там была та же история, различные отделы шпионских ведомств на ходу переименовывались, переподчинялись, один отдел упразднялся и тут же вновь возникал внутри другого отдела, но уже под другим названием, итд, то-есть очевидно, что англичане считали, что если уж им самим трудно разобраться в собственном хозяйстве, то при взляде со стороны картинка и вовсе запутывается до степени неразрешимой головоломки. Самое интересное тут то, что что тогда, что сегодня тщательно обходится вопрос, а против кого, собственно, была направлена вся эта доходящая до абсурда секретность, от кого прятали создание бомбы англичане, кого они боялись?

Как бы то ни было, но определённая возникла только к середине 1948 года, когда были завершены исследовательские работы и пришла пора перейти от слов и мыслей к делу. Местом для производства бомбы была избрана военно-воздушная база Олдермастон в Беркшире. В Селлафилде, что в Камберленде, был построен реактор для производства плутония, Селлафилд был переименован в Виндскэйл (позже он был вновь переименован опять в Селлафилд) и ещё в сентябре 1947 года там было начато строительство реактора. 25 февраля 1952 года реактор заработал и первый оружейный плутоний был получен в начале апреля 1952 года.

Вся эта возня не могла укрыться от орлиного американского глаза, и хотя американцы не знали всего в деталях, но общее направление усилий скрыть было невозможно и Америка по мере сил пыталась в процессе «поучаствовать». Как там говорится, про тушку и про чучелко? Сперва, когда американцам стало известно, что до бомбы рукой подать, они попытались на переговорах заставить английскую сторону перенести мощности по производству бомбы в Канаду. Поближе, так сказать, так, чтобы при случае можно было рукой дотянуться. Англичане, отбросив дипломатический этикет, в ответ заявили: «Nuts to that, we'll build them wherever we like.» Когда прошло ещё какое-то время и американцам стало известно, что – «вот-вот», они, пытаясь получить хоть какой-то контроль над английской ядерной программой, предложили провести испытание английской бомбы на американском ядерном полигоне в Неваде, но вновь натолкнулись на категорический отказ.

Британия, хоть и называется Великобританией, но по размеру невелика, а плотность населения там и вовсе по российским меркам труднопредставимая, поэтому проведение ядерного испытания в атмосфере (а по-другому тогда не умели) поставило перед англичанами новое труднопреодолимое препятствие. Чтобы его обойти, Эттли пришлось прибегнуть к прямому обману. В 1950 году на переговорах с австралийским премьер-министром Мензисом он (эта часть переговоров была секретной и ни в каких коммюнике не отражалась) сообщил австралийской стороне, что Британия нуждается в полигоне и что для этой цели неплохо было бы использовать какую-нибудь пустынную местность в Австралии. Мензис тут же согласился и согласился вроде бы легко, но лёгкость эта легко же и объяснялась – Австралия потребовала, чтобы за полигон Англия расплатилась не только информацией по созданию атомной бомбы, но ещё и построила для Австралии ядерный реактор. Эттли пошёл навстречу Мензису с не меньшей лёгкостью и стороны ударили по рукам. Однако, уже после испытаний, когда пришла пора платить, англичане просто напросто отказались это сделать, сославшись на противодействие американцев и австралийцы остались с носом.

В качестве места испытания были избран архипелаг Монте-Белло у западного побережья Австралии. Для того, чтобы уложиться в график, «изделие» должно было быть готово к 1 августа 1952 года, однако Виндскэйл не успевал дать необходимое для взрыва бомбы количество плутония и часть необходимого для начинки плутония была получена из Канады (канадцы в те горячие годки лавировали между Сциллой и Харибдой и старались дистанцироваться подальше как от американцев, так и от англичан, но Эттли нашёл какой-то секретный ключик и к этому замку, необходимое количество плутония из Канады было получено). 15 сентября 1952 года начинка для первой английской атомной бомбы покинула Англию на борту крейсера «Campania», шёл крейсер не в одиночестве, флотилия состояла из пяти кораблей, в число которых входил и приготовленный к заклятию старый эскадренный миноносец «Plum».

Первая английская бомба под названием «Харрикейн» была собрана в трюме «Плима» (ядерное устройство не было, собственно, бомбой, оно было метра полтора в диаметре и весило несколько тонн), сам эсминец поставлен в лагуну острова Тримуй Айленд и бомба взорвана 3 октября 1952 года в восемь утра по местному и в полночь по Гринвичу, в 400 метрах от берега, находилась бомба в 2,5 метрах ниже ватерлинии.

Бомба представляла из себя примерный аналог взорванной над Нагасаки плутониевой бомбы «Fat Man» (Толстяк). Эсминец был аннигилирован. Наблюдатели находились на борту крейсера, вы не забыли, что он назывался «Campania»? Как-то так вышло, что наблюдательный пункт, оборудованный во время первого американского ядерного испытания в Аламогордо, располагался на холме под названием Campania. Надо же, и каких только забавных

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
совпадений в жизни не случается.

Бомба под названием «Голубой Дунай», сконструированная на основе устройства, взорванного на островах Монте-Белло, поступила на вооружение в ноябре 1953 года. Тогда же было решено, что к 1957 году в английском арсенале должно быть 200 «дунаев». А когда этот самый 1957 год настал, тогдашний премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан сделал следующее заявление: «... Теперь мы будем находиться в той же позиции, что Соединённые Штаты и Советская Россия, теперь мы можем вести переговоры на равных.» Но мы забежали далеко вперёд, а у нас ещё есть, что поразглядывать в конце сороковых, там ещё осталось кое-что интересное.

66

Сегодня Климент Эттли считается самым выдающимся премьер-министром Великобритании в XX веке. И считается так не «человеком с улицы», который тоже, между нами, поминает Эттли добрым словом, но считается так теми, «кто понимает», историками и политиками.

Поскольку мы все знаем, чем был прошлый век не только для англичан, но и для всего человечества, то признание Эттли лучшим английским премьером века двадцатого делает его и лучшим премьером, которого Англия имела за всю свою историю. Немного перефразируя лестную оценку, данную Эттли журналом «Тайм» в 1950 году, можно сказать, что «Clem Attlee stood head & shoulders above his fellow Prime Ministers», то-есть он не просто возвышается над остальными первыми министрами Короны, но они даже не достают ему до плеча, даром что роста он был небольшого.

Почему Эттли даёт столь высокая оценка, что такого невиданного и неслыханного он совершил? Да, он хорошо управлялся с вверенным ему хозяйством, ну и что? Хороших управленцев мир видел много раз до Эттли и много раз после. Да, он проводил масштабные социальные реформы, но кто их только не проводил и не проводит, вон даже и в «РФ» молодые реформаторы так покуролесили, таких подвигов насослаивали, что куда там всем английским премьер-министрам вместе взятым. Да, Эттли дал Англии атомную бомбу, но и в этом смысле он отнюдь не одинок.

Так что же в нём такого особенного?

Особенное там вот что – этот человек разбирал одно государство и строил другое. И делал он это одновременно. Умело делал. Делал, невзирая на то, что ему мешали как разбирать, так и строить. Мешали со всех сторон. Мешали так, как мешали претенденту в министры в старой индийской сказке. Помните?

Однажды магарадже потребовался новый министр и он через глашатая дал объявление. Желающих, ясное дело, нашлось множество, людишки засуетились, понаприсылали резюме, но магараджа был не прост, он собрал всех претендентов в кучу и сказал: «Мне недосуг читать, что вы тут сами про себя понаписали, мне вчера на базаре новую наложили купили, так что чем ваши бумажки перебирать, я лучше с ней время проведу, а в министры я возьму того, кто пройдёт испытание, испытание простое, любой дурак справится, что уж про министра говорить – нужно взять в руки миску с молоком и пройти с ней по гребню городской стены. Вот и всё. Задание легче лёгкого, как раз для вас. Но по дороге вас будут пытаться отвлечь, а как же, работа министром – работа нервная, министр, бывает, попадает в стрессовые ситуации, да вдобавок у меня ещё и характер не сахар, со мной работать это вам не шербет пить, так что пока вы будете молочко нести, вокруг вас там пошумят немножко, покричат, ну, ещё, может, кто ятаганом перед носом вашим – вж-ж-жик! может, кто в рожу плюнет, может, кто из пистоля над ухом пальнёт, словом, развлечётся мой добрый народ в меру отпущенной ему великим Шивой фантазии, но вы внимания не обращайтесь, вы своё знайте, вы молоко несите, да помните – кто пронесёт, не расплескает, тот и министр!

Претенденты загалдели радостно, друг дружку даже и пихать начали, каждый захотел первым миску нести, и действительно, что уж такого сложного в предложенном испытании? Но удивительное дело, первый пошёл и двух шагов сделать не смог, разлил всё к чёрту, второй – то же самое, третий так даже и сам со стены свалился, словом, полный конфуз и незадача. Никто не смог. Ни один. И тут, растолкав простецов, выходит невзрачнейший такой, тощенький, с виду васюрик васюриком, в чалме, правда, в белой, да и говорит: «А дайте-ка я попробую.» Люди – в смех. «Да ты чего, – говорят. –

Мудрейшие из мудрых не справились, а тут – ты! Да ты на себя посмотри, чучело!» Но неожиданный претендент не отступает, настаивает, проявляет некое даже, неуместное в его положении, упрямство. Видя такое дело, наливают ему миску молоком, до самых до краёв, дают в руки, ставят на стену. «Ну, давай – говорят, – ну, держись!» А он взял и пошёл. Два шага сделал, три, десять, сто! Чего только толпа ни вытворит, а он знай себе – идёт. Идёт, шельма! С молоком! Во даёт! Побежали за магараджей, так и так говорят, бросил тот свою наложницу, поспешил посмотреть на чудо и видит, что не обманывали его придворные, всё так и есть, идёт чувак по стене, идёт, как ни в чём не бывало, и молоко своё тащит. Толпа беснуется, а ему хоть бы хны! Так вокруг всего города и прошёл. «Наш человек! – говорит восхищённый магараджа. – Подать его сюда, пред мои светлые очи.» Подали.

– Как это тебе удалось, министр?

– Да так как-то, о великий магараджа, шёл себе и шёл. На молоко смотрел.

– И ничего не слышал?

– Ничего.

– И как кричали не слышал?

– Нет, не слышал, я на молоко смотрел.

– И как стреляли?!

– Нет, повелитель, я смотрел на молоко.

Вот так же и с Эттли. Ему мешали, а он разбирал, ему мешали, а он строил. И мешала ему не толпа, мешали ему государства, и не какие-нибудь завалы, а победители во Второй Мировой, и мешали не с бухты-барухты, а тщательно продумывая своё мешание. А он – строил. А он – разбирал. Строил он по проекту, в Англии до того не виданном, и разбирал он на кирпичи здание, которое строилось больше двухсот лет, Эттли разбирал империю. Сам, своими руками. Притом, что он был идейным, «заклятым» империалистом. Это, кстати, понятно, кто, как не империалист разбирается в том, как устроена Империя, кому, как не автомеханику, вы доверите разобрать забарахливший мотор вашей машины, вот и в нашем случае то же самое, пришла беда, зовут того, кто знает как беду руками развести, эмоции эмоциями, а дело делать нужно. «Глаза плачут, а руки сами делают.»

Вы спросите меня, да как же такое возможно – быть одновременно социалистом и империалистом? Как, как... Да вот так – вот же он перед вами, Климент Эттли. Социалист и империалист. И по секрету вам скажу, что я знаю как разрешается это кажущееся неразрешимым противоречие. Дело тут в том, что когда идёшь по стене и смотришь на молоко, становится неважным из какого материала сделана миска.

67

После 45-го Британская Империя продолжала называться Империей, но от Империи остался только фасад и фасад этот скрывал за собою не мощь, как прежде, а *weakness and bankruptcy*, слабость и банкротство.

Англичанам всеми средствами, которые только можно было мобилизовать, внушалось, что они победители, но в реальности английское государство напоминало обедневшую аристократическую семью, потерявшую всё – деньги, собственность, слуг, но при этом ведущую себя так, будто ничего особенного не произошло. После войны государство притворялось, что всё осталось по-прежнему, мол, подумаешь, ну станем мы называться «Содружеством», а так всё как было, всё как в прошлом. Однако прошлое ушло и настало настоящее, нынешнее, и в этом нынешнем всё стало по-другому, всё стало не так, как вчера.

Самым тяжёлым поражением во Второй Мировой для Британской Империи стало падение Сингапура в феврале 1942 года. Для Лондона потеря Сингапура стала тем же, чем могла бы стать потеря Сталинграда для СССР, то-есть геополитической катастрофой. Но если СССР Сталинград удержал, то Англия Сингапур потеряла. Потеря Сингапура означала потерю Австралии и Новой Зеландии. Но Империю продолжали называть Империей, и не только по инерции,

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
с потерей Австралии и Новой Зеландии Англия потеряла многое, но не всё, у
Англии оставалась Индия.

Для Британской Короны Индия являлась именно что жемчужиной, без всяких там кавычек, не говоря уж о том, что во вполне определённом смысле Индия сама по себе была Империей. С конца XIX столетия Индия играла роль того самого камня, что положен во главу угла, она была монолитом, уложенным в фундамент строения под названием Британская Империя. Индия представляла собою самый большой фактор имперской действительности, Индия была сердцевинной государственной системы, отстроенной Лондоном, Индия делала Британию самым большим игроком к востоку от Суэца, именно ценность Индии заставила англичан выстроить всю систему безопасности на Ближнем Востоке и в Средиземноморье, то, что в этой же зоне позже обнаружили нефть, играющую немаленькую роль в сегодняшних геополитических раскладах, было, вообще-то, случайностью, изначально всё выстраивалось не под какую-то там нефть, а «под Индию». Этим и хороша Империя, вы никогда не знаете, что она подарит вам завтра и именно по этой причине побеждённую империю разбивают на «независимые государства», разбивают на куски. Если же взглянуть на положение вещей с другой стороны, то Индия не только поглощала значительную часть ресурсов Империи, но она же являлась и практически неисчерпаемым резервуаром чего угодно, в том числе и самого главного – людей. В Первую мировую Индия помимо невообразимого множества всякой всячины дала Империи ещё и примерно 1 млн. 300 тыс. людей, индийцев, дала в качестве солдат и обслуживающего персонала. Во Второй мировой численность индийской армии составляла два с половиной миллиона человек. Это во время войны, но и в «мирное время» Индия позволяла военнослужащим (английским военнослужащим!), расквартированным на северно-западной границе, постоянно получать боевой опыт. Для Британии Индия была источником армейских традиций и, как бы смешно это ни звучало в наш безбожный век – армейской мистики.

Но дело не только в армии, даже и саму английскую культуру трудно представить себе без индийских острых ингредиентов. Индия повязана с Англией верёвочкой навсегда, без Индии нет полковника Пикеринга и доктора Ватсона, а без них нет и Англии.

Но теперь, после войны, в «Англии чёрный год» потеря Индии стала неизбежной, Великобритания просто напросто не могла себе позволить цену, которую нужно было заплатить за удовольствие удержать Индию. Индия уходила. С Индией вместе уходила и Британская Империя. Потеря Индии означала нечто неспоставимо большее, чем потеря в 1783 году Американских колоний. «Для Англии Америка никогда не значила так много, ни в стратегическом, ни в сентиментальном смысле, как Индия.» Индия уходила из Империи не одна, вместе с нею оттуда уходила и Британия.

Вот карта:

Карта старая, не слишком красивая, но на ней очень хорошо видно место, которое в тогдашней картине мира занимала Индия и также очень хорошо видна многослойная линия обороны, выстроенная Англией – укрепление за укреплением, крепость за крепостью, утёс за утёсом. Англичане строили Империю в виде концентрических, расходящихся от центра кругов, центр – Лондон, а потом первая линия обороны – Гибралтар, потом вторая – Мальта, потом третья – Суэц, потом четвёртая – Аден, потом пятая – Сингапур, а там – Тихий Океан, там – Австралия и совсем уж окраина Ойкумены – Новая Зеландия. Строя, англичане изначально готовились и к отступлению, они знали, что ничто не вечно, они знали, что когда-то им придётся уходить. И вот это время настало. И уходили они точно так же, оставляли один руд и отступали к следующему, «на заранее подготовленный плацдарм». Даже и по годам можно проследить, как сжималось кольцо обороны, пока к сегодняшнему дню не отступили они к последнему рубежу, к скале, к Гибралтару но вот за него держатся уже зубами, велик мир, но отступать некуда, позади Лондон. Гибралтар же позволяет сохранить надежду – когда-нибудь можно будет начать ползти в обратную сторону, туда, откуда уходили.

Но уходят тоже по-разному. Мы знаем, как уходят немцы, мы знаем, как уходят французы, мы (по очевидным причинам) знаем, как уходят русские, давайте-ка посмотрим, как уходили англичане. Да вот хотя бы из той же Индии. Интерес тут не только умозрительный, интерес тут самый, что ни на есть, жизненный, и интерес этот должен быть интересен в первую голову людям, называющим себя

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
«националистами», причём неважно какой именно национальности
«националистами», всем национальностям должно быть любопытно взглянуть, как
работают мастера.

Где-то повыше я писал, что после поражения государство заинтересовано только и только в одном – оно хочет, чтобы его оставили в покое, оно хочет заполнить поглубже в нору, оно хочет отлежаться и залезать раны, оно хочет опустить между собою и миром занавес. Железный. Ну, а другая сторона (зачастую и вообще не сторона, а стороны) из понятных соображений прилагает все силы, чтобы не позолить побежденному собраться и сосредоточиться и с этой целью продолжает несчастного терзать и мучить. Точно также и Англия после войны была заинтересована в том, чтобы всё рухнуло к чертям собачьим, чтобы всё стало ещё гораздо хуже, чем оно было в действительности, Англия хотела набить победителям хлопот полон рот и пока они, пуча глаза, будут мычать и прожёвывать, быстренько спроворить свою английскую «перестройку».

Все эти истории с послевоенными займами и процентами, с переворотами и локальными войнами, вся эта возня с атомными интригами и шпионажем, всё, абсолютно всё было направлено только и только на одно – не позволить Англии уйти из Империи так, как ей было бы удобно уходить, Англия должна была уходить постепенно, сдавая всё под роспись. И Англия вроде бы так и уходила. Но только именно что «вроде бы».

Ещё в начале XX века, когда дело медленно, но верно ползло к большой войне, чуть позже названной «Первой», англичане заранее подстелили соломки и поступили так в расчёте именно на этот случай, на случай поражения. Они показали себя людьми предусмотрительными – может придётся отступить, вот мы и заложим бомбу под опору моста, даром, что он пока наш, будем мостом пользоваться, а если придётся уходить, мы его – того-с, в воздух поднимем, пусть вражина понтоны наводит.

Вот что сделали «британские колонизаторы».

Была у них Индия, а в Индии была Бенгалия. А ещё в Индии был вице-король, «вицерай», звали его лорд Керзон. Да-да, тот самый, что «линия Керзона». Личность, «в определённых кругах» очень даже известная. В 1905 году лорд Керзон взял, да и разделил Бенгалию. Разделил под предлогом лучшего административного управления. А жили в Бенгалии и для развлечения охотились при свете бенгальских огней на бенгальских тигров бенгальцы. Бенгальцы были индусами. Только часть из них была индусами-индусами, то-есть индийцами, а часть – индусами-мусульманами. Другой разницы между ними не было. И жили они так, бок о бок, очень долго. (Между прочим, успех мусульманства в Индии объяснялся тем, что в мусульманстве отсутствовали касты, что весьма многим индийцам показалось очень даже привлекательным.) Жили наши индусы и поживали и как-то само собою вышло, что индийцев в Бенгалии было больше, чем мусульман, что последних, вообще-то, трогало мало, но вот лорду Керзону это показалось несправедливым и он поделил Бенгалию на два «анклава», на две «провинции», на Бенгалию Восточную и Бенгалию Западную. После этого в восточной части Бенгалии (она стала называться «Восточная Бенгалия и Ассам») мусульман получилось большинство. Для полного счастья им дали не только мусульманские органы местного самоуправления, но по инициативе инициативных англичан тут же, в 1906 году возникла ещё и политическая партия под простым названием «Мусульманская Лига», ну и тут же, как грибы после тропического ливня, появились местные газеты с мусульманским (а как же!) уклоном, словом, всё чин чинарём, а главное – с административным управлением всё стало просто замечательно.

Вы мне сейчас скажете, что приём этот стар, как мир, то самое – «разделяй и властвуй», и я с вами тут же соглашусь, в этой истории и в самом деле не было ничего нового. Кто только того же самого не делал. Все делали. Но если вы полагаете, что англичане на этом успокоились, то вы ошибаетесь, плохо вы про англичан думаете.

Прошло всего шесть лет и они Бенгалию объединили вновь.

Из этого воспоследовало вот что – в индийцах мусульманского вероисповедания, которые до того веками жили себе и жили по всей Индии и которым по большому счёту были до лампочки такие сложности бытия, как какое-то там «государственное строительство», вдруг, разом, как взрывом бомбы, было разбужено то, что сегодня называют «национальным самосознанием». Бум-м! И все тут же будто оглохли и ослепли.

Замечу, что до того как приключилась эта история, мусульмане ни о каких «разделах Бенгалии» никого не просили, они прекрасно обходились без всяких там «Мусульманских Лиг», и они не считали себя чем-то от остальных индийцев отличными, более того, объединяя вновь Бенгалию, англичане, не говоря уж об индийцах, у мусульман ведь ничего не отняли, ни «Лигу», ни газеты, ни местное самоуправление, а вот поди ж ты. А вот поди ж ты... Ничего вам всё это не напоминает, а?

Ну и вот, тогда, перед Первой мировой, англичане были в силе, они цыкнули и все притихли. Но бомба была готова (хорошая такая получилась бомбочка) и оставлена впрок. Теперь оставалось только в случае чего подослать лазутчика и поджечь фитиль. Что Англия в 1946 году и сделала, отправив в Индию так называемую «Миссию Кабинета». Описывать всё, что случилось, я за неимением места не буду, но кончилось всё очень плохо. Кончилось всё разделом Индии, появлением на её месте двух (в результате даже и трёх) государств, неисчислимыми жертвами, бедствиями, голодом и мором. Между прочим, Махатма Ганди был готов на любые жертвы (в том числе и людские), лишь бы удержать Индию единой, но его очень вовремя прикончил какой-то религиозный фанатик. В результате получилось вот что – и англичане ушли, и два новых государства объявились и тут же, не успев вступить в ООН, разбежались по разным лагерям, и победители немедленно были вынуждены заняться не только их разборками между собой, но ещё и начать собственную игру во вновь сложившейся геополитической ситуации. Англия ушла как-то не по-английски, она со всеми распрощалась и оставила после себя целую кучу фугасов и мин-растяжек. Англия выиграла время, а время это не только деньги, но ещё и жизнь.

Какой контраст с тем, как уходила Империя русская. Из той же Восточной Европы. Или из Средней Азии. А ведь тоже могли пооставлять за собой всяких там мин-ловушек. Но не оставили. Так ушли. Помните? «И смех, и слёзы, и любовь.»

И Любовь!

68

Закончилась Вторая мировая и победители, США и СССР, принялись наперегонки расхватывать всё, что плохо лежало, а лежало тогда плохо всё, всё подряд, горячая из всех случившихся до того войн растопила твёрдую кору мира и мир потёк как расплавленный пламенем свечи воск, следовало спешить, нужно было сноровисто отводить струйки в нужном победителям направлении, ведь потом, когда мир начнёт застывать, когда начнёт «схватываться» новая реальность, будет поздно, придётся прилагать куда большие усилия, чтобы отхватить кусочек и будет этот кусочек неподатлив, а мир, остановившийся в наново сложившемся узоре – ломок.

У победителей были большие дела, но и побеждённые не сидели, сложа руки, если есть те, кто находят, то это означает, что есть и те, кто теряют, и если предположить, что нашедший знал, что ему суждено найти, а потерявшему загодя было известно о неминуемой потере, то резонно предположить, что неудачник старался всемерно преуменьшить последствия своих потерь, если уж есть у нас возможность выбирать, что там с воза падать будет, то пусть упадёт то, что весом побольше, Бог дал, Бог взял, на душе станет тяжелее, конечно, да зато кобылке легче, вон как она хвост подняла, гривой затрясла, и возок наш пошёл шибче, веселее.

Упомянутый выше дин Ачесон, а был он на протяжении 40-х истинным творцом внешней политики США, в 1948 году с изрядной долей злорадства заявил, что «Британия потеряла Империю и не нашла себя». Империю-то да, Британия потеряла, но вот насчёт нахождения ею если ещё и не себя, то своего места в прекрасном новом мире Ачесон заблуждался. Британия место не просто искала, она его лихорадочно создавала.

Если раньше ей и целого мира было мало, то теперь приходилось отступать, ведя арьергардные бои. Новая линия обороны должна была теперь проходить через Африку, от Лагоса в Нигерии и к Кении. Если перед войной опорной точкой английских интересов в зоне Тихого Океана была Австралия, то теперь опора переносилась в Восточную Африку. Оставив Индию, Англия стала рассматривать арабские страны и Сирийскую пустыню как буферную зону между английской и советской зонами влияния, пройдёт ещё немного времени и

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
англичане отступают ещё дальше, но пока положение вещей рассматривалось именно с этих позиций. В Лондоне полагали, что если дело повернётся совсем уж к худшему, то Англия может разом уйти с Ближнего Востока, образовав там политический вакуум, куда неизбежно, даже против своей воли, будут втянуты американцы и русские с последующим столкновением уже их «интересов». (Примерно тот же фокус англичане проделали после войны с Грецией и Турцией, повесив их на шею Америке, чему американцы в тот момент вовсе не радовались, а даже как бы и наоборот.)

Одной из целей Англии было если не так, то этак столкнуть победителей между собой, причём не просто столкнуть, а так, чтобы Англия извлекла из этого столкновения выгоду и выгоду прежде всего политическую. Показательна в этом смысле тогдашняя история с реактивными двигателями, которую мстительные американцы даже и сегодня припоминают англичанам вообще и правительству Эттли в частности.

В 1946 году Англия продала американцам (фирме «Пратт энд Уиттни») лицензию на производство реактивных двигателей «Нене». (Англичанам удалось в области создания двигателей к реактивным самолётам вырваться на несколько лет вперёд по сравнению с основными конкурентами.) Но, по очередному забавному совпадению, буквально тут же в Англии оказалась делегация из СССР («надо же, какой приятный сюрприз, а мы вас и не ждали!»), изъявившая желание приобрести те же двигатели. Тогдашний Президент Торговой Палаты Стаффорд Криппс (посол Британской Империи в Москве в 1940–1942 годах и человек столь левых убеждений, что в 1939 году он был даже исключён из Лейбористской партии за попытки создать в Англии Народный фронт, объединив лейбористов, коммунистов и перебежчиков из консервативной и либеральной партий) был двумя руками «за». Однако по очевидным причинам не только руками, но и всем, чем только можно, «против» были американцы. Американские газеты даже начали обвинять Англию в том, что она превращается во «вторую Швецию», намекая на «особые отношения» существовавшие во время войны между Швецией и Германией.

Решение о продаже двигателей переправили выше, на уровень премьер-министра, и Эттли немедленно нашёл компромисс (он был мастер на подобные трюки). Дело в том, что советская делегация кроме двигателей хотела приобрести ещё и реактивные самолёты «Метеор» и «Вампир», в качестве образцов, конечно же, не подумайте плохого. Эттли наложил резолюцию – «самолётов не продавать», вроде бы сделав тем самым реверанс в сторону американцев, ну, а поскольку про двигатели премьер ничего не сказал, то двигатели продали. Восемьдесят пять роллс-ройсовских движков «Nene» и «Derwent» отправились в Москву. Двигатель «Нене» послужил прототипом при создании советского двигателя Климова ВК-1, установивавшихся на МиГ-15, а позже на МиГ-17 и Ил-28. Ну, а МиГ-15 был самолётом хорошим, чрезвычайно успешно показавшим себя в небе Кореи. А Корея случилась как по заказу, с точки зрения англичан если бы Кореи не было, то её следовало бы придумать, но Корею придумывать не пришлось, она и так была. И не только была, но там в 1950 году началась война, окончательно расставившая всё по своим местам. Вернее – всех.

После Корейской Войны все определились, кончились экивоки, каждый из основных игроков получил по месту, каждый теперь мог сказать: «Я стою здесь и не могу иначе!» После Корейской Войны мир начал затвердевать, в мутной водичке Корейской Войны все пытались что-то выловить и, удивительное дело, проигравших там не оказалось (бывают, оказывается, и такие войны), все выловили по рыбке, все кто участвовал, и Англия тоже. Да не просто «тоже», а выловила она там не рыбку, а рыбину, после Корейской Войны Англия нашла своё место в послевоенном мире.

69

17 марта 1948 года было подписано так называемое Брюссельское Соглашение. Сегодня об этом событии почти никто не помнит, а зря. Очень зря. О таких эпохальных событиях помнить следует.

Соглашение было подписано Великобританией, Францией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом. О значении, которое придавалось Соглашению говорит хотя бы то, что это был первый военный пакт, подписанный Англией не в военное, а в «мирное время». Англия пошла на то, что она категорически отказывалась делать в 1914 и в 1939 годах – она гарантировала военную помощь тому из подписантов, против кого будет совершена «агрессия», что бы под этим ни понималось. Соглашение было подписано очень интересными людьми. Очень-очень

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
интересными. Людьюми, обычно не утруждающими себя подписанием бумаг. Вот кто поставил свою закорючку под текстом Соглашения: тогдашний регент бельгийской Короны принц Шарль Бельгийский, королева Нидерландов Вильгельмина, великая герцогиня Люксембургская Шарлотта, король Соединённого Королевства Георг VI. Ну, а уже пониже, под высочайшими подписями, приложилась десяток людишек помельче, вроде тогдашнего французского президента Венсана Ориоля, премьер-министра Бельгии Поля-Анри Спаака и нашего знакомого, госсекретаря по иностранным и имперским делам Эрнста Бевина.

Сегодня тем из нас, что любопытнее, тем, кто докапывается или дочитывается до таких древностей как Брюссельское Соглашение, говорится, что было оно предтечей НАТО. Да, в каком-то смысле оно было таким «предтечей», но только именно что в «каком-то». На дворе у нас – 1948 год, начавшаяся Холодная Война, антикоммунистическая истерия, «железный занавес» и всё такое прочее, и против кого же было направлено западноевропейское Соглашение? Против чьей агрессии? Если вы думаете, что против советской, то вы ошибаетесь. Серьёзные люди, ставя свои подписи под в высшей степени серьёзной бумагой, делали это, создавая союз против «возможной ремилитаризации Германии». Изначально, сразу после войны, Европа, «старая Европа», объединялась на антинемецкой основе.

За объединением политическим тут же последовали и вполне конкретные шаги. Уже в сентябре того же, 1948-го года, в рамках Брюссельского Соглашения была создана военная организация под названием «Западноевропейская оборонительная организация» (Western Union Defence Organization). Для того, чтобы руководить военными, нужно командование и оно тут же появилось, называлось оно Uniforce и во главе его был поставлен фельдмаршал Монтгомери.

Это он с королём Георгом во время войны. Заместителем Монтгомери, командующим сухопутными войсками альянса, стал француз, но вот командующими военно-морскими и военно-воздушными силами были англичане.

США, как победитель во Второй Мировой и как сила, доминирующая в Западном Полушарии, по вполне очевидным причинам не могли себе позволить существование европейского военного союза, поэтому немедленно начались закулисные переговоры о создании западного союза в расширенном составе, куда вошла бы и Америка. На что рассчитывали англичане, создавая «Брюссельское Соглашение»? Да вот именно на это, им нужно было что-то иметь, прежде чем начинать торг с Соединёнными Штатами.

Посредником между участниками Брюссельского Соглашения с одной стороны и США с другой была Канада. Помните, как в фильме «Крёстный отец» отошедший от дел дон Корлеоне, посвящая в дела семейного бизнеса наследника, Майкла, говорит ему: «Когда я умру, остальные нью-йоркские «семьи» захотят устроить сходку, тебя, как нового главу «семьи Корлеоне» пригласят тоже, предложение о встрече они сделают через человека, которому ты доверяешь. На сходке тебя убьют. Тот в нашей семье, через кого тебе будет сделано приглашение – предатель.» Предателем оказался вернейший из верных «капитан» Тессю. Государства в основе своей очень мало отличаются от мафиозной семьи, выстроены они по тому же принципу, и вот ту же роль, что и мобстер Тессю, в нашей истории сыграла Канада. На сходке в Вашингтоне в 1949 году американцы взамен организации «Брюссельское Соглашение» создали НАТО. К слову, Канада, закатав штаны, в тогдашнюю мутную водичку по колени зашла и бреднем там водила точно так же, как и другие, канадцы тоже своё ловили, вот, скажем, они, формально оставаясь в составе Британской Империи, на всякий случай привечали на своей территории индийских националистов, не в таких, конечно, масштабах, как американцы, но тем не менее. Винить их трудно, им хотелось быть полезными и той, и другой стороне, и молоту, и наковальне. В результате выиграли и англичане (они оказались в НАТО, чего, будь инициатором создания военного союза американцы и исходи они из соображений собственной выгоды, могло и не случиться), выиграли и канадцы, которые по отношению к Европе вообще были сбоку припёку.

Создавая НАТО, следовало учитывать, что организацию рано или поздно придётся расширять и что там может оказаться Германия, поэтому в качестве идеологического цемента взамен «поднимающего голову германского милитаризма» была избрана «советская угроза».

Но вот тут начинается интересное. Дело в том, что организация Брюссельского Соглашения никуда не делась, НАТО натой, а Брюссель Брюсселем. Мало того, через несколько лет организация выросла и окрепла, в 1954 году Европа приняла в Европу своих блудных дочерей – Германию и Италию. После чего организация сменила вывеску и стала называться Западноевропейский Союз (Western European Union, WEU). Тут опять же может возникнуть вопрос – а зачем нам немцы? Мы же вроде объединялись против них, зачем они нам тут, а не там? Да вот затем, именно потому, что «здесь вам не тут!» НАТО даёт возможность англичанам иметь фактически оккупационные войска в Германии, бывшую Рейнскую Армию, называемую сегодня British Forces Germany (BFG). Но, как мы уже чуть повыше сказали, НАТО натой и мало ли чего с ней может случиться, там, в конце концов Америка заправляет, но зато принятием Германии в WEU Англия добилась вот чего – так как французы смертельно боялись немцев и их Национальное Собрание отказывалось ратифицировать расширение WEU, то англичане «гарантировали», что в целях удержания немецкой милитаристской угрозы они разместят в континентальной Европе четыре дивизии и несколько соединений тактической авиации. И теперь выходит так, что Англия сохраняет военное присутствие на континенте вне зависимости от того есть НАТО или его нет.

Но это игры, которые начали играть попозже, а в конце 40-х у Англии была цель и поближе, и понасущее. Англии была нужна армия и строительству этой армии никто и ничто не должно было мешать. С Англии хватало и того, что ей мешали занимать атомную бомбу, а атомная бомба была частью целого, а целое было армией.

После войны Англия перестраивала себя, перестройка же государства требовала и перестройки армии. Именно поэтому разразившаяся Корейская Война была для Англии чем-то вроде манной небесной, результатом войны в Корее стало то, что США не только не препятствовали перестройке английской армии, но наоборот, обстоятельства заставили их этой перестройке способствовать. Точно так же, как перед войной Америка использовала в своих интересах финансовые затруднения Британской Империи и нанесла удар по совокупности того, что называлось «британскими интересами», вот точно так же и Англия воспользовалась предоставившейся возможностью и излекла из неё выгоду для себя.

Америке нужен был союзник и Англия таким союзником стала. Не так военным, как дипломатическим. Трудно, правда, сказать, что для Америки было в тот момент важнее. Но стала Англия союзником не даром. Вот что она получила за то, что включилась в войну.

Вы не забыли, что у нас есть Западноевропейский Союз? И что у него есть военная структура? И что там есть объединённое командование под названием Uniforce? Так вот под лавочку Корейской Войны Uniforce был заменён SHAPE (Supreme Headquarters Allied Powers Europe) под командованием генерала Эйзенхауэра. Фельдмаршал Монтгомери стал его заместителем. Британская Рейнская армия, расквартированная в Германии перешла в подчинение НАТО, но зато под командование английских генералов перешла вся Северная Группа Войск в Германии и войска НАТО в Дании и в Норвегии. Англия получила такие позиции в Европе, каких у неё никогда не было.

Но позиции позициями, генералы генералами, но и армия нужна тоже. Своя армия, английская. И Англия принялась лихорадочно перестраивать всё, что мы имеем в виду, произнося слово «армия». В начале 50-х Англия тратила на нужды «обороны» до трети бюджета. Ещё раз – до трети бюджета. Вам понятно, что это такое – ТРЕТЬ БЮДЖЕТА? Так поступает государство, сознающее ответственность перед собственными гражданами, так поступает государство, понимающее, какую роль играет армия и для чего она нужна. «Треть» и «бюджет» это слова, но за словами скрывались финансы государства, цифры. Деньги. Эти деньги нужно было взять не где-то, а из казны. В начале 50-х Англия уже могла себе позволить «залезать в кошелек», в свою собственную кошелек, ей уже не было нужды просить деньги у кого-то, в начале 50-х деньги у Англии уже были. Деньги эти дал государству не некий «частник». Деньги государству дало само государство. Деньги эти дал Англии социализм.

70

Что такое социализм?

В 1950 году в Англии вышла книжка под названием «The Cautious Revolution: Britain Today and Tomorrow» («Осторожная Революция: Британия сегодня и завтра»). Автором книжки был Эрнст Уоткинс. Написана книжка в виде ответа на письмо, полученное автором от его американского друга в 1948 году. Американец задаёт вопросы, англичанин отвечает. Книжка толстая – вопросов много и ответов на них много тоже. Подробных ответов. Сегодня книжка эта – библиографическая редкость. Почему так – понять несложно. Достаточно прочесть пару вопросов и пару ответов. Вопросы задаёт победитель, а отвечает ему побеждённый. Вопросы такие – «каково это – за ночь потерять Империю?», «что такое «социализм», который, похоже, так нравится вам, англичанам, и так не нравится нам?», «конфеты в Англии по-прежнему выдаются по карточкам?».

Последний вопрос выдаёт вопрошающего с головой. Его мировоззрение – как на ладони, американский «гайдарочубайс» будто с Луны свалился: «Как?! У вас конфеты по карточкам?! Ужас какой!»

– Да, – спокойно отвечает англичанин. – Да. Конфеты у нас по карточкам.

Вопрос задавался в 1948 году, ответ давался в 1950, рационирование сладостей было отменено только в 1954, через шесть лет после заданного вопроса, как же жили англичане все эти несладкие годы, как им это удавалось? Да ещё и при том, что со сладостями в Англии было нехорошо не шесть лет, а все четырнадцать – между 1940 и 1954. Суть книжки, суть английских ответов на американские вопросы сводилась вот к чему – пятилетие 1945–1950 годов даже и без конфет представляло собою разительный контраст по сравнению с прошлым.

Разительный настолько, что Англии стало просто не до конфет, какие такие конфеты? Что это вообще такое?! Англия о конфетах просто-напросто забыла. До конфет ли, когда налицо была простая и очевидная истина – огромное число «ordinary people», то-есть обычных людей, стало получать больше (во всех смыслах больше), чем они имели когда-либо за всю долгую английскую историю, а ничтожное меньшинство из так называемого «high class», стало получать если и не мало, то, во всяком случае, меньше, чем они получали (брали) от жизни совсем ещё недавно. Жизнь стала справедливее.

Демократия? Та самая английская демосгасу, столь дорогая сердцу свобододолюбивого человечества? Ну так она никуда не делась. Но. Но!

Но: «Когда мы говорим о демократии, то мы имеем в виду не право голосовать на выборах, забывая при этом о праве работать и праве жить. Когда мы говорим о свободе, то мы имеем в виду не свободу яростного индивидуализма, отменяющего социальную организацию и экономическое планирование. Когда мы говорим о равенстве, то это равенство не должно аннулировать социальными и экономическими привилегиями. Когда мы говорим о восстановлении хозяйства, то мы должны думать не о максимальной производительности, хотя об этом думать следует тоже, но в первую очередь мы должны стремиться к равному распределению.» Это не материалы к очередному съезду КПСС, как вы могли бы подумать, это не пресловутый «совок», это песня, которую запела английская Власть. Она поступила очень разумно, она не захотела, чтобы эта песня превратилась в гимн английского революционного движения и запела её сама, Власть подняла красное знамя, Власть возглавила революцию. Приведённая цитата это передовица из газеты The Times и появилась она в 1940 году, в самый трудный год Британии. И у английской «элиты» хватило ума встать под знамя, поднятое Властью. А у тех из элиты, у кого не хватало ума, хватило чутья не противодействовать Власти, не шипеть, а, теряя штаны, бежать в том же направлении.

Когда государству становится тяжело, оно может спастись только усилиями всех, всех без исключения, и что же может заставить людей желать спасти государство? Справедливость – вот ключевое слово, вот ключевое понятие. Не осознав, что это означает, мы не найдём выхода из кризиса. Как бы, какими бы сложными словесными формулами и формулировками ни описывался социализм, сводится он в конечном итоге именно к этому – к справедливости. «Больше социализма» означает прежде всего – «больше справедливости!», всё остальное в сравнении с этим вторично. И имеется в виду справедливость прежде всего социальная. Вы можете пристёгивать к «справедливости» что-то ещё, какие-то сиюминутные, тактические «государственные интересы», но основа остаётся прежней и без социальной справедливости, хотя бы в первом приближении, вам не обойтись.

Хорошее английское слово *birthright* («право по рождению»), означает в точности то, что оно означает, а именно – кто-то имеет право на что-то просто потому, что он рождён. Кто-то появился на свет и уже поэтому он имеет неотъемлемое право, которое можно отнять только вместе с жизнью. Право на трон, скажем.

Но вот что говорили в послевоенной Англии, говорили не на митингах, а говорили через газеты и через радио, вот что говорило ГОСУДАРСТВО – «homes, health, education and social security, these are your birthright» («крыша над головой, бесплатная медицина, доступное всем образование и система социального страхования – вот ваше право по рождению»). Это из «отчётного» выступления перед избирателями Онерина Бивана, Министра Здравоохранения в правительстве Эттли. Какие с перечисленным могут сравниться конфеты? Какие конфеты заменят вам бесплатную медицину? БЕСПЛАТНУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ МЕДИЦИНУ?

Вот что позволяло англичанам мириться с отсутствием в свободной продаже конфет: в американской Конституции, как то всему миру известно, за каждым гражданином признаётся право на «Life, Liberty, and the Pursuit of Happiness», то-есть «Жизнь, Свободу и Стремление к счастью». Это всё хорошо, это всё просто прекрасно – и жизнь, данная нам Богом, и свобода, за которую следует сражаться, и стремление к счастью, конечно же. Ну не к несчастью же нам всем стремиться, в самом деле. В американской Конституции написана тривиальщина, на которую могут попасться только люди, плохо себе представляющие, что же это такое – Счастье. Англичане на подобные уловки не ловились, они – нация воробьёв старых, стрелянных, их на мякине провести было трудно. А уж на такой глупости, как какие-то «конфеты по карточкам», так и вообще... «Смехота какая-то.»

какое может быть счастье без права получить образование? А если зуб болит, до счастья ли тут? А с другой стороны – пошёл к врачу, пломбу поставил, зуб болеть перестал, вот вам уже и счастье. Небольшое, но самое всамделишное. А если врачу надо платить? А? Счастье как-то поменьше становится. А если пломбу бесплатно, то тут наше маленькое счастье маленько побольше становится, нет? Мало-мало больше. А если аппендицит бесплатно вырезать – ещё больше. А если неделю в больнице лежать-валяться, куриным бульоном силы восстанавливать, в чистой палате, под крахмальной простышкой, телевизор хочешь – смотришь, хочешь – нет, сестричку хочешь позовёшь, а захочешь и звать не будешь, так полежишь, подремлешь и сны будут приятные сниться при мысли о том, что за всё за это не только платить не надо, а ещё и на работе тебе зарплата идёт, а ты – тут, отдыхаешь от жены и от себя самого. А если теперь заставить вас за всё за это удовольствие заплатить? Несколько тысконок? Тут сразу замычишь, тут сразу все зубы во рту заноят. Тут поневоле завертисься, станет тебе нехорошо, мысли в голову полезут всякие и разные. «Догадал же меня чёрт родиться в капитализме с умом и аппендицитом!»

А без крыши над головой – какое же счастье?

В Англии с этим было очень плохо. Англии сразу после войны нужен был миллион домов. И этот миллион домов за пятилетку был построен. Государством. Социалистическим государством.

На фото видно как было и как стало. И стало в условиях, прямо скажем, отчаянных – после войны люди сбивались в толпы и самовольно захватывали опустевшие после демобилизации армейские бараки, жить-то надо. И государство начало массовое строительство так называемых *council house* (между прочим, *council* означает всего лишь «совет», так что государственная застройка в Англии называлась вообще-то «советской»). По новым, послевоенным правилам на каждый частный дом должно было строиться четыре «советских» дома. И это правило скрупулёзно было соблюдено. Из миллиона построенных домов только 18 % были возведены частными застройщиками, 82 % было построено государством. И построенные «советские» дома передавались не «эффективным собственникам» как кто-то может подумать, а муниципалитетам, а после этого государство дотировало муниципалитеты, беря на себя расходы по содержанию домов, да ещё и строго следило, чтобы квартплата в *council houses* была ниже «рыночной».

С точки зрения американцев, а они ходили в победителях, то, что делали англичане выглядело чистейшим абсурдом – Britain, the motherland of capitalism, had gone Socialist. And the British diplomats and civil servants... ..were thus schizophrenic. Шизофреники? Гм... Гм. Шизофреники, говорите?

Начав разбирать Империю, англичане были заинтересованы в том, чтобы не затягивать этот процесс. У них было полно дел дома. «Полно» не то слово. Однако из Империи их заставляли уходить постепенно, шла игра между победителями и побеждёнными. Разбирая по кирпичику свой старый дом, Англия была вынуждена выбирать, что ей обойдётся дешевле и дешевле далеко не в одном только денежном смысле. Но и в смысле денег тоже.

За годы войны Англия набрала по мелочам в Индии, Бирме, странах Среднего и Ближнего Востока, включая Египет, долгов на сумму 1 млрд. 929 млн. фунтов. Это примерный эквивалент 8 млрд. тогдашних долларов. Напомнить, сколько денег выпросили у США англичане стараниями Кейнса? Напомню – меньше половины от этого, «домашнего», долга. И эти деньги Англия после войны тоже отдавала, отдавала не только «новые», американские и канадские долги, но отдавала и той же Индии, которой была должна 750 млн. фунтов.

Англия, задыхаясь без валютных поступлений, обратила свой взгляд на Африку. Повыше я упоминал, что, уходя из Империи и уже сдав Австралию, Новую Зеландию, Индию, Бирму, Цейлон и Ближний Восток, Англия создала новую глобальную линию обороны, она уцепилась за Африку, ей нужны были ресурсы, но для того, чтобы их получить, требовалась перестройка и там, причём перестройка не для себя, а для «дяди», англичане отчётливо сознавали, что они успеют попользоваться перестроенной Африкой, дай Бог десятков лет, а потом придётся уходить и оттуда.

Уже в 1945 году (в катастрофическом 45-м!) правительством Эттли местным колониальным властям было отпущено 120 млн. фунтов на запуск соответствующих программ в Танганьике, Кении, Уганде, Родезии, Адене, Сьерра-Леоне итд, англичане хотели знать, что именно нужно сделать, чтобы немедленно увеличить добычу и поступление в метрополию золота, меди, железа, пальмового масла, табака, олова и какао. Получив данные и сложив картинку, Лондон уже в 1948 году создал государственную так называемую Public Development Corporation с капиталом в 100 млн. фунтов для финансирования строительства в Африке электростанций, шахт, железных дорог, лётных полей и каналов. Вплоть до постройки в Уганде заводов по производству мыла и маргарина. Забежав лет на десять вперёд, мы обнаружим, что за послевоенные двадцать лет Британия вложила главным образом в африканские страны примерно 1 млрд. 367 млн. фунтов. И далеко не только для создания структуры по выкачиванию полезных ископаемых, отнюдь!

Вот что делают умные люди (как именно они себя при этом называют – неважно, в тот момент они называли себя социалистами, и не только называли, но и действовали по-социалистически) – одной из главных статей расходов были средства, отпущенные на создание колледжей и университетов, опять же главным образом в Африке. То-есть, уже зная, что она уходит, Англия лихорадочно создавала сеть высших учебных заведений. Создавала задел на будущее. Отрывая от себя и в САМОМ БУКВАЛЬНОМ СМЫСЛЕ НЕДОЕДАЯ, англичане вбивали крепь в скалу в расчёте на то, что они когда-нибудь воспользуются ими.

Уходя, Англия думала о возвращении.

Английское государство думало сегодня о завтра. Оно думало о поколениях, которые будут жить в Англии будущего. Именно в эти, послевоенные годы, экономя на всём и считая каждый пенс, Англия раздавала государственные займы странам, не только никогда не входившим в Империю, но даже не попавшим в послевоенное Содружество – таким как Камерун, Сенегал или Южная Корея. На всякий случай. Что-то пропадёт, но что-то и даст плоды. Придёт время и государство вновь начнёт восхождение на вершину мира и в этот раз ему будет легче, в скалу вбиты стальные крючья – университет тут и университет там, уцепились, подтянулись, уцепились, подтянулись.

71

Умер ли «совок»? Мёртв ли социализм?

Радостный галдёж одних и всхлипы других одинаково неуместны, не спешите радоваться и уж конечно не торопитесь печалиться, социализм никуда не делся и деться не мог. Это примерно то же, как заключить договор о всеобщем разоружении и радостно объявить, что отныне мертва атомная бомба. Она не умрёт, она просто затаится на время, она просто спрячется и будет ждать своего часа. И час этот рано или поздно настанет, придёт, никуда не денется. Мир уже знает про Бомбу, он уже свидетельствовал её, он видел воочию её мощь, ему известна технология производства, мир уже знает что там и зачем, куда ведёт какой проводочек и куда завинчивается самый крошечный винтик, ему уже давным давно известны все секреты готовки и все ингредиенты этого блюда, придёт день и хозяйка хлопочет у плиты, «сейчас, сейчас, гости дорогие, проголодались, поди, погодите ещё минуточку, потерпите, уже подходит, ещё чуть-чуть, дайте только пробу снять, да, вот оно, в самый раз – приятного аппетита!»

«Совок» не умер и умереть не может, «совок» – это социальная ядерная бомба, «совок» это средство по выходу из кризиса, из обрушения, из глубин поражения, «совок» это путь наверх.

Сегодня социализм шельмуется и демонизируется. Пропаганда, а сегодня пропаганда говорит на либеральном жаргоне, старательно увязывает само понятие социализма с «нацизмом», «тоталитаризмом» и «коммунизмом», причём именно в либеральном толковании перечисленных терминов. Не следует забывать, что сам либерализм в своей сути, в крайней форме, в чистом, так сказать виде, сводится вообще-то к очень простой формуле – «Man versus the State», то-есть «человек против государства». Либерализм противопоставляет одно другому, разрывает единство, утверждает, что интересы муравья не тождественны интересам муравейника и что не существуй сам «проклятый муравейник» и каждому отдельно взятому муравью жилось бы куда легче и куда лучше. «Муравей трудолюбив и избавившись от ига муравейника он способен сам устроить свою жизнь, он сам в состоянии решать, кем ему быть – солдатом, рабочим, трутнем или самую маткой!»

Вот главный постулат либерализма – «Интересы муравейника ничто в сравнении с личной свободой каждого отдельно взятого муравья!»

И с точки зрения этого самого отдельно взятого муравья, алкающего свободы, история Германии и России на протяжении двадцатого века действительно должна выглядеть как нечто непредставимо ужасное. Ну как же! Ведь там государство занималось «уравниловкой». «Вы можете себе представить – меня (меня!) такого умного, так тонко чувствующего и прочитавшего целую кучу романов, смеют уравнивать в правах с каким-то быдлом! Мне (МУРАВЬЮ!) говорят, что я – муравей!»

Хорошо. Мы уже знаем, что Германия и Россия это плохо, а их опыт, сын ошибок трудных, если и должен рассматриваться, то исключительно как пример того, «как не надо». Ладно, пусть так. Но как нам быть с Англией?

Как нам быть с Англией?

Как нам быть с английскими муравьями и английским муравейником? Куда мы пристроим их пример?

Вот, скажем, 6 апреля 1948 года в Англии был законодательно запрещён рост зарплат без соответствующего роста производительности. Добиться этого без поддержки профсоюзов было невозможно и профсоюзы на этот по понятным причинам очень непопулярный шаг пошли. «Массы» покряхтели и смирились. В чём причина такой сговорчивости? В Англии вроде не было никаких «кровавых воскресений» и «показательных процессов», никого не запугивали, но закон вышел и все промолчали. В тряпочку. Хотя всему свету известно, что англичане не рабы и вообще... А причина была проста как апельсин – перед страной была поставлена цель, ясная, проговоренная и объяснённая простыми и доходчивыми словами, и было честно сказано, что для достижения этой цели придётся трудно поработать. Всем. Всем, без исключения. Когда же трудности раскладываются на всех, они вроде как перестают быть трудностями. Трудности становятся трудностями только тогда, когда кому-то легко, а кому-то – трудно. Всё та же справедливость, без неё нам никуда. И справедливость в конце концов привела туда, куда справедливость обычно и приводит.

К концу 40-х социалистические реформы начали давать плоды, спад был остановлен, начался сперва медленный, а потом всё убыстряющийся рост, к

1950-му году экономика Англии росла на 4 % в год, 1950 был переломным годом. Эттли был честен с народом (настолько, насколько к политике может быть применимо само понятие «честность», конечно же) и всё, что делалась его правительством (во всяком случае во внутренней политике) обсуждалось гласно не только на партийных конференциях, но и в печати, как тот же визит Кейнса в США и все перепитии с получением американского займа (следствием чего, между прочим, стала вспышка антиамериканизма в стране). Ну и вот, 13 декабря 1950 года министр финансов сделал официальное заявление, встреченное населением с энтузиазмом – «the economic recovery of Britain and the sterling area as a whole has made such good progress that the dollar deficit has in recent months disappeared» («экономическое выздоровление Британии и стерлинговой зоны в целом проходит столь успешно, что в последние месяцы долларовой дефицит исчез»), в тот же день Англия поставила США в известность о том, что она желает, чтобы американская «помощь» по плану Маршалла была прекращена.

Английские газеты опять же сообщили об этом на первых полосах и сообщили с гордостью – Британия отквыалась от плана Маршалла. Здесь следует приостановиться и немножко подумать – сегодня нам рассказывают, что план Маршалла был некоей манной небесной, подарком судьбы, пролившимся на счастливых золотым дождём. «Только глупые и упрямые «совки», не видевшие и не понимавшие собственной выгоды, отказались от плана Маршалла. Идиоты!» Но вот вам опять англичане. Они могли ещё почти два года продолжать ловить в подставленные ладони золотые струйки и радоваться, а они не просто руки за спину убрали, но ещё и официально от этой чести отказались. Американцы были ошарашены, потребовались переговоры, на которых Британия отвергла как сегодня принято считать – «подарок», и сделала она это по политическим мотивам, теперь она могла себе это позволить. Почему? Да вот почему – «Britain had turned the corner to prosperity». Британия дошла до рубежа, за которым её ожидало процветание.

И не успев повернуть за угол, Эттли принял план по «перестройке» в армии, была принята «программа перевооружения Британии» сроком на три года, во время которой было запланировано истратить 3 млрд. 600 млн. фунтов. Когда чуть позже к власти были приведены консерваторы, они подняли эту цифру до 4 млрд. 700 млн. фунтов. Получив в руки социалистическое государство, они могли себе это позволить. Социализм, который они же на словах и проклинали, позволил консерваторам не только отказаться от маргарина, но и позволил стране иметь кроме масла ещё и пушки.

Война (мировая, а за ней корейская) дала толчок новым технологиям, что означало не только нейлоновые носки и рубашки, но и новые заводы и, как следствие, рабочие места. Нужда же в рабочих руках изменила и привычный социальный ландшафт – в 1948 году газеты (а это означало государственную пропаганду) цитировали президента NALGO (профсоюз «белых воротничков») – «мы с вами родились в мире, где служащие в социальном смысле безоговорочно доминировали, сознаёте ли вы, что этот мир ушёл навсегда?» К 1955 году средняя зарплата рабочего, занимавшегося ручным трудом, сравнялась с зарплатой двадцативосьмилетнего банковского клерка и превзошла зарплату государственного служащего того же возраста.

Всё, что я пишу о социалистических преобразованиях, касается Англии. Но как нам быть с остальной послевоенной Европой? Как нам быть с Францией, «с самой социалистической из всех капиталистических стран»? Там ведь тоже после войны были и национализация и центральное планирование. Чего только во Франции не было, там даже и пятилетка была. И оказалась эта первая пятилетка столь успешной, что плавно перешла во вторую и ещё более успешную. Вы думаете, что этот опыт будет забыт? Ну, что ж. Забудут, значит, забудут. Спишем на французское легкомыслие. Но как нам быть с опытом голландцев и бельгийцев? Как нам быть с итальянцами? Испанцами? Шведами, датчанами, норвежцами? Запишем и их в забывчивые?

72

Европа, не только Восточная, но и Западная, после войны поднималась из руин социализмом. Не «невидимой рукой рынка», а национализацией, не распылением, а концентрацией. Денационализирована была промышленность Германии и именно для того, чтобы ослабить побеждённое государство и те, кто это делал, а делали это государства победители, очень хорошо понимали, что они делают и зачем.

Что изменилось с тех пор? Изменилась только и только политическая риторика, но никак не суть, не ткань того, что мы называем жизнью государств.

Посмотрим на страны так называемой Старой Европы. Как вы думаете, что их объединяет? Что делает их похожими друг на друга? «Как это «что»? – скажете вы мне. – Что за глупый вопрос. Будто и так не видно. Там очень хорошо живут. В пошлом материальном смысле – хорошо. Их жизнь – «устроена». Их жизнь «налажена».

И я с вами соглашусь, спорить тут трудно. Да, все эти страны живут неплохо. Но что ещё, кроме хорошей жизни, их объединяет? Что?

Нам не нужен телескоп, чтобы увидеть, и нам не нужно быть семя пядей во лбу, чтобы, увидев, понять, что все эти государства в той или иной степени являются государствами социалистическими. Они себя так не называют, социализм ими не выпячивается, о нет! наоборот, он ими прячется, он ими маскируется, но от этого он не становится несуществующим. Мы можем говорить только о степени «социалистичности», о процентном содержании социализма, мы можем говорить лишь о «формах» и «моделях», но все эти формы имеют одно и то же содержимое. Какую бы бутылку мы ни взяли, отхлебнув, мы обнаружим, что спорить можно лишь о «градусах», где сорок, где тридцать пять и где восемнадцать, но во всех бутылках будут «алкогольные напитки». В бутылках разного стекла, с наклейками разного цвета и с разными надписями на этих наклейках не будет чая и не будет молока. И чай с молоком там не будет тоже. Хотя на некоторых бутылках прямо так и написано – «Milk». «2 %». Но это для доверчивых. А стоит только хлебнуть и обнаружишь, что там не молоко, что процент гораздо выше и означают эти самые проценты вовсе не содержание жира, а что-то совсем другое.

Когда мы говорим о Западной Европе, ни о каком «диком капитализме» речи не может даже и идти. Попробуйте рассказать европейцам о «социальном дарвинизме», убедите их, что это очень хорошо. Попробуйте отнять у них «социальные завоевания», скажите им, что это очень плохо, что это очень «неэффективно». Попробуйте раздать им «приватизационные чеки». Попробуйте, попробуйте. Предложите им гордиться количеством миллиардеров, откройте им глаза на то, что национализация это кошмар кошмарный, а генерал Пиночет это просто замечательно. Попробуйте собрать все идеи, вдалбливавшиеся в головы несчастных «россиян» на протяжении последних двадцати лет, создайте на их основе что-то вроде избирательной программы и – вперёд! Галопом. Не в российские просторные «пампасы, пампасы», а – в Европу. Там же не «совок тупой», там же – цивилизация, там вас ждут не дождутся, вас там поймут с полуслова и на руках внесут в какой-нибудь Европарламент. Смешно? Да нет, не смешно. Грустно. «Грустно, братцы, грустно...»

Но социализм социализмом, но есть и кое-что ещё. Стены Старой Европы сложены из вековых валунов, они похожи на стены рыцарских замков, камень положен на камень и положен не просто так, а положен на толстый слой раствора. Что скрепляет гранит, что ещё объединяет Старую Европу? Есть ведь и ещё кое-что такое, что делает западноевропейские государства похожими друг на друга. Ничего не замечаете? Есть там некая замшелость, некий смешной и бессмысленный (как нас уверяют) рудимент. Некая трогательная туристская достопримечательность. Вы уже, конечно же, догадались, что я имею в виду. Да, правильно, у них у всех имеется король. Или королева. У них у всех имеется «трон». Каждая из этих стран является монархией.

Бельгия? Там свой, бельгийский, «тип» социализма, но само государство при этом не больше и не меньше, как «королевство». Да-да, именно – королевство. Голландия? То же самое, с королевой во главе. Норвегия? То же самое. Дания? Туда же, в ту же степь. Швеция? ШВЕЦИЯ? С вожделенной всеми «шведской моделью социализма»? Да, и Швеция тоже. Швеция тоже монархия и шведы тоже имеют царя в голове. Так же, как и Англия с её англичанами.

Все они о социализме не говорят, они его строят. Некоторые так даже и построили. Свои, национальные, социализмы. Для внутреннего употребления. И они от него отказываться не собираются. Ещё чего! Они не дураки. Они не дураки настолько, что они свои маленькие социализмы постепенно объединяют в один большой. Маленькими-маленькими шажочками, мелкими-мелкими. Но зато изо дня в день. Глаза всех прикованы к EU, к Европейскому Союзу, при этом никто не замечает, что ЕС это рыхлый, расширенный вариант более тесного и более закрытого европейского сообщества, называемого WEU, Западноевропейского Союза. Они существуют параллельно, одновременно, один внутри другого и

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
другой вокруг одного, они зачастую дублируют друг друга и Западноевропейский Союз постепенно (очень-очень постепенно, там не торопятся, там люди мыслят категориями не месяцев и даже не лет) передаёт то одну функцию, то другую Союзу просто Европейскому, без приставочки «Западно». И вот это европейское тяжёлое ядро было создано сразу после войны не какой-нибудь партийной конференцией, а монархами. Старыми, искушёнными, всё-всё знающими, всё-всё понимающими европейскими «дворами». «Семьями».

Они решили объединиться. Они решили, что поодиночке им не выжить. Они решили создать союз королевств. Они решили создать империю. Казалось бы – решили и решили, создают и создают, строят и строят. Нам-то что? Что, говорите? Вот «что» в европейской интеграции нам. Возьмём англичан и русских. И те, и другие свои империи имели. Великие империи. Говорить и говорить, рассказывать и рассказывать. Были эти империи различны, но кое-что их объединяло. Объединяло то, что обычно никем во внимание не принимается. А должно бы, должно бы приниматься.

Смотрите – в английской империи было два полюса, на одном были англичане, были шотландцы, были валлийцы. На другом полюсе были малайцы, были банту, были австралийские аборигены.

В русской империи были русские (с тех пор, правда, их успели разделить на русских, украинцев и белорусов). Это с одной стороны. С другой – были эвенки. Были киргизы. Были кавказские горцы. Получалось неплохо, но получалось то, что получалось.

Вот что будет в империи Европа – там будут с этой стороны французы и будут немцы. Будут фламандцы и тосканцы, будут валенсийцы и будут ломбардцы. Это один полюс. А вот и другой – место европейских самоедов и андаманцев займут поляки, словаки и греки. Средний выход будет намного, несопоставимо выше средней температуры по русской или английской палатам. Это будет империя, которой до сих пор не было. Вы хотите в ней жить?

Подумайте.

Очень может быть так, что там будет очень хорошо. Там будет европейский монарх, справедливый и умный, и там будет европейский социализм. И очень может быть так, что русским захочется туда. Но тут возникает одно препятствие – дело не только в том, что вас о вашем желании никто не будет спрашивать, дело в другом. Русских не будет в Европе вот по какой причине – империя кушанье не пресное, империя с удовольствием подбирает всех, ей нужен перчик, ей необходимы какие-то специи, пряности. И в качестве паприки в европейское блюдо пойдут венгры, в качестве перца чёрного молотого – греки, или сербы, или молдаване. В конце концов они тоже православные. Но русских много. Слишком много, чересчур. Вы не сможете есть приготовленное блюдо, если сыпанёте туда пригорошню перца. Или соли, даже если соль эта – соль земная. Русским в Европе места нет. Место, которое может отвести Европа русским – это солонка.

73

Дом возводит строитель. Но до того, как начнётся строительство, нужен замысел. Нужен заказчик, человек, знающий, чего он хочет. Это его мысль воплощает в жизнь строитель. И в истории, которую я вам рассказываю, строитель был на славу. Он чрезвычайно умело и сноровисто сложил то, что ему было заказано.

Но пришло время для расставания, «мавр сделал своё дело» и сделал его хорошо, теперь он мог уйти. Уходил Эттли ещё и потому, что Англии следовало определиться, тянуть больше было нельзя, мир после войны стал двухполярным, двухполюсным, а Англия отныне полюсом не являлась, её время прошло, теперь она могла только пристать к одному из берегов, Англия должна была сделать выбор.

Предварительный выбор был сделан весной 1948 года, когда между США и Соединённым Королевством было достигнуто соглашение, по которому Британия согласилась предоставить свои военно-воздушные базы для американских бомбардировщиков, могших нести ядерные бомбы. В обмен на это американцы распространили на Англию действие плана Маршалла. Всю двусмысленность как своего положения, так и американской «помощи» англичане понимали очень

хорошо, но обстоятельства были по-прежнему против них. Если совсем коротко, то суть сводилась к тому, что Англии, со всей поспешностью, на которую она была способна, перестраивавшей себя, не хватало времени и денег. Ну, да это дело такое – ни времени, ни денег никогда не бывает слишком много, но вот мало да, бывает. Ещё как бывает! С вечной нехваткой времени и так понятно, а что до денег, то знаменитого кейнсовского займа Англии хватило ровно на шесть месяцев. Потом деньги потребовались опять, а взять их было неоткуда, а строительство было в самом разгаре, так что особо щепетильничать Англия позволить себе просто не могла. Но потом пришёл 1950 год и оказалось, что и дом вчерне готов и денежки первые пошли, закапали, зазвякали, собственные денежки в собственную казну, и англичане, отдуваясь и отказываясь верить ощущениям, помотали головой, осторожно согнули ногу, потом руку, пощупали бок, согнулись в одну сторону, в другую, прислушались сами к себе и поняли, что они уцелели, «живы будем, не помрём». А тут – война в Корее, можно не только жить поживать, но под предлогом помощи «союзнику» ещё и армию перестроить, перевооружить, переучить.

Дело было только в том, что социалистическое правительство повседневной политической риторикой мешало провозглашённому «союзничеству» и вообще самим своим существованием входило в противоречие с декларированной реальностью и внешнеполитическими приоритетами. Ну и немаловажным было то, что Эттли очень не нравился американцам. На личном, так сказать, уровне. (Он даже и сегодня им не нравится, уж слишком он был умён, слишком независим, слишком «прыток». Слишком хорошую работу он проделал. С лишком. Через край. «Нам такой хоккей не нужен.») Да и слишком настойчив он бывал, слишком отстаивал государственные «интересы». Иногда так даже и чересчур. Да вот хотя бы и во время Корейской войны.

Осенью 1950 года китайцы перешли Ялу и вступили в бой с «силами ООН». Это немедленно вызвало опасения в эскалации конфликта и прямого вовлечения в войну уже СССР. Труман решил поднять ставки и, давая 30 ноября 1950 года в Вашингтоне пресс-конференцию, заявил о возможности применения в Корее ядерного оружия. «... every weapon the US had would be made available to General MacArthur.» («Всё, чем располагают Соединённые Штаты, будет предоставлено в распоряжение генерала Маккартура.»)

Тут же вскочил какой-то репортёршкa и задал сакраментальный вопрос, вертевшийся у всех на языке: «Означает ли это, что теперь рассматривается вопрос о применении атомной бомбы?»

– Что значит – «теперь»? – ответил Труман, – этот вопрос никогда с повестки дня и не снимался.

– Следует ли понимать вас так, что генерал Маккартур может сбросить бомбу тогда, когда посчитает нужным?

– «Oh, no! No, no, no!» – тут же заявил Белый Дом, – только президент может отдать такой приказ и пока что он такого приказа не отдавал.

«Пока что»?! Что значит «пока что»? Ничего себе разговорчики! Ничего себе вопросы и ничего себе ответики. Ну и ничего себе союзничек, конечно же. Эттли немдленно бросил всё и вылетел в Вашингтон. «Для консультаций».

На англо-американских переговорах, во время обсуждения животрепещущего вопроса о том как, когда и при каких обстоятельствах может быть пущена в ход атомная бомба, Труман, успокаивая (!) Эттли, заявил, что он не отдаст подобного приказа без предварительных консультаций с Правительством Его Величества. («Мы же партнёры!» – сказал, сделав серьёзное лицо, Труман.) Когда Эттли попытался поймать американского президента на слове и предложил зафиксировать сказанное в виде письменного соглашения, Труман ответил потрясающей своим напускным простодушием фразой – «if a man's word wasn't any good it wasn't made any better by writing it down.» («Если слово человека ничего не стоит, то оно не станет лучше, будучи написанным на бумаге.») Пытаясь выжать из американцев хоть что-нибудь, англичане просили включить слово «консультация» хотя бы в заключительное коммюнике, однако Труман не пошёл даже на это, согласившись лишь на формулировку, согласно которой Соединённые Штаты обязывались «информировать» британскую сторону о шагах, могущих (!) привести к ситуации, в которой возможно применение ядерного оружия. Слово «могущих» открывало широчайшие возможности по толкованию и интерпретированию того, что «может» и того, что «не может».

У покидавшего Вашингтон Эттли сложилось убеждение, что даже и на такую малость, как «информирование», Англия может рассчитывать лишь на остаток истекавшего президентского срока Трумана. В конце коцов, тот дал слово. Эттли оказался прав. Уже следующий американский президент, Эйзенхауэр, отказывался «дать слово» даже на словах.

В общем, текущие государственные интересы Англии требовали смены правительства. На счастье, в том же, 1950 году, должны были состояться всеобщие выборы и всеми (абсолютно всеми, включая и самих социалистов) само собой разумеющимся считалось, что на выборах произойдёт естественная смена социалистов на консерваторов. Естественная потому, что все отдавали себе отчёт в том, в каких условиях шло строительство социализма и все ожидали, что после перенесённых в послевоенное пятилетие трудностей английский обыватель дружно проголосует за консерваторов. Однако произошло невероятное – ко всеобщему удивлению на состоявшихся в 1950 году всеобщих выборах социалисты вновь одержали победу, не такую, правда, впечатляющую как в 1945 году, но тем не менее победу. Английский народ, продолжавший сидеть на карточках, совершенно недвусмысленно вновь, как и за пять лет до этого, высказался за социализм. Более того, социалисты получили на этих выборах на 1 млн. 250 тыс. голосов больше, чем в 1945 году. Проигравшие консерваторы, хотя и укрепили по сравнению с 1945 годом своё положение, но вовсе не за счёт социалистов, чего все ожидали, а за счёт умиравшей в те годы либеральной Партии.

Эттли удержался у власти, хотя и сам на это не рассчитывал.

Поскольку было необходимо, чтобы социалисты не мытьём, так катаньем, ушли, то в следующем, 1951 году были назначены внеочередные выборы. Назначены они были под смехотворным предлогом. Так как было известно, что на 1952 год готовится государственный визит короля Георга в Австралию, то Эттли заявил, что его партия обладает таким незначительным большинством в Парламенте, что он, Эттли, опасается могущего (!) возникнуть правительственного кризиса, который в будущем может (!) омрачить долгожданный визит короля в Австралию и что поэтому нужно расставить все точки над «и» и расставить их сегодня. А для расстановки точек нужно провести внеочередные выборы.

Если называть вещи своими именами, то Эттли, на словах опасаясь правительственного кризиса, вызвал его на деле, причём, опасаясь кризиса завтра, он вызвал его сегодня. Эттли распустил Парламент и в октябре 1951 года состоялись внеочередные выборы. А теперь внимание – на выборах этих за социалистов опять проголосовало большинство населения, за них голосовало на 700 тысяч человек больше, чем за год до этого, они получили 14 млн. голосов, самое большое количество голосов, которое было получено какой бы то ни было политической партией за всю историю Англии, но тем не менее они (наконец-то!) проиграли.

Проиграли социалисты потому, что в английской электоральной системе существовал (и существует) так называемый «the first past the post» принцип. Принцип этот как и все принципы хорош. Принципы вообще штука неплохая, на то они и принципы. Когда у нас не остаётся другого довода, к нашим услугам всегда найдётся принцип, другой. «Демократию» придумали очень, очень умные люди. Но только очень, очень глупые люди могут считать «демократию» демократией.

74

6 февраля 1952 года умер Георг VI.

Наследница, Елизавета, находившаяся с визитом в Восточной Африке, немедленно вылетела в Англию. Она покинула страну принцессой, а возвращалась туда королевой.

Внизу, у трапа, выстроившись рядком, двадцатипятилетнюю королеву встречали члены Кабинета. Крайний справа – тогдашний премьер-министр, семидесятисемилетний Черчилль. Старый льстец приветствовал Елизавету следующей тирадой: «Меня, чья юность пришлась на величественную, осенённую славой викторианскую эпоху, охватывает дрожь восторга, когда с губ моих срываются слова старой молитвы и старого гимна – «Боже, храни королеву!»

Георгу было 56 лет. Умер он там же, где и родился, в Сэндригхэме. 11 февраля тело его было доставлено в Лондон на Паддингтон Стэйшн, а оттуда на пушечном лафете в Вестминстер для церемонии прощания с народом. Люди начали собираться к Вестминстеру ещё ночью, к восьми часам утра, когда двери в Вестминстер Холл были распахнуты, толпа заперудила набережную Темзы от Палаты Лордов и до Ламбет Бридж. Прощание длилось три дня. Очередь желающих пройти мимо гроба с королём временами растягивалась более, чем на шесть километров. Были закрыты все места публичных развлечений, не работали кинотеатры. Были отменены все спортивные мероприятия. Радио непрерывно транслировало траурную музыку, мужчины в эти дни носили чёрные галстуки, а женщины чёрные повязки. Гроб был накрыт Юнион Джеком, на ленте, обвивавшей доставленный Черчиллем венок от Кабинета, было написано всего одно слово – «Valour» («Доблесть»). Англия просталась со своим королём.

Вот одна из тогдашних эпитафий – «Мы любили тебя, король Джордж. Ты был одним из нас. У тебя была трудная работа, о которой ты не просил, но с которой ты справился чертовски хорошо. Мы благодарим тебя.»

Рене Массильи, посол Франции в Лондоне на протяжении 1944–54 годов сказал так: «Если оценивать величие монарха соответствием его личных качеств нуждам нации в данный конкретный момент проживаемой ею истории, то Георг был великим королём.»

Вот что он оставил после себя.

Государство было радикально перестроено. Если непредвзято взглянуть на суть, то нельзя не увидеть того беспрецедентного факта, что монархия заказала построение в стране социализма. Это выглядело и выглядит парадоксом, но тем не менее это так. Король (КОРОЛЬ!) построил в стране социализм.

Вот они перед вами. Заказчик и строитель. Монарх и его первый министр. Георг и Эттли.

Они были во многом схожи. Оба были тем, что в наши дни называется «трудоголиком», оба в частной жизни отличались доходящей до аскетизма непритязательностью в быту, оба были демонстративно равнодушны к внешним эффектам, оба одинаково рассматривали своё положение как отдачу долга государству и народу, при этом и само значение слова «долг» они тоже понимали одинаково. Их связывали очень хорошие, едва ли не дружеские отношения, в той мере, конечно, в какой можно вообще говорить о дружбе монарха со своим министром. И оба предпочитали дела словам, оба были немногословны. Их называли «два молчуна». Они могли позволить себе не отвлекаться на болтовню, они могли позволить себе молчать, за них за обоих говорил Черчилль.

Была перестроена не только государственная машина, была начата и армейская реформа. Армия реформировалась не менее радикально, чем само государство. Контуры сегодняшней, восхищающей столь многих сторонних наблюдателей английской армии начали прорисовываться тогда – в начале пятидесятых. И процесс этот был ничуть не менее сложен, чем сама по себе государственная «перестройка». И не только сложен, но и растянут во времени. Тот, кто думает, что новую армию можно получить, щёлкнув пальцами, ошибается. Английский опыт тому очень хорошая иллюстрация. «Процесс пошёл» с началом войны в Корее, а концом старой имперской армии и рождением армии новой принято считать 1966–67 годы, то-есть на получение новой армии ушло 16–17 лет. И процесс этот отнюдь не был гладок, там был, скажем, Суэц, который для послевоенной Англии был тем же, чем для России была Нарва. Иное поражение стоит куда больше иной победы. Русские знают это очень хорошо.

Ну и Бомба, конечно. Георг умер, оставив в наследство почти завершённый атомный проект. Через полгода после его смерти Англия провела успешное ядерное испытание, после чего добрый доктор Пенни немедленно вылетел в Лондон, где получил дворянский титул. Получил он его из рук дочери за то, что успешно завершил дело, начатое отцом.

Вот что сделал Георг – он оставил после себя государство, полностью адаптированное к вызовам времени, при всех видимых признаках поражения он сумел не просто выжать из ситуации всё возможное, но он сумел обернуть даже

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
последствия поражения на пользу государству. Британская Империя, съёжившись в размерах, сумела остаться Империей, миниимперией, микроимперией, назовите как хотите, всё это всего лишь слова, но Англия смогла (сумела) сохранить имперское ядро, матрицу, Англия сохранила себя. Во всех перетрубациях она сохранила голову. Свою, английскую голову. Она не позволила, чтобы в этой голове появились чужие мысли.

Англии удалось отстоять себя.

Это гораздо, несопоставимо важнее того преходящего обстоятельства, что государство уменьшилось в размерах. Сегодняшний мир не останется сегодняшним навсегда, завтра он будет другим, но вот лев остался львом, он просто стал меньше, но он всё тот же лев. Он готов к прыжку.

Ничего ценнее своего государства у людей нет, осознание этого приходит по-разному, но, когда оно приходит, мы гордимся своим государством или испытываем за него стыд совершенно так же, как мы гордимся собою или испытываем стыд за то, что мы сделали или сказали. Государство это мы, а мы – это государство. Работа по государственному строительству это очень тяжёлая работа. Непредставимо тяжёлая. Насколько тяжёлая, можно увидеть, взглянув на эту старую чёрно-белую фотографию.

Это коронация Елизаветы в 1953 году. Это – венчание на царство. Это не праздник, это возложение на себя тяжелейшей ноши. Ноша эта – ответственность за миллионы людей, живущих в государстве. За их жизнь. За то, чтобы они сохранили себя. За то, чтобы они остались собой, за то, чтобы они не стали чужими.

Посмотрите на лица людей на фотографии, посмотрите на руки Елизаветы, посмотрите, как она сжимает две палочки-выручалочки.

Монархия – это очень серьёзно.

Люди, считающие, что достаточно объявить кого-то монархом и всё тут же волшебным образом «устаканится», производят жалкое впечатление. Они витают в облаках. Объявить кого-то монархом нельзя. Монархом человека не объявляет, а делает народ. Произнести волшебную формулу «володей нами» может только народ, больше никто. Трон это не стул в гостиной. Его нельзя двигать, его нельзя выносить и заносить, трон это примирение народа самого в себе, самого с собою. Трон это весы, позволяющие держать в равновесии государство.

В далёком 1936 году, в день, когда состоялось отречение Эдварда VIII, в доме, где жила семья его брата, будущего Георга VI, поднялась суматоха. В комнате на втором этаже играли две девочки, две сестры. Звали их Элизабет и Маргарет. Одной было десять, другой шесть лет. Услышав шум, старшая девочка сбегала вниз и, расспросив слуг, опрометью бросилась назад. Запыхавшись, она сообщила младшей сестрёнке новость об отречении дяди.

– Они теперь отрубят ему голову? – невозмутимо спросила та.

– Нет, просто теперь королём будет наш папа.

– Это значит, что когда-нибудь королевой будешь ты?

– Да, когда-нибудь...

– Бедняжка, – сказала младшая девочка, продолжая играть с куклой.

Обращаю ваше внимание, что девочка, родившаяся в королевском дворце, уже в шесть лет знает, что королю, потерявшему власть, отрубят голову. Это знание – часть её жизни. И она очень хорошо понимает, что стать королевой означает перестать принадлежать себе и начать принадлежать народу. Перестать быть собою и стать государством.

Нынешнюю Англию в том виде, в каком мы её знаем, создали два человека. Один из них умер в 1952 году. Второй ушёл в тень. В 1955 году Эттли подал в отставку и покинул пост лидера Лейбористской Партии, на котором пробыл более двадцати лет. В том же, 1955 году он был удостоен графского титула.

Некоторое время он путешествовал, уже не в качестве государственного деятеля, а как частное лицо он посетил СССР и континентальный Китай. Он полюбил проводить время дома, у него обнаружилась страсть – граф стал разводить кур. Домик для курочек, которые несли яички, Эттли построил сам. Своими руками. Полученным результатом он остался недоволен и перестроил курятник. Потом опять. И опять. Всего курятник разбирался и сколачивался заново четыре раза. Эттли был упорным человеком.

Ну, а власть решила отдать все лавры его сопернику. Не только роль «спасителя отечества», но и вообще всё хорошее, что случилось с английским государством, стало приписываться Черчиллю. Лидер Консервативной Партии был раздут до какой-то невероятной величины, во время войны он прикрывал собою Военный Кабинет, теперь же он закрыл собою и тех, кто спасал государство уже после войны. Было это нелегко. Нужно отдать Черчиллю должное, не каждый бы справился с подобной щекотливой миссией, да и самомнение такого честолюбивого человека, каким был сэр Уинстон, должно было жестоко страдать. Его одолевали приступы депрессии, иногда эти периоды затягивались на продолжительное время. Последние два года войны Черчилль сильно пил. Он и всегда-то был не прочь приложиться к бутылке, но в 1944–45 годах он к коньячку уже не прикладывался, он в него окунулся с головой.

Напомню, что в войну Эттли формально числился заместителем Черчилля, и по той причине, что Черчилль, занимавшийся «представительскими функциями», постоянно отсутствовал, заседания Военного Кабинета почти всегда вёл Эттли. Однако, когда Черчилль присутствовал в Лондоне, «протокол» требовал, чтобы заседания Кабинета вёл он. Когда это случалось, заседания Кабинета превращались для присутствующих в сущее наказание – Черчилль демонстрировал незнание множества деталей, он терял нить мысли, замолкал, впадал в прострацию и все в мучительном молчании ждали, когда он сможет продолжить заседание. Лорд Бивербрук, бывший живым воплощением того, что принято понимать под «человеком дела», несколько раз приходил в состояние, близкое к бешенству и даже порывался выйти из Кабинета вообще. В конце концов терпение лопнуло даже и у терпеливого Эттли и он написал для Черчилля нечто вроде памятки, этакую шпаргалку для слабоумного – когда и что говорить, какие вопросы и в какой очерёдности рассматривать, что и кому поручать. Забыть этого унижения Черчилль не смог. Уже после войны, услышав однажды чью-то восторженную оценку Эттли, где, среди прочих достоинств упоминалась и его скромность, Черчилль тут же откликнулся саркастическим «a modest man with plenty to be modest about», что можно перевести как «скромняга, который имеет множество причин быть скромным». «Скромняга поневоле».

Эттли запомнил эти слова.

В 1965 году Черчилль умер. Он был удостоен невиданно пышных похорон. Почтить его память собрались государственные деятели со всего мира, рекорд по количеству политических знаменитостей был побит только в 2005 году на похоронах папы Иоанна Павла II. Над Лондоном прошли в строю шестнадцать истребителей-перехватчиков «Лайтнинг», страна прощалась с Черчиллем салютом из девятнадцати орудийных залпов. При звуках пушечной пальбы встала и выпрямилась королева, вслед за нею встали съехавшиеся президенты, премьер-министры и послы. Встала и застыла в почтительном молчании вся Англия. На трибуне для почётных гостей остался сидеть один человек. Этим человеком был Климент Эттли. На следующий день последовало официальное разъяснение, что он себя плохо почувствовал. Может быть и так, конечно же, может быть и так. Он был немолодым человеком.

Мы все не вечны. Прошло ещё два года и в 1967 году умер и Эттли. Умер человек, сколотивший современное английское государство, умер человек, смогший быть империалистом и социалистом в одно и то же время, умер умелец, словом, умер граф Эттли. Людям свойственно думать, что близость к власти предполагает и неременное обогащение, и действительно, чего ж ради стараться, если не ради себя, «однова живём», людям свойственно мерить всех своею меркой, а у обычного человека и мерка обычная. Кроме графского титула Эттли оставил наследникам и кое-какую недвижимость, вся она, вместе с в очередной раз перестроенным курятником, оценивалась в 7295 фунтов. Сумма была скромна настолько же, насколько был при жизни скромнен и сам умерший. Прах его был захоронен в Вестминстерском Аббатстве, неподалёку от могилы Эрнста Бевина.

Его смерть прошла почти незамеченной, ему не повезло, минуло всего полтора месяца со дня, когда при загадочных обстоятельствах в мир иной отправился

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
куда более знаменитый на тот момент человек – в октябре 1967 года Англия продолжала переживать и пережёвывать подробности смерти менеджера великих Битлз Брайана Эпштейна.

Один только загородный дом менеджера, возведённый в XVIII веке Кингсли Хилл, стоил в три раза дороже, чем дом, который построил Эттл.

Мелочишка

В процессе написания «Монархии & Социализма» у меня скопились кое-какие любопытные факты, по той или иной причине в повествование не вошедшие.

Например, такие:

1. Уоллис Симпсон, в бытность свою в Китае, работая на американскую разведку, умудрилась попасть в поле зрения американской же контрразведки.

Несколько лет назад в США был рассекречен ряд документов, проходивших по ведомству такой серьёзной организации, как ФБР. Напомню, что среди прочего ФБР это ещё и контрразведка. Ну и вот, среди этих документов было и датированное развесёлыми двадцатыми годами донесение некоего агента, трудившегося на разведывательной ниве где-то в районе Китая.

На основании донесения ФБР сделало вывод, что Уоллис «ходила налево», что она «сотрудничала» с разведкой некоей «страны». Страна прямо не указывается, но достаточно прозрачно намекается, что это был СССР. То-есть шустрая миссис Симпсон успела ещё и на ОГПУ нашпионить. До чего ж насыщенной жизнью девушка жила, вот уж действительно всем авантюристам авантюристка.

Это она, уже остепенившаяся, со своим милым герцогом Виндзорским в 1947 году:

2. Среди «русских националистов», находящих возможным в качестве образца, достойного подражания, рассматривать опыт Германии времён Второй Мировой, чрезвычайной популярностью пользуется точка зрения на маршала Маннергейма, как на в высшей степени достойного и благородного человека. Ему ставят в заслугу весьма пассивное ведение Финляндией военных действий в 1941–44 годах. Ларчик, однако, открывается просто – дело вовсе не в финской доброте, а в том, что англичане через дипломатические каналы заявили финской стороне, что они с пониманием относятся к положению, в котором оказалась Финляндия и к тому, что вследствие ГМ, ГМ... скажем так – деликатности своего положения Финляндия вынуждена союзничать с Германией. Англичане даже сказали финнам, что они сквозь пальцы посмотрят на то, что финны будут вести боевые действия на территориях, отторгнутых СССР после Зимней Войны. Однако следом последовала угроза – если финны попытаются выйти за пределы старой советско-финской границы, то «мы будем видеть в вас врага не только сейчас, но и после войны.» После чего финны сидели как мышки. Ещё бы! Неплохо сказано: «В этом случае Великобритания будет рассматривать Финляндию как своего врага не только пока идёт война, но и после окончания войны.» Такое услышишь и поневоле задумаешься.

3. Среди множества книжек, пролистанных мною с той или иной степенью тщательности, была и такая – A World at Arms, Gerhard L. Weinberg, global history of world war II. В своей толстенной книжке товарищ Вайнберг по какой-то причине уделяет непомерно много места делам шпионским, ну и вот, он пишет, ссылаясь на мнение авторитетов в этой области, что если оценивать разведки воевавших стран с точки зрения успешности, то не только самой лучшей (в смысле профессионализма и организации), но и самой успешной была разведка советская. За ней ноздря в ноздю идут англичане и американцы, потом с большим отрывом – немцы, потом с большим отрывом – итальянцы, о которых «эксперты» отзываются с нескрываемым пренебрежением, а в самом низу – японцы. Над японской разведкой все откровенно смеются. Это наводит на следующую мысль – когда государственный обвинитель на сталинских открытых процессах, вполне трезво оценивая истинное место японцев в мировой шпионской иерархии, тем не менее вменял в вину «троцкистско-бухаринской банде диверсантов и убийц» ещё и работу на японскую разведку, то среди

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
прочего это было ещё и утончённым глумлением над поверженным политическим противником. Ну, примерно как сегодня устроить суд над врагом режима и посадить его за воровство «в особо крупных», но не удовлетвориться этим и обвинить его ещё и в шпионаже на Грузию.

4. Все считают дипломатию чем-то невообразимо сложным. И она, да, сложна. Сложна невообразимой сложностью. Но эта сложность сложна вовсе не тем, что дилетанты принимают за сложность. Можно закончить престижнейшее учебное заведение, можно сколь угодно хорошо знать французский язык и как горохом сыпать латинскими цитатами, но при этом быть никудышным дипломатом. Знание исторических прецедентов, fluent french и латынь необходимы референту, помощнику. Секретарю. Тот же Талейран не заморачивался французским, он и так был французом, а знание латыни приличествует аптекарю, а не Киссинджеру. Каждому – своё.

В реальности, встречаясь лицом к лицу, дипломаты простым языком говорят простые вещи. Самым простым языком – простейшие вещи. Они хотят, чтобы их поняли и точно так же они хотят понимать, что говорит другая сторона. Суть обсуждаемого должна быть вылущена.

Вот вам декабрь 1947 года, вот вам два человека, два дипломата – Вячеслав Молотов и Эрнст Бевин, Министр Иностранных Дел СССР и Секретарь по Иностранным Делам Правительства Его Величества. Декабрь 1947 года, визит Молотова в Великобританию, квартира Эрнста Бевина, частная обстановка, они сидят друг против друга, с глазу на глаз. Вот что и вот как они говорят:

– А теперь, мистер Молотов, скажите мне чего вы хотите. Какова ваша цель? Вы хотите оставить Австрию по вашу сторону железного занавеса? Вы не сможете этого сделать. Вы хотите Турцию и проливы? Вы их не получите. Вы хотите Корею? Вы не получите её тоже. Вы вытягиваете свою шею слишком далеко и в один прекрасный день вам оттяпают голову. Вы не должны рассматривать меня как врага России. В конце концов, когда наше правительство пыталось растоптать вашу революцию, о кого оно споткнулось? Об меня, Эрнста Бевина. Я объявил забастовку транспортных рабочих и загрузка кораблей была остановлена. И сейчас я опять разговариваю с вами как друг. Если война между вами и американцами разразится на Востоке, нам, по всей видимости, удастся сохранить нейтралитет. Но если война начнётся на Западе, мы будем на стороне Америки, на этот счёт у вас не должно быть никаких иллюзий. И это будет концом России и вашей революции. Поэтому, пожалуйста, не пытайтесь тянуть шею в этом направлении и скажите мне в чём состоит ваша цель. Чего вы хотите?

– Я хочу объединения Германии, – сказал Молотов.

– Зачем это вам? Вы что, в самом деле верите, что объединённая Германия станет коммунистической? Но они ведь просто притворятся! Они скажут вам все слова, которых вы от них ждёте и повторяют за вами все заученные формулы, но в глубине души они затаят желание дождаться дня, когда они смогут отомстить за Сталинград. Вы знаете это так же хорошо, как и я.

– Да, – сказал Молотов. – Я это знаю. И я по-прежнему хочу единую Германию.

5. Все знают кто такие Махатма Ганди и Джавахарлал Неру. Да и как не знать, попробуй-ка, забудь такое имя как Махатма или Джавахарлал, тут старайся не старайся, но раз услышишь и помнить будешь до гроба, да мало того, всплывут, отфыркиваясь, в памяти нашей товарищи Ганди с Неру, как тут же следом из глубин выныривает и какая-то Индира, хотя её точно никто не звал.

Ганди с Неру были молодцы добры молодцы, даром что с виду задохлики. Они делали всё, что в человеческих силах, чтобы добиться независимости Индии. Ганди, тот, что Махатма, так даже и жизни собственной не пожалел, он сахибов не любил, ох, не любил, так не любил, что даже кушать не мог.

Словом, мир знает Ганди и Неру как отцов-основателей славной Индии, великой и могучей, сильной не только Кама Сутрой, но и рисом басмати, Болливудом и программистами, кропотливо пишущими программы на погибель всему человечеству.

Чем ещё интересны Ганди с Неру? Интересны они вот чем – наше

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
политкорректное время подправило реальность таким образом, что память наша услужливо пристёгивает к их именам невинно убиенную Индиру в то время, как мы должны бы были вспоминать совсем другого человека.

Звали его Субхас Чандра Бос. Чуть менее звучно, чем Джавахарлал, но тоже неплохо. Во времена борьбы за независимость наш Субхас был известен ничуть не менее Махатмы Ганди, а в 1938–1939 годах он даже возглавлял Индийский Национальный Конгресс. Поскольку, в отличие от непротивленца Ганди товарищ Бос был ого-го каким противленцем, то злые англичане (чья злость усиливалась тем незначительным обстоятельством, что шла мировая война) после организованных им в Калькутте массовых беспорядков посадили его сперва на кичу, а потом, после объявленной им голодовки, под домашний арест. В 1941 году шустрый Бос сбежал.

Сбежал он в оживлённое местечко под названием Пешавар. Поскольку пуштуны к индусам относились не очень хорошо и при случае с великим удовольствием порадовали бы англичан если не самим Босом, то его отрезанной головой, то Бос, отравивший для конспирации чёрную пречёрную бороду, для надёжности притворился ещё и немцем. Несмотря на немоту, в Пешаваре он вошёл в контакт с агентами абвера и был теми переправлен в Афганистан, где его передали с рук на руки немецким шпионам, работавшим в дружественном Афганистане под видом археологов. Те посадили Боса на верблюда и мигом домчали его до афгано-советской границы, где всё так же с рук в надёжные руки бережно передали борца за индийскую независимость уже ожидавшими того по советскую сторону границы агентам НКВД.

По СССР Бос путешествовал уже не на дромадере, НКВД это вам не какие-то там археологи, и его на ковре-самолёте отправили в Москву. Там он, зная о вековой борьбе России с Англией за выход к Индийскому океану, выразил желание встретиться с товарищем Сталиным, обещая в случае получения политической поддержки поднять восстание в Индии. В Кремле к предложению пылкого индийца отнеслись прохладно, но зато доставили по адресу, где Бос был встречен с распростёртыми объятиями – в немецкое посольство. Посол Шуленбург тут же, даже не попоив Боса индийским чаем, отправил его на курьерском самолёте спецрейсом в Берлин, а уж там он был немедленно удостоен встречи с Риббентропом.

Англичанам, потерявшим Боса в Индии, что было вообще-то неудивительно, попробуйте-ка найти индуса среди индусов, через агентуру стало известно о его передвижениях и они отдали приказ ликвидировать его на маршруте с тем, чтобы он не смог достичь Германии, но попытки эти не увенчались успехом.

Было всё это в апреле 1941 года.

В Берлине Бос создал и возглавил организацию под оригинальнейшим названием «Свободная Индия» и начал работать на проспонсированной немцами радиостанции «Азад Хинг Радио». Поскольку он ни разу не был непротивленцем и у него руки чесались «заняться делом», то выступления по радио показали ему деятельностью недостаточно радикальной и он основал ещё и военную организацию «Индийский Легион», куда вошли несколько тысяч человек из числа военнопленных индийцев, взятых немцами в Северной Африке. Легион после соответствующей тренировки был включен в войска СС.

К 1943 году у Гитлера появились проблемы, заставившие его потерять интерес к обретению Индией независимости, и Бос решил отправиться на место событий сам, не дожидаясь, пока его Легион в составе Вермахта домарширует через Россию до северной Индии. На борту немецкой подводной лодки он обошёл Мыс Доброй Надежды и в Индийском океане был пересажен на японскую подлодку, которая и доставила его в Сингапур.

Потеря Сингапура была для Англии не только колоссальным геополитическим поражением, но она повлекла за собою и другие очень досадные неприятности. Из взятых в плен индийцев, служивших в британской армии, японцы создали аналог власовской армии у немцев, так называемую Индийскую Национальную Армию. По прибытию в Сингапур Бос был назначен японцами командующим этой армией. Организатором он был неплохим, сказывался многолетний опыт партийной работы и ему удалось реорганизовать не только саму ИНА, но и заручиться всесторонней, в том числе и материальной, поддержкой индийской диаспоры в Юго-Восточной Азии. Численность Индийской Национальной Армии достигала почти 90 тыс. человек. Японцы, правда, не рисковали использовать её против союзников напрямую, но в качестве вспомогательной силы индийцы

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
оказались очень даже кстати.

Однако планы Боса были куда грандиознее, он объявил о создании индийского Временного Правительства в изгнании, он начал даже печатать собственные деньги и почтовые марки. Его правительство было тут же признано известной компанией – Германией, Японией, Италией и примкнувшей к ним Хорватией. Ну и Таиланд с Манчжоу-Го тоже подсуетились. Это было понятно и ожидаемо. Но дело в том, что было и ещё одно государство, чьё признание было для Боса полнейшей неожиданностью, его марионеточное правительство было признано и Москвой. Если Англия прятала в рукаве ножик в виде того же польского правительства в изгнании, то и товарищ Сталин сунул за голенище сапога финку – «правительство Боса». Он тоже хотел иметь на руках пусть и не очень большой, но козырь для послевоенного торга.

Дела Боса пошли хуже, когда начались неприятности для японцев. Те первым делом прекратили финансирование ИНА и Босу пришлось прибегнуть к «реквизициям» на местах, что привело к потере поддержки со стороны лояльной до того индийской диаспоры. Политика политикой, но своя рубашка всегда ближе к телу. Кроме того не оправдались надежды на массовое дезертирство индийских военнослужащих, находившихся в рядах британской армии.

Бос якобы погиб, когда самолёт, на котором он летел в Японию, разбился на территории Тайваня 18 августа 1945 года. Поскольку для индийцев он по-прежнему оставался пусть немного нетрадиционным, но «борцом за свободу», и ему удалось сохранить известную популярность в массах, то уже после войны индийцы несколько раз предпринимали попытки расследовать обстоятельства его смерти. Во время последней, в 2005 году, удалось установить, что никакой самолёт на территории Тайваня в августе 1945 года не разбивался. Что случилось с Босом на самом деле, продолжает оставаться неизвестным. Остаются, правда, ещё и слухи. Согласно им Бос вылетел не в Японию, а в Северный Китай, успешно добрался туда, в Манчжурии сдался наступавшим советским войскам и был отправлен в СССР. Умер он в одном из сибирских лагерей.

Финка не понадобилась. Да после войны её и совать стало некуда, товарищ Сталин снял сапоги и переоделся в маршальский мундир, предмет острой зависти со стороны Черчилля. В Постдаме Черчилль тоже красовался в военной форме, только мундир у него был полковничий. Ну что тут скажешь, труба пониже и дым пожиже.

6. Никогда не следует верить словам.

Правило это верно даже в отношениях между людьми обычными, что уж там говорить о сыплющих словами государственных деятелях.

Верить нужно не ушам, а глазам, верить следует только и только делам.

Ну вот вам та же Англия конца 50-х, третье по счёту подряд консервативное правительство и риторика у него тоже вполне себе консервативная, пропагандистская машина Великобритании со всем присущим длинному и гибкому английскому языку искусством изодрать словом СССР, «международный коммунизм» с его «поползновениями» и, не ограничиваясь этим, проклинаят и собственных, английских, левых вообще и лично руководителей лейбористской партии, в частности. Кампания проклятий как была начата ещё Черчиллем в конце 40-х, так и идёт по нарастающей.

Казалось бы, дай только консерваторам дорваться до власти и они от «социалистических достижений» Эттли не оставят камня на камне. Но это на словах, на словах. А на деле они не только даже и пальцем не тронули построенное социалистами, но и более того, если правительство Эттли, уходя, тратило на социальные нужды нации 13 % национального продукта, то правительство Макмиллана через десять лет пускало на «социалку» уже 19 %. Это относительные цифры, а в абсолютных разрыв был куда более внушителен. Когда Макмиллан по поводу и без как заклинание повторял свою любимую присказку «вы никогда не жили лучше!», он ничуть не грешил против истины.

Под пошлую вербальщину, под крики и проклятия, на деле (НА ДЕЛЕ!) консерваторы давали англичанам социализма больше, чем социалисты.

7. Жил был на свете один человек, американец, звали его Пат Харлей, к мотоциклам он отношения не имел ни малейшего, хотя жизнь носила его по виражам так, что только ветер в ушах свистал. Родился он в конце XIX века на «индейских территориях» и вкус к приключениям впитал с молоком матери. И кем же он только не перебивал! И ковбоем, и шахтёром, и рабочим скотобоен, и частным детективом, и юристом, что в Америке означает почти то же самое, что бандит, а потом, вдруг, с той же лёгкостью, с которой он пересел из седла в конторское кресло, он начал делать стремительную государственную карьеру.

Был он человеком в высшей степени общительным, весельчаком и балагуром, любил выпить и хорошо закусить и не иначе как по причине его бьющего через край жизнелюбия в конце войны генерал Харлей был назначен послом в Китай. Там, в попытке помирить китайских «националистов» с коммунистами, он, отправляясь в «красную цитадель» Енань, не забыл прихватить с собою два ящика шотландского виски, которые ящики были немедленно «уговорены» им в компании с тогдашним коммунистическим триумvirатом в лице Мао, Чжоу Энь-ляя и Джу Дэ. Повод для веселья был вполне себе подходящий – очередная годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции. (Если это кого-то заинтересует, то самолёт Харлея встречал американский резидент Дэвид Барретт, натянувший поверх американского полковничьего мундира китайский синий халат и упомытая мною тройца – Мао, Чжоу и Джу, они, перебрасываясь шутками с Харлеем, захватили его и прямо с аэродрома повезли отмечать Октябрьские праздники на правительственном лимузине, представлявшем из себя дребезжащий и на скорую руку переделанный под «представительские функции» автомобиль скорой помощи.)

Ну ладно, как там говорится? «Ближе к делу, шире круг»? Перейдём от скорой помощи к делу. До того, как отправиться пить виски с китайскими товарищами, генерал Харлей в годы войны был назначен на пост ответственный и щекотливый одновременно, он был «спецпосланником» президента Рузвельта при дворе товарища Сталина. Весельчак, знавший толк не только в «выпить и закусить», но и в застольной беседе, не мог не привлечь внимания Сталина и они с Харлеем часто обменивались шутками. Одним из любимых присловий генерала было «what the hell goes on here?» («что, чёрт возьми, здесь происходит?») Сталин, ни слова не знавший по-английски, запомнил эту фразу на слух. Запомнил и заботливо уложил на полочку в своей памяти. У рачительных людей ничего не пропадает.

Во время Тегеранской конференции Сталин частенько запаздывал к началу переговоров, делая это, конечно же, специально, с тем, чтобы если не позлить, то раззадорить «друзей-соперников», ну и вот, в один из дней, ожидая Сталина, Рузвельт и Черчилль, доверительно склонившись друг к другу, о чём-то тихо, вполголоса «сами с собою» разговаривали, не замечая неожиданно появившегося в дверях Сталина. Тот, мгновенно оценив ситуацию, громко произнёс: «what the hell goes on here?!»

Сказать, что Черчилль и Рузвельт друг от друга отскочили будет, конечно же, преувеличением, Рузвельт скакать не мог, но то, что они от неожиданности друг от друга отпрянули, это точно. Под их сверлящими взглядами, в воцарившейся напряжённой тишине Сталин, сохраняя невозмутимый вид, прошёл к своему месту, неторопливо сел, сделал характерный жест рукой и ЧЕРЕЗ ПЕРЕВОДЧИКА предложил приступить к повестке дня.

Это называется дипломатией.

8. В понедельник, который был понедельником, случившимся 26 февраля 1945 года, журнал «Тайм» опубликовал посвящённую завершившейся двумя неделями раньше ялтинской конференции статью под названием «The Yalta Doctrine».

Статья очень интересная, желающие узнать как оно всё было в далёком 1945, кто и что там стоил и стоил ли вообще хоть что-нибудь, кто и какие цели преследовал, могут ознакомиться с текстом на сайте журнала «Тайм», но я хотел бы остановиться не на геополитике и не на играх государств между собой, статья привлекла моё внимание играми не государств, а людей.

Начинается статья фразой – «No doubt about it – the Russians were changing» («Нет никаких сомнений – русские стали другими.») Сказано неплохо. Что да, то да, в 1945 русские стали другими, их изменила война, и стали русские другими потому, что другой стала Россия. Россия как победитель и русские

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
как победители. Ну, или можно сказать так – Россия победила потому, что победили русские, а русские превратились в победителей потому, что победила Россия.

С тегеранской встречи в верхах пролилось много крови и утекло много воды, прошло два года и за это время изменилось очень многое, претерпел изменения и словарный запас первых лиц. Товарищ Сталин, который остался доволен впечатлением, произведённым в Тегеране на Черчилля и Рузвельта ввёрнутой им к случаю английской фразой, расширил свой лексикон. Теперь в нём появились такие выражения, как «So what?» и «The toilet is over there!»

Для того, чтобы автор статьи в американском журнале упомянул об этом, он должен был сперва услышать, как эти фразы звучат в устах Сталина, так что сомнений в том, что тот пускал их в ход, нет.

Представить себе Иосифа Виссарионовича, с лёгким пожатием плеч и с неизбывным акцентом говорящего по-английски: «Ну и что?», мы можем легко. Эти слова могли быть им произнесены множество раз по самым разным поводам. Но представление представлению рознь и теперь попробуйте-ка представить себе момент переговоров, когда Сталин, прищурившись, со снисходительной полуулыбкой, указывая направление движением головы, говорит растерявшемуся и лихорадочно подыскивающему ответ на что-то сказанное раньше собеседнику: «Туалет – > во-о-он там!»

Какой психологический выигрыш!

9. Ну, и в завершение вернёмся в последний раз к героям весьма поучительного в своей сентиментальности сериала «Монархия и социализм». Бывшему Эдварду VIII, после отречения известному миру как герцог Виндзорский, в послевоенные годы было запрещено вернуться в Англию. Во избежание, так сказать. Мало ли чего... Лишь дважды ему было разрешено нанести туда краткий визит. Оба раза по весьма уважительной причине. Он побывал на двух похоронах. Матери и брата. В конце концов того требовали приличия.

Немаловажным будет упомянуть, что герцог Виндзорский получал нечто вроде содержания – десять тысяч фунтов в год. Сумма очень внушительная, напомним, что в те годы автомобиль стоил 500–600 фунтов. Ну и вот, когда умер Георг VI, никто иной, как милая Уоллис подбила Эдварда немедленно отправиться в Лондон с тем, чтобы лично засвидетельствовать свою скорбь и выразить соболезнования вдове и дочерям умершего короля. Уоллис полагала, что это позволит как-то наладить отношения между членами монаршего семейства и герцог с ней немедленно согласился.

Разрешение на визит в Англию было дано и аудиенция состоялась, да и как ей было не состояться, брат же всё-таки, не чужой человек. Дядя, деверь, племянницы, невестка. Все дела. Траур. Богатые, поди, тоже плачут. Дело только было в том, что жена Георга, Елизавета, которая после его смерти тут же из просто королевы превратилась в Королеву Мать, Эдварда не любила. «Не любила» это мягко сказано. Она его очень не любила. Очень-очень. По мнению врачей болезнь Георга (у него был рак) стала следствием нескончаемого стресса, в котором он вынужден был пребывать последние лет десять своей жизни. Так вот Елизавета считала первопричиной, источником стресса отречение Эдварда, и не только так считала, но даже и не находила нужным этого скрывать. Следует сказать, что Елизавета Георга любила, любила по-настоящему, не как королева короля, а как женщина мужчину, что в королевских браках является отнюдь не правилом, а редчайшим исключением, в общем, в свете вышеизложенного можно сказать, что она Эдварда с его Уоллис просто напросто ненавидела. Ну, а если кого-то ненавидит мать, то и отношение дочерей к объекту ненависти хочешь не хочешь, а как-то да меняется. Девочками дочери Георга Елизавета и Маргарэт дядю любили, но стоило им повзрослеть и вникнуть в суть проблемы, как отношение их к дядюшке претерпело вполне по-человечески понятные изменения.

Ну и вот, когда Эдварда подвели к ставшей после смерти отца королевой («Король умер, да здравствует Королева!») Елизавете, то не успел он витиевато выразить свою скорбь, как двадцатипятилетняя королева, перебивая его, сказала, что он отныне не будет получать свои десять тысяч фунтов, к которым он уже успел привыкнуть и воспринимал эти деньги, как что-то вроде пенсии. У бедняги глаза вылезли на лоб, но Елизавета тут же спокойно ему всё и разъяснила – оказывается эти деньги были не из государственной казны, а рассматривались покойным Георгом как его личный подарок брату. Теперь же – «нет короля, нет и подарка.»

Это было тем, что по-английски очень точно называется «a slap in the face», русский аналог «оплеуха» звучит не так сочно. Эдвард, с трудом скрывая

Монархия и социализм. Г. Александров filosoff.org
охватившие его чувства, раскланялся и пошёл прочь. В дверях он, не
удержавшись, произнёс достаточно громко, чтобы быть услышанным: «Cold
blooded bitches!»

«Холодные стервы!»

Холодные? Не знаю, не знаю. По-моему, поступок вполне себе женский и
свидетельствует о чём угодно, но только не о холодности чувств. Но как,
однако, хорошо сказано – «нет короля, нет и подарка!» Какая многослойная,
многосмысловая фраза. Коротко, ясно и обо всём сразу.

«Нет короля, нет и подарка.»

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!